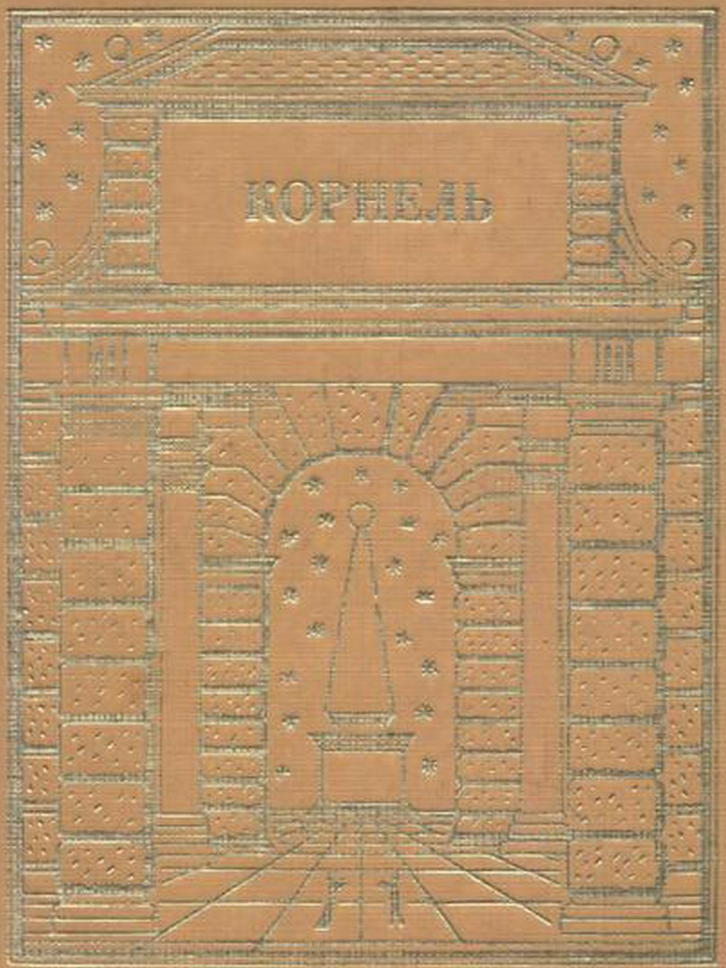

КОРНЕЛЬ

Театр. Том 1
Пьер Корнель

Аннотация
ПЬЕР КОРНЕЛЬ. ТЕАТР. ТОМ 1
КОМПАНЬОНКА
  ПОСЛАНИЕ
  ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
  ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
  ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
  РАЗБОР «КОМПАНЬОНКИ»
КОРОЛЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ
  ГОСПОДИНУ ***
  ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
  ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
  ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
  ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
  РАЗБОР «КОРОЛЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ»
ИЛЛЮЗИЯ
  К МАДЕМУАЗЕЛЬ М. Ф. Д. Р.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
РАЗБОР «ИЛЛЮЗИИ»
СИД
ГОСПОЖЕ ГЕРЦОГИНЕ Д’ЭГИЙОН
ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
РАЗБОР «СИДА»
ГОРАЦИЙ
МОНСЕНЬОРУ КАРДИНАЛУ ГЕРЦОГУ ДЕ РИШЕЛЬЕ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

РАЗБОР «ГОРАЦИЯ»
ЦИННА
Г-НУ ДЕ МОНТОРОНУ
SENECA. LIB. I. DE CLEMENTIA, CAP. IX
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
РАЗБОР «ЦИННЫ»
ПОЛИЕВКТ
КОРОЛЕВЕ-РЕГЕНТШЕ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МУЧЕНИЧЕСТВА СВЯТОГО ПОЛИЕВКТА, ОПИСАННОГО СИМЕОНОМ МЕТАФРАСТОМ И ДОШЕДШЕГО ДО НАС В ПЕРЕДАЧЕ СУРИЯ
РАЗБОР «ПОЛИЕВКТА»
КОММЕНТАРИЙ

Аннотация

В первый том двухтомника великого французского писателя вошли «Компаньонка», «Королевская площадь», «Иллюзия», «Сид», «Гораций», «Цинна», «Полиевкт». Большинство произведений переведены заново.

ПЬЕР КОРНЕЛЬ
ТЕАТР
ТОМ 1

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1984
ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
Редактор переводов И. М. ЛЮБИМОВ
Составление, статья и комментарий А. Д. МИХАЙЛОВА

Художник С. М. БАРХИН

КОМПАНЬОНКА

КОМЕДИЯ

{1}

Перевод Мих. Донского

{1} Комментарии: 2.1

«КОМПАНЬОНКА»

(«LA SUIVANTE»)

Премьера «Компаньонки» состоялась либо в конце 1633-го, либо в начале 1634 г. в только что организованном при содействии кардинала Ришелье театре «Маре». Руководил театром актер и режиссер Мондори (сценический псевдоним Гильома Дежильбера; 1594–1651). Успеха комедия не имела.

Отдельным изданием «Компаньонка» вышла в сентябре 1637 г. у парижского печатника и книгопродавца Огюстена Курбе.

КОМПАНЬОНКА

ПОСЛАНИЕ

Милостивый государь!{2}

Представляю Вам комедию, которая не получила единодушного одобрения знатоков; у многих из них, ценителей весьма тонких, она не снискала шумных похвал; многие другие поставили ее ниже прочих моих писаний. Что до меня, то я выслушиваю чужие мнения, извлекая пользу из добрых советов, от кого бы они ни исходили. Развивая сюжет, я, в меру своих способностей, всегда стараюсь сделать это как можно лучше; затем, исправив те непростительные оплошности, на которые мне указывают, я представляю сочинение публике. Если меня постигла неудача, пусть кто-нибудь другой добьется большего успеха; я сочиню в его честь хвалебную оду вместо того, чтобы критиковать. У каждого своя метода; чужих я не порочу, но придерживаюсь своей собственной: доныне я был ею вполне удовлетворен; случись, что она мне разонравится, я буду искать

{2} Комментарии: 2.2

К стр. 4

Милостивый государь! — Это посвящение, как полагают, не имеет конкретного адресата. Оно написано для отдельного издания комедии, в 1637 г., в пору особенно острых споров о «Сиде».

иную. Тем, кто устремляется на представления моих пьес, я чрезвычайно признателен; тем же, кто их не одобряет, лучше избавить себя от головной боли: они и денег не потратят понапрасну, и мне доставят удовольствие. В сих материях суждения независимы, а вкусы разнообразны. Мне случалось видеть, как люди весьма здравомыслящие приходили в восторг от таких пассажей в пьесе, которые я бы вымарал; мне также известны сочинители, снискавшие на театре шумный успех благодаря употреблению приемов, коих я в своих сочинениях избегаю. Им кажется, что правота на их стороне, мне — что на моей; кто из нас заблуждается, решить не легко. Философы утверждают, что все — кроме догматов веры и основных аксиом — спорно. Они зачастую берутся отстаивать в диспуте любой, на выбор, тезис — про или контра, что свидетельствует о совершенстве человеческого разума, умеющего найти доводы в пользу чего угодно, или, вернее, о его слабости, раз он не в состоянии найти доводы достаточно убедительные, чтобы их нельзя было опровергнуть. Следственно, чему тут удивляться, если критики неверно толкуют твои стихи или превратно понимают выведенные тобою характеры? «Пусть мне укажут, — говорит де

Монтень[{3}] *в книге первой, главе XXXVI, — на самое прекрасное и бескорыстное деяние, и я найду полсотни способов объяснить его нечистыми побуждениями». Беспристрастный читатель и сам опознает лицевую сторону медали. Коль скоро он нам в какой-то мере обязан за старания его развлечь, то, отважусь заметить, и ему бы следовало оказать нам милость: разве не было бы с его стороны неблагодарностью, если бы он не искал с большим тщанием доводы за нас, нежели против? Если бы он не употребил гибкость своего ума скорее на то, чтобы затушевать и оправдать истинные наши промахи, нежели на то, чтобы изыскивать несуществующие? Мы многое прощаем древним; порой в их творениях мы восхищаемся такими вещами, которых не допустили бы в своих; неудачное мы называем загадочным, ошибки прикрываем ярлыком «поэ-*

{3} Комментарии: 2.3
К стр. 5
...говорит де Монтень... — Корнель ссылается на «Опыты» Монтеня.

тической вольности». Высокоученый Скалигер{4} нашел погрешности у всех латинских авторов, люди менее образованные могли бы заметить довольно ошибок и у греков, да и в самом Вергилии, алтарь которому он воздвиг на презрении к прочим поэтам. Судите же сами, насколько смешны были бы мы в своей гордыне, полагая, что справедливому критику не к чему придраться в наших сочинениях, тогда как даже труды гениев древности не могут выдержать строгого испытания. Я не мнил, что выпустил в свет совершенное творение, и не надеюсь, что мне это когда-либо удастся; тем не менее я стараюсь делать все от меня зависящее, чтобы приблизиться к совершенству, а самый громкий успех других сочинителей лишь подстрекает меня к благородному соревнованию и заставляет удвоить усилия, дабы удостоиться подобной же хвалы:

Я не завидую, коль окружен почетом
Не я, а мой собрат: хоть и стремлюсь

{4} Комментарии: 2.4

Скалигер, Жюль-Сезар (1484–1558) — французский теоретик литературы, итальянец по происхождению. Он был автором ряда трактатов, в том числе «Поэтики» (1561), в которой, исходя из рационалистического понимания искусства, обосновал правило о трех единствах в драматическом произведении. С точки зрения своей нормативной поэтики Скалигер просмотрел произведения древнеримских классиков и обнаружил у них «ошибки».

к высотам,

Но незачем чужой мне принижать успех.

О слава — ты пример бездонного колодца:

Чем больше черпаем, тем больше остается,

Ты можешь напоить живой водою всех.

Что до «Компаньонки», посвящаемой мною Вам, то она относится к разряду пьес, где уместен слог скорее безыскусный, нежели возвышенный. Комедия строится на обманах и уловках; страсти же вторгаются в нее лишь невзначай. Правила, установленные древними, в ней свято соблюдены. К единому действию сходятся все нити; место его ограничено пространством сцены, а время не выходит за пределы продолжительности спектакля, если исключить час обеда, приходящийся на первый антракт. Соблюдена даже непрерывная связь явлений, что, впрочем, служит лишь к украшению, но не предписано правилами; и если Вы возьмете на себя труд счесть количество стихотворных строк, то убедитесь,

что в каждом действии их равное число.{5} Из этого отнюдь не следует, что я и впредь собираюсь ставить себе столь же строгие условия. Мне по душе подчиняться правилам, однако я не являюсь их рабом и расширяю или сужаю поставленные рамки соответственно потребностям сюжета, а иной раз и ломаю их без малейших угрызений, когда они замедляют развитие действия, когда суровые ограничения находятся в решительном, на мой взгляд, противоречии с изяществом описываемого эпизода. Быть знатоком правил и владеть секретом искусного их применения на театре наших дней — это две совсем разные науки; пожалуй, сейчас для написания удачной пьесы отнюдь не достаточно досконального изучения трудов Аристотеля и Горация. Я надеюсь впоследствии потолковать об этом более подробно и показать, по каким причинам авторам былых времен удавалось, не нарушая правдоподобия, наделять даром речи и зверей, и даже предметы неживые. Впрочем, я держусь

{5} Комментарии: 2.5

К стр. 6

...в каждом действии их равное число. — Действительно, в каждом действии «Компаньонки» по 340 стихотворных строк.

взглядов Теренция.{6} *Коль скоро мы сочиняем для сцены, то первейшая наша цель — доставлять удовольствие двору и публике и привлекать в театр зрителей. Необходимо по возможности не отклоняться от правил, дабы не вызвать неудовольствия знатоков, а следственно, снискать всеобщее одобрение, но важнее всего завоевать публику. В противном случае — если пьеса, в которой нам удалось соблюсти все правила, будет освистана — знатоки не отважутся защитить нас и скорее предпочтут заявить, что правила нами дурно истолкованы, чем решатся восхвалять нас вопреки единодушному неодобрению людей, смотрящих комедии только ради удовольствия.*

Остаюсь, милостивый государь,
покорнейшим Вашим слугою.
Корнель.

{6} Комментарии: 2.6

…я держусь взглядов Теренция. — Корнель имеет в виду следующие слова из пролога к комедии древнеримского драматурга II в. до н. э. Теренция «Девушка с Андроса» (ст. 1–3):

«Почувствовавши к творчеству влечение,
Поэт одну задачу положил себе,
Чтоб нравились его созданья публике».

(Перевод А. В. Артюшкова)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЖЕРАСТ
отец Дафны
ПОЛЕМОН
дядя Кларимона
ФЛОРАМ
ФЕАНТ
молодой человек, влюбленный в Дафну
КЛАРИМОН
молодой человек, влюбленный в Дафну
ДАМОН
друг Флорама и Феанта
ДАФНА
АМАРАНТА
компаньонка Дафны
СЕЛИЯ
соседка и поверенная Жераста
КЛЕОН
слуга Дамона

Действие происходит в Париже.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дамон, Феант.

Дамон.

Я, друг Феант, себе все голову ломаю,
Но тактики твоей совсем не понимаю:
Влюбленный бы не мог, — уж ты меня прости, —
С возлюбленной своей приятеля свести.
Быть может, охладев, рвать не решаясь прямо,
Ты ждешь, чтоб на разрыв твоя решилась дама?

Феант.

Да, в Амаранту был я пламенно влюблен.
Но голову ломать не надо, друг Дамон,
В моих намереньях ты разобрался тонко.
Влюблен! Но кто она? Всего лишь ком-

паньонка.

Желаешь, — мой порок насмешкой уязви,

Но честолюбие во мне сильней любви.

Как быть? Тебе, мой друг, я искренне отвечу,

Что, чувство подавив, теперь я выше мечу.

Бедняжка мне мила, но я решил уже,

Что помыслы к ее направлю госпоже.

Я рад, любезный друг, что посвящен в мой план ты.

Однако ж острое чутье у Амаранты:

Поняв, что я хочу любовный сбросить гнет,

Она, как бы дразня, ну так ко мне и льнет;

Чуть только появлюсь — без умолку щебечет

И взгляды жаркие в меня, как стрелы, мечет;

Все время начеку: не удается мне

Остаться с Дафною никак наедине —

Не то чтобы на час, но даже на минутку.

Вчера полувсерьез сказала, полу- в шутку:

«Мои поклонники, — вам, сударь, не в укор, —

Должны поддерживать со мною разговор,

Ослушников же я не глажу по головке».

Дамон.

И порешил тогда прибегнуть ты к уловке…

Да!.. Свет не видывал такого хитреца!

Феант.

Имей терпение, дослушай до конца.

Ты знаешь моего приятеля Флорама.

Об истинной любви толкует он упрямо,

Что это — глупость, блажь. Приволокнуться — да!

Тут, что и говорить, он мастер хоть куда.

На днях он хвастался, вступив со мной

в беседу,

Что женщинам над ним не одержать победу,

Что хороши, мол, все, но нету ни одной,

Какую бы назвать он захотел женой.

«Флорам, — я говорю, — найти бы мог изъян ты

У каждой женщины, но не у Амаранты».

«Ну что ж, — он возразил, — попробуем, Феант,

Не ценишь, вижу я, ты редкий мой талант.

Когда его пущу я в дело хоть отчасти,

Ты будешь ревновать, она — сгорать от страсти».

Я высказал свои сомненья на сей счет,

Он раззадорился: «Попробуем!», «Идет!».

Введенный мною в дом, мое он принял бремя

И с компаньонкою свое проводит время,

Которое я сам иначе провожу:

Растрачиваю весь свой пыл на госпожу.

Дамон.

Что ж Амаранта? Ей приятно или больно?

Феант.

Дивлюсь, но, кажется, она вполне довольна.

То ль потому, что я с ней слишком мягок был,

А он ей властною своей повадкой мил,

То ль из тщеславного решила интересу

Поймать и приручить отпетого повесу,

Но хитрость удалась. Ведь прежде было так:

Не смел я отойти от милой ни на шаг;

Теперь все иначе: свершеньем важным самым

Ей кажется триумф над ветреным Флорамом,

Всем сердцем отдалась сей сладостной борьбе —

И предоставлен я отныне сам себе.

Дамон.

Смотри, Феант, чтоб ты обманут не был другом,

Флорам и ты — одним болеете недугом:

Лелеет он, увы, такие же мечты,

На Дафну устремил он жадный взор, как ты.

А то, что он теперь воркует с компаньонкой,

Является, поверь, политикою тонкой:

Втирается, ведет издалека подкоп,

Коль скоро цитадель взять трудно штурмом, в лоб.

Он ценит красоту, а деньги наипаче.

Он столь же родовит, но Дафна побогаче.

И если только их соединит судьба,

Он сможет подновить блеск своего герба.

Средств мало у него, а честолюбья много,

Жениться с выгодой — одна пред ним дорога.

Все это мне открыл он под секретом сам.

Так пораскинь, — на что нацелился Флорам.

Феант.

Да, получил Флорам блестящую возможность.

Но, выболтав свой план, свершил неосторожность.

Дамон.

Поверь, я свято бы хранил чужой секрет,

Когда б не действовал Флорам тебе во вред.

Феант.

У нас свиданье здесь. Нет у меня охоты

Флораму возвещать, что предал мне его ты.

Иди!

Дамон.

Я — за тебя! Прощай.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Феант один.

Феант.

О злобный рок!

Выходит, что я сам сопернику помог.

Глупец же ты, Феант! Сам угодил в капкан ты,

Поставленный хитро тобой для Амаранты.

Ты думал, что тебе окажет помощь друг,

Но лакомый кусок он рвет из твоих рук!

А впрочем — пусть его любовь иль зависть гложет,

Ведь объясниться-то он с Дафною не может:

С ним Амаранта — раз, а я при Дафне — два!

Ну как он ей шепнет любовные слова?

Ему не одолеть такой двойной прегра-

ды.

Лишь разве томные бросать он может взгляды...

Но для чего слова? И взгляды говорят!

Все может выразить красноречивый взгляд.

Не привыкать ему, такому сердцееду.

Они уже ведут безмолвную беседу,

Обмениваются признаньями в любви!..

Воображение! Мне душу не трави!

Любовь рождает рой ревнивых подозрений,

Пред любящим встают порою злые тени.

И часто, здравому уму наперекор,

Почесть за истину он может сущий вздор.

Допустим, он влюблен, — что ж, Дафна так прелестна!

Но влюблена ль она? Вот это неизвестно.

Его понять легко: увидел — полюбил;

Но чем бы мог он ей внушить ответ-

ный пыл?

Такой ее каприз никем бы не был понят:

Флорама вознеся, он Дафну лишь уронит.

Простак! Что говорю? И горько и смешно!

Бывает разве страсть с рассудком заодно?

И что я на него накинулся так яро?

Ну, пусть я доказал, что ей Флорам не пара.

А я? Мы с ним равны. И чувства мои к ней

Не благородней, чем его, и не стыдней:

Иль не про нас, увы, прелестная особа,

Иль право на нее мы с ним имеем оба;

Коль смею я питать надежды, — смеет он,

Нельзя мечтать ему, — я тоже обречен.

Ага, вот и Флорам.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Феант, Флорам.

Феант.

Ты опоздал, однако.

Флорам.

И то. Спешил сюда так точно, как собака

К хлысту хозяина, как арестант в тюрьму.

Феант.

Ты шутишь?

Флорам.

Да ничуть.

Феант.

Ты, вижу по всему,

Хваленое свое утратил хладнокровье?

Флорам.

Увы! До сей поры высмеивал любовь я.

Интрижки заводить случалось сотни раз;

Я таял и вздыхал, но лишь скрывалась с глаз

Красотка — будь она хоть краше всех на свете —

Как тут же забывал я о своем предмете

И, дома своего перешагнув порог,

Был вновь — сам по себе, свободен, одинок.

Спокойно и легко. И никому в угоду

Не стал бы я менять любовную методу.

Но с Амарантой все не так, как я привык, —

Нет, не из тех она, кого забудешь вмиг!

Впервые сердце в плен красою женской взято.

Я с ней не расстаюсь до самого заката,

Да и тогда вполне расстаться с ней невмочь:

Она, одна она мне грезится всю ночь,

Во сне, как наяву, и слышима и зрима.

Наполнен ею ум и сердце одержимо.

Послушай-ка, Феант, освободи меня,

Иначе... Сердце-то мое не из кремня!

При том, что изменить я другу не намерен,

Боюсь — не устою.

Феант.

Зато я в ней уверен.

Пусть даже влюбишься в нее ты без ума,

Она с тобой легко управится сама;

Я ж позлорадствую, не прогневись, мой милый,

Когда окажется, что зря ты тратил силы.

Пока же ты не все испробовал, изволь

По-прежнему играть условленную роль.

Холодный сердцеед! Размякнешь ты как тесто

В ее руках, — тогда свое займу я место.

Ты ранен; должен быть сражен ты наповал.

Флорам.

Такой жестокости от друга я не ждал!

Смотри, как бы тебя за кровожадность эту

Суровая судьба не призвала к ответу.

Вдруг на любимую твою найдет каприз...

Феант.

Что ж, продолжай борьбу за драгоценный приз.

И если победишь в сражении любовном,

Лишь самого себя признаю я виновным,

Не стану упрекать соперника ни в чем.

А муки ревности мне будут поделом.

Флорам.

Нет, лучше откажусь от дерзостной попытки, —

Оставить не хочу тебя, мой друг, в убытке.

Сдаюсь. Я побежден. Я проиграл. Ты рад?

Свое сокровище ты можешь взять назад.

Поссорить любящих, чье чувство безупречно?

На что я посягнул! За что взялся беспечно!

Феант! Я совершил кощунство, признаю,

Исправить следует ошибку мне свою.

Труд предприму теперь для вас необходимый:

Чтоб мог беседовать ты без помех с любимой,

Чтоб неразлучными вы с нею быть могли,

Я с Дафной буду сам гулять от вас вдали.

Феант.

Не затрудняйся, друг, нужды в том нет нимало:

Нам Дафна никогда доселе не мешала,

Она, сочувствуя, не против наших встреч.

Да может и одна она себя развлечь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Феант, Флорам, Амаранта.

Феант *(Амаранте, тихо).*

Надеюсь, что ты мне поможешь, Амаранта,
И против этого зазнавшегося франта
Все чары пустишь в ход. Он хочет ускользнуть.

Амаранта *(тихо).*

Не бойся за меня: управлюсь как-нибудь.

Феант *(тихо).*

На карту, знай, твое поставлено искусство.

Амаранта *(тихо).*

Оставь нас. Приведу его я мигом в чувство.

(Вслух.)

А Дафна ждет в саду.

Флорам.

Вас разлучить? Так, вдруг?

Готов я заменить тебя при ней, мой друг.

Феант уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Флорам, Амаранта.

Амаранта.

Нет, нет, не надобно удерживать Феанта.

Ведь в сердце у него лишь я. Лишь Амаранта

На веки вечные запечатлелась в нем.

А я теперь уже мечтаю о другом:

Вы за ужасного слывете сердцееда,

А честь столь велика, когда трудна победа.

Флорам.

Какая же вам честь в страданиях моих?

Амаранта.

Они дороже мне, чем вздохи всех дру-

гих.

Флорам.

Про холодность мою пустые ходят сплетни.

Но связан узами я дружбы многолетней.

Амаранта.

Когда б я разожгла в вас настоящий пыл,

То путы эти бы он вмиг испепелил.

Флорам.

Ах, путы разорвать готов мой дух мятежный,

Но, изменив, могу ль мечтать о страсти нежной?

Амаранта.

Никак бы не могла изменой это счесть,

Отважься вы меня впрямь другу предпочесть.

Флорам.

Когда б я льстил себя надеждой эфемерной

На то, что пробудит в вас чувство друг неверный!

О, если б зыбкую лелеял я мечту,

Что, дружбу осквернив, любовь приобрету!

Ах нет! Я ваш слуга, ваш раб, я в вашей власти,

Но недоступна мне мысль об ответной страсти.

Феант!.. (О, для чего друзья мы с ним? К чему?)

Я сердце отдал вам, а вы свое — ему!

Надежды нет, зато страдания — в избытке.

Увольте же меня от бесконечной пытки!

Увы! Когда нет прав, — есть право на уход.

Амаранта.

У вас надежды нет? Вам ваша скромность лжет!

Платить поклоннику не собираюсь дань я

За то, что раньше всех он сделал мне признанья.

Не безразлично ли — кто раньше, кто поздней?

Вот какова у них любовь? Все дело в ней.

Хочу сравнить их ум, их внешность, их повадку

И не обязана влюбляться — по порядку.

Флорам.

Смущен я, право. Что на это возражу?

Амаранта.

А может, на мою решили госпожу

Вы устремить свой взор?

Признайтесь откровенно.

Флорам.

О, что вы...

Амаранта.

Да, да, да! Конечно! Несомненно!

Поищемте ее: она сейчас в саду.

(В сторону.)

Жди! Так тебя я к ней сейчас и приведу!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дафна, Феант.

Дафна.

Вот как, бегут от нас! Откуда столько прыти?

Не говорила ли я вам, Феант: смотрите,

Утратить можете вы Амаранту, — вдруг

Ей вскружит голову блистательный ваш друг?

Не пожалеть бы вам о собственном просчете:

Что вы посеяли, то ныне и пожнете.

Феант.

Я с Амарантою достаточно знаком

И не страшусь: я в ней уверен, как ни в

ком.

Она ведь попросту смеется над Флорамом,

Над приторным его словесным фимиамом.

Дафна.

Она не ветрена, но полагаю так,

Что можете, Феант, вы здесь попасть впросак.

Она горда; вы к ней ослабили вниманье,

За этот грех на вас наложат наказанье.

А сверх того всегда нас манит новизна.

Не мните, что по гроб вам милая верна.

Все любовалась я на вас: «Какая пара!»

А вот теперь гляжу — в ней нет былого жара.

Кокетство может вдруг преобразиться в страсть,

И как бы вам, Феант, потом себя не клясть!

Чтоб не утратить вам навеки Ама-

ранту,

Медоточивому балованному франту

Я встречу предложу — поговорю с ним час

И выведаю все. Уж потружусь для вас.

Феант.

Честь слишком высока для слишком скромной цели.

Коль ей прогулки с ним еще не надоели,

Коль время попусту не жаль терять ему,

То против этих встреч я мер не предприму:

Пусть всячески себе он набивает цену.

Все кончится в тот миг, как выйду я на сцену.

Мы непохожи с ним. Кого избрать из нас —

Ей скажет тонкий вкус, ей скажет острый глаз.

Дафна.

Вы полагаете? Я с вами несогласна:

Соперничество с ним вам может быть опасно.

Нет, обаяния он вовсе не лишен.

Будь на него похож противный Кларимон,

На брак согласье б я дала, не протестуя.

Феант.

Флорам вам незнаком.

Дафна.

По внешности сужу я.

Феант.

Каков бы ни был он, почетен слишком труд —

Беседой занимать вас...

Дафна.

Тсс!.. Они идут.

Как видно, весело ей с краснобаем рьяным.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дафна, Феант, Флорам, Амаранта.

Феант.

Я жду тебя, мой друг: откланяться пора нам.
Уже обеденный наступит скоро час,
И нужно милых дам освободить от нас.

Дафна.

Уже уходите?

Феант.

Со вздохом сожаленья:
Ведь есть, увы, предел у вашего терпенья.

Флорам.

Простите, если мы не угодили вам, —
Лишь время позднее нас гонит по домам.

Дафна.

Но, мнится, заключить могу я с пол-

ным правом:

С предметом ваших чувств разлука не легка вам.

Феант и Флорам уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дафна, Амаранта.

Дафна.

Ну вот, Флорам сражен, — не сводит с милой глаз.

Должна предупредить: Феант ревнует вас

К приятелю: ведь вы с Флорамом неразлучны,

А любящим всегда соперники докучны.

Я только что его испытывала: он

До крайности такой помехой удручен,

Хотя старается не показать вам виду.

Дабы влюбленному не нанести обиду,

Вам лучше избегать опасных этих встреч,

С Флорамом полностью свидания пресечь.

Примите искренний совет мой, Амаранта,

Иначе — как бы вам не потерять Феанта.

Амаранта.

Вот удивительно! Меня просил он сам

Об одолжении. Мол, друг его Флорам

Недавно пожелал свести со мной знакомство.

Но это неспроста, я чую вероломство:

Не столь уж пламенно Феант в меня влюблен

И, правду говоря, повыше метит он.

Ради прекрасных глаз стараться — толку мало.

Любил бы он сильней, когда б не состояла

Я в услужении, не обеднел мой род:

Ведь если денег нет, — все прочее не в счет.

Короче говоря, все ясно и ребенку:

Сменить на госпожу он хочет компаньонку.

Дафна.

Вы полагаете? Сменить на госпожу?
Куда вознесся он! За дерзость — накажу.

Амаранта.

Зла не хочу ему. Ведь, совершив измену,
Он пожалел меня и предложил замену.
Что ж, положительным мне кажется Флорам,
В нем суетности нет. Есть верность.

Дафна.

Полно вам!
Все это, милочка, лишь плод воображенья.
Ревнует вас Феант, отсюда — охлажденье.
Утешьтесь. До него мне, право, дела нет,
Лишь вас жалеючи, я вам дала совет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Амаранта одна.

Амаранта.

Понятно дураку, сударыня, вы сами
Теперь погружены в мечтанья о Флораме.
Про якобы его мне верность я словцо
Ввернула, — и вся кровь ей бросилась в лицо.
Она старалась скрыть, но мне-то очевидно,
Сколь наше каждое свиданье ей завидно.
И если сходит кто от ревности с ума,
То это не Феант — о нет, она сама!
Что ж, не удивлена. Давно, к своей досаде,
Смогла я распознать в ее пытливом взгляде,
Который вдруг метнуть случалось ей тайком,
В расспросах — блещет ли мой кавалер

умом

И в сожалениях — как жаль, что небогат он,

Рождающийся пыл! Он слишком худо спрятан.

Флорама раскусить мне было не трудней:

Он хочет до смерти уединиться с ней.

Лишь отвернусь на миг, — он будет мной потерян.

О стыд! К чему любить, коль друг не будет верен?

Учтивые слова с его слетают уст,

Но сердцем — знаю я — он холоден и пуст.

Зачем люблю?.. Увы! Любовь непобедима.

Ее удары — в цель, мои удары — мимо.

Но буду каждую отстаивать я пядь,

И пусть мою мечту попробуют отнять!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жераст, Селия.

Селия.

Да, да, похлопочу. Но только в ваши годы
Не радости сулит женитьба, а невзгоды.
Девицы холодны к столь зрелым женихам,
Подчас такой союз не брак, а стыд и срам.
Мужья живут в плену ревнивых подозрений,
Стыдятся слабости, боятся каждой тени,
Дрожат от шороха, все время начеку,
А польза от того кому? Гробовщику.

Жераст.

Что ж, Селия, считай, что не в своем

уме я,

Но, видно, мне судьба стать жертвой Гименея.

Ступай и расскажи красавице моей

О пламенной любви. Сули что хочешь ей.

Польсти, скажи, что я охвачен страстью жгучей,

Что не представится ей в жизни лучший случай,

Скажи, что буду ей служить как верный раб,

Что если, постарев, здоровьем я ослаб,

Зато весьма окреп, усилился в богатстве.

Пусть требует — ни в чем не будет ей препятствий.

Селия.

Как вы стараетесь! А для чего, — бог весть.

Сумею и без вас с три короба наплесть.

Жераст.

Лишь помоги добыть Флоризу мне в

супруги

И убедишься в том, что я ценю услуги.

Скажи, что был я встарь на шалости горазд,

Да и теперь еще…

Селия.

Ах, господин Жераст!

Довольно! Будет все по вашему капризу:

Я поняла, что вам вынь да положь Флоризу.

Уж вы доверьтесь мне.

Жераст.

Ну вот, давно бы так.

Небось любовные страданья не пустяк.

Селия.

Я вижу, кажется, Флоризиного братца,

Сейчас попробую с ним в деле разобраться.

Жераст.

И ухнет тотчас все как раз в тартарары!

Тут надо начинать не с брата, а с сестры.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Флорам один.

Флорам.

Ее любовь мне горше яду!
Как эти путы мне стряхнуть?
Как мне преодолеть преграду,
Что пресекает к счастью путь?
В ней истинную страсть зажег мой пыл притворный,
И ляжет на меня пятно измены черной.
Ты, Амаранта, чью любовь
Я ненавидеть начинаю,
Мне докучаешь вновь и вновь,
Докуке нет конца и краю.
Пойми: мне холодно близ твоего огня;
Мне жаль тебя, — пойми и разлюби меня.

Мечтаю быть с другою рядом,
Но слишком беден мой итог:
Всего одним обласкан взглядом,
Всего два вздоха подстерег.
О, сколь мучительна мне эта жизнь двойная:
С тобою говорю, о Дафне помышляя.
Я притворялся, что влюблен,
Но укорять меня не надо:
Кто без заслуги награжден,
Тому не дорога награда.
Ты, Амаранта, мне открыла к Дафне дверь,
Так не дивись, что стал я холоден теперь.
Феант, возьми ее обратно,
Возможность дай иных мне встреч!
Ответь, ужели непонятно,
Что Дафну — не тебе увлечь?
Всесильный Купидон! Мне возврати свободу,
И Дафне я ее отдам — тебе в угоду.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Флорам, Амаранта.

Амаранта.

Не ожидала вновь я нынче встретить вас.

Флорам.

Причина столь ясна: то — чары ваших глаз.

Амаранта.

Нет, не мои глаза! О нет, совсем другое.

Флорам.

Иль не от ваших глаз лишился я покоя?

Амаранта.

Вы беспокоитесь затем, что жаль минут,

Растраченных со мной: есть благодарней труд.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Флорам, Амаранта, Дафна.

Дафна.

Вы, Амаранта, здесь? Взгляните, — в галерее
Как там обойщики? Хотелось бы скорее.
Мастеровые спят, когда присмотра нет.
Ступайте.

Амаранта уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Флорам, Дафна.

Дафна.

Прервала любовный ваш дуэт?

Флорам.

Любовь? О нет, отнюдь! Лишь капля сожаленья.
И вмиг затмило все мне ваше появленье.

Дафна.

Сколь ваша с ней любовь взаимная мила!

Нет, ваше солнце вам затмить я не могла.

Не верю на слово, уж так и быть, простите:

Вы не бесчувственны, вы попросту мне льстите.

Флорам.

Напрасно видите в моих словах вы лесть.

А что до чувств моих, то знайте — чувство есть.

Я истинно люблю, пылаю я и стражду,

Но из того ручья не утолить мне жажду.

Дафна.

Кого ж вы любите? Секрет?

Флорам.

О, мне смешон

Простак, скрывающий от всех, в кого

влюблен,

Молчун, который ждет, что за свои он вздохи

Получит от судьбы какие-нибудь крохи.

Иль истинная страсть позорит нас? Ничуть!

Не должно прятать чувств, что наполняют грудь.

Свою избранницу я назову вам смело.

И сердцем и душой принадлежу всецело

Я…

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Амаранта.

Амаранта *(внезапно возвращается).*

У обойщиков закончено почти.

Дафна.

Сумели, вижу я, вы к ним подход найти.

Амаранта.

Кончают. Почему ж мне к вам не воз-

вратиться?

Дафна.

Однако тут свежо, и можно простудиться.

Побеспокоить вас придется, как ни жаль:

Подняться попрошу и принести мне шаль.

Как помнится, лежат ключи от шифоньера

На подзеркальнике.

Амаранта уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Флорам, Дафна.

Дафна.

Вам ясно? Эта мера

Предпринята затем, чтоб отослать ее:

Бедняжке трудно скрыть волнение свое.

Флорам.

Волнение? Увы! Но, как я ни горюю,

Бессилен ей помочь: ведь я люблю другую.

Моя любимая — она, как вы, знатна,

Настолько же, как вы, прекрасна и умна,

Чтоб восхвалять ее, я слишком нищ словами,

И сравнивать ее нельзя ни с кем — лишь с вами.

Чувств пламенных своих и нежных не тая,

Скажу вам коротко, что это...

Дафна.

Это я.

Вы шутите, — вот мне за любопытство кара.

Такого, признаюсь, я не ждала удара,

Помягче бы могли вы поступить со мной,

Не заставлять краснеть, а дать ответ иной,

Не столь насмешливый, на мой вопрос

нескромный;

Могли бы дать ответ уклончивый и темный

Иль промолчать. Но вы назвали, мне в упрек,

Ту, облик чей досель ничем вас не привлек.

Флорам.

Сударыня! Для вас добыча столь ничтожна,

Что вам в такой триумф поверить невозможно.

Стыдитесь, вижу я, победы вы своей.

Что сердце вам мое? Не жалок ли трофей?

Иль так в своих мечтах вознесся высоко я,

Что посягательство вам кажется такое

Немыслимым? Но пусть хотя бы целый свет

Восстал против меня, клянусь…

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Амаранта.

Амаранта *(внезапно возвращается).*

Ключей там нет.

Дафна.

И вы мне принесли взамен нарядной шали

Косынку старую?.. Так вот об этом бале.

Того же мнения и я: отличный бал.

И ваш знакомец там недурно танцевал.

Флорам.

Пожалуй, лучше всех.

Дафна.

Тому была причина:

Хотел, чтобы его заметила Кларина.

(Амаранте.)

Да, кстати, память у Кларины коротка:

Пообещала мне два кружевных платка,
И — нет! Сходите к ней, уж будьте так любезны.

Амаранта.

Охотно. Но мои старанья бесполезны:
Кларина делает визиты с часу дня.

Дафна.

Ах, полно, милая, смешите вы меня:
Вовек не подавал ей кучер экипажа
Без опоздания, — лентяй! Но если даже
Вы прогуляетесь напрасно — не беда:
Не на краю земли она живет.

Амаранта.

О да!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Флорам, Дафна.

Флорам.

Теперь вы знаете о пылкой моей страсти.

Приказывайте! Я отныне в вашей власти.

Дафна.

Но Амаранта в вас безумно влюблена,
И нас на краткий срок оставила она.
Могла бы новое ей дать я порученье,
Но лучше попусту не тратить ни мгновенья.
Итак, без лишних слов: я поняла, Флорам, —
Вы любите меня. Одно отвечу вам:
Есть у меня отец, решает он. Девица
Не может собственной судьбой распорядиться.

Флорам.

Но подадите ли надежду мне?

Дафна.

Сейчас
Моя ревнивица вернется, и у нас
Прибавится хлопот. Вам удалиться надо.

Флорам.

Покинуть вас, моя любовь, моя отрада?

Но как бы ни страдал вдали от вас Флорам,

Его первейший долг — повиноваться вам.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Дафна одна.

Дафна.

Такая страстная во взгляде этом сила,

Что сдержанность свою я чуть не позабыла,

Он сердце сразу же мое воспламенил.

Я не могла никак умерить, скрыть свой пыл

И, убоясь себя, поняв, что дело худо,

Решила удалить любимого отсюда.

Мне страшно! Трепещу в любовных я сетях;

Страшнее же всего, что мой заметен страх.

Тяжка обычаем предписанная скромность:

Когда должны скрывать мы чувства неуемность,

Когда поговорить нельзя с любимым всласть,

Еще неистовей бушует в сердце страсть!

Люблю тебя, Флорам! Люблю, люблю безумно!

Отвергнуть я хочу беспечно и бездумно

Ту мысль, что будто бы не пара мы с тобой

И что необщий путь назначен нам судьбой!

Да, неравны: ведь ты во всем меня богаче,

Хоть низкие душой и думают иначе.

Как я надеяться хочу, что наконец

К такому мнению придет и мой отец!..

Напрасная мечта! Глядим мы слишком розно,

А старикам менять свои воззренья поздно,

И тот, кто дорог мне, ему не будет мил.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Дафна, Амаранта.

Амаранта.

Я говорила вам: ее и след простыл.

Дафна.

Я жду вас полчаса. Пропали вы куда-то.

Амаранта.

Как! Я пропала? Я? Опять я виновата?
Будь крылья у меня — слетала бы скорей.

Дафна.

Флорам уж так скучал о душеньке своей,
Так ждал, — и не могла ничем его развлечь я.

Амаранта.

Ужель не оценил он ваше красноречье?
Не верю! Человек столь тонкого ума,

Конечно, должен быть чувствителен весьма

К душе отзывчивой и щедрой на порывы.

Дафна.

И к той, где пышет страсть и пыл кипит ревнивый.

Амаранта.

Ревнивый? Просто мне, по правде говоря,

Милей о пустяках болтать, чем бегать зря.

Дафна.

Не потому ли вы так бегали проворно,

Что ревность вас гнала? О, для меня бесспорно,

Что вы влюбились!

Амаранта.

Я? Влюбилась? Да ничуть!

Вам в пику? Как могла на это я дерзнуть?

Вот если болтовня его вам надоела,

То я...

Дафна.

А если нет?

Амаранта.

Тогда — другое дело,

Тогда придется мне сказать ему «прости»:

Мне тяжбу против вас бессмысленно вести.

Чуть только у меня поклонник заведется,

Как тут же с ним вступить в знакомство вам неймется:

Занятно с молодым мужниной поболтать;

И вот уже — он ваш, а я ни с чем опять.

Феант был — отняли. Приемом тем же самым

Хотите разлучить теперь меня с Флорамом.

И если будете со мною всякий раз

Так поступать, то как мне жить то-

гда у вас?

Дафна.

Гнев заставляет вас утратить чувство меры.

Вы мните, что нужны мне ваши кавалеры?

Как вы обидчивы! Какой нелепый бред!

Мне отнимать у вас поклонников? О нет!

А кстати — вот ваш друг. Не бойтесь, Амаранта,

Не стану притязать на общество Феанта.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Амаранта, Феант.

Феант.

Как видишь, я один. Не смог прийти Флорам:

Задержан он одной из многих своих дам.

Мне жаль, что свел тебя я с малым

непутевым,

Но что поделаешь? Теперь я связан словом.

Как рад я, что могу хоть несколько минут

Любимой уделить — пока нас не прервут.

Амаранта.

Спасибо. И могу добавить без утайки,

Что отклик встретил ты в душе моей хозяйки:

Ушла, чтоб не мешать идиллии.

Феант.

Вот как?

Ушла! И нет тому причин других?

Амаранта.

Чудак!

Конечно, есть. Изволь, тебе скажу я прямо,

Что не хотелось ей вновь повстречать Флорама.

Феант.

Флорама?

Амаранта.

Да. Представь, что этот краснобай
Был с полчаса назад — как будто невзначай.
Пытался госпожу развлечь каким-то вздором,
Что, впрочем, для него закончилось позором.
Уж так он пыжился, так лез из кожи вон,
Что стал ей попросту противен и смешон.
Ушла она по той единственной причине,
Что ты в ее глазах возвысился отныне
До крайности; она, твой ум и вкус ценя,
Быть рада лишь с тобой — да жалко ей меня.
А мне Флорама жаль.

Феант.

Нежданная развязка!

Ужель и вправду он с ней потерпел фиаско?

Амаранта.

Разочарована и я, признаться, в нем:

Болтает без конца, однако — ни о чем.

Не обещай тебе помочь в столь важном деле,

Минуты б не была я с этим пустомелей.

Феант.

При том, что от тебя весь день он ни на шаг,

Я все же, милый друг, в тебе уверен так

И душу чувствую в тебе я столь родную,

Что, право же, ничуть к Флораму не ревную.

Амаранта.

Как можно ревновать, когда он мне смешон?

Самовлюбленный хлыщ, скучнейший пустозвон.

Вот навести меня могло б на подозренье

Твое с красавицей времяпрепровожденье;

И что же — спросишь ты — ревную я? Ничуть!

То значило б любовь и веру пошатнуть.

Моей любви к тебе нет меры, нет предела.

Положим, Дафна бы увлечь тебя сумела,

И ты бы (говорю я это не в упрек)

На чувства нежные ее ответить мог, —

Вмиг рушились бы все преграды, будь спокоен:

Блистательной судьбы кто, как не ты, достоин?

Дай бог, чтоб ты успел воспламенить в ней страсть,

И должен зрелый плод к ногам твоим упасть.

А я тебя люблю настолько бескорыстно,

Что жертвы приносить готова днесь и присно.

Феант.

Благодарю. Дай бог, чтоб выпало тебе

Такой же испытать переворот в судьбе!

Допустим, принцем стал Флорам, пустой повеса,

И в жены взял тебя. Тогда ты кто? Принцесса!

Я будущим твоим настолько дорожу,

Что, как ни больно мне, крик боли я сдержу;

Да, счастью твоему я радуюсь заране,

Хотя бы и зачах позднее от страданий.

Амаранта.

Сколь благороден ты, возвышен сколь в речах!

Но чтоб из-за меня мой милый друг зачах?

А, вот Дамон!

Феант.

Спешит — с каким-то делом явно.

Амаранта.

Я ухожу.

Феант.

Постой! Мы так болтали славно.
Он может подождать…

Амаранта уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Дамон, Феант.

Феант.

Уф, уф!.. Спасибо, друг,
Что вырвал ты меня из этих цепких рук.

Дамон.

Вот как? Давно ль, Феант, ты млел от пылкой страсти?

Феант.

Я и теперь еще люблю ее… отчасти.
Но честолюбие предписывает мне
Любовные мечты оставить в стороне.

Пусть чувства в глубине души не ослабели, —

Я ими жертвую во имя высшей цели.

Соперник же... О нем я, хоть не без труда,

Узнал...

Дамон.

Что?

Феант.

Что он мне не причинит вреда.

Досель я был лишен душевного покоя,

Но получил сейчас известие такое...

Флорам с ней говорил.

Дамон.

С кем?

Феант.

С Дафной. И она

Не стала с ним хитрить. Он получил сполна.

Дамон.

Что получил?

Феант.

Как — что? Полнейшее презренье.

Дамон.

Признаюсь, друг, что я повергнут в изумленье.

Да верно ли?

Феант.

Узнал от Амаранты.

Дамон.

Вздор!

Мне странно: так, Феант, умен ты и остер,

А тут попал впросак. Ох, эта компаньонка!

Сбить со следа тебя она сумела тонко.

Ей поручения давались без конца,

Чтоб Дафне без помех внимать речам льстеца.

Флорам — он только что навстречу мне попался, —

От счастья сам не свой. Он ей в любви признался,

Красотка слушала; а тут, мол, как всегда:

Раз не сказала «нет», то это значит «да».

Боюсь, как бы он впрямь не преуспел: девица

Сама дала ему возможность объясниться.

Чуть зазеваешься, — все сладится у них,

И можешь поздравлять: невеста и жених.

Не будем тратить слов, тут нужно делать дело.

Дружище, можешь мной располагать всецело!

Феант.

Как оттеснить его? Столь щекотлив предмет,

Что спор с соперником мне самому во вред.

Бессмысленно искать решение в дуэ-

ли:{7}

Любой ее исход достичь не даст мне цели.

Ну, подеремся мы, — один падет в бою,

Другой умчится вдаль, спасая жизнь свою,

А в выигрыше кто? Конечно, кто-то третий.

Нет, храбростью узлы не разрубают эти,

Но можно хитростью их развязать...

Дамон.

Постой!

Феант.

Придумал?

Дамон.

Афоризм понравился мне твой:

Где двое ссорятся, выигрывает третий.

{7} Комментарии: 2.7

К стр. 35

Бессмысленно искать решение в дуэли... — В то время правительством кардинала Ришелье были решительно запрещены дуэли, их участники сурово преследовались. Ссылки на эти преследования встречаются и в других комедиях Корнеля.

Припомни то, над чем давно смеются в свете:

Взирает с нежностью на Дафну Кларимон.

А если этот приз вдруг завоюет он?

Феант.

Ты шутишь! Кто другой, но — Кларимон несчастный?

Дамон.

Ты прав, он для тебя соперник не опасный.

Но если бы Флорам дуэль затеял с ним,

Вот нам бы на руку! Обоих устраним.

Феант.

Ты веришь — на дуэль мы подобьем Флорама?

Дамон.

С известной ловкостью, и действуя не прямо.

Тут ревность послужить нам может рычагом:

Влюбленный слеп, когда соперники кру-

гом.

Порой малейший вздор так разозлит беднягу,

Что он в беспамятстве хватается за шпагу.

Доверься мне, — смогу я лбами их столкнуть,

И поединок их тебе расчистит путь.

Феант.

А вдруг он изберет тебя как секунданта?

Дамон.

Пустое!.. Впрочем, я за моего Феанта

(Я это говорю не ради красных слов),

Коль будет надобность, и жизнь отдать готов.

Феант.

И я бы для тебя был счастлив сделать то же.

Как жизнь ни дорога, но дружба нам дороже!

Дамон.

За дело! Говорить о чувствах недосуг.

Феант.

Бывал ли на земле столь образцовый друг?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Флорам, Селия.

Флорам.

Флоризе грезился жених куда приятней,
Но выйти может ли сестра из воли братней?

Селия.

Ах, доля девичья была б не так тяжка,
Когда б нашел ей брат другого женишка:
Страсть стариковская — не радость, а досада.

Флорам.

А что поделаешь? Страдать кому-то надо.
Флориза счастлива пожертвовать собой,
Дабы я одержал победу над судьбой.
Жерасту скажешь ты: ни под каким,

мол, видом

Флоризу милую я за него не выдам,

Пока он не отдаст мне Дафну, дочь свою.

И если думает расширить он семью, —

Пусть примет нас двоих, но не поодиночке:

Рука сестры идет в обмен на руку дочки.

Селия.

Да согласится ли она пойти за вас?

Флорам.

От Дафны, верю я, мне не грозит отказ,

Отец уговорит — ведь это дело чести.

Что до меня, — берусь понравиться невесте.

Вот и она! Но с ней — докучный Кларимон.

Мешать ему сейчас мне, право, не резон.

Соперника не грех бояться, но такого ль?

Оставлю их вдвоем — пусть надоест ей вдоволь.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дафна, Кларимон.

Кларимон.

Доколе будете меня вы отвергать?

Дафна.

Пока мне будете любовью докучать.

Кларимон.

Вновь ледяной прием, и что ни день — то хуже.

Дафна.

Остынет ваша страсть — не ощутите стужи.

Кларимон.

Но как преодолеть мое влеченье к вам?

Дафна.

Но как отвадить мне того, кто так упрям?

Кларимон.

Как не упрямиться, когда вы столь прекрасны?

Дафна.

Как вас не гнать, когда уйти вы не согласны?

Кларимон.

Но мне покинуть вас не позволяет страсть.

Дафна.

Иль не признали вы мою над вами власть?

Кларимон.

Все — кроме одного — исполню повеленья.

Дафна.

Уж если исполнять, то все без исключенья.

Кларимон.

Но, кроме этого, любой другой приказ…

Дафна.

Нельзя вам доверять, — я испытала вас.

Кларимон.

Вы мучите меня, жестоко, хладнокровно.

Дафна.

Уж если слушаться, — тогда беспрекословно.

Кларимон.

Ужель вас Купидон всесильный не смягчит?

Дафна.

Не всякая стрела мой пробивает щит.

Кларимон.

Лик ангельский у вас, но ваше сердце — камень.

Дафна.

Оно тем холодней, чем горячей ваш пламень.

Кларимон.

Откуда этот хлад? И чем я вам

немил?

Дафна.

А чем я вам мила? Откуда этот пыл?

Кларимон.

Ах, Дафна, видеть вас — нет выше наслажденья.

Дафна.

Вас видеть, Кларимон, — нет горшего мученья.

Кларимон.

Вам радость, чтобы я терзался каждый день.

Дафна.

Вам радость, чтоб меня преследовать, как тень.

Кларимон.

Преследовать? Да я готов в огонь и в воду…

Дафна.

Я с вами — как в тюрьме, а жажду — на свободу.

Кларимон.

Увы! Ужели мой недуг неисцелим?

Дафна.

Коль поумнеете, то распроститесь с ним.

Кларимон.

Противно ль разуму, что я пою вам славу?

Дафна.

Противно ль разуму, что мне вы не по нраву?

Кларимон.

Не вправе ли питать надежду человек?

Дафна.

Надежду? Нет! Я вас не полюблю вовек.

Кларимон.

Напрасно, стало быть, я здесь теряю время?

Дафна.

Точь-в-точь как я, влача беседы с вами

бремя.

Кларимон.

Ужель разжалобить мне вас не удалось?

Дафна.

И жить и умереть вполне мы можем врозь.

Кларимон.

Но мне без вас не жить. Уж сразу бы на плаху!

Дафна.

Ну что ж, мир вашему, как говорится, праху.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кларимон один.

Кларимон.

Отвергнут! Почему я так не нравлюсь ей?

А я ее люблю день ото дня сильней.

Как уживаются два разных свойства рядом?

Устами гонит прочь, притягивая взглядом.

Мне этот тяжкий груз никак не сбросить с плеч:

И разлюбить невмочь, и страсть в ней не разжечь.

И, словно бы любовь рождать способна злобу,

Я обожаньем злю прелестную особу:

В ответ на страсть мою в ней ненависть растет,

Чем пламень горячей, тем нерушимей лед.

Страдаю, сетую, но — сетуй ли, не сетуй —

Не в силах справиться я сам с бедою этой.

Я голову склонил пред волею судьбы:

Бороться бы и рад, но слаб я для борьбы...

Нет, кажется, пора покончить с этой мукой, —

Я исцелю себя бессрочною разлукой.

Прощай, жестокая! Бегу! Прочь навсегда

От этих дивных глаз... От моего стыда!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кларимон, Амаранта.

Амаранта.

Эй, сударь!.. Стойте же!.. По вашему я виду

Сужу, что нанесли вам горькую обиду.

Не огорчила ли моя вас госпожа?

Кларимон.

Ах, Амаранта! Я зарезан без ножа.

Уж если скорбь и гнев так искажают лица,

То что — вообрази — в людских сердцах творится!

Амаранта.

Была, быть может, чуть похолодней, а вы

Уж сразу и пришли в отчаянье.

Кларимон.

Увы!

Скажи — зачем я жду? Моей сердечной язве

Нет исцеления. Не благородней разве —

Напрягшись, рабские оковы разорвать,

Чем в жалобах пустых лишь сердце растравлять?

Амаранта.

Я недостаточно еще знакома с вами.

Язык способны ли держать вы за зубами?

Смерть как хотелось бы утешить вас… Но нет,

Вы не сумеете не разболтать секрет.

Кларимон.

Поверь мне, я клянусь… А вот залог. Постой-ка!..

(Хочет снять с пальца алмазный перстень.)

Амаранта.

Нет, сударь! Я гляжу, вы действуете

бойко, —

И на смиренников порой находит стих.

Я на дары не льщусь. О нет, не из таких!

Кларимон.

Позволь…

Амаранта.

Нет, говорю. Ну хорошо, я верю.

Узнайте: рано вам оплакивать потерю.

Вы удивляетесь, что Дафна к вам строга,

Пуститься, вижу я, надумали в бега.

Напрасно. Мой совет — переменить методу.

Тем холодней она, чем больше ей в угоду

Стараетесь. Взялись вы не с того конца:

Не дочку следует обхаживать, — отца!

Утешьтесь же: ее суровость — напускная;

Так держится она, отцовский норов зная.

Возьмитесь, говорю, теперь за старика,

И дело выгорит у нас наверняка.

Отец представит вас. Примерная девица

В его избранника не смеет не влюбиться.

И в мненье общества возвысится притом:

Хоть, мол, жених нелюб, не спорила с отцом.

Тут глупость или ум — считайте как хотите,

Но нет иных причин у этих всех событий.

Кларимон.

Как знать, мне добрый ли ты подаешь совет?

Амаранта.

Конечно, вы вольны мне верить или нет,

Но только я с людьми лукавить не умею.

Да мне ль не знать? Ведь я едва рассталась с нею.

Поймите: начали вы не с того конца,

Не дочку следует обхаживать, — отца.

Кларимон.

Прельщаешь ты меня надеждой эфемерной.

Амаранта.

Рискните. Я вам путь указываю верный.

Посватайтесь! Клянусь, отказ вам не грозит.

Кларимон.

А если все-таки отказ? Вот будет стыд!

Я лучше обращусь к посредничеству дяди.

Амаранта.

Пусть так, но поскорей, чтобы не быть в накладе!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Амаранта одна.

Амаранта.

Иным так хочется желаемое счесть
Возможным, что они легко клюют на лесть.
Тщеславен Кларимон и легковерен крайне:
Поверил, что она в него влюбилась втайне,
А насмехается затем, чтобы отец
Не догадался, кто ей мил. Какой глупец!
Поверил чепухе — и на седьмом он небе.
Теперь счастливый свой он превозносит жребий,
И кажется ему (я в этом присягну),
Что не осмеян он, — обласкан. Ну и ну!..
Зависит главное от моего таланта,
Но если бы чуть-чуть везенья...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Амаранта, Жераст.

Жераст.

Амаранта!

Амаранта.

Ах, сударь!

Жераст.

Напугал? Да нет, наверняка
Вы заприметили меня издалека,
И Кларимон от вас — чуть не бегом. А? Верно?
Поклонник-то у вас пугливый, точно серна.

Амаранта.

Поклонник? О, ему не пара я совсем!

Жераст.

Он так взволнован был!

Амаранта.

А вам известно, чем?

Жераст.

Не заводил ли речь касательно женитьбы?

Амаранта.

Да.

Жераст.

Если так, то вам весь свет не насмешить бы:

Болтал ведь не всерьез, а для отвода глаз.

Он на опасный путь заманивает вас.

Амаранта.

Вам, людям пожилым, не угодишь — все плохо!

Везде-то ищете обмана и подвоха.

Жераст.

Об искренней любви и говорить смешно,

Когда нет равенства.

Амаранта.

Хоть горько, но умно.

Что ж, раз на то пошло, скажу вам без утайки:

Шла речь не обо мне, а о моей хозяйке.

После того как с ним рассталась ваша дочь,

Стал Кларимон просить: нельзя ль ему помочь.

Жераст.

Ну, ежели нужна ему твоя подмога,

То, значит, он влюблен, но ею встречен строго.

Амаранта.

Нет, меж событьями тут посложнее связь.

В сердцах у них любовь взаимная зажглась,

Но Дафна (девушки не знаю я примерней)

Превыше, чем любовь, свой ставит долг дочерний

И, пылко чувствуя, наружно холодна,

Лишь мне одной сейчас доверилась она.

Бедняга Кларимон прибег к моей за-

щите.

Ну что могла ему ответить я, скажите?

Пусть, мол, надеется; еще, мол, не конец.

Жераст.

Однако же моя дочурка — молодец!

Так, так! Родителям повиноваться надо.

За послушание должна ей быть награда.

Я мог бы повидней сыскать ей жениха,

Но он со средствами, семья — что ж, не плоха.

Не злоупотреблю своей отцовской властью,

Чинить препятствия не стану ее счастью.

Амаранта.

Но вам не вытянуть из Дафны ни словца;

Ей стыдно, что она без ведома отца

Влюбилась. Спросите — и отопрется

сразу.

Нет, пощадите дочь: прибегните к приказу.

А как поженятся, — на следующий день

Сотрет она с лица притворной скорби тень.

Чу! Заскрипела дверь. Кто это? Не она ли?

Неужто слышала? Вот не было печали!

(Уходит в сад.)

Жераст.

Она старается для госпожи — и что ж?

Боится встретиться с ней. Ну и молодежь!

Не разберешься в них — все фокусы, капризы…

Но где же Селия? Как там насчет Флоризы?

Однако нужно мне для дочери сперва

Найти какие-то утешные слова.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Жераст, Дафна.

Жераст.

Не надо скрытничать, дитя мое. Случайно

Отцу сердечная твоя открылась тайна.

Да, да, я знаю все. И не сержусь. Отнюдь!

Ну не красней. Неплох твой выбор — вот в чем суть.

Ты благонравная, разумная девица.

Теперь с возлюбленным ты можешь объясниться.

Отец надеялся, — ну что таить греха, —

Почище отыскать для дочки жениха,

Но все ж избранник твой... Его происхожденье

И добронравие внушают уваженье.

Поладим, стало быть, мы с ним. В конце концов,

Отец твой, право же, не худший из отцов.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дафна одна.

Дафна.

Что слышу? Этот день я в памяти отмечу:

Отец идет моим желаниям навстречу.

Казалось счастье мне мечтой. И вдруг — он сам…

Мне позволяется тебя любить, Флорам!

На искреннюю страсть могу ответить смело

И чувству своему довериться всецело.

Твои достоинства сумел он распознать,

И ты, хоть не богат, ему желанный зять.

Он взгляды изменил и полагает тоже,

Что добродетели мирских богатств

дороже.

О, как я счастлива! Захватывает дух!..

А вдруг солгали мне и зрение и слух?

Вдруг это сон? О нет! Твое происхожденье

И добронравие внушают уваженье.

Да, да, Флорам, он прав. Лишь встретилась с тобой,

Как сердце екнуло: ты послан мне судьбой.

Боялась о тебе отцу сказать я слово,

Но понял он меня...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Дафна, Флорам.

Дафна.

Как! Вы явились снова?

Мне помнится — уйти я попросила вас.

Флорам.

И я немедленно исполнил ваш приказ.

Дафна.

Но возвратились вновь, явив непослу-

шанье.

Флорам.

Есть моему греху одно лишь оправданье:
Столь преданна моя, столь пламенна любовь,
Что не сумел я к вам не возвратиться вновь.

Дафна.

Преувеличивать свои не стоит чувства.
Мне ваше ведомо словесное искусство.
Я верю, — любите; но как бы невзначай
Вам не перехватить в восторгах через край.

Флорам.

О нет! Я, видимо, оратор неспособный,
Коль мнится страсть моя вам неправдоподобной.
Столь чувства моего безмерна глубина,
Что, как ни меряйте, вы не найдете

дна.

Хотел бы я любовь ответную измерить.

Дафна.

А вы не верите?

Флорам.

Но лучше знать, чем верить.

Дафна.

Чтец мыслей — так о вас твердили до сих пор, —

Иль недостаточно красноречив мой взор?

Но если вкус у вас явился к многословью,

То знайте: вашею я тронута любовью.

Теперь я говорю свободней, чем тогда,

Без осторожности — исчезла в ней нужда

Затем, что с батюшкой я нынче объяснилась.

Он хочет вас в зятья, — мне даже и не снилось!

Флорам.

Растерян!.. Удивлен!.. И счастлив, наконец!

Я Дафною любим! Согласье дал отец!

Любви препятствий нет!.. Я не пойму, откуда

Свалилось на меня столь радостное чудо?

Дафна.

Не Амаранта ли устроила его?

Наверно, батюшку старалась моего

Настроить против нас ревнивая плутовка;

Ан нет, ревнивице не помогла уловка:

Родитель добрый мой преподал ей урок.

Открыть ему секрет никто другой не мог.

Флорам.

Чту доброту его и чту ее таланты;

Но если б он секрет узнал от Амаранты,

Хорошего для нас не вышло б ничего.

На помощь некое пришло нам божество.

Дафна.

Ну, значит — Купидон.

Флорам.

Своей верховной властью
Он нам открыл врата к безоблачному счастью,
Избавил от тенет завистливой вражды,
И скоро сможем мы любви вкусить плоды.

Дафна.

Флорам и мой отец — я дорога обоим!
Чего желать? Душа обласкана покоем.

Флорам.

Я первым назван был, — позвольте же в ответ
Любви и верности произнести обет.

Дафна.

Но должно первому любить и чтить

второго,

Того, кто разрешил, чтоб я дала вам слово.

Флорам.

А компаньонка пусть выслеживает нас,

Не помешает нам ее недобрый глаз.

Не нужно более ни вспоминать о шали,

Ни перескакивать на разговор о бале.

Дафна.

Боюсь, что не смогу скрыть радости своей;

Не то я тоже бы сыграла шутку с ней.

Скажи пожалуйста, — нам помешать хотела!

Флорам.

Вот шельма!.. Как ни жаль, но у меня есть дело

Столь важное для нас, что я спешу домой.

Дафна.

У нас одна душа отныне, милый мой,

Одни желания! И если так вам надо,

Ступайте, пусть мне жизнь без вас не жизнь — досада.

Скажите, долго ли я тосковать должна?

Флорам.

Лишь час, не более.

Дафна.

Я жду. Вот и она!

Флорам уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Дафна, Амаранта.

Дафна.

Вы, милая моя, отменная шутница.

Взгрустнулось вам, и вы решили порезвиться.

Терзаясь ревностью, вы думали весь день,

Какую бы избрать для шуточек мишень,

И выбрали меня. Мне даже лестно это,

Что удостоилась я вашего навета.

Однако, торопясь дать пищу для молвы,

Чуть-чуть события опередили вы.

Амаранта.

Какой такой навет? Да как бы я посмела…

Дафна.

Вы притворяетесь — и очень неумело.

Ну, шутки в сторону. Известно мне, о чем

Был тайный разговор у вас с моим отцом.

Я оставалась здесь с Флорамом две минуты,

И — здравствуйте! — они на добрый час раздуты.

Влюбились, дескать, мы друг в дружку без ума!

Вы больше знаете, чем знаю я сама.

Что ж, для ревнивых глаз все явственней, заметней.

Но доносить отцу? Но сеять в доме

сплетни?

Амаранта.

Отец мог до всего дойти своим умом.

Не знаю, только я тут вовсе ни при чем.

Сказать об этаком пустейшем волоките,

Что он избранник ваш, — кощунство, как хотите.

Нет, если б так и впрямь случилось — экий стыд! —

Известно мне, кто я и что мне долг велит.

Дафна.

Какая преданность! Довольно лицедейства.

Так вы задумали внести раздор в семейство?

Отец разгневался; велел, чтобы Флорам

Не появлялся здесь. Ну вот — ни мне, ни вам.

Хотелось вам меня не подпускать к

Флораму,

А подвели себя. Не рой другому яму!..

Он был здесь, и ему сказала я сейчас,

Что должен выполнять он батюшкин приказ.

О, вы доставили себе двойную радость —

И рассердив отца, и дочке сделав гадость.

Однако ваша цель понятна не совсем:

И я теперь ваш враг, и сами вы ни с чем.

Амаранта.

Да если ваш секрет я выдала сердечный

Папаше вашему, тогда позор мне вечный!

Да пусть бы у меня язык тогда отсох!..

Дафна.

Не расточайте клятв. Коварный ваш подвох

Лишь пользу мне принес: любовь моя открылась,

И мой отец явил негаданную ми-

лость, —

Он за Флорама дочь охотно отдает.

Напрасно, милая, интриговали. Вот!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Амаранта одна.

Амаранта.

Что это значит? А? Так весело щебечет!

Болтает и сама себе противоречит.

Отец разгневался, Флорама выгнал вон.

Ан нет, — себе в зятья Флорама выбрал он.

Да я не молвила пол слова о Флораме!

Созвучья же отнюдь нет между именами

Флорам и Кларимон. Как можно спутать их?

И кто из этих двух теперь ее жених?

Ну и наслушалась! Что правда здесь, что враки?

Загадка!.. Ощупью брожу я в полном

мраке.

Сумею ль отыскать я к тайне этой ключ?

Но брезжит все-таки надежды слабый луч.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дафна одна.

Дафна.

О, как в разлуке с другом милым
Невыносимо долог час,
И в ожидании унылом
Воспоминания не утешают нас.
Я с ним рассталась, и мгновенья
Как будто не бегут, — стоят!
Лишь я повинна — в нетерпенье;
Любимый предо мной ничем не виноват.
Ужель отныне все старанья
Направлю я на цель одну:
Искать для друга оправданья,
Любую на себя перелагать вину?
Ужель, хотя мне это внове,
Свою горячность укрощу,
При первом покаянном слове

Ему тягчайший грех я радостно прощу?

Как можно! Сделаться рабою?

О, я краснею от стыда!

Нет, Дафна, будь самой собою:

Ведь ты была горда...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дафна, Жераст, Селия.

Жераст *(Селии).*

Да, я согласен. Да!

Так и скажи ему.

Селия уходит.

Дитя мое, быть может,

Мое решение тебя слегка встревожит,

Но послушание отцу — твой долг святой.

Дафна.

И я всегда была послушна вам.

Жераст.

Постой!

Была; но, думаю, и впредь не будет хуже.

О будущем твоем мы говорили муже.

Но если б я решил избрать себе в зятья

Другого (почему — уж тут особь статья)?

Ведь ты не возразишь? Свой долг исполнишь свято?

Дафна.

Однако же менять решенье позднова-то.

Не вы ль позволили мне объясниться с ним?

Мы оба чувствами взаимными горим,

И, вас послушавшись, ему дала я слово.

Жераст.

Все так. Но я теперь избрал в зятья другого.

Дафна.

Как можно изменить, когда клялась в любви?

Жераст.

Что, что? Не слушаться? Меня ты не гневи!

Позволил я тебе — и ты дала согласье,

Велю я отказать — исполнишь в одночасье.

Не тронешь вздохами, слезами не проймешь!

Тебе пора бы знать: мне споры — острый нож.

Марш в дом, строптивица! Лить слезы — это значит

Восстать против отца!

Дафна уходит.

Когда девчонка плачет,

Так жалко бедную — я просто сам не свой.

Чтоб ей не уступить, прогнал ее домой.

Признать неправоту? Нет, этот шаг опасен.

И Селии уже сказал, что я согласен.

Не то свою сестру мне не отдаст Флорам.

Ах ты, Флорам...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жераст, Амаранта.

Амаранта.

Сказать позвольте, сударь, вам, —

Ошиблись вы: она влюбилась в Клари-мона.

Жераст.

Да знаю, знаю! В нем всем замыслам препона.

Такую дочь моя к нему питает страсть,

Что ставит ни во что родительскую власть.

Нет, до чего дерзка и до чего упряма!

Ну почему бы ей не выйти за Флорама?

Так нет, ей мил другой. Препятствия чиня

Моим намереньям, разгневала меня.

Амаранта.

Она оскорблена союзом столь нерав-

ным.

Жераст.

Ну что ж, он небогат. Но я считаю главным

Не состояние: лишь этот брак дает

Надежду, что со мной мой не угаснет род.

Иль выбрать дочери не вправе я супруга?

У Дафны ты сейчас в доверье, как подруга,

В ее сердечные дела посвящена,

Совета твоего послушает она.

Уговори ее, — пускай отца уважит:

Когда к ней явится Флорам, пусть не откажет.

Амаранта.

Ах, сударь, так бы мне хотелось вам помочь,

Но слушать — я боюсь — не станет ваша дочь.

Да как бы от того не рассердилась пуще!

И то сказать — жених невидный, неимущий.

Жераст.

Найдешь подход. Склони к Флораму госпожу,
И щедро я тебя за это награжу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Амаранта одна.

Амаранта.

Да, да, воображай, что вас начну мирить я!
Но странные в семье произошли события.
Узнала я сперва, что Дафна и Флорам
Друг в дружку влюблены; что батюшка, мол, сам
Одобрил их союз. И вот теперь папаша
Уведомил меня, что капризунья наша
Флорама ни за что не хочет в женихи.
Вовек не слышала подобной чепухи!
Кто с кем и для чего разыгрывает шутки?

Они ль сошли с ума, я ль не в своем рассудке?

Но мне их нелады лишь на руку. Итак,

Пождем, чем кончится весь этот кавардак.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Флорам, Дамон, Клеон.

Флорам.

Не видела, ушла. Какой же добрый гений

Избавиться мне дал от скучных объяснений?

Вполне могла со мной проговорить полдня;

Я думал — Дафна лишь освободит меня.

Дамон.

Хотелось бы взглянуть — как ты порвешь тенета?

Флорам.

Ну, это, милый друг, не главная забота.

Дамон.

А что? Уже глаза Феанту я раскрыл,
Уведомил, что ты его опередил.
Ты знаешь про него, он про тебя — вы квиты.
Забрала подняты и карты все открыты, —
Сражайтесь!

Флорам.

То-то, друг. Сразиться бы я рад,
Но на дуэль Феант решится ли?

Дамон.

Навряд.
Не страх, нет, но боязнь возвышенного рода:
Не принесет дуэль счастливого исхода
Его любви, — когда он не падет в бою,
То будет вынужден бежать.

Флорам.

Не утаю:

Что выдал мой секрет — дурным считаю вкусом;

Но заодно с тобой и я смеюсь над трусом,

Который, чтобы свой облагородить страх,

Глубокомысленно разводит на бобах.

Мы будем, стало быть, участниками свары,

А наш Феант, себя не ставя под удары,

Добудет приз!

Дамон.

Его не устрашит ничто.

Дуэль? Пожалуйста. Хоть десять. Даже сто!

Пусть все соперники друг друга уничтожат,

Погибнет друг... Зато Феант жениться сможет.

Флорам.

А вдруг бы, осмелев, послал он вызов мне,

И драться на его ты должен стороне?

Дамон.

Я познакомился за десять лет с ним близко

И знал, что для меня нет никакого риска.

Он ловкий интриган, увертлив и хитер,

Вредит исподтишка, но избегает ссор.

Флорам.

Воображаю, как в душе ты потешался,

Когда он в вывертах словесных изощрялся.

Дамон.

Должно быть, сможешь ты потешиться и сам.

Придумав ловкий ход, он верит, что Флорам

И Кларимон уже сошлись в кровавом споре.

Ручаюсь, что Феант появится здесь вскоре:

Мгновенья дороги, а он не так-то прост

И распускать придет перед красоткой хвост.

Убрав соперников, он может без опаски

О чувствах говорить, вздыхать и строить глазки.

Флорам.

Увидев нас вдвоем, он сразу же поймет,

Сколь малый вышел толк из всех его хлопот.

Дамон.

Не бойся, на руку не положу охулки:

Слугу я сторожить оставил в переулке.

(Клеону.)

Ну, что Феант?

Клеон.

Идет.

Дамон *(Флораму).*

Его мы осмеем

По очереди: ты сперва, а я потом.

Дамон и Клеон уходят.

Флорам *(один).*

Как странно: у него достоинств есть немало,
Но главного всегда чего-то не хватало.
Вкус тонок у него, наружность хороша,
Но сердце дряблое, холодная душа;
Весьма честолюбив, но и труслив изрядно.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Флорам, Феант.

Флорам.

Феант! Как встретиться с тобою мне отрадно!
Ты будто удивлен, что здесь нашел меня?

Феант.

Флорам, я сбился с ног, ищу тебя полдня.
И вот нашел, когда уже не думал встретить.

Флорам.

Да верно ли? Прошу начистоту ответить:

Зачем ты прячешься? Должно быть, сам не рад,

Что давеча со мной побился об заклад.

Уединяешься, чтоб скрыть тоску по милой?

Феант.

С чего ты это вдруг вообразил? Помилуй!

Напротив... Я хотел с ней поболтать вдвоем.

Флорам.

И стал искать меня? Что ж, в замысле своем

Раскаиваюсь я и отхожу в сторонку,

Тебе прелестную оставив компаньонку.

Признаюсь, друг, что я другую полюбил,

И тут уж не игра и не фальшивый пыл.

Она не связана, на жар любви безмерной

Ответить может мне, не становясь

неверной.

Феант.

Уж не влюбился ли ты в Дафну?

Флорам.

Да, мой друг, —
Ты сразу разгадал сердечный мой недуг.

Феант.

Рад за тебя. Но знай — в ней сборище капризов,
И Кларимон грозит тебе отправить вызов.

Флорам.

Прекрасно! Пусть поймет несчастный дуралей,
Что пусть он денежней, однако ж не храбрей,
Превосхожу его я силой и отвагой
И рад завоевать возлюбленную шпагой.
Сейчас ему дает богатство перевес,
Но если в драку бы со мною он полез,
Жераст увидел бы, кто более достоин

Супругом Дафны стать. За это я спокоен.

Феант.

Я одобряю, друг, решительность твою:
Удачливый в любви удачлив и в бою.
Когда сразишься ты, подвигнутый любовью, —
Докажешь пролитой (его ль, своей ли) кровью,
Что Дафна для тебя безмерно дорога;
И убедишь отца, и посрамишь врага.
Ты совершенно прав. Подумаешь, — богатство!
Оно рождает спесь, тупое верхоглядство.
Соперник, как пузырь, тщеславием надут;
Проткнув его клинком, получишь ты за труд
Достойное твоей любви вознагражденье.
Прощай. Пошли тебе победу провиденье!

Флорам.

Пожалуй, вызова так целый день прождешь,

А я весь клокочу и медлить невтерпеж!

Ты распалил меня. И в самом деле — нам ли,

Таким-то храбрецам, ждать вызова от мямли?

Нет!.. Ты — мой секундант. Ступай к нему скорей:

Пусть выберет и он любого из друзей;

Назначь им поутру свиданье у Бисетра.{8}

Феант.

Я восхищен тобой! Помчусь быстрее ветра.

Твоим доверием, дружище, я горжусь...

Но стоит ли спешить? Быть может, этот гусь,

{8} Комментарии: 2.8

К стр. 58

...свиданье у Бисетра. — В южном пригороде Парижа Бисетре во времена Корнеля находился замок, окруженный полями; это было удобное место для проведения дуэлей.

Который надоел красавице безмерно

И ею высмеян, поймет, что дело скверно,

Быть может, сам решит он прекратить борьбу;

Зачем тогда, скажи, нам искушать судьбу?

А если лжет молва, что хочет он дуэли?

Конечно, должен ты быть твердым. Но тебе ли,

Счастливцу, кто и так Фортуной награжден,

С беднягой ссориться? Зачем лезть на рожон?

Ему еще есть смысл поставить жизнь на карту,

Тебе-то смысл какой? Ведь, уступив азарту,

Ты жизнью — вдумайся — рискуешь ни за грош:

Все можешь потерять, а что приобретешь?

Ты Дафною любим. К чему спешить

напрасно

И затевать дуэль? Дразнить гусей опасно.

Флорам.

Удачливый в любви удачлив и в бою.

Феант.

Не в силах будущность мы предсказать свою.

Флорам.

Ведь Кларимон — пузырь, тщеславием надутый.

Феант.

Порой трус храбреца уложит в полминуты.

Флорам.

Победой докажу, сколь Дафне предан я.

Феант.

Чтоб сразу же бежать в далекие края.

Флорам.

Расположение отца я завоюю.

Феант.

Как знать, усмотрит ли он в этом цель благую?

Флорам.

Так лучше подождать, чтоб вызвал Кларимон?

Феант.

Тут скажут все, что ты был драться принужден.

Флорам.

Гм. Доводы твои столь неопровержимы,

Что я сдаюсь. Итак, к решению пришли мы:

Ждать буду вызова.

Феант.

Прощай!

Флорам.

Прощай, Феант!

Но если вызовет, то ты мой секундант.

Феант.

Жизнь за тебя отдам.

(Уходит.)

Флорам *(один).*

На этом поединке?

Тогда не скоро нам справлять твои поминки.

Как он решителен! Кровь нипочем ему!

Когда ж запахло тем, чтоб драться самому,

Он кучей доводов смог опровергнуть веско

Резоны прежние — и даже не без блеска.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Флорам, Дафна.

Дафна.

Ждала, чтоб он ушел. Ты видишь — я в слезах.

Мы так надеялись, и вот — внезапный крах.

Флорам.

Благие небеса! Что значат эти слезы?

В чем объяснение такой метаморфозы?

Не умер ли отец?

Дафна.

Ах нет! Но все равно…

Отныне мне тебя любить запрещено.

Я, неспособная ни к бунту, ни к обману,

Теперь иль дерзостно против отца восстану,

Иль преступлю обет, который я дала;

Но что ни выберу, не избежать мне зла.

Моя любовь и долг — о горе! — несовместны:

Там — гнев родителя, а тут — обман бесчестный.

Со всех сторон грозит погибель мне. Со всех!

Любить другого — стыд. Тебе быть верной — грех.

Флорам.

Кто он таков — мой враг, завистник мой, который

За посягательство заплатит смертью скорой?

Кто он таков — мой враг, что вместо старика

Сегодня должен пасть от моего клинка?

Кто он, что о своей женитьбе размечтался,

Но дышит, лишь пока со мной не повстречался?

Дафна.

Не мелочна моя любовь: не стала я

Расспрашивать отца, кто избран мне в мужья.

Ведь если бы его по имени я знала,

Подумать бы ты мог: я потому восстала,

Что мне не нравится предложенный жених,

А если б кто другой, — мой ропот бы

затих.

О нет, клянусь тебе зиждителем вселенной:

Явись мне человек столь необыкновенный,

Что добродетелью, наружностью, умом

Он затмевал бы всех, — и слышать бы о нем

Не пожелала я; твердила бы упрямо:

«Нет, лучше всех Флорам! Нет, я люблю Флорама!

Он будет для меня вплоть до скончанья дней

Всех добродетельней, прекрасней и умней!»

Флорам.

Словами нежности вы нанесли мне рану,

Оплакивать вдвойне свою утрату стану.

Столь пламенной любви сказать: «Навек прости»?

О, есть тут от чего в отчаянье прийти!

Ах, если бы ко мне вы отнеслись жесточе,

Я исцелиться б мог, а так — не станет мочи.

Как, исцелиться? Ах! И мой язык посмел…

Увы, не поручусь, что мой рассудок цел.

Простите этот взрыв. Я грешен перед вами.

Любите! Помните о горестном Флораме,

Вся цель которого, скажу вам без прикрас,

Коль жить — то ради вас, коль умереть — за вас.

Дафна.

Судьба на нас с тобой обрушила напасти,

Разъединил сердца запрет отцовской власти.

Как далее мне жить, жить с совестью

в ладу?

Бежать с возлюбленным? На это не пойду.

Не оскорблю отца, не убегу из дому.

Однако откажусь принадлежать другому:

Флорам или никто! Прощай! Лишаюсь сил.

Но помни, что и ты мне сердце подарил.

И если ты, как я, обетов не забудешь,

То станешь лишь моим или ничьим не будешь.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Флорам один.

Флорам.

Как быть? Как вынести всю тяжесть этих бед?

Не знаю. И никто не может дать совет.

Казалось, счастье — вот! Но проскольз-

нуло мимо.

Любимая ушла. Она недостижима.

А я, окаменев от горести моей,

Слов не сумел найти и не простился с ней.

Не странно ль, что мое отчаянье сдержалось?

Утихла буря чувств: их усмирила жалость.

Я думал: ведь и так ей больно, пощади! —

И вздохи скорбные душил в своей груди,

Чужою горестью не отягчал ей долю.

Зато теперь мой гнев я выпущу на волю.

Ну, попадись ты мне, бессовестный старик!

Нам продал дорого ты счастья краткий миг.

Ну, только попадись, — тебя постигнет кара!

Ты, стало быть, решил, что с нею мы не пара?

Но кто тебя толкал согласье дать? Верней,

Кто подтолкнул тебя к предательству, злодей?

Страшись же ярости моей неудержимой!

Ты думал — если ты отец моей любимой,

То вне опасности? Какой ты ей отец?

Названья этого не стоишь ты, подлец!

В моей возлюбленной верх совершенств я вижу

И оттого тебя сильней лишь ненавижу

За наглый твой обман, за мерзостную ложь.

Мне все равно не жить, но прежде ты умрешь!

Ах, Дафна, что со мной? Иль мне ничто не свято?

Взять жизнь того, кто сам дал жизнь тебе когда-то!

Так вот моя любовь? О, для меня позор,

Что мог я только что нести подобный вздор!

К тому, кого ты чтишь, явил я непочтенье

И собственный свой пыл поставил под сомненье.

Что делать? Путь сокрыт вдруг наступившей тьмой:

Безумная любовь ум помрачила мой.

Что ж, ты потеряна, так пусть и ум потерян!

Кругом запутался, ни в чем я не уверен.

Решил, — но довести не в силах до конца…

Жераста б я казнил, но твоего отца…

Любовь и ненависть перемешались вместе.

Отмстить бы! Но мечтать не смею и о мести.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Флорам, Селия.

Флорам *(вздыхая).*

Ах, Селия!..

Селия.

Ну вот, покончены дела.

Чтоб Селия взялась помочь — и подвела?

Жераст готов на все. Но, пресвятая сила! —

От счастья, что ли, вам лицо перекосило?

Флорам.

Смеешься надо мной, пособница интриг?

Так шуточку сыграть решил со мной старик,

Влюбленным притворясь? Довольно шуток! Баста!

Верните Дафну мне! Иначе я Жераста

И вместе с ним тебя прикончу. Быть беде!

От ярости моей вам не спастись нигде!

Селия.

Но, сударь…

Флорам.

Никаких с тобой переговоров!

(Уходит.)
Селия одна.

Селия.

Что это с ним стряслось? Крутой, однако, норов!

Иль сам решил со мной он шуточку сыграть?

Жераст — тот втюрился, не повернет он вспять.

Охотно отдал бы он не одну — трех дочек,

Лишь бы с Флоризой в брак вступить без проволочек.

Что ж буйствует Флорам? Гнев, может, напускной?

Зачем комедию ломать передо мной?

Он весь побагровел, глаза его сверкали,

Грозился, проклинал. Притворство? Нет, едва ли.

Но кто-то из двоих решил меня надуть.

Что ж, надо проследить и выяснить, в

чем суть.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Феант, Дамон.

Феант.

Не думал не гадал, что мимо этой двери
Пройду я с горечью, тоскуя о потере.

Дамон.

Пораньше б рассчитать, что к злу, а что к добру.
В хорошенькую ты втравил меня игру,
Попутал тебя черт ввести сюда Флорама!
Теперь вини себя, что разыгралась драма.
Ведь вызов на дуэль ему шлет Кларимон.
Кого надумает взять в секунданты он?
А вдруг тебя возьмет? Его врагу в угоду
Флорама я ищу — он словно канул в

воду.

Феант.

Да незачем искать. Сразятся ли они
Иль нет — мне все равно. Надежд минули дни.
Он так ее увлек, что если даже будет
В изгнанье жить, — она его не позабудет.
Не больше пользы мне от гибели его —
Он потеряет все, не дав мне ничего:
С моим-то кошельком и не любимый ею,
На что тогда, скажи, я притязать посмею?
Каких искать надежд в потоке женских слез?
Каких волшебных ждать смогу метаморфоз?
Богаче стану ль я? Ей стану ль я милее?
Напротив!.. Да и сам, о друге сожалея,
Любя того, кого постиг удар судьбы,
Я с грустью откажусь от горестной

борьбы,

А победителем в ней выйдет кто-то третий.

Дамон.

Пусть рассуждения неоспоримы эти,

Но мне как быть? Зачем я Кларимона злил?

Нельзя же, чтоб теперь я вызов не вручил.

Феант.

Нельзя. Но можно…

Дамон.

Что? Что можно? Непонятно.

Феант.

Чтоб этот вызов взял сам Кларимон обратно.

Дамон.

Как! Я, кто подстрекал, толкал на смертный бой,

Вдруг убеждать начну беднягу бить отбой?

О низость! Нет, уволь.

Феант.

Да нет о том и речи.

Я воспрепятствовать и сам могу их встрече.

Распространю молву…

Дамон.

Молву?

Феант.

Прослышит двор,

И будет прекращен насильственно их спор:

Обоих драчунов определят под стражу.

Так без труда я всю историю улажу.

Что скажешь?

Дамон.

Так-то так, твой замысел хорош.

Но раньше времени себя ты не тревожь:

Вдруг мысль ко мне придет — и я на самом деле

Добьюсь, чтоб Кларимон не затевал дуэли?

Нам толки возбуждать невыгодно, поверь.

Но что — открой мне, друг, — предпримешь ты теперь?

Феант.

Что? Устранюсь, Дамон. В Италию уеду.

Пусть без меня Флорам отпразднует победу,

О коей я мечтал. А я в чужом краю

Развеять грусть-тоску попробую свою.

Дамон.

А с Амарантой как?

Феант.

Не вовсе охладели

К ней чувства, но…

Дамон.

Но вдруг зайдет речь о дуэли?

Феант.

Над обездоленным смеешься? Ты жесток.

Я, разумеется, вернуться бы к ней мог —

Еще волнует кровь мне взгляд ее горячий, —

Но раздосадован Флорамовой удачей.

Мы с ним равны, и все ж завиднейший удел

Достанется ему, а я не преуспел.

Вернулся если бы я к компаньонке снова,

Не мог бы избежать высмеиванья злого.

Чтоб несмертельным был змеиный сей укус,

Мне нужен подлинно блистательный союз, —

Пусть обо мне весь свет жужжит, не о Флораме,

И пусть он сам скрипит от зависти зубами.

Но мало радости от встречи с наглецом,

Отнявшим у меня мою любовь. Пойдем!

Дамон.

Постой! Не бегать же, как детям, вперегонки!

Не бойся — я картель потом отдам, в сторонке.

Феант увлекает его за сцену.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Флорам один.

Флорам.

Не зная, кто мой враг, кто причинил мне боль,

Угрозы на ветер мне расточать? Доколь?

Ну кто поверил бы, что у меня, живого,

Отнимут Дафну? Нет! Мне это слишком ново.

Я жив, а защитить любовь я не сумел;

Я жив, а тот, кто мне нанес обиду, — цел!

Грабитель — от меня он в сумраке та-

ится,

Соперник — над моей он яростью глумится.

Как мне отставку дать, тогда соперник есть,

Но нет его, когда зовет к сраженью честь!

О боги! Иль не вы послали в утешенье

Отвергнутым в любви надежду на отмщенье?

Откройте, — кто меня в пучину бед вовлек?

Не то придется мне вам предъявить упрек.

Иль вы колеблете нарочно мою веру,

Дабы кощунством я грехов превысил меру

И громы, что у вас в запасе для земли,

На богохульника обрушить вы могли?

Ах! Бремя на сердце и так уже свалилось,

Что ж душу отягчать грехом? Явите милость, —

Пусть буду я сражен бедой, но не виной,

А грешников живет довольно под луной.

В клятвопреступников мечите ваши громы!

Я на себе узнал их мерзкие приемы, —

Отмстите же, явив божественную власть,

Иль моему клинку позвольте в цель попасть:

Ведь погубителя, кого я ненавижу,

Увы, не знаю я, не слышу и не вижу.

Кто бы ты ни был, враг, твои недолги дни.

На Солнце посягнув, ты прячешься в тени,

Но как ты ни труслив, а явишься к невесте,

Узнаю я, кто ты, — и уложу на месте.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Флорам, Амаранта.

Флорам.

Ах, Амаранта! Знай, — скрывать почту за стыд,

Что Дафне, ей одной, Флорам принадлежит.

Не слышала ли ты, кто этот похититель,

Из-за которого решил ее родитель

Наш разорвать союз? Скажи, кому Жераст

Мою любимую в супружество отдаст?

Амаранта.

Вскружить мне голову затеявши вначале,

Теперь вы пошутить, как видно, пожелали?

Я знаю, что старик стоял за вас горой,

Но неугодны-то вы Дафне, ей самой.

Флорам.

Вот новости! Горим мы с ней взаимной страстью,

Но он союз расторг своей отцовской властью.

Амаранта.

О, в вашу ссору с ним не верю я ничуть!

Он сам просил за вас словечко ей ввернуть.

Флорам.

А ты из ревности нас разлучаешь с нею!

Старик осуществил — да, да! — твою затею.

Смеешься? Дорого заплатишь мне за смех!

А запирательством свой отягчаешь грех.

Так вот — сегодня же устроишь ты — понятно? —

Чтоб все, что отнято, мне возвратить обратно.

Иначе — не взыщи: я покажу всем вам,

Как оскорбителям умеет мстить Флорам.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Амаранта одна.

Амаранта.

Скажите, — новое еще свалилось лихо!

Как все запуталось! Что за неразбериха!

Послушать Дафну, — ей Флорам один лишь мил,

И брачный их союз отец благословил;

Послушать старика, — он сватает Флорама,

А дочь родителю противится упрямо;

Флорам же старика не устает ругать

За то, что выбран им другой какой-то зять.

Как разноречие произошло такое?

Кто здесь рехнулся? Я? Или они все трое?

Иль это заговор (загадочный весьма),

Чтоб этой чепухой свести меня с ума?

Я не пойму никак, что кроется за этим.

Но если последим, то кое-что заметим.

Пусть двое из троих сойдутся где-ни-

будь,

Я их подслушаю — и выясню, в чем суть.

Но надо удирать: вот старичок мой шалый,

Он откровенничать начнет со мной, пожалуй, —

Мне это ни к чему. Подстерегу потом

Жераста с Дафной ли, с Флорамом ли — вдвоем.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жераст, Полемон.

Полемон.

Мне, сударь, очень жаль, что связаны вы словом,

Но что поделаешь. Могу сказать одно вам:

Безмерно будет мой племянник огорчен, —

Так стать надеялся вам зятем Кларимон.

Жераст.

Чистосердечное вам сделаю признанье:
Не позволяет честь нарушить обещанье,
Не то бы вашего племянника принять
Я счастлив был в семью — он идеальный зять.

Полемон.

Но если тот союз расстроится случайно…

Жераст.

Обрадовался бы и сам я чрезвычайно;
Тогда уж, — честь моя порукой в этом вам, —
Я дочь за вашего племянника отдам.

Полемон.

Прощайте! Буду ждать. Всегда готов к услугам.

Жераст.

Считайте преданным меня слугой и другом.

Полемон уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жераст, Селия.

Селия.

Вы честью поклялись (не ошибаюсь я?),
Что Кларимона взять желаете в зятья?

Жераст.

Невыполнимое поставлено условье.
Все лучше, чем отказ: он рад — и на здоровье!
Я сотворил добро без всякого труда.

Селия.

Вы просто лицемер! У вас нет ни стыда,
Ни совести. Никак мой не мирится разум,
Что можно счесть и впрямь согласие отказом.

Жераст.

Что я пообещал, то выполню: отдам

За Кларимона дочь, коль увильнет Флорам.

А Дафна у меня не пикнет ни полслова.

Я прикажу — и все.

Селия.

Ну вот, бесстыдство снова!

Флорам влюблен в нее не меньше, чем она,

А что несчастливы, так лишь на вас вина.

Их надо поженить без всякой канители,

Однако же у вас семь пятниц на неделе.

Зачем вы, сударь, мне втираете очки,

Что, дескать, вашему приказу вопреки

Не хочет ваша дочь и слышать о Флораме?

Я действовала так, как вы хотели сами,

Не думая, что вы лукавите со мной,

Что интригуете вы за моей спиной.

Уж коли дочкино не дорого вам счастье,

Извольте обойтись без моего участья.

Не о Флораме лишь одном идет тут речь.

Ох, как бы на себя беду вам не навлечь:

Флорам вам не простит такой жестокой шутки.

Жераст.

Ты что же думаешь — я не в своем рассудке?

Обманывать во вред себе же самому?

Пусть явится Флорам; я докажу ему,

Что дело не во мне, что в Дафне вся загвоздка.

При нем с ней обойдусь решительно и жестко,

И убедится он, как я на дочь сердит.

Жених страсть выкажет, отец ей пригрозит,

И пусть артачится, пусть распускает нюни,

Все фокусы ее, поверь мне, будут втуне:

Я, власть употребив, поставлю на своем.

Селия.

Да правда ль?

Жераст.

Разрази меня небесный гром!

Селия уходит.

Жераст, не размякай! Ты мягок был — и что же?

Отбилась дочь от рук. С ней надо быть построже.

Досель ты лишь просил, ты избегал угроз,

Терялся и робел перед потоком слез,

И до того во всем мирволил ты плутовке,

Что из тебя она решила вить веревки.

Ну нет, пора ее приструнить наконец.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Жераст, Дафна.

Жераст.

Итак, сударыня, по-вашему, отец

Обязан потакать любовным вашим

бредням,

О коих — стыд сказать! — он узнает последним?

Я вас избаловал и сам посеял зло,

Которое теперь так пышно расцвело.

Любовный ваш каприз я не отверг вначале,

А получилось что? Со мной вы спорить стали!

Влюбленность ваша есть мятеж против отца.

А коли слушаться, тогда уж до конца.

Дафна.

Настойчивость в любви, проявленную мною,

Никак я не могу своей почесть виною:

Не поступила здесь я вам наперекор;

Скорее, сами вы с собой вступили в спор.

Нет, ваших мыслей ход я, право, не усвою:

Зачем не можете вы быть самим собою?

Влюбилась, сударь, я с согласия отца.

А если позволять, тогда уж до конца.

По мне, так лучше смерть, чем нарушенье слова,

Но к верности моей вы отнеслись сурово.

Мою любовь и скорбь, смысл здравый, свой приказ —

Все это растоптать что побудило вас?

Хотите наказать вы Дафну иль Флорама,

Гася мою любовь жестоко и упрямо?

Жераст.

Боюсь, что наказать хотите вы его.

Для вас приказ отца не значит ничего?

Какое же главней — мое иль ваше слово?

Вы мужа выбрали, но выбрал я другого.

У дочери свой вкус, а у отца свой взгляд;

Кто ж должен уступить и слово взять назад?

Есть оправдание для вас в отцовской

воле.

А впрочем, с дочерью мне торговаться, что ли?

Резоны ни к чему, достаточно вполне

Резона одного: что так угодно мне.

Дафна.

И все же не могу не повторить вам снова,

Что оправданий нет для нарушенья слова.

Вы мнения менять вольны, но я тверда:

Изменницей в любви не стану никогда.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Жераст, Дафна, Флорам, Селия, Амаранта.

Дафна.

Вот он, которому с отцовского согласья

В любви и верности сегодня поклялась я.

Не поколеблете меня, мой дух окреп:

С Флорамом под венец — или в могиль-

ный склеп!

Жераст.

О боги, что это?

Дафна.

Любовь и постоянство.

Жераст.

Тогда зачем кляла отцовское тиранство?

Какой же заговор каких враждебных сил

Согласью нашему препятствия чинил?

Вы оба влюблены, его избрал я зятем,

А ты упрямишься? Мы так все трое спятим!

Флорам.

Упрямством можно ли назвать то, что она

Любви, одобренной ее отцом, верна?

Вы изменили мне; быть дочерью покорной

Не означало ли примкнуть к измене черной?

Жераст.

Но лишь на пользу вам я волю изменил:

Велел, чтобы того, кто прежде был ей мил,

На вас, — да, да, на вас — она бы променяла.

Не в Кларимона ли влюбилась ты сначала?

Так Амаранта мне шепнула. Разве нет?

Дафна.

Кто? Амаранта? А, во мгле забрезжил свет!

Подите-ка сюда. Вы что ж мутите воду?

Амаранта.

Так поступила я своей любви в угоду.

Флорам меня пленил, да так, что стыд заглох,

И ревность жгучая толкнула на подвох.

Жераст.

И ты задумала...

Амаранта.

Вмешаться в ход событий.

Расчет мой был таков: вы Дафну отдадите

Другому, а Флорам, оставшись ни при чем,

Опомнится — и мы к согласию придем.

Флорам.

Простите, сударь, ей. — И вы простите тоже.

Любовь с безумием порою в чем-то схожи,

И если вы еще питаете ко мне

Любовь, то сможете найти ее вине

Не оправданье, так хотя бы объясненье.

Дафна.

Питаю ль я любовь? Обидное сомненье!

Но раз прощаешь ты, — и я ее прощу.

Жераст.

И я, как вы, с нее убытков не ищу,

А брачный ваш союз и так ей будет карой.

Дафна.

Как настрадались мы!

Селия.

У, греховодник старый!

Но совесть все-таки проснулась под конец.

Флорам.

Вы, сударь, истинно заботливый отец…

Жераст.

За комплиментами о деле не забыть бы:

С Флоризой как у нас?

Флорам.

Для вашей нет женитьбы

Препятствий никаких.

Жераст.

Тем лучше, что их нет:

Я — вам, вы — мне. И то: ведь и под старость лет

Нам скрашивают жизнь любовные восторги.

Дафна.

Как? Странно слышать мне об этом вашем торге.

Флорам.

Я знал, что Купидон, благое божество,

Влюбленным полное подарит торжество.

Но, сударь, ваш визит к Флоризе мы отсрочим, —

Позвольте с Дафной мне побыть. И, между прочим,

Раз вы теперь мой тесть и в то же время зять,

Я должен дома сам достойно вас принять.

Жераст *(Селии).*

Ступай и передай ей радостные вести.

Флорам.

Пусть нанесет она визит моей невесте,

И мы здесь сообща порадуемся всласть,

Что одержали верх мой пыл и ваша страсть.

Жераст.

Приличья не велят мне ждать ее визита.

Селия.

Я, сударь, на ноги покуда не разбита, —

Оповещу ее и приведу сюда.

Жераст.

Спеши! Мгновения мне будут как года.

Флорам.

Все мы, влюбленные, от нетерпенья млеем.

Жераст.

Что ж, сделаем в саду два круга по аллеям;

Там, восхвалив судьбу и вашу и мою,

Тоскливый этот час я как-нибудь убью.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Амаранта одна.

Амаранта.

Итак, он ускользнул, мучитель мой холодный,
Сеть, мной сплетенную, шутя он разорвал.
Увы, я тешилась надеждою бесплодной, —
Пустые хлопоты, безрадостный финал.

Влюбленный на словах, бесчувствен был на деле,
От нежных встреч со мной иных искал он благ:
Я средством лишь была для достиженья цели,
Препятствием же стать я не могла никак.

Неудивительно, что Дафна победила:
Нет, не умом она взяла, не красотой,
Не знатностью, — за ней стоит другая

сила:

За ней приданое, за ней телец златой.

Вы, одаренные природою девицы!

О власти ваших чар вы грезить не должны.

Когда бросают вас, то нечему дивиться:

Достоинства не в счет, раз нет тугой мошны.

Моей сопернице помог насмешник-случай:

Флорам бы ни за что успеха не достиг,

Когда б к его сестре такою страстью жгучей

Ополоумевший не воспылал старик.

Меня томит тоска, терзает безотрадность!

Законы естества не потеряли ль власть?

Цветущим юношей овладевает жадность,

А старца хилого одолевает страсть.

Феант, Флорам! Для них любовь пустое слово,

По видимости лишь была их страсть сильна.

Отвергнув одного и потеряв другого,

Осталась я ни с чем, осталась я одна.

О сердце, впредь не верь обманчивой надежде!

Мне — лишь выращивать, другим — собирать плоды;

Печали и труды мне доставались прежде,

А что ждет в будущем? Печали и труды.

Старик! Ты сделал дочь разменною монетой,

Но знай — купив жену, ты проклянешь судьбу:

До гроба каяться ты будешь в сделке этой,

А небеса лишат покоя и в гробу.

Пусть, черной ревностью томимый все жесточе,

Ты жалок станешь мне, а в довершенье зла

Пусть юная жена мечтает дни и ночи —

Ах, поскорей бы смерть супруга прибрала!

РАЗБОР «КОМПАНЬОНКИ»

Я не стану отзываться слишком дурно об этой комедии, так как полагаю, что она построена с соблюдением должных правил, хотя и не безупречна. По слогу она слабее других. О любви Жераста к Флоризе в первом действии не упоминается, поэтому вступительная часть пьесы захватывает первое явление второго действия, где Жераст появляется в обществе своей поверенной, Селии, хотя ни тот, ни другая еще публике незнакомы. Тут не было бы греха, если бы он явился, как отец Дафны, пекущийся лишь об интересах дочери, но его собственные интересы слишком значительны — в них главный узел интриги и развязка. А потому я полагаю недостатком то, что он не появляется с первого действия. Еще куда бы ни шло, если бы Флорам (как Селидан во «Вдове»){9} *пришел просить руки его дочери и по ходу беседы предложил ему руку своей сестры: в таком случае Жераст был бы введен в комедию*

{9} Комментарии: 2.9

К стр. 78

…как Селидан во «Вдове»… — Корнель упоминает центрального персонажа своей комедии «Вдова» (1633).

Флорамом, то есть его представил бы зрителям актер, действующий с самого начала. Кларимон, появляющийся на сцене только в третьем действии, упоминается уже в первом, где Дафна говорит о его к ней любви и признается, что отнеслась бы к нему благосклонно, будь он похож на Флорама. А сам Кларимон присылает своего дядю Полемона, появляющегося в пятом действии; таким образом, эти два персонажа лишены того недостатка, который я отметил у Жераста. Встреча Дафны в третьем действии с незадачливым поклонником написана с опасной нарочитостью: реплика каждого состоит из одного стиха, что выходит за рамки правдоподобия, ибо в жизни такой размеренности разговора не бывает. Эту искусственность можно было бы оправдать ссылками на Еврипида и Сенеку: они прибегают к ней столь часто и в диалогах на столь общие темы, что порой может показаться, будто их герои выходят на сцену лишь затем, чтобы обмениваться разящими сентенциями. Но не следует им подражать, как бы это ни было красиво: тут слишком много румян и белил, чтобы пленить людей с острым зрением, и слишком мало старания скрыть искусственность приема,

чего требует от нас Аристотель.{10}

Жераст ведет себя для влюбленного старика не так уж скверно: он объясняется в любви через посредство третьего лица, он понимает, что привлекателен лишь своими деньгами, и не торопится предстать перед предметом своей страсти из боязни вызвать отвращение. Можно усомниться, не отступает ли мой персонаж от характерности старика, скупого по натуре, — подобные ему, устраивая браки своих детей, думают прежде всего о деньгах, тогда как Жераст, невзирая на скромный достаток Флорама, спокойно отдает ему дочь, получая в обмен его сестру. Тут я пошел вслед за Квинтилианом, живописавшим старика, женившегося на молоденькой, и думаю, что имел право применить его прием к старику, только собирающемуся жениться. Квинтилиан выражает{11} *мысль столь*

{10} Комментарии: 2.10

К стр. 79

…чего требует от нас Аристотель. — Корнель имеет в виду следующее высказывание Аристотеля: «Если кто составит подряд характерные изречения, превосходные выражения и мысли, тот не достигнет того, что составляет задачу трагедии, но гораздо скорее достигнет этого трагедия, пользующаяся всем этим в меньшей степени…» (Аристотель. «Об искусстве поэзии», гл. 6. М., 1957).

{11} Комментарии: 2.11

Квинтилиан выражает… — Далее Корнель цитирует кн. II, гл. 14 из трактата древнеримского теоретика ораторского искусства Марка Фабия Квинтилиана (35–96 гг. до н. э.) «Воспитание оратора».

совершенно, что я не осмеливаюсь портить его фразу своим переводом:

Genus infirmissimae servitutis est senex maritus, et flagrantius uxorioe charitatis ardorem frigidis concipimus affeciibus.

Я, как мне кажется, достаточно обосновал суждение о моем старичке такими двумя строками:

> *Охотно отдал бы он не одну — трех дочек,*
>
> *Лишь бы с Флоризой в брак вступить без проволочек.*

Породить могло бы возражение и то, что и Феант и Амаранта оба строят планы, как воспрепятствовать союзу Флорама и Дафны, — стало быть, две интриги нарушают единство действия. На это я отвечу, что, во-первых, два их плана возникают одновременно и, развиваясь, до самого конца остаются сплетенными и таким образом не мешают единству; дело обстояло бы по-иному, если бы Амаранта составила свой новый план после того, как замысел Феанта потерпел неудачу. Во-вторых, две их интриги объединены тем, что строятся на любви Кларимона к Дафне: и Феант и Амаранта пользуются этим

предлогом. И, наконец, лишь уловка Амаранты служит истинной пружиной действия, при том что интрига Феанта завершается занятным эпизодом, когда два достойных человека дурачат труса и выставляют его в смешном виде.

В «Компаньонке» открывались столь же благоприятные возможности для речей a parte, что и во «Вдове», но я питаю к этому приему неприязнь; мне пришлось им воспользоваться в начале пьесы, дабы дать понять зрителю, что кроется за тем, о чем беседуют действующие лица, да еще в дальнейшем раз пять для необходимых пояснений.

Единство места в этой комедии соблюдено полностью, хотя я даю себе поблажку (о чем уже шла речь),{12} заставляя Дафну говорить у порога или на улице то, что натуральнее было бы ей сказать в своей комнате, но где могли быть представлены только сцены с участием ее самой и Амаранты. Поэтому мне пришлось заставить ее выходить из дома, дабы не нарушать полного единства места и непрерывной связи явлений; если бы она произносила свои монологи, в отличие от других актеров, у себя в комнате, и то и

{12} Комментарии: 2.12

К стр. 80

…о чем уже шла речь… — Здесь Корнель ссылается на свой разбор комедии «Галерея Дворца Правосудия» (1633).

другое было бы нарушено.

Мне уже случалось говорить, что, если выбираешь местом действия городскую площадь, такого неудобства не избежать; я поговорю об этом более подробно, когда займусь особо единством места.{13} *Я уже упомянул о непрерывной в этой пьесе связи явлений; тут я разумею две разновидности связи — связь присутствия и связь зрительную. Иные полагают, что когда актер уходит со сцены, дабы избежать встречи с другим, то это нарушает связь явлений; я с ними не согласен и считаю достаточной связью, когда входящий замечает уходящего или уходящий — входящего, все равно — ищет ли один другого, или хочет уклониться от встречи, или просто видит, не ища его и не избегая. Все это я называю «зрительной связью», тогда как другие употребляют понятие «связь поиска». Я признаю, что такой род связи менее совершенен, чем связь присутствия и разговора, когда при уходе актера со сцены остается другой, ведший с ним диалог, и в последнее время я стараюсь предпочтительно следовать второй методе, избегаю первой; но все*

{13} Комментарии: 2.13

…когда займусь особо единством места. — Корнель имеет в виду свое «Рассуждение о трех единствах», напечатанное в третьем томе собрания его сочинений 1660 г.

же и та мне кажется удовлетворительной, уж во всяком случае, куда лучше связи так называемой звуковой, которая, на мой взгляд, совершенно недопустима, если только нет важнейших и основательнейших причин, чтобы актера вызвал за сцену какой-либо шум: уход актера из простого любопытства — что бы мог означать шум? — представляет столь слабую связь явлений, что я никому бы не посоветовал прибегать к подобному средству.

Продолжительность событий «Компаньонки» не превосходила бы продолжительности спектакля, если бы второе действие не отделялось от первого обеденным часом. Все остальное вполне вмещается в отведенное время; больше мне и не надо, ибо тогда действующие лица успели бы объясниться: ведь все зиждется на недоразумении, которое не может не рассеяться, когда Жераст, Флорам и Дафна сойдутся втроем. Мне совестно признаться в столь ревностном желании добиться равенства всех действий, что в каждом из них одинаковое количество стихов: эта искусственность нисколько не украшает сочинение... Следовало, в сущности, добиться их приблизительного равенства, но уж в такой скрупулезности не было нужды: достаточно

избегать неравновесия, которое утомляло бы внимание зрителя в иных действиях, оставляя это внимание неудовлетворенным в других.

КОРОЛЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

КОМЕДИЯ

{14}

Перевод Мих. Донского

{14} Комментарии: 2.14
«КОРОЛЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ»
(«LA PLACE ROYALE»)
После того как комедия была принята к постановке, ее название вызвало возражение некоего Клавере, орлеанского адвоката и третьестепенного драматурга, который в 1633 г. поставил комедию такого же названия. Однако Корнель не изменил заглавия своей комедии хотя бы потому, что ее исполнили в 1634 г. актеры театра «Маре», который помещался в непосредственной близости от Королевской площади (ныне площадь Вогезов), созданной по распоряжению Генриха IV и служившей для прогулок парижского светского общества.
Отдельное издание пьесы с подзаголовком «Сумасбродный возлюбленный» было выпущено в феврале 1637 г. Огюстеном Курбе. Начиная с 1644 г. комедия печаталась без подзаголовка.

КОРОЛЕВСКАЯ
ПЛОЩАДЬ

ГОСПОДИНУ ***

Милостивый государь!{15}

Я свято соблюдаю условие, предписанное мне Вами, и свидетельствую свое к Вам почтение, окружая Ваше имя такой же тайной, как если бы речь шла о любви, а я был удачливым поклонником. С меня довольно, что я сам уведомляю Вас об уплате моего долга, но так, чтобы об этом не узнал весь свет, и так, чтобы Вы не приобрели дурную славу среди особ прекрасного пола, благоволением коего Вы особенно дорожите. Герой этой пьесы не слишком жалует дам и высказывает суждения столь для них нелестные, что никак не мог бы зваться их защитником. Они могли бы заключить, что если герой пришелся Вам по вкусу, то Вы разделяете во многом его чувства, и что образ его мыслей скорее списан с Вас, чем явился плодом моего воображения. И в самом деле, самообладание, столь непоколебимо Вами сохраняемое в самых запутанных интри-

---

{15} Комментарии: 2.15

К стр. 83

Милостивый государь! — Как и комедия «Компаньонка», «Королевская площадь» не имела конкретного адресата, не была посвящена реальному лицу.

гах, весьма Вас с ним сближает. Именно от Вас я узнал, что любовь добропорядочного мужчины должна быть безусловно свободной; что если уж нельзя не полюбить, то не следует влюбляться без оглядки; что если уж дело принимает такой оборот, то следует сбросить иго этой тирани-ческой власти; и что, наконец, возлюбленная несравненно более ценит наше чувство, когда оно есть следствие нашего выбора и ее достоинств, нежели когда оно порождено слепым влечением, зажжено мгновенно вспыхнувшей страстью, которой мы не в силах противостоять. Разве ты в долгу перед тем, кто благодетельствует тебе против воли и дает лишь то, чего не может не дать?

Однако я выхожу за рамки послания: похоже на то, что я пытаюсь оправдать своего Алидора; я же отнюдь не хотел бы навлечь на себя такой защитой ненависть прекраснейшей половины человеческого рода, которая столь властно по-мыкает другой половиной. Сочинитель ни в коей мере не отвечает за причуды, свойственные его героям, и если дамы найдут здесь иные суждения для себя оскорбительными, то я умоляю их вспомнить, что исходят они от лица, названного мною сумасбродом, и что в прочих своих сочине-

ниях я достаточно восславил дам и содействовал поддержанию их владычества. Следственно, эта пьеса не может дать повода для того, чтобы дурно истолковать мой образ мыслей. Этой к ним просьбой я, с Вашего согласия, и закончу, добавив к сему лишь то, что я навсегда пребуду, милостивый государь,

Вашим смиренным и преданным слугой.

Корнель.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛИДОР
возлюбленный Анжелики
КЛЕАНДР
его друг
ДОРАСТ
молодой человек, влюбленный в Анжелику
ЛИСИД
молодой человек, влюбленный в Филиду
АНЖЕЛИКА
ФИЛИДА
сестра Дораста
ПОЛИМАС
слуга Алидора
ЛИКАНТ
слуга Дораста

Действие происходит в Париже, на Королевской площади.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анжелика, Филида.

Анжелика.

Твой брат полн совершенств, я их признать готова,
Но про его любовь мне более — ни слова.

Филида.

Сколь, Анжелика, твой безжалостен запрет!
У любящей сестры прав неужели нет
На исцеление страдающего брата?
В том сестринский мой долг, который чту я свято.
Дораста мучает сердечный злой недуг,
А я, ближайшая из всех твоих подруг,
Не смею умолять тебя, кто его губит?

Анжелика.

Не бойся за него: со временем разлюбит.

Филида.

Ах, если бы он мог! Но так прекрасна ты,

Что он весь целиком во власти красоты:

Прельстив его глаза, и сердце ты пленила.

О, в красоте твоей есть колдовская сила!

Я живо чувствую, что чувствует мой брат:

Язык твой гонит прочь, но манит вновь твой взгляд.

Анжелика.

Когда мне докучать своей он станет страстью,

Я нежеланных встреч могу избегнуть, к счастью:

Есть много поводов — к примеру, хоть мигрень, —

Чтоб дома провести безвыходно весь

день.

Однако же и мне при том грозит утрата:

Вдруг я сестры лишусь, избавившись от брата?

Мне радость высшая быть в обществе твоем,

Но что поделаешь, коль вы всегда вдвоем?

Все ж, если кончатся с тобой свиданья эти, —

Знай, ты подруга мне ближайшая на свете,

Встречаться станем вновь, как только твой Дораст

Другой избраннице любовь свою отдаст.

Филида.

Ты чересчур строга. До странности! Напрасно.

Анжелика.

Я верю, ты сама была б со мной согласна,

Но брату своему стараешься помочь —
И настояния рассудка гонишь прочь.

Филида.

Рассудок виноват, что ты с ним так сурова?

Анжелика.

Филида, ты пойми: ведь я люблю другого.
Из всех мужчин один мне нужен — Алидор.
Признанья остальных — лишь нестерпимый вздор;
Всех прочих не хочу ни слышать я, ни видеть:
Я этим бы могла свою любовь обидеть.
Нет, не могу делить я сердце пополам
И целиком его любимому отдам.
Что значит двух любить? Обманывать обоих!

Филида.

Жизнь воздвигаешь ты на каменных устоях!

Допустим, Алидор и впрямь тобой любим,

Но для чего же быть безжалостной к другим?

Все чувства выпил он? Ни капли не оставил?

Анжелика.

Для истинной любви иных не знаю правил.

Филида.

Понять тебя, мой друг, признаюсь, мудрено.

Твою любовь я чту, упрямство мне смешно.

Что верность нам дает? Привычная картина:

В ком ждешь найти слугу — находишь господина.

Коль с ним, лишь с ним одним, душа твоя близка, —

Все встречи с прочими унынье и тоска;

Не можешь сделать ты ни шагу без опаски,

Должна ты поступать лишь по его указке:

Ревнует он — дрожать, он сердится — терпеть;

А чтоб его любовь удерживать и впредь, —

Должна, ловя слова, угадывая взгляды,

Ему придумывать все новые услады.

Его отсутствие — тебе как острый нож,

Умрет — отчаешься, изменит — ты умрешь.

А каковы, скажи, плоды такой методы?

При выборе мужей мы лишены свободы,

И к чувствам дочери обычно глух отец;

Плачевный у любви, как правило, конец.

Нет, Анжелика, я совсем другого склада:

Признания в любви всегда послушать рада,

Зато своей судьбой довольна я вполне:

Мне каждый нравится, никто не скучен

мне,

Вокруг меня всегда мужчин ты видишь стаю —

Никто не предпочтен, надеждой всех ласкаю,

Все угождают мне, и все награды ждут.

Исчезнет кто-то — пусть, ведь остальные — тут.

Бестрепетно приму я чью-то смерть, измену:

Утешат, отомстят, мне тем набавив цену.

Коль выбор так велик, то вдруг один из них

Пленит родителей, и вот он — мой жених.

А если буду все ж просватана заочно,

Не стану горевать: жених, я знаю точно,

Уж с кем-то из моих знакомцев будет схож.

К венцу? Пожалуйста! Любой супруг хорош.

Анжелика.

Любовь представила ты миру в свете новом.

Я знаю, что в карман не лезешь ты за словом,

Но, остроумие твое весьма ценя,

Скажу, что не смогла ты убедить меня.

Бедняжка! Ты еще не знаешь, что такое

То счастие, когда вдруг ощущают двое,

Что бьются их сердца биением одним,

Что их роднит любовь, чей жар неугасим.

Толпа поклонников! Не спорю, это лестно,

Но нищета их чувств тебе самой известна:

Не любит ни один, хоть влюблены тьмы тем.

Иметь желая все, останешься ни с чем.

Филида.

Ах нет, ах нет, мой друг! Поверь, мы все устали

От ложной мудрости, от прописной морали.

Уж если Алидор фетиш твой, твой кумир,

Все ж от тебя зачем он заслонил весь мир?

Ты сердце отдала, так сохрани хоть зренье —

Взгляни, как мучится Дораст! Из сожаленья

Будь с ним поласковей, суровый взор смягчи,

Благим притворством боль страдальца облегчи.

Анжелика.

Притворство — за любовь? Прекрасная отплата!

Не стану твоего обманывать я брата.

Нет, истинную страсть столь высоко я чту,

Что вровень ставлю с ней одну лишь

прямоту.

Филида.

Лишь прямоту? Но с ним ты просто неучтива:

Молчишь, скрываешься… Тогда как он на диво

Робеет пред тобой, любовь свою тая.

Постой! Куда же ты?..

Анжелика уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Филида, Дораст.

Дораст.

Причина бегства — я.

Что спрашивать, сестра, когда здесь нет загадки?

Она, узрев меня, бежит прочь без оглядки.

Ее немой уход безмолвно говорит

О том, как тягостен, противен ей мой вид.

Филида.

Ну вот, ты видишь сам итог моих стараний.

Вмешалась, чтоб ты был избавлен от страданий,

Расхваливала ей тебя со всех сторон,

Расписывала ей, как пылко ты влюблен,

С ее холодностью боролась беззаветно,

Просила, спорила, высмеивала, — тщетно!

Мне и твоей любви помочь не удалось,

И, сверх того, боюсь, — моя с ней дружба врозь.

Дораст.

Я вижу, что тебе смешны мои печали.

Филида.

Когда бы и меня они так удручали,

Какой бы для тебя от этого был прок?

Уж ты и без того от скорби изнемог,

Столь презираемый своей любви предметом;

А если бы и я расплакалась при этом, —

Удвоила бы лишь твоих мучений груз.

У каждого свой нрав, у каждого свой вкус.

Когда бы не была веселого я нрава,

Как я смогла б тебе помочь? Подумай, право.

Готова действовать с тобою заодно,

Но вместе горевать, лить слезы — неумно.

Нет горестей таких (скажу скромней — их мало),

Которых бы моя веселость не сломала;

Не бойся, выведу тебя на верный путь.

Признайся, ты уже утешился чуть-чуть?

Не облегчила ль я твоей сердечной боли?

Дораст.

Мне горько, но с тобой смеюсь я против воли.

Тебе прощаю все, но помоги в беде!

Любыми средствами разведай — как и где…

Филида.

Пойдем домой, Дораст. А, вот еще влюбленный:

Один поклонник мой, в мечтанья погруженный.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеандр один.

Клеандр.

Нет, не снести мне этих мук!

Увы, раздавлен я сей горестью великой:

Я очарован Анжеликой,

Но Алидор — мой лучший друг!

Где силы мне найти, чтоб вырваться из круга:

Как верным быть любви, не предавая друга?

Долг дружбы и любви мне свят,

Боюсь и сам с собой я поделиться тайной:

Ведь может выдать вздох случайный,

Случайный может выдать взгляд.

И в сердце глубоко свою скрываю страсть я,

Терплю, ни от кого не требуя участья.

Чтоб горе обмануть свое

И утешение дать чувствам уязвленным,

Прикидываюсь я влюбленным

В подругу лучшую ее.

Но лишь затем я льну к Филиде нежным взглядом,

Что здесь она живет — с моей любимой рядом.

Ее узрел я — и с тех пор

Я раб ее очей, влачу любви оковы

И жду, всегда поймать готовый

Случайно оброненный взор.

К Филиде прихожу, чтоб видеть Анжелику,

Ей чувств моих принесть хоть малую толику.

О друг, моя ли в том вина?

Страсть безответная и так язвит же-

стоко;

Казнюсь вдвойне, что волей рока

У нас избранница одна.

Достоин, может быть, я самой строгой кары

За то, что и меня взманили те же чары.

Ты предпочтен. Уж близок срок,

Нерасторжимые соединят вас узы.

Не будет вам во мне обузы:

Я знаю, что всевластен рок.

Из сердца вырвать страсть, нет способа иного…

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клеандр, Алидор.

Алидор.

Итак, на площади ты Королевской снова?

Печален, одинок. Я знаю, в чем секрет:

Твоей возлюбленной, Филиды, дома нет.

Клеандр.

Не удивлен и я: все налицо улики,

Что ты сюда спешил к прекрасной Анжелике.

Алидор.

Увы, Клеандр, ты прав, и в том моя беда.

Противлюсь, но опять влечет меня сюда.

Клеандр.

Твой пыл не победил ее сердечной стужи?

Алидор.

Как раз наоборот. И это вдвое хуже.

Мое несчастье в том, что слишком я любим.

Чуть меньше — пыл бы мой мог превратиться в дым.

Была бы в ревности повинна иль в кокетстве,

И не пришел бы я на край пучины бедствий!

Так нет!.. Ее краса есть чудо; но вдвойне

За чудо я почту ее любовь ко мне.

Сколь это пагубно для моего покоя!

Поверишь ли, я с ней не знаю, что такое

Капризы женские, противоречье, спор!

Поверишь, все мои желанья до сих пор

Неукоснительно предвосхищались ею.

Своих соперников я искренне жалею,

Они в отчаянье: красавица — как лед.

А вот меня она горячностью убьет.

Клеандр.

Утонченности чувств пример непостижимый:

Жалеть, что чересчур любим своей любимой?

Алидор.

А ты решил, что я похож на всех, мой друг?

Что тех же правил я держусь, как все вокруг?

Напрасно! Я рожден для чувств и взглядов новых.

Пусть прочие живут в супружеских оковах, —

Я вольным быть хочу, а не рабом страстей:

Как ни сильна любовь, я не поддамся ей.

О нет, взнуздать себя любви я не позволю,

Напротив — ей свою я продиктую волю.

Себе я господин. На то моя лишь власть —

Иль в сердце укрепить, иль вырвать с корнем страсть!..

Но с Анжеликою, признаюсь откровенно,

Сей путь заказан мне: она столь совершенна,

Что я все помыслы к ней устремил одной

И вовсе стал незряч для красоты иной.

И, как бы разумом я ни ценил свободу,

Стараюсь делать все возлюбленной в

угоду.

Признаться совестно, что я настолько слаб:

Желаю властвовать, а сам всего лишь — раб.

Что может быть смешней, что может быть нелепей?

Нет, нет, любой ценой порву я эти цепи.

Решенье принято. Я поступаю так

Из опасения, что превратит наш брак

Любовь по склонности в любовь по принужденью.

Клеандр.

Любя, мешаешь сам своих надежд свершенью?

Алидор.

Молчи! Сердечных ран моих не береди!

Боготворю ее! Но что ждет впереди?

Как хороша она! Но красота не вечна.

Да и любовь моя, быть может, быстротечна:

А вдруг наскучит то, что так влечет сейчас?

Ведь время не щадит ни наших чувств, ни нас.

С теченьем лет себя мы не узнаем сами;

Воззренья, склонности меняются с годами,

И не хочу скрывать: при том, что я не трус, —

Я как огня боюсь нерасторжимых уз...

Бесспорны доводы ума. Но Анжелика

Столь хороша, нежна, разумна, ясноликa,

Что если крайних мер я нынче ж не возьму,

То не сумею впредь страсть подчинить уму.

Так вот, чтоб избежать душевной этой смуты,

Чтоб разорвать любви пленительные путы,

Намерен на себя я гнев ее навлечь:

Вспылит, порвет со мной — и все забо-

ты с плеч.

Там надобно рубить, где узел неразрывен;

Я чересчур влюблен — пусть стану ей противен.

Пока она сама меня не оттолкнет,

Из этих сладостных не вырвусь я тенет.

Клеандр.

Ты любишь ли?

Алидор.

Люблю. Но в столь жестоком средстве

Есть смысл: одной бедой спасусь от многих бедствий.

Клеандр.

Ах, что-то скажешь ты, когда другой сорвет

Созревший для тебя, тобой взращенный плод?

Сперва обида, гнев, презрение, а там уж,

Чтоб только отомстить, бедняжка

выйдет замуж.

Тут жало ревности тебе вонзится в грудь,

Весь изведешься, но — былого не вернуть.

Алидор.

Ты ошибаешься: сказав прости надежде,

Вернусь к спокойствию, в котором жил я прежде.

Я мучусь; но пойми — когда сожгу любовь,

Из пепла вырастет моя свобода вновь.

Клеандр.

Ну, если так, тогда признаюсь откровенно,

Что в Анжелику я влюблен самозабвенно,

Но, как твой верный друг, до сей поры был нем.

Хожу в поклонниках Филиды лишь затем,

Что видеть я при том могу ее подругу.

И раз уж так сошлось, то, может быть, услугу

Теперь я окажу обоим вам зараз:

И облегчу тебе твой от нее отказ,

И ей дам выместить любовную досаду,

За что сам получу любимую в награду.

Алидор.

Коль создан ты и впрямь для брачного ярма,

Коль не страшит тебя бессрочная тюрьма,

Коль хочешь ты терпеть пожизненную пытку, —

Изволь, готов твою я поддержать попытку.

Да, пусть достанется любимая моя

Тебе, мой друг, тебе, мое второе «я».

Клеандр.

Попробуем… Но ты — боюсь, не оскорбить бы —

Задумал, может быть, лишь избежать женитьбы

И за чужой спиной...

Алидор.

Опомнись, милый друг!

Иль в чистоте ее ты усомнился вдруг?

К тому ж я девушку люблю, по ней тоскую,

Однако на жену и не взгляну чужую.

Ты знаешь множество моих былых побед,

Но хоть один супруг был мной обижен? Нет.

Противен мне обман, — он скрыт или заметен, —

Равно держусь вдали от ревности и сплетен;

Не занимаюсь я нечестною игрой.

И если я — ну что таить греха? — порой,

Не чувствуя любви, вздыхал с влюбленным видом,

То, каюсь, не хотел дать повода к обидам:

Словами золотил я чувств простую

медь,

Чтоб гордость девушки влюбленной не задеть.

Меня подозревать, прости, смешно и дико!

Верь, станет нынче же твоею Анжелика.

Обсудим, как в судьбе свершить нам перелом:

Чтоб я утратил, ты — обрел любовь. Пойдем!

Мы чувства усмирим и подчиним рассудку.

Клеандр.

Пойдем! Сомненья же мои сочти за шутку.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анжелика, Полимас.

Анжелика *(с письмом в руке).*

Как мог твой господин так низко изменить?

Полимас.

Напрасно он хотел через меня вручить
Подобное письмо. Без долгих размышлений
Я изменил ему, чтоб дать урок измене.
Раз он вас предает без всякого стыда,
И я, предав его, принес письмо сюда.

Анжелика.

Помыслить не могла об этом я доныне!
Мой Алидор... Он шлет признания Кларине?
Так он играл со мной, забыв и стыд и честь?

Полимас.

Он оправдания не сможет вам привесть.

Не думал, видно, он, игрой увлекшись этой,

Что вы отплатите — и тою же монетой.

Я только уж прошу меня не выдавать,

Не то мой господин начнет рвать и метать.

А будь я в стороне, ни в чем не виноватый, —

Вам пользу принесу как верный соглядатай.

Анжелика.

О месте, Полимас, не бойся ты своем:

Я знаю, что сказать и умолчать о чем.

Полимас.

Скажите, например, что встретили Кларину

И…

Анжелика.

Не учи. Вернись с отчетом к господину.

Полимас.

А может быть…

Анжелика.

Ступай!

Полимас.

Но я…

Анжелика.

Не прекословь!

Полимас уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анжелика одна.

Анжелика.

Ужель и вправду он попрал мою любовь?

Так пылкость чувств его — и страсть и нежность — в прошлом?

Иль это с первых слов притворством было пошлым?

Иль все любовные признания — обман?

Иль вздохи, и мольбы и клятвы — лишь капкан

Для уловления молоденькой простушки?

И то, что свято мне, ему — пустяк, игрушки?

А вот и он!.. Идет с улыбкой, не спеша…

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анжелика, Алидор.

Алидор.

Могу ль я миг побыть с тобой, моя душа?

Но что я — миг! Ведь нам с тобою, друг сердечный,

Покажется и год минутой быстротечной.

Анжелика.

Ты это говоришь без краски на лице?

Ни капли нет стыда в бессовестном лжеце!

Ты думал, что судьба тебе во всем послушна

И ослепит меня? Что я так простодушна?

Ты полагал, что скрыть измену удалось?

Узнай же: вижу я всего тебя насквозь.

Очистился мой дух в горниле горьких истин:

Сколь был ты дорог мне, столь нынче ненавистен.

Алидор.

Однако странный же оказан мне прием!

Могу ли я узнать, причина в чем?

Анжелика.

Как — в чем?

Ты предал, изменил — бессовестно и низко!

Читай!.. Иль не тобой написана записка?

Алидор *(читает письмо, которое Анжелика держит в руках).*

«Кларина! Я отныне ваш,

Себя вам отдаю на милость,

Страсть к Анжелике испарилась,

Как наваждение, как мираж.

Она — живое изваянье:

И взгляд лишен игры, и не манят уста;

Влюбленный, был я слеп, а ведь она пуста —

Ни прелести, ни обаянья.

Затем вам отдаю весь жар моей души,

Что так она скучна, а вы — так хороши».

Анжелика.

Как видишь, твой обман стал явственным, предатель!

Алидор.

И только-то всего?

Анжелика.

Что слышу? О создатель!

Обманом все мое потрясши существо,

Он издевается: «И только-то всего?»!

Ты разлюбил? Ну что ж, утешусь я в потере,

Но, клятвы позабыв, забудь по крайней мере

И самое меня. Опомнись, устыдись,

Над недостатками моими не глумись!

Я разонравилась, тебе мила другая,

Но восхваляй ее, меня не оскорбляя.

Алидор.

Так разобидеться от двух правдивых слов!

Анжелика.

Святые небеса! Иль нет у вас громов

Для вероломного? Не грежу ли я, право?

Моя обида, боль — ему лишь смех, забава!

Алидор.

Да, вы поистине в неистовстве таком,

Что впору были бы вам молния и гром —

Могли бы действовать вы с громовержцем вместе.

Анжелика рвет письмо на клочки.

Достойный вы нашли предмет для страшной мести!

Бумажка бедная, досталось крепко ей!

Анжелика.

Так сердце бы твое порвать в клочки, злодей!

Алидор.

Увы, как женщины на комплименты падки!

Посмей лишь помянуть про ваши недостатки,

И тут же, сразу же ты — погубитель, тать,

Кого неплохо бы на части разорвать.

Коль вас от критики разобрала досада,

И это зеркало

(Подносит к глазам Анжелики зеркальце, прикрепленное шнурком к ее поясу){16}

разбить в куски вам надо:

{16} Комментарии: 2.16

К стр. 99

…зеркальце, прикрепленное шнурком к ее поясу. — В то время подобные небольшие зеркала входили в моду, знатные женщины носили их у пояса. Не обходились без таких зеркал и кавалеры.

Ведь я в своем письме щадить старался вас,

А здесь прочтете вы всю правду без прикрас.

Анжелика.

Да, каждый мой изъян мне в зеркале заметен,

Однако зеркало не распускает сплетен.

Как ни безжалостно правдивое стекло,

Предательство свершить оно бы не могло;

Все недостатки мне являет без изъятья —

Как друг: чтоб их могла от недругов скрывать я.

Алидор.

Вы в гневе, ваша цель — больней меня кольнуть.

Не мните ль, что, себя бия усердно в грудь,

Я буду каяться, вымаливать прощенье?

Но если так, мне жаль: вы в полном заблужденье.

Анжелика.

Прочь, дерзкий, с глаз моих!

Алидор.

Совет ваш в самый раз:

Я только и мечтал исчезнуть с ваших глаз.

Хоть страшен приговор, не буду я в убытке:

Изгнаньем вы меня избавите от пытки.

Под вашим знаменем я не хочу служить,

Но этот ваш приказ исполню, так и быть.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анжелика одна.

Анжелика.

Мой унизительный приказ с таким ты рвеньем

Исполнить поспешил, что места нет

сомненьям.

И наказанью ты столь откровенно рад,

Что я, казня тебя, казню себя стократ.

Смешны мои слова и жалок гнев мой ярый,

Раз ты наградой счел, что я считала карой.

Из-за себя терплю, лишь по своей вине!

Твое предательство предвидеть было б мне!

Как дорого плачу за это легковерье!..

Могла бы сохранить хоть гордость. А теперь я

По неразумию лишь помогла ему:

Что ж, узник, радуйся, — покинул ты тюрьму.

Горит моя душа! К несчастью, руки слабы.

А будь они сильней — как гнев мой, — о, тогда бы

Насмешкам всем его положен был конец!

Не восхвалял ли он слиянье двух сердец?

Но передал другой он сердце — то, которым

Уже владела я, — так, значит, стал он вором?

Должна бы, ревности неумолимой вняв,

Я мстить — от имени своих священных прав!..

Увы, кипенье чувств, слов, мыслей — все напрасно:

Над ним уж ни любовь, ни месть моя не властна.

О небо! Видишь ты, что мстить причины есть,

Так средство ниспошли свершить мне эту месть!

Куда мне кинуться? Кто мне за все заплатит?

Кто по моей вине покой и сон утратит?..

Каким отчаяньем полна душа моя!

Лишь я наказана, хотя безвинна я…

Но нет, на небеса ропщу несправедливо:

Иль не моя вина, что, страстного порыва

Не в силах превозмочь, я сердце отдала

Клятвопреступнику, лжецу, исчадью зла?

Молю вас, небеса, на просьбы снизойдите:

Забвенье дайте мне, иль жизнь его возьмите!

Пусть я обидчика забуду навсегда,

Иль смерть его мне даст спасенье от стыда!

Но что я, — смею ли свой гнев так разжигать я?

Он дорог мне еще, зачем же слать проклятья?

Нет, нет! В раскаянье прошу я у судьбы:

Пусть кровожадные не сбудутся мольбы!..

О, если бы скорей забыть ошибку эту!

Но если для меня не вдруг он канет в Лету, —

Пусть помнится не то, чем он пленять

умел,

А только чернота его преступных дел!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анжелика, Филида.

Анжелика.

Филида! Алидор решил со мной расстаться.

Филида.

А почему бы нет? Чему тут удивляться?

Да ты с высот своих на грешный мир взгляни:

О постоянстве нет и речи в наши дни.

Все переменчиво… Но мы найдем лекарство.

Анжелика.

Нет! Насмерть ранило меня его коварство.

Филида.

Иль на поклоннике сошелся клином свет?

Любого из моих возьми, им счету нет:

Раздам по одному всем девушкам в Париже —

И то останутся две тыщи. Не грусти же!

Анжелика.

Ни слова более, иль тут же я умру.

Молчи, — прошу тебя как друга, как сестру.

Филида.

Сестру?.. А что ж, не прочь я стать твоей сестрою.

Анжелика.

Все шутишь ты?

Филида.

Ничуть. Я это вмиг устрою…

Ну полно, не горюй! С тобой стряслась беда;

Как брат ни дорог мне, злорадству я чужда.

Ты опечалена коварством Алидора,

Но головой тебе ручаюсь, я, что скоро

—

Дня через два, ну три — к тебе вернется он

С повинной и тотчас окажется прощен.

Анжелика.

Предатель, бросивший меня ради Кларины?

Филида.

Да полно! Близ нее не держатся мужчины.

Разочаруется он вмиг; бьюсь об заклад,

Что через два-три дня воротится назад.

А ты — хотя сейчас клокочешь и пылаешь —

Вновь увидав его, немедленно растаешь.

Уронит он слезу, вздохнет, — и вот опять

Между влюбленными былая тишь да гладь.

Конечно, за тебя я радоваться буду…

Но как бы этот мир не обернулся к худу?

Ведь тот, кто обманул один хотя бы раз,

Обманет и второй. Что ждет отныне вас?

Часы идиллии, а вслед за ними — сцена,

Вновь примирение — и новая измена.

Простишь разок, другой, — его и понесло:

Ведь снисходительность лишь поощряет зло,

Анжелика.

О нет, сестра моя, даю тебе я слово,

Что не прощу ему предательства такого.

Когда ж замечу я в душе хоть малый след

Постыдной слабости, то, чтобы сей обет

Не нарушать, пойду я на любую крайность.

Прощай! Произошла несчастная слу-

чайность, —

Ошибку сделала. Ее не повторю.

Уж лучше, чем к нему, в объятья к дикарю!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Филида, потом Дораст.

Филида.

Скорей ковать, пока железо не остыло!

Стучит ногою в дверь своего дома; оттуда выходит ее брат.

Дораст! Нам ворожит таинственная сила.

Пусть опечаленный твой прояснится взор.

Знай: Анжелике…

Дораст.

Что?

Филида.

Противен Алидор.

Дораст.

Противен Алидор? Ты шутишь?.. Повтори-ка!

Филида.

С избранником своим рассталась Анжелика.

Дораст.

Но почему? Но как?

Филида.

Коль ты себе не враг,

То времени не трать на «почему» да «как»,

А марш к ее отцу! Поладишь ты с папашей, —

И пассия твоя сегодня ж будет нашей.

Дораст.

Совет хорош, сестра, но если мой приход

Окажется...

Филида.

Ступай!.. Лисид сюда идет.

А ты подумай сам: соседство брата кстати ль

Тогда, когда со мной воркует воздыхатель?

Дораст уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Филида, Лисид.

Лисид.

Прогнали вы его?

Филида.

А что нам проку в нем?

Иль не милей тебе побыть со мной вдвоем?

Свободней будешь ты в сердечных излияньях,

Поведать можешь мне о сладостных мечтаньях.

Раз мы теперь одни, чувств пылких не таи.

Не предвосхитила ль я чаянья твои?

Лисид.

Да, предвосхитили. Добры вы чрезвычайно.

Но столь же вы добры, — что для меня не тайна, —

К моим соперникам. Пять братьев рад терпеть,

Лишь снизить бы число поклонников на треть.

Филида.

Вот что? А мне так сто поклонников, признаться,

Приятней одного-единственного братца.

Как странно: мало в чем мой совпадает вкус

С твоим, но без вреда для наших нежных уз!

Лисид.

Я телом и душой в державной вашей власти.

Нет у меня иных ни вкусов, ни пристрастий,

Как только угождать владычице моей.

Филида.

Умно! Я думаю, мужчина тем умней,

Чем больше жертвует он той, кто им любима.

И я ценю…

(Видит Клеандра, который направляется к дверям Анжелики.)

Клеандр! Никак, прошли вы мимо?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Клеандр.

Клеандр.

Вы заняты. Не смел навязываться.

Филида.

Да?

Какие глупости! Пожалуйте сюда.

Всегда окружена влюбленною толпою

(Ведь от поклонников нет у меня отбою),

Я уверяю вас: достанет сил моих,

Чтобы занять своей беседою двоих.

Вас много, я одна; уж будьте столь

любезны,

Делитесь с прочими. Тут споры бесполезны.

Клеандр.

Вы это можете мне говорить в лицо?

Филида.

Убудет вас, коль я скажу ему словцо?

Клеандр.

Пусть даже вашим бы я был польщен вниманьем, —

Что радости владеть всеобщим достояньем?

Филида.

Всеобщим? Если вы себялюбивы столь,

Готова первую вам предоставить роль,

Никто вам предпочтен не будет. С вас довольно?

Клеандр.

Боюсь, что прозвучат мои слова крамольно.

Довольно было бы, когда б как моты-

лек

Сам перепархивал с цветка я на цветок.

Но тот, кто целиком одной охвачен страстью,

Не сможет никогда довольствоваться частью.

Филида.

Я предпочла бы вас, будь лучше вы других.

Однако же среди поклонников моих

Найдется тысяча таких, что вас не хуже,

Притом — покладистей. Вам потакать? К чему же?

Боюсь, что, чересчур взыскательно любя,

Вы любите, Клеандр, лишь самого себя.

Лисид *(Клеандру).*

Ты совершенно прав. Стези держись ты этой

И то же нашим всем соперникам советуй.

Клеандр.

Должно быть, многие подхватят мой почин,

И скоро ты при ней останешься один.

Филида.

Вот как! Задумал ты мне изменить? Скажи-ка,

Кто новый твой предмет?.. Молчишь!.. Кто? Анжелика?

Непозволительно пренебрегая мной,

Пятнаешь ты себя изменою двойной:

Любимой изменить — бывает, отчего же!

Однако ты притом и друга предал тоже.

Куда кощунственный ты устремляешь взор?

К той, чьими чувствами владеет Алидор?

Клеандр.

Зачем я к ней иду, известно Алидору,

Не бойся за него. Лишь удивляться впо-

ру,

Сколь близко к сердцу ты, Филида, приняла

Настолько от тебя далекие дела.

Филида.

Ну что ж, перед лицом грозящей мне потери

Я думаю, что нам с тобой по крайней мере

Недурно счеты свесть. Не окажусь в долгу.

Равна у нас игра: ответить я могу

На каждый твой упрек претензией давнишней.

Лисид.

Боюсь, у вас в игре я буду — третий лишний.

Филида.

Пожалуйста, ступай. Свободен ты на час.

Лисид.

Ну, судя по тому, как началось у вас,

Могу располагать я сроком большим вдвое.

Филида.

Хоть вчетверо! Меня задел он за живое.

Лисид уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Филида, Клеандр.

Филида *(удерживая Клеандра, пытающегося ускользнуть и войти в дом Анжелики).*

Куда же ты? Постой!.. Не уходи! Не смей!

Иль я позволила уйти? Ах ты злодей!

Ответь, бессовестный, ответь сейчас же, гадкий:

Я разве от тебя бежала без оглядки,

Когда ты здесь дрожал и млел передо мной?

Я слушала. А ты, оборотясь спиной,

Не слушаешь.

Клеандр.

С меня довольно празднословья.

Тебе навек бы рад отдать свою любовь я,

Когда бы лишь меня любила ты в ответ.

Филида.

А я к тебе, мой друг, не так строга. О нет!

При мне свободен ты любить кого угодно,

Захочешь — разом всех, а то — поочередно.

Я знаю: облик мой от совершенств далек,

И можно не один мне предъявить упрек,

Но дружбы ты моей не отвергай сердечной, —

Тут, как ни в чем другом, я буду безупречной.

Клеандр.

Зачем, упрямая, не отпускаешь ты?

Филида.

Зачем, безжалостный, меня бросаешь ты?

Клеандр.

Ну полно, отпусти рукав по крайней мере!

Филида.

Знай: если вырвешься, войду я в те же двери,

И все, что ты хотел сказать наедине,

Ты будешь вынужден произнести при мне.

Уж если захочу — так насмерть я пристану,

И к общему прийти нам выгоднее плану.

Вчера художником доставлен мне портрет,

А, как бы ни было, в тебе глубокий след

Оставил образ мой; ты лучше всех на свете

Со мной знаком, судить ты можешь о портрете

Верней других. Пойдем! Так важен мне

твой суд!

Клеандр.

Портрет отличный,

Филида.

Жаль тебе двух-трех минут?
Не упирайся же! Ведь этою ценою
Ты купишь у меня права порвать со мною.

Клеандр.

Чтоб выкупить свою свободу, я готов
Не только что к тебе, — сойти во львиный ров.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Филида, Клеандр.

Клеандр.

Портрет твой отразил оригинал отлично:
Как ты, улыбки шлет и столь же безразлично.
Однако ж он, портрет, не склонен к болтовне
И не пытается навязываться мне.

Филида.

Забыв любовь, яви хотя бы справедливость:
Ведь гостя мне велит сопровождать учтивость.

Клеандр.

Учтивость я ценю, но чуть ее умерь.
Надеюсь, что меня отпустишь ты теперь?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дораст.

Дораст.

Поздравь меня, сестра, своей достиг я цели.
Как упоительно минуты пролетели!
И с Анжеликой мы...

Клеандр.

Что? С Анжеликой?..

Дораст.

Да.
Мы с нею поняли друг друга без труда:
Я дам здесь нынче бал, и брачным договором
Его мы завершим. Ты, встретясь с Алидором,
Утешь его — уж пусть удар переживет.
Прощай! Ведь у меня сегодня тьма хлопот.

Филида *(Клеандру.)*

Не мни, что на твою досадую измену:

Полсотни явятся тотчас тебе на смену.

Свободен ты уйти или остаться тут,

Где, право же, тебя не держат и не ждут.

А эти полчаса жеманства и кокетства —

То было хорошо обдуманное средство:

Мой брат смог без помех сей важный сделать шаг.

При тонкости твоей — и так попасть впросак!

Филида и Дораст уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеандр один.

Клеандр.

Благие небеса!.. С досады чуть не плачу.

Кто мог предугадать такую незадачу?

Мы планы строили, мы тратили труды —

Чтобы другой собрал созревшие плоды?

Заветный приз, что мне уступлен Алидором. —

Он среди бела дня похищен дерзким вором!

Весь труд наш попусту!.. Но эти!.. Мастера!

Брат занят грабежом в то время, как сестра

Старается отвлечь внимание от братца!

Хитрят, плутуют, лгут, терзают — и глумятся.

Он горд, что в полчаса обстряпал все дела,

Она — что мне глаза так ловко отвела.

Поддеть меня, сразить им удалось обоим,

В отместку ж не могу я сделать ничего им.

Ограблен, высмеян!.. Ах, к Анжелике страсть

Заставила, Клеандр, тебя так низко пасть!..

Но почему, скажи, торопишься ты сдаться?

Иль в чувстве ты своем стесняешься признаться?

Зачем ты наглецу без боя уступил?

Недостает любви? Решительности? Сил?

Меж тем есть у тебя надежная опора:

Прикрыться можешь ты правами Алидора.

Не хочешь говорить о собственной любви, —

Его защитником себя ты объяви.

Твой друг — как нынче же всем станет очевидно —

Отставлен, оскорблен, а ты стерпел. Не стыдно?

Да уж не струсил ли? Здесь нравы таковы,

Что станешь сразу же мишенью для молвы.

Нет, воры! Не пройдет вам злодеянье даром!

Я средство отыщу спасти одним уда-

ром
Любовь и честь — равно я ими дорожу —
И, друга поддержав, соперника сражу.
Сначала должен я, злодеям этим в пику,
Отвоевать у них для друга Анжелику,
А он ее из рук мне в руки передаст.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клеандр, Алидор.

Алидор.

Ну как?

Клеандр.

Ах, друг, меня опередил Дораст!
Воспользовался он досадой Анжелики…

Алидор.

И что ж?

Клеандр.

Она в сетях мошеннической клики:
Филида и Дораст…

Алидор.

Чего же он достиг?

Клеандр.

Он завтра женится. Готовится в сей миг

Он к балу, что дает сегодня у невесты.

Я протестую! Я…

Алидор.

Бессмысленны протесты.

Но ты уверен?

Клеандр.

Я? Он рассказал мне сам.

Алидор.

Благодаренье бы вознес я к небесам,

Будь меньше хоть чуть-чуть мил сердцу моему ты:

Коль узы свяжут их, с меня спадут все путы.

Ее прекрасный лик повелевает мной,

Пока не сделалась она чужой женой;

Я горд, и наш разрыв мне жизни не раз-

рушит,

Их факел свадебный вмиг страсть мою потушит.

Я был готов пойти на Геркулесов труд,

Чтоб только избежать любовных этих пут!

О, радость горькая свергать свой идол в храме —

Боготворить в душе и оскорблять словами!..

Я ветреностью скрыть решился показной

Боязнь, что навсегда стал верен ей одной.

Я в муках победил, смирил рассудком страсть я,

Я мнил такой ценой добыть для друга счастье,

Но пользу для себя сумел извлечь другой.

Горюет мой Клеандр, — как мне вкушать покой?

Да это для меня позором было б вечным,

Когда б мой дар тебе был отнят первым встречным.

Нет, слово я сдержу наперекор судьбе,

И Анжелика все ж достанется тебе.

Клеандр.

О нет, мой Алидор, я жертв таких не стою.

Отдайся своему душевному покою.

Оставь меня, я сам… Любимую свою

Я силой отберу иль смерть найду в бою.

Коль вовсе не лишен соперник мой отваги,

В борьбе за этот приз скрестим мы нынче шпаги.

Алидор.

Мой простодушный друг, улыбку мне прости;

Так можно лишь отнять, но не приобрести.

Примеров не было в истории доселе,

Чтоб счастье родилось как следствие

дуэли.{17}

Свой безрассудный план, мой пылкий друг, забудь:

Я изберу иной, не столь опасный путь.

Ступай! Я встречусь с ней. Поверь в мое искусство:

На время воскресив угаснувшее чувство,

Ее переманю я вновь.

Клеандр.

Но, Алидор…

Алидор.

Ступай, я говорю! Твои сомненья — вздор.

Ты портишь мне игру. Конец венчает дело.

{17} Комментарии: 2.17

К стр. 112

Примеров не было в истории доселе, чтоб счастье родилось как следствие дуэли. — В оригинале Алидор в подтверждение этой мысли ссылается на слова Феанта, героя комедии Корнеля «Компаньонка». Напомним, что там Феант говорит (действ. II, явл. 13):

«Бессмысленно искать решение в дуэли:
Любой ее исход достичь не даст мне цели.
Ну, подеремся мы, — один падет в бою,
Другой умчится вдаль, спасая жизнь свою».

Клеандр.

Бесценный друг! Тебе я вверился всецело.

Прощай! Я буду жить в плену одной мечты:

Столь щедро отдарить, сколь щедро даришь ты.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Алидор один.

Алидор.

О дружба! Сколь твои обычаи суровы!

Уже свободным стать — и вновь надеть оковы!

Вновь с нею свидеться, вновь оживить любовь,

Дабы ее предать во имя дружбы вновь…

Иль не впаду с самим собой в противоречье,

Подняв опять тот груз, который сбросил с плеч я?

Такой бы я судьбы не пожелал врагу;

Все ж, как ни трудно мне, а другу — помогу.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анжелика одна (в своей комнате).

Анжелика.

Увы, решенье роковое!
С досады я сама гублю судьбу свою!
Я об утрате слезы лью,
Приобретенье же еще мне горше вдвое,
И как бы Алидор ни оскорбил меня,
Сильней я мучаюсь теперь, его казня.
Отмстить желая за измену,
На горестный союз согласье я дала!
Открылась мне пучина зла,
И чувствам узнаю я истинную цену.
Увы! Вся жизнь моя распалась ныне в прах:
В минувшем только стыд, в грядущем только страх.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Анжелика, Алидор.

Анжелика.

Зачем, бессовестный, сюда пришел ты снова?
Чтоб тем удвоить боль от оскорбленья злого?
Потешиться пришел ты над потоком слез
И над осколками тобой разбитых грез?
Ты любопытствуешь, кровоточит ли рана,
Которую нанес ты лезвием обмана?
С холодной дерзостью в глаза мне объявив,
Что страстный пыл твой — ложь, что верность твоя — миф,
Не мнишь ли ты теперь, что, преклонив колени,
Заставишь позабыть о варварской измене?
Не верю я в твое раскаянье, о нет!

Иди! Ступай туда, где новый твой предмет

Оценит тонкость чувств, и верность, и горенье.

Не мучь меня, — твой вид мне оскорбляет зренье.

Ты думаешь, с тех пор как ты мне изменил,

Лишилась я совсем достоинства и сил?

Ты поиграл в любовь, — жестокая причуда!

Ты здесь скучал — так что ж ты не спешишь отсюда?

Не унижай меня, не мучай, не порочь;

Постыла я тебе, — ступай скорее прочь.

Но ты молчишь? Как тих и как пристыжен с виду!

Иль хочешь искупить молчанием обиду?

Твое предательство, — ужель не видишь ты, —

Еще мне явственней от этой немоты!

Ту, сердце чье разбил жестокими сло-

вами,

Мнишь тронуть вздохами, безмолвными слезами?

Ты мнишь: мою любовь утратил не совсем?.

Так оправдайся же!.. Скажи мне!.. Но ты нем!

Красноречив твой взгляд, однако подтвержденья

Я вправе ожидать от уст: проси прощенья.

О чародейный взгляд! Вновь сердцем овладев,

Он повелительно мой укрощает гнев.

Смиряет бурю чувств властительное чудо…

Боюсь, не устою, коль не уйду отсюда.

(Хочет уйти, но Алидор удерживает ее.)

Алидор.

Как! Мне вернуть любовь — и от меня бежать?

Уже простив мой грех, наказывать опять?

Я знаю: страшное свершил я преступленье,

Надеяться, увы, не смею на прощенье.

Но если миг один еще мне будет дан,

Я объясню вам, сколь обманчив мой обман.

Поверьте, не был я изменником лукавым.

Мной сочиненное письмо вручил слуга вам,

Как я ему велел. Имел я цель одну:

Замыслил испытать чувств ваших глубину.

У вас в руках свое увидев сочиненье,

Я разве покраснел? Я выказал смущенье?

Ужель не стало вам понятно с первых слов,

Что к объясненью я заране был готов?

Не верите? Прошу задать вопрос Кларине.

Она вам подтвердит, что не было в помине

Меж нами нежных чувств. Я разве пел в письме

Ей гимны? Я имел другое на уме:

Старался я в сироп налить побольше яду,

Не в ней разжечь любовь, но в вас разжечь досаду.

Анжелика.

Зачем ты это все рассказываешь мне?

Чтоб горевала я о прошлых днях вдвойне?

Будь ветреником ты, забыла б я, быть может;

Твоя же верность мне мои страданья множит.

О верности своей напрасно не тверди:

Ты верен, я люблю, но все уж позади.

Алидор.

Вас завоевывать я не намерен снова,

Я знаю, что в мужья избрали вы другого.

Ну что же, я умру, отдав ему права

На сердце, где дотоль любовь ко мне жива,

Пока я жив. Разрыв сих связей есть убийство;

Союз наш, вопреки всем доводам витийства,

Нерасторжим. Но я, чтоб искупить вину,

Окончу жизнь — и тем свободу вам верну.

Анжелика.

Ах, я в отчаянье! Я мучусь нестерпимо!

Ошибка сделана, она неисправима.

Алидор.

Исправить может все отважный человек.

Анжелика.

День завтрашний, увы, нас разведет навек!

Как помешать могу я этому несчастью?

Алидор.

Преград нет для сердец, воспламененных страстью!

Коль не совсем в тебе огонь любви погас,

Ты нынче вечером спасешь обоих нас:

Беги со мной! Беги из дома до начала

Сулящего беду предсвадебного бала.

Решай! Велишь — умру, велишь — останусь жив.

Анжелика.

Живи!.. Но как молва мой объяснит порыв?

Алидор.

Увы! Вот женских чувств коварная зыбучесть:

На карте жизнь моя, на карте ваша участь,

Но беспокоит вас лишь приговор молвы!

Вы вправе сделать так, как вздумаете вы.

И если предпочли вы стать на путь смиренья,

Не осуждаю вас, но отступаю в тень я.

Да, смерть!.. Я жил, пока любили вы меня,

Существовать без вас я не хочу и дня.

Анжелика.

Нет, погоди! Постой!.. Ты видишь: я решилась.

Ты победил меня, сдаюсь тебе на милость.

Вели, приказывай! На все, на все пойду,

Чтоб только отвратить грозящую беду.

Мне толки не страшны, горжусь моей любовью;

Но чтобы честь мою не подвергать злословью,

Чтоб не был суд родных и близких слишком строг,

Составь записку им, хотя бы из двух строк:

С кем, почему бегу я под покровом мрака.

Прибавь, что свяжут нас святые узы

брака.

Будь с ними искренен, утешь мою родню, —

И доброе свое я имя сохраню.

Родители поймут из этого посланья,

Что в постоянстве чувств исток непослушанья.

Алидор.

Ах, сколь обрадован я милостью небес!

От этих ваших слов я сызнова воскрес.

Мне вверьтесь: к счастию вам укажу дорогу.

Испытываю я не меньшую тревогу

За вашу честь, чем вы. Сил не щадить для той,

Кто всем мне жертвует, — не долг ли мой святой?

Я возместить могу вам сразу, между прочим...

Анжелика.

А может быть, платеж по векселю отсрочим?

Боюсь, что нас вдвоем застанут. Уходи!

Страх!.. Сердце вырваться готово из груди...

Поверь, до сей поры я не была трусихой,

Но жизнь моя была размеренной и тихой,

А тут... Тсс!.. Уходи!

Алидор.

Исполню ваш приказ.

Но ждите, — возвращусь сюда в полночный час.

(Скрывается.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Анжелика одна.

Анжелика.

На что решилась ты, бедняжка?

На что безумная тебя толкает страсть?

Любви необорима власть,

И подданных своих она тиранит тяж-

ко.

Кому доверилась ты, жизнь и честь губя?

Тому, кто час назад успел предать тебя!

Нет, мне он верен, прочь сомненье!

Я вздохам и слезам не верить не могу.

Но, пусть самой себе я лгу,

Сколь сладко пребывать мне в этом заблужденье!

Я верность сохраню, пусть даже он предаст.

Что б ни было со мной — все лучше, чем Дораст.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Алидор один.

Алидор *(выходит из дома Анжелики и проходит по сцене).*

Клеандр! Она твоя, ее сумел завлечь я.

Вот торжество ума, победа красноречья!

Коль это совершил для друга, то спрошу:

Для самого себя чего я не свершу?

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Филида одна.

Филида.

Как! Вышел Алидор из дома Анжелики?

Он явно рад. Чему? Иль прежнему владыке

Сердечко робкое она вручила вновь?

Увы, что делает проказница любовь!

Двукратно изменить за полчаса всего лишь!

Вот ветреность! И ты, Филида, им позволишь,

Двум этим шутникам, Дораста обмануть?

Еще что!.. Но сперва должна ты вникнуть в суть

Интриги... Вечером возьмусь за Алидора

И если не смогу понять из разговора,

Что на уме у них, то, не спуская глаз,
За ними прослежу — не спрячутся от нас.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Филида, Лисид.

Филида.

Лисид? Вот как? Зачем вернулся ты до срока?

Лисид.

Немного ранее. Но я скучал жестоко.
Гляжу: поклонников и брата нет вблизи,
И я решил свернуть с наскучившей стези.

Филида.

Сейчас не до тебя.

Лисид.

Вот речи! До чего же
На прежнюю мою Филиду непохоже.

Филида.

Тут столько на меня забот свалилось вдруг,

Твои признания мне слушать недосуг.

Лисид.

Когда и где без слов вздыхатели вздыхали?

Филида.

Терпи до вечера, все скажешь мне на бале.

Лисид.

На бале? На каком?

Филида.

У Анжелики.

Лисид.

Да?

Спасибо за совет. До вечера тогда.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Алидор и Клеандр с вооруженными слугами.

Алидор.

Ты притаись вон там и моего жди знака.

Клеандр со своими спутниками отходит в глубину сцены.

Ночь приближается, и под покровом мрака
Я дело довершу: Клеандру я отдам
Любимую — и вновь свободным стану сам.
Лишь час — и волен я опять, как в дни былые.
Стряхну с себя ярмо любовной тирании!
Я другу помогу осуществить мечту
И в счастии чужом сам счастье обрету.

Свою любимую Клеандру отдавая,

За друга хлопоча, освобожу себя я.

Коварство, — скажут мне, — предательство!.. Но как

Я спасся б от тюрьмы, названье коей «брак»?

Клеймо изменника, возлюбленной утрата —

За волю вольную недорогая плата.

Поступок мой нельзя поставить мне в вину:

Иль не был целый год я у нее в плену?

И судьи пусть ко мне не будут столь суровы:

Как не понять, что раб хотел разбить оковы,

Как не понять, что зверь хотел сломать капкан?

Посовестись бы я пуститься на обман,

Любовь подрезала б моей свободе крылья,

И сам бы я тогда стал жертвою насилья.

Насилья?.. Ах! Увы! Признаюсь сам себе:

Не поддавался ль я в той сладостной борьбе?

Не сам ли ждал я встреч с возлюбленной всечасно,

Забыв про истину: игра с огнем опасна?

Сознание, что я в любовной западне, —

О, сколь недешево оно досталось мне!..

Ах, если б точно знать — что хорошо, что худо!

Мной движет здравый смысл, иль некая причуда?

Неясная во мне рождается боязнь:

Вдруг выход из тюрьмы есть шествие на казнь?

Унынью, Алидор, ты не поддашься ль злому,

Когда твоя любовь достанется другому?

Пока не поздно, сеть интриги разорви,

Отдайся вольному течению любви!

Не тщись гасить в душе огонь неугасимый!..

Но другу изменить?.. Но изменить любимой?..

В ней вызвать ненависть? Иль оскорбить его?

Кого-то вынужден предать я... Но кого?..

Как! Я колеблюсь вновь, я взвешиваю снова,

Когда все решено, обдумано, готово!

Нет, нет! Мой план хорош, и мысль моя верна.

Пусть даже девушка собою недурна,

Все ж это не резон, чтоб, красоте в угоду,

Я на заклание привел свою свободу.

Клеандр! Твоя любовь осилит, не робей:

Свободолюбие мое поможет ей.

Мой дух столь истомлен неволею постылой,

Что сможет он изгнать из сердца образ милый.

Великодушие — моих поступков суть,

Себя в сомненьях лишь я мог бы упрек-

нуть.

Амур! Не тщись попасть в меня стрелою страсти.

Прочь, дерзкий! Над собой я не утрачу власти.

Не скажут никогда, что этот сорванец

Меня, как всех других, осилил наконец.

И если в будущем я сочетаюсь браком,

То не как раб любви. Нет, это будет знаком,

Что сей подсказан шаг мне волей и умом,

Все обольщенья чувств здесь будут ни при чем.

Страсть…

Клеандр.

Алидор!

Алидор.

Кто здесь?

Клеандр.

Клеандр.

Алидор.

Зачем без зова?

Клеандр.

Мне надоело ждать.

Алидор.

Я повторяю снова:

Твоя забота — ждать. Все сделаю я сам.

Понадобишься ты — я тотчас знак подам.

Клеандр.

Но до полуночи осталось уж немного.

Любви, — сам ведаешь, — так свойственны тревога

И нетерпение…

Алидор.

Друг! Потерпи чуть-чуть:

Ведь счастье от тебя не может ускользнуть.

Я Анжелику жду. Она должна спуститься,

И обязательство твое — на ней жениться —

Я сразу ей вручу. Понять средь темноты

Нельзя, что подписал его не я, а ты.

А дальше действуй сам, участвовать не стану

В побеге — сыпать соль на собственную рану.

Помочь — помог, а там останусь в стороне:

Былая страсть еще чуть теплится во мне.

Клеандр.

Ах, друг, я у тебя в таком долгу! Спасибо!

Алидор.

Укройся там и жди. Да будь немым, как рыба.

Постой, еще одно: и голоса, и рост

Различные у нас. А вдруг мерцанье звезд

Откроет истину прекрасной Анжелике?

Ее родители услышать могут крики...

Клеандр.

Не бойся, сразу же рукой зажму ей рот.

Алидор.

Ступай! Как будто бы... Да, да, она идет.

Клеандр.

Не медли!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Алидор, Анжелика.

Анжелика.

Как темно! Хотя бы проблеск света!

Должно быть, Алидор поблизости тут где-то.

Алидор.

Я здесь. Условился с моими я людьми:

Чтоб не шуметь, они поодаль ждут... Возьми!

(Протягивает ей обязательство жениться,

написанное Клеандром.)

Анжелика.

Мне незачем читать. Достаточно мне слова.

Но, чтоб родители не думали худого,

Бумагу в комнате оставлю я своей,

А ты пока сзывай на площадь слуг. Скорей!

Алидор.

Бегу!..

Анжелика скрывается в доме.

Таким путем спас честь ее теперь я,

Однако ж обманул притом ее доверье,

Но раз мой лучший друг в мужья ей будет дан,

Здесь не предательство, а лишь полуобман.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Филида одна.

Филида.

Где Анжелика? А?.. Мой братец в упоенье.

Вдруг вижу — нет ее. Мелькнуло подозренье.

Я бросилась за ней, но некий вертопрах

Мне комплиментами стал докучать в дверях,

Я выслушала их лишь малую толику,

Но упустила все ж при этом Анжелику.

Ее погибель ждет. Ах, Алидор!.. Злодей!

Как прежде властвовал, он властвует над ней.

Уже он обманул, но ей, как видно, мало!

Увы, сомненья нет, несчастная пропала!

Я сразу поняла, куда она спешит.

Подумать лишь, какой у брата будет вид!

Ужасно, что во всем сама я виновата:

Когда б я вовремя предупредила брата...

Появляются Алидор и Клеандр со слугами. Алидор, указав на Филиду, которую он принимает за Анжелику, отходит в глубину сцены. Клеандр зажимает рот Филиде, и ее похищают.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Алидор один.

Алидор.

Свершилось, увезли... Но сердце, — почему
Оно упреки шлет коварству моему?
Зачем колотится в бунтарстве эфемерном
И средь моих измен остаться хочет верным?
Я чувствую, как, мне наперекор, оно
Любовью страстною вновь воспламенено;
Гнушаясь тем, что я вменил себе в заслугу,
Добычу требует, мной отданную другу.
О горе! Я, подпав под власть жестоких сил,

Любимой за любовь изменой заплатил?

Злодей! Когда, любя, я так ее обидел,

То что я сделал бы, когда б возненавидел?..

А ты подумал ли, жестокий Алидор,

Что ей даешь в удел отчаянье, позор?

Представь потоки слез, вообрази стенанья, —

Ужель не трогают тебя ее страданья?

Клеандр недалеко. Спеши за ним вдогон!

Пусть явит в свой черед великодушье он...

Что? Я сошел с ума? Нет, надо быть мужчиной.

Себя разжалобил я жалостной картиной.

Иль, храбрый днем, во тьме стал трусом Алидор?

Внять состраданию, не вняв любви? Вот вздор!

Старался я, и что ж — пойдут усилья прахом?

Мне — впасть в раскаянье? Поддаться глупым страхам?

Разочарован я, увы, в себе самом:

Я, Алидор, забыл, как страсть смирять умом?

Червь сострадания, зачем мне сердце гложешь?

Решимость горькую ты одолеть не сможешь

И доводов ума тебе не превозмочь,

Ничтожный выродок злых угрызений. Прочь!

Коль чары красоты меня не обольстили,

Какой быть может прок от всех твоих усилий?

И если вырвал вздох ты из моей груди,

О слабости моей превратно не суди:

Я знаю хорошо, какой ищу я доли,

Ничьей не подчинюсь, но собственной лишь воле.

Лукавая любовь, благой мой шаг черня,

Все переубедить старается меня,

Но тщетно. И случись мне все начать сначала...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Алидор, Анжелика.

Анжелика.

Заждался ты? Прости! Я очень запоздала?

Почудились шаги на лестнице и свет;

Так страшно стало мне: вдруг нападут на след!

И притаилась я. Но все затихло снова,

И вот... Меня никто не видел. Все готово?

Прошу тебя, скорей! Нам дорог каждый миг.

Боюсь, чтоб кто-нибудь из слуг нас не застиг.

Что ж, Анжелике ты не хочешь дать ответа?

Алидор.

Как, вы? Но только что вас увезла карета...

Я не могу понять, кто вырвал вас из рук

Здесь пять минут назад вас подхвативших слуг?..

Решились вы бежать — и сразу на попятный?

Но как вам удалось?.. Вот случай непонятный!

Давно ль вы предали меня, и вот опять —

Со мной комедию решили разыграть?

Анжелика.

С чего ты взял? Зачем упорствуешь в причуде?

Ты думал, что меня схватили твои люди?

Алидор.

Насколько разглядеть я мог во тьме ночной,

Вас увезли.

Анжелика.

Что, что? Ты шутишь надо мной?..

Иль слуги — что за мысль! — похитили другую?

Но как же так? Ты слуг пустил наудалую,

Лакеям поручил осуществить побег,

А сам остался здесь? О низкий человек,

Не только без любви — без мало-мальских правил!

Ты, заманив меня, на произвол оставил?

Еще бы, чересчур ничтожен твой трофей!

Алидор.

Когда бы знали вы хоть несколько полней

Мои намеренья, тогда вам стало б ясно,

Что в нелюбви меня вините вы напрасно.

Анжелика.

Вот как? Иль важную преподнесешь мне весть:

Мол, ты решил на бал явиться, чтоб

отвесть

Сопернику глаза... О жалкое фиглярство!

Алидор.

А вам врученное письмо — и в нем коварство?

Анжелика.

Но почему же ты отправил слуг одних?

Алидор.

Мой план таков был: чуть спохватится жених,

Умчаться в сторону, погоню сбить со следу

И обеспечить тем нам полную победу.

Анжелика *(плача).*

Но слуги спутали — сбил с толку этот мрак.

Алидор.

Такой беды не мог предвидеть я никак.

Подумать лишь, — во всем мне нынче

невезенье!

Я должен спешное отдать распоряженье.

Позвольте…

Анжелика.

Ты меня бросаешь? На кого?

Увы, не стоил ты доверья моего!

Уж не пылаешь ты ко мне былою страстью

И отдаешь меня на произвол злосчастью!

С немилым женихом (о горе мне, о стыд!)

На следующий день мне свадьба предстоит…

Но нет, не трогают тебя страданья эти,

И за ошибку слуг должна быть я в ответе.

Алидор.

Осуществить наш план сейчас нельзя никак,

Но вовсе нет причин отчаиваться так.

Придется с мужеством принять несчастье это:

Я здесь один, без слуг, уехала карета;

Идти в глухую ночь по городу пешком, —

И мыслить не могу о риске я таком:

Дораст легко нагнать нас мог бы. А к тому же

Могла бы предстоять нам встреча и похуже.

И выход лишь один: отсрочить наш побег.

Анжелика.

Труслив и холоден… Бесчестный человек!

Чем можно объяснить такое поведенье?

Лишь трусостью! И нет иного объясненья.

Любовник пламенный вдруг оробел и сник.

Алидор.

О да, боюсь за вас: риск чересчур велик.

Я должен замысел проверить и упрочить.

Иль злополучный брак нельзя на день отсрочить?

Хватились, верно, вас; встревожена родня.

Достаточный предлог: на день иль на два дня

Отложат торжество. А завтра ночью снова…

Анжелика.

…ты испугаешься или нарушишь слово.

Когда ты предложил побег, тогда — ответь! —

Тебе твердила я, что надо потерпеть?

Так вот твоя любовь, твой пыл, твой нрав кипучий:

«Посмотрим», «подождем», «вдруг подвернется случай»?..

Алидор.

Мой долг был остеречь, что план наш уязвим.

Но коль решились вы, то я готов — бе-

жим!..

И если страха вы не чувствуете сами...

Чу! Отворяют дверь... Никак, Дораст? С друзьями.

Алидор убегает. Анжелика бросается за ним, но Дораст ее останавливает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анжелика, Дораст, Ликант и друзья Дораста.

Дораст.

Ого, как мы спешим! Зачем такая прыть?

Предупредили бы, — я рад вас проводить:

Столь рано вышли вы из-под родного крова,

Дабы увериться, что все уже готово,

Все предусмотрено для нашей свадьбы. Да?

Ушли вы затемно, ну а назад когда?

Нам некогда, мы в путь пустились ранней ранью...

Обманщица! Вот как верна ты обеща-

нью?

Анжелика.

Ну что ж, обманщица. А ты вообразил,

Что без причины, вдруг, стал дорог мне и мил?

Ты знал, что не любовь мной движет, но досада.

Разрыву же с тобой — к чему скрывать? — я рада.

Увидев, что меня отринул Алидор,

За унижение свое, за свой позор

Желаньем тотчас же отмстить ему зажглась я,

Тут подвернулся ты, и я дала согласье.

Я думала, что в брак вступлю я, не любя,

И накажу его… Ах нет, сгублю себя!

Мне рисовалась месть такой живою краской,

Но проступила смерть под этой яркой маской!

Как я была слепа! Души моей бразды

Вручив горячности, я дождалась беды.

И тут вновь Алидор явился предо мною:

Ведь холодность его была лишь напускною.

Прозрела я. К нему вернулась я опять:

Любовь велела мне с ним из дому бежать.

Дораст.

Как, Алидор?

Анжелика.

Да, да! Когда б ты грубой силой

Меня не удержал, то Алидор мой милый

Со мною…

Дораст.

Алидор?.. Бежать хотела с ним?

Анжелика.

Да, да! Рви и мечи, но мной лишь он любим!

Ты сердцем овладеть не сможешь, только телом.

Дораст.

Опять бесстыдно лжешь! И словом лжешь и делом.

Ты узнаешь письмо? Под ним есть подпись. Чья?

Не Алидора, нет. Будь так, тогда бы я,

Не споря, уступил. Но убежать из дома

С Клеандром, с тем, с кем ты едва-едва знакома!

Анжелика.

С Клеандром?

Дораст.

Каюсь, я тебя подозревал.

Я в комнате твоей хозяйку не застал.

Но доказательство увидел на столе я

Твоих высоких чувств. Читай вслух, не краснея.

Потом, сударыня, я вновь спрошу в упор:

Кто вас подговорил на бегство: Алидор?

Анжелика *(читает бумагу, написанную Кле-*

андром).

«Знай, Анжелика, тот, чье имя
Бумагу завершит сию,
Клянется: узами святыми
Связать с твоей судьбу свою.
Бежим с тобой отсюда вместе,
Мне к счастью не прийти, увы, путем иным!
Но, в оправданье нашей чести,
Мое письмо оставь родным.
Смирятся пусть перед судьбою:
Клеандр увез тебя, свою жену, с собою.
Клеандр».
Клеандр увез меня, свою жену, с собою?
Как!.. Предал Алидор?.. Или солгал Дораст?
Должна была я знать, что кто-нибудь предаст.
Кто ж из двоих?.. Но вот бумага роковая,
Ее дал Алидор; взяла я, не читая.
Он похищение подстроил, но потом

Столь явно не хотел бежать со мной вдвоем,

Не думал завершать того, что сам же начал.

Он, стало быть, меня Клеандру предназначил?

Однако небеса, предателей казня,

Их планы спутали: злодеи не меня —

Другую женщину похитили.

Дораст.

Другую?

Анжелика.

Она, как я боюсь, имела цель дурную

И кралась вслед за мной; ее увидев, те,

Кто поджидал меня, ошиблись в темноте…

Дораст.

Довольно! Понял я: похитили Филиду!

Боялась выпустить она тебя из виду.

Невесту удержав, я потерял сестру.

В погоню! Подлецам испорчу я игру!

Дораст и его друзья уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Анжелика одна.

Анжелика.

О стыд!.. Позорная, убийственная сцена!..

Мне на любовь в ответ — холодная измена;

Изменой на любовь ответила и я.

Виновен Алидор. Но совесть и моя —

Чиста ль она? Твердит мне голос неуемный:

Не только Алидор предатель вероломный.

По справедливости судить бы нас — тогда

Одной бы залились мы краскою стыда...

Равно виновны? Нет! Напраслина тут злая:

Ведь по его вине Дораста предала я.

Меня толкала страсть, и грех понятен

мой,

А он был упоен изменою самой.

Мой грех простителен, ему — нет оправданий:

Лишь Алидор — да, да! — виновник всех страданий.

Считаться должен он изменником вдвойне:

Предав, путь указал к предательству и мне.

Ах, Анжелика, в чем найдешь ты утешенье?

Нет, не оставит боль тебя ни на мгновенье.

Все скромные свои достоинства, весь пыл

Ты другу отдала, а чем он возместил?

Дораст, с которым ты себя связала словом,

Ответит на обман презрением суровым.

Чего ж от жизни ждать ты можешь с этих пор?

Где сможешь ты сокрыть и слезы и

позор?

От поруганья чувств, от лжи и от измены

Лишь монастырские тебя укроют стены.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеандр, Филида.

Клеандр.

Молю: верните мне, входя под отчий кров,
Расположение свое!

Филида.

Как тон ваш нов!
Интересуетесь всеобщим достояньем?
Боитесь, как бы вас не обошли вниманьем?
Могу ль отвергнуть вас, когда люблю я всех?

Клеандр.

Смеетесь? Но сейчас, увы, жесток ваш смех.
Ошибку совершив (и тяжкую, не скрою),
Ее исправил я ошибкою второю.

Смягчитесь же ко мне — и так я посрамлен,

За вас мне отомстил сторицей Купидон:

От вашей прелести бежал я, охладелый,

Но влагой ваших слез свои смочил он стрелы,

И в сердце мне они впились.

Филида.

Дивлюсь вам вновь:

Мне кажется, что вы считаете любовь

Лишь карой за грехи?

Клеандр.

Любви благая сила,

Не причиняя зла, за вас мне отомстила.

Решив от вас уйти, я возвратился к вам;

Став похитителем, похищен был я сам;

Мнил девушку украсть, но убежал с

другою;

Я взял над вами верх — и вашим стал слугою.

Пылал к возлюбленной — и охладел к ней вдруг,

Но прежнюю болезнь сменил другой недуг.

Я похититель? Да! Но не насильник мерзкий.

Почтительно прошу простить поступок дерзкий.

Я стал грабителем, но взятое верну;

Я виноват, но сам признал свою вину.

Готов принять я казнь за подвиг свой бесчинный.

Скрываться не хочу, но с головой повинной

Мечтаю вымолить я то, что мог украсть,

И вашу над собой признать желаю власть.

Филида.

За вами нет вины, нет у меня обиды.

Когда ж серьезные вы возымели виды,

Когда намерены искать моей руки,

К успеху, думаю, довольно вы близки.

Ах, сердце у меня — вы знаете — не камень

И тает тотчас же, когда встречает пламень.

Но все же на душу я не возьму греха:

Пусть мне родители назначат жениха,

Я соглашусь: ведь я послушна, как овечка.

Клеандр.

Коль не замолвите вы за меня словечко,

Откажет ваш отец.

Филида.

Я полагаю, нет:

Вы состоятельны, а он на склоне лет.

Клеандр.

Могу ль надеяться?..

Филида.

Я все уж вам сказала.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Алидор.

Алидор.

Клеандр, как кажется, не огорчен нимало?
Ужель благодаря причуднице судьбе
Я счастие принес Филиде и тебе?

Клеандр.

Вчера здесь надо мной она при всех глумилась.
Не знаю, сменит ли и нынче гнев на милость:
Увы, с тех пор как я вернул свободу ей,
Не сделалась ко мне ни мягче, ни добрей,
Но если б мог я ждать такого поворота...

Филида.

Вам время надобно для полного отчета,

А мне к родителям пора уже давно:

Они тревожатся, и мучить их грешно.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеандр, Алидор.

Алидор *(удерживая Клеандра, который устремляется за Филидой).*

И впрямь твоя любовь не тронула Филиду?

Клеандр.

Она в конце концов должна простить обиду.

Прощай, любезный друг, спешу за нею вслед,

И знай, что у меня причин для жалоб нет.

А если бы к тебе вернулась Анжелика,

Услышал бы о том я с радостью.

Алидор.

Смотри-ка!

Клеандр.

Мой друг! Ее рука Дорасту отдана,

А сердцем лишь тебе принадлежит она.

Что ж остается мне? Пленен ее красою,

Я все же мучился сомненьями, не скрою.

Себя ни чувствами, ни словом не связав,

Вдруг признавать она не станет мужних прав?

Вернись же к ней! А я в волнении горячем

Спешу к другой. Прощай.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Алидор один.

Алидор.

Дивлюсь моим удачам!

Сбывается все то, что нужно, каждый раз:

Он взял, потом вернул — как будто на

заказ.

Я с ней хочу порвать — он лишь о ней мечтает,

Хочу ее вернуть — он к ней охладевает,

Лишь исцеляюсь я — заболевает он

И остывает, чуть я вновь воспламенен.

Соперничества нет, все очень благородно:

Мы влюблены в одну, но как? Поочередно.

Да, Анжелика, да! Я возвращусь к тебе:

Ты верх взяла. Сдаюсь! Я изнемог в борьбе.

Явила в чувствах ты величие такое,

Что мне уж без тебя не обрести покоя.

Забрезжил новый день и отступает мгла:

Как ни лукавил я, любовь меня спасла!

Наш план не удался, и как по той причине

Сперва я горевал, так радуюсь я ныне.

Чем я коварней был, тем ты была нежней;

Чем больше предавал, тем ты была верней.

И устыдился я и, совестью казнимый,

Полней вкусил любви восторг неизъяснимый.

К сердцам есть у любви различные пути,

От сладостных оков себя нам не спасти.

Зачем противимся мы женщине прекрасной?

Сопротивляться ей, бороться — труд напрасный!

Мы тщимся избежать ее влекущих чар,

Мы тщимся потушить занявшийся пожар,

Мы тщимся в глупый спор вступать с самой любовью!

Но в царстве красоты нет места прекословью:

Наживкою прельстясь, ты кружишь вдалеке —

Меня, мол, не поймать, — глядь, сердце

на крючке!..

Довольно! Я прозрел, и в чувствах нет разброда,

Постыла мне моя хваленая свобода

И цели у меня нет с этих пор другой,

Как с Анжеликой быть! Быть ей всю жизнь слугой...

Однако же в душе я ощутил тревогу:

Что, если преградит к блаженству мне дорогу

Мое предательство? Вдруг ей шепнет теперь

Таинственный инстинкт: «Он изменил, не верь!»?

Увы, я обманул ее святую веру!

Что, если и она по моему примеру

Теперь изменит мне?.. Но почему? Ведь ей

Никто не мог сказать о каверзе моей,

Задуманной хитро, осуществленной низко...

Никто?.. О горе мне! Вот промах! А записка?..

Клеандра подпись там стоит, а не моя,

И вмиг раскроется все, что задумал я...

Да, но она взяла бумагу, не читая;

И — если снизойдет к мольбам власть всеблагая —

Не взглянет на нее. Что ж, Алидор, смелей!

Как бы то ни было, отправимся мы к ней,

Дабы тайком изъять злосчастную улику.

Когда ж прочла, когда ж найду я Анжелику

Во гневе и в слезах, тогда уж как-нибудь

Мы способы найдем любовь ее вернуть.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дораст, Ликант.

Дораст.

Нет, не проси, Ликант, я говорю от-

крыто:

Предательница мной отвергнута, забыта.

Ты ядом жалости мне сердце не трави, —

Когда доверья нет, не может быть любви.

Ты думал, я за ложь платить любовью стану?

Я холодность терпел, но нетерпим к обману.

И ту, кто вел со мной бесчестную игру,

Из памяти своей навеки я сотру.

Изменницу отдам с презреньем Алидору.

Нет, с ним из-за нее я не затею ссору:

Им, двум изменникам, быть вместе в самый раз.

Спасибо, что меня он от ошибки спас.

Мне с ним сражаться нет ни смысла, ни охоты.

Зато Клеандр, — вот с кем хочу свести я счеты!

Мне только бы его сыскать — и отберу
Я разом у него жизнь и мою сестру.

Ликант.

Тут, сударь, за него вступлюсь я как ходатай:
Он самый из ее вздыхателей богатый,
И похитителя, как полагал бы я,
Могли б мы поверстать в законные мужья.
Хоть, как мы знаем, он имел другие виды,
Но похищение задело честь Филиды,
Лишь свадьба их могла б такой беде помочь.
Сестрица ваша бы, я думаю, не прочь.

Дораст.

Теперь их не догнать, и в разговорах этих
Нет смысла.

Ликант.

Почему? Не вечно будут в нетях.
Небось объявятся, где б ни был их при-

ют;

Сегодня — нет как нет, а завтра — тут как тут.

Ай, это кто?.. Свят, свят!.. Не ваша ли сестрица?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Филида.

Дораст.

Сестра! Как удалось тебе освободиться?

И где тот дерзкий вор, ошибкой, невзначай

Сгубивший жизнь твою? Скорее отвечай!

Настигну и убью, напрасных слов не тратя...

Филида.

Отлично! И убьешь ты собственного зятя.

Вот именно, Дораст: при виде моих слез

Растроганный Клеандр мне сердце в дар

принес,

И я в конце концов отделалась испугом,

Поскольку дерзкий вор мне хочет стать супругом.

Коль он родителей уговорит сейчас,

Я тоже соглашусь. Не прихожу в экстаз

От этой партии, но если успокоит

Сей брак отца и мать, то выйду — что мне стоит?

Спешу предупредить тебя о новостях,

Дабы не натворил ты глупостей в сердцах:

Глядела из окна, как ты тут рвешь и мечешь.

Дораст.

Иль раненую честь замужеством излечишь?

Филида.

Ценю, что за меня и кровь пролить ты рад,

Но бойся все-таки перестараться, брат.

Коль я не так строга, ты не желай быть строже,

И если я терплю, будь терпеливым тоже;

Стараясь мне помочь и мой покой храня,

Решенье принимай с оглядкой на меня.

Я знаю, что отец все взвесит и рассудит,

Что дочери во вред он действовать не будет.

Когда Клеандру он свое согласье даст,

Мой долг послушаться. Не правда ли, Дораст?

Ликант.

И то ведь, сударь... Вот! Он, легок на помине.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Клеандр.

Клеандр.

Сударыня! Из всех живущих я отныне

Счастливейший, коль вы в решении

тверды:

Победою мои увенчаны труды —

Согласен ваш отец... Ах, сударь, извините,

Но цепь случившихся за эту ночь событий

Нас из соперников, надеюсь, превратит

В друзей и родичей. Меня терзает стыд.

Но примет — верю я — в семью, забыв обиды,

Вослед родителям, меня и брат Филиды.

Дораст.

Решенья, к коему пришли отец и мать,

Будь даже против я, не смел бы осуждать.

Но вы себя вели настолько безупречно,

Столь ваша речь была пряма, чистосердечна,

Что я от всей души согласие даю

И верю — счастье ждет вас и сестру мою.

И в благодарности я должен вам признаться:

Не вы ль мне помогли с изменницей расстаться?

Несчастную питал я к Анжелике страсть,

Но здравый смысл отвел грозившую напасть.

Ага! Вот и она, с возлюбленным в придачу.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Анжелика и Алидор.

Алидор.

Отнимете любовь — я с ней и жизнь утрачу.

Анжелика.

Обманщик, отойди! С меня довольно лжи.

Филида! Как же ты отделалась, скажи,

От похитителя?

Филида.

Зови его иначе.

Знай: действовала тут рука слепой удачи.

Увидевши, кого ошибкой взял он в плен,

Клеандр свою любовь мне подарил взамен.

Он замышлял грабеж, — теперь он очарован;

Не я похищена — он мною завоеван.

Он был влюблен в тебя; молчал же до сих пор,

Считая, что тебе любезен Алидор.

С тобой робел, боясь соперником быть другу,

Со мной он был смелей. Цени мою услугу:

Ты от немилого, не тратя сил своих,

Спаслась, а для меня нашелся вдруг жених.

Дораст *(Филиде).*

Спаслась от одного, спаслась и от другого:

Мне ею данное я возвращаю слово.

(Анжелике.)

Вам незачем теперь конфузиться, краснеть —

Не воспрепятствую я вашим чувствам впредь.

Уж если до венца прибегли вы к обману,

Чего еще мне ждать, когда я мужем стану?

Уже обманут я, да и не раз, а два,

Так пусть уж Алидор берет мои права.

Алидор *(Анжелике).*

Поскольку можете, не нарушая слова,

Вернуться вы ко мне, — прошу, вернитесь снова.

Спросите разум свой и сердце вы свое.

Я полон к вам любви, отвергнете ль ее?

Со мной…

Анжелика.

Оставь меня, предатель бессердечный!

С тобой? Тогда в удел да будет стыд мне вечный.

Какой надеялся ты услыхать ответ?

Могу ли я любить, когда доверья нет?

Дораст.

Не опрометчиво ль вы наложили кару?
Вы с ним составите отличнейшую пару,
Зачем негодовать: «предатель», «лицемер»?
В похвальном ремесле он с вас берет пример.

Анжелика.

Вы справедливые мне бросили упреки:
Я страсти поддалась. Не будьте столь жестоки,
Простите! На меня вы не держите зла.
То обязательство, что прежде вам дала,
Я рада выполнить. Но если вы сочтете,
Что слишком я грешна и слово мне вернете,
Тогда в монастыре покой я обрету:
Там светскую забыть смогу я суету.
Не буду, сбросив власть любовного дур-

мана,

Там ни обманщицей, ни жертвою обмана.

Алидор.

Моя любовь!

Анжелика.

Свою любовь отдай другой.

Филида.

Не убивай его жестокостью такой.

Дораст.

Восстановленью их сердечного союза

Мешаем мы, сестра: свидетели — обуза.

Они согласия достигнут без помех,

Как только мы уйдем, — ручаюсь за успех.

Клеандр.

Разумен ваш совет, хоть горечи толика

В сужденье этом есть. Прощайте, Анжелика!

И, право же, зачем кричать тут караул?

Ведь похититель вас любимому вернул.

Дораст.

Лишь он вам по сердцу, я выбран был с досады.

Вы происшедшему должны быть только рады.

Филида.

Бери пример с меня: что голову ломать,

Пусть мужа выберут тебе отец и мать.

Нам волю только дай, — наделаем ошибок.

Конечно, ты права: свет суетен и зыбок,

Куда спокойней жить в стенах монастыря.

Все ж стать монахиней задумала ты зря.

Достойнейшая цель; но позволять не

надо,

Чтоб к ней тебя вела любовная досада.

А вдруг впоследствии раскаешься? Беда!

Не выйти из такой тюрьмы уж никогда.

Клеандр *(Филиде).*

Вы скоро?

Филида.

Да, сейчас. Я следую за вами.

(Анжелике.)

Ты думаешь, дружок, умней тот, кто упрямей?

Бери пример с меня. Мужья все хороши,

Так с Алидором мир скорее подпиши.

Все, кроме Анжелики и Алидора, уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Анжелика, Алидор.

Анжелика.

Нет, не поддамся! Прочь из этого бо-

лота,

Из царства низкого, бесстыдного расчета,

Где нет и помыслов о правде, о добре!

Мечтаю спрятаться от всех в монастыре.

Надеялась найти опору я в Дорасте,

Но он меня отверг. Теперь нет в мире власти,

Чтоб удержать меня. Бесчестный человек!

Иди, обманывай других. Прощай навек!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Алидор один.

Алидор.

Спасет меня сия жестокая опала:

Свобода милая незыблема, цела.

Под натиском любви она б не устояла,

Когда б любимая сама не помогла.

Я нежность умерщвлял рассчитанным

коварством,

Но сострадание ее рождало вновь,

И становился яд живительным лекарством,

Все крепла, все росла час от часу любовь,

Я вижу, — прибегал я к средствам непригодным,

И разумом совет мне был неверный дан.

Зачем обманывал? Затем, чтоб стать свободным,

А стал им — лить когда рассеялся обман.

Тщеславный Купидон! Ты мною, как другими,

Не будешь помыкать, — напрасные мечты!

Ты был вооружен надеждами моими,

Ее отчаяньем обезоружен ты.

Надеждам положив конец, начну отныне

Жить жизнью истинной — заботясь

о себе;

Равно держась вдали восторгов и уныний,

Сам буду господин я собственной судьбе.

Красавицы! Навек к вам сердце охладело,

И взоры жаркие его не разожгут;

И то вам будет честь, коль, занятый всецело

Другими думами, спрошу, как вас зовут.

Случится, притворюсь влюбленным — из расчета,

Могу и повздыхать — так, для отвода глаз;

Но буду начеку, не попадусь в тенета

И выйду из игры, когда наступит час.

Взгляд Анжелики — в нем опасная отрада,

На грани гибели я чудом уцелел;

Но монастырская спасет меня ограда,

Как стены крепости, от града этих стрел.

Когда б я отдавал ее в другие руки,

Когда б увидел я ее чужой женой,

Испытывал бы я, быть может, злые муки,

А так — у ревности нет власти надо мной.

Хотел избегнуть пут, не пожалев об этом, —

Сбылось! Любимая покинет бренный свет.

С Клеандром думал я связать ее обетом,

Но лучше, если даст всевышнему обет.

РАЗБОР «КОРОЛЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ»

Я не могу утверждать, что эта пьеса не уступает предшествующей. Стих тут звучнее, однако имеет место некая двойственность в развитии сюжета, Алидор, мучимый сумасбродным опасением, что любовь может чересчур его связать, затеял устроить так, чтобы любимая им Анжелика досталась его другу Клеандру; с этою целью он сочиняет фальшивое письмо, свидетельствующее о его якобы неверности, в которое он сверх того включает некоторые колкости, дабы Анжелика с досады приняла ухаживания Клеандра. Замысел не удается: вопреки ожиданиям, Анжелика достается Дорасту; тогда Алидор придумывает новый план — похищение Анжелики. Эти две интриги, осуществляемые последовательно, являют собой два сюжета, раздваивающие стержень пьесы, которая и кончается к тому же не лучшим образом: брачным союзом двух эпизодических персонажей, бывших ранее на втором плане. Судьбы же главных героев завершаются странно, и в этом смысле пятое действие, где они появляются, в сущности, как лица второстепенные, страдает вялостью. За-

ключительный монолог Алидора уступает в изяществе таковому же «Компаньонки». Компаньонка, принимая деятельнейшее участие в основной интриге пьесы и потеряв в конце концов возлюбленного, не смеет выразить свои чувства в присутствии госпожи и ее отца, получивших причитавшееся им, и ждет их ухода, чтобы отвести душу в проклятиях им и своему злосчастию, причем, жалуясь самой себе, она дает понять зрителю о своем умонастроении после постигшего ее крушения надежд.

Нет сомнений: не будь Алидор верным другом, он не оказался бы дурным возлюбленным. Раз уж ему так докучает его чувство, что он решил оскорбить возлюбленную, дабы от нее избавиться, то он должен был бы удовлетвориться первым усилием, следствием коего было то, что Анжелика досталась Дорасту, и не впутываться в новую историю ради своего друга, рискуя притом душевным покоем, который ему дороже всего. Эта жажда покоя не мешает, впрочем, Алидору в пятом действии выказать себя все еще влюбленным, вопреки принятому решению отделаться от возлюбленной и вопреки совершенным предательствам; похоже, что истинная любовь возникает в нем лишь после того, как он

заслужил ненависть. Это создает некую нравственную неопределенность — в ущерб пьесе.

Характер Анжелики выходит за рамки благопристойности в том смысле, что она влюблена безрассудно и слишком легко соглашается бежать с человеком, который должен бы внушать ей подозрения. Бегство не удается, и неуспех ей поделом, хотя в пьесе не было необходимости прибегать к таким карам, как в трагедии, где наказуются преступления, зрелище коих вызывает ужас и преисполняет негодованием публику. Здесь прегрешения совсем другого рода, и они могли бы послужить дурным примером существу юному и влюбленному, но лишь в том случае, если бы показано было, что совершивший проступки добился этим предосудительным способом желаемого.

Хотя условность, заставляющая наших влюбленных произносить на улице то, что натуральнее было бы говорить в комнате, необходима и узаконена обычаем, я не решился ее придерживаться и в тот момент, когда Анжелика предается скорбным раздумьям о поспешности и непостижимости данного ею согласия выйти замуж за нелюбимого: я предпочел нарушить связь между сценами и единство места, соблюдаемое в пьесе повсюду, кроме указанной сцены, и заставил

Анжелику вздыхать в своей комнате, что более ей подобает и предоставляет ей возможность для разговора с глазу на глаз с Алидором. Филида, замечающая, как он выходит от Анжелики, видела бы слишком много, если бы наблюдала их на открытой сцене; тут вместо подозрения о их сговоре, которое побуждает ее следить за ними на балу, у нее была бы полная в нем уверенность, а тогда она приняла бы меры, разрушающие новый план Алидора, а значит, и дальнейший ход пьесы.

ИЛЛЮЗИЯ

КОМЕДИЯ

{18}

Перевод М. Кудинова

{18} Комментарии: 2.18

«ИЛЛЮЗИЯ»

(«LILLUSION»)

Эта комедия была исполнена впервые в театре «Маре» в начале 1636 г. Роль Клиндора исполнял знаменитый Мондори. Пьеса пользовалась большим успехом и долго не сходила со сцены. Ее исполняли еще в 60-е г. XVII в., но в следующем столетии она была забыта. Попытка возобновления ее была сделана в 1861 г. в «Комеди Франсэз», причем постановщик пьесы Эдуар Тьерри сделал в тексте большие сокращения. В 1895 г. в театре Антуана пьеса была поставлена без особого успеха; роль Матамора исполнял Жемье. В 1906 г. несколько раз исполнялись отрывки из комедии в период празднования трехсотлетия со дня рождения Корнеля. В «Комеди Франсэз» пьеса была возобновлена в 1937 г. Луи Жуве. Последний спектакль этой постановки прошел 7 июня 1941 г.

Впервые напечатана комедия была в марте 1639 г. парижским издателем Франсуа Торга. В этом издании пьеса называлась «Комической иллюзией». Начиная с 1660 г. комедия называется просто «Иллюзия».

На русском языке в переводе М. Кудинова «Иллюзия» была впервые напечатана в 1970 г.

ИЛЛЮЗИЯ

К МАДЕМУАЗЕЛЬ М. Ф. Д. Р.{19}

Мадемуазель!

Перед Вами уродливое создание, которое я осмеливаюсь Вам посвятить.

Действие первое — только пролог, три последующих — несовершенная комедия, последнее — трагедия; и все это, вместе взятое, составляет комедию. Пусть сколько угодно называют подобное изобретение причудливым и необычным, — оно, во всяком случае, ново, а прелесть новизны для нас, французов, обладает отнюдь не малой степенью достоинства. Успех комедии не заставил меня краснеть за театр, и смею сказать, что постановка этой прихотливой пьесы Вас нисколько не разочаровала, коль скоро Вы повелели мне обратиться к Вам с посвящением, когда пьеса будет напечатана. Я в отчаянье оттого, что преподношу ее Вам в таком ужасном виде: она стала почти неузнаваемой; количество ошибок, которые типограф прибавил к моим соб-

---

{19} Комментарии: 2.19

К стр. 148

М. Ф. Д. Р. — Кто скрывается под этими инициалами — не установлено. После 1660 г. Корнель снял это посвящение.

ственным, преобразило пьесу или, лучше сказать, совершенно ее изменило. И все это из-за того, что я не был в Париже,{20} когда печаталась пьеса: дела заставили меня уехать и отдать корректуру на милость типографа. Умоляю Вас не читать пьесу до тех пор, пока Вы не возьмете на себя труд исправить то, что найдете отмеченным в конце этого послания. Я не привожу всех вкравшихся ошибок: их количество так велико, что это устрашило бы читателя, я выбрал только те из них, которые в значительной степени искажают смысл и о которых нелегко будет догадаться. Что до других ошибок, имеющих отношение только к рифме, к орфографии или к пунктуации, то я полагал, что рассудительный читатель заметит их без особого труда, и поэтому нет надобности обременять ими первую страницу. Все это научит меня в будущем не рисковать и больше не печатать пьес во время своего отсутствия.

Будьте же так добры и не отнеситесь с презрением к этой пьесе, как бы она ни была искалечена. Тем самым Вы еще более обяжете меня оставаться всю мою жизнь,

---

{20} Комментарии: 2.20

...я не был в Париже... — До 1662 г. Корнель бывал в столице лишь наездами, постоянно он жил в Руане.

мадемуазель,
Вашим самым верным и пылким слугой.
***Корнель**.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЬКАНДР
волшебник
ПРИДАМАН
отец Клиндора
ДОРАНТ
друг Придамана
МАТАМОР{21}
офицер-гасконец, влюбленный в Изабеллу
КЛИНДОР
слуга Матамора, возлюбленный Изабеллы
АДРАСТ
дворянин, влюбленный в Изабеллу
ЖЕРОНТ
отец Изабеллы
ИЗАБЕЛЛА
ЛИЗА
служанка Изабеллы
ТЮРЕМЩИК

{21} Комментарии: 2.21
К стр. 150
Матамор — персонаж французского комического театра, восходящий к хвастливому воину Плавта. Образ Матамора, хвастливого забияки и труса, типичного гасконца, выводили в своих произведениях многие драматурги, в том числе Скаррон, Марешаль и другие.

из Бордо
ПАЖ МАТАМОРА
ЭРАСТ
оруженосец Флорилама
СЛУГИ АДРАСТА
СЛУГИ ФЛОРИЛАМА

Действие происходит в Турени, в местности неподалеку от грота волшебника.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Придаман, Дорант.

Дорант.

Волшебник, чьим словам подвластен мир огромный,
Предпочитает жить в пещере этой темной.
Здесь мгла всегда царит. Лишь бледные лучи
Светил мерцающих, что кружатся в ночи,
Туда стараются проникнуть на мгновенье,
И обитают там таинственные тени.
Но сила волшебства, храня чудесный грот,
Карает каждого, кто близко подойдет.
Стена незримая возносится в ущелье;
Она из воздуха, но если б захотели

Вы сквозь нее пройти, настигла б смерть вас вмиг.

Преграду потому волшебник здесь воздвиг,

Что дорожит своим покоем он и может

Жестоко покарать тех, кто его тревожит.

Вы нетерпением охвачены, но вам

Придется подождать, пока не выйдет сам

Он на вечернюю прогулку. Все приметы

Мне говорят о том, что близко время это.

Придаман.

Хоть не надеюсь я, что он мою беду

Сумеет одолеть, я этой встречи жду.

Любимый сын мой дал мне повод для мученья;

Покинул он меня, дурного обращенья

Не выдержал, и вот я целых десять лет

Ищу его везде — и не напал на след.

Решив, что он забрал свободы слишком много,

Стал обращаться с ним я чересчур уж строго,

Наказывал его, корил и обижал,

Пока от строгости моей он не сбежал.

И как я был не прав, тогда я понял только,

Когда, его побег оплакивая горько,

Остался я один. Страдая день и ночь,

Я горю своему ничем не мог помочь.

Я сына стал искать и, странствуя по свету,

Увидел Рейн и Тибр, не раз менял карету

И был единственной заботой поглощен —

Найти убежище его; однако он

Исчез с лица земли. В отчаянье и горе,

Поняв, что от людей мне не услышать вскоре

Совета мудрого, я, выбившись из сил,

У духа адского совета попросил.

Со знаменитыми встречаясь колдунами,

Что были, как Алькандр, превозносимый вами,

Могущества полны, я все-таки не смог

Ответа получить, никто мне не помог,

Никто не указал, куда идти мне надо,

Чтоб сына отыскать… Молчали силы ада.

Дорант.

Алькандра сравнивать вам с ними ни к чему:

Все тайны волшебства известны лишь ему.

Не стану говорить, что по его веленью

И будет гром греметь, и быть землетрясенью;

Что вихрей тысячи он может вдруг поднять

И на своих врагов их бросить, словно рать;

Что только силой слов, таинственно

могучей,

Сдвигает горы он, рассеивает тучи,

Умеет зажигать светила в небесах, —

Вы не нуждаетесь в подобных чудесах.

Достаточно для вас, что мысли он читает,

Что знает прошлое и будущее знает,

Что во вселенной нет секретов для него:

Все судьбы видит он, не скрыто ничего.

Я так же, как и вы, не мог поверить в это,

Но встретились мы с ним, и что когда-то где-то

Я в жизни испытал, он всё мне рассказал —

В кого я был влюблен, что думал, что скрывал.

Придаман.

Узнал немало я.

Дорант.

А сказано не много.

Придаман.

Но после ваших слов в душе моей тревога

Не уменьшается, и думать я готов,

Что все мои труды не принесут плодов.

Дорант.

С тех пор как, навсегда уехав из Бретани,

Я поселился здесь, где сельские дворяне

Жизнь мирную ведут и где вступил я в брак, —

Так вот, с тех самых пор волшебник наш и маг

Не обманул ничьих надежд и ожиданий:

Кто б ни пришел к нему, согбенный от страданий,

Уходит от него с утешенной душой.

И, право, было бы ошибкою большой

Вам с ним не встретиться. Моих рекомендаций

Вполне достаточно: он будет рад ста-

раться.

Придаман.

Увы, не верю я в счастливый поворот.

Дорант.

Надейтесь... Вот и он! Смотрите: к нам идет.
И сколько важности в чертах его застыло,
Как проницательны глаза, какая сила
В его движениях, хотя теченье лет
Оставило на нем свой беспощадный след.
Столетний старец он, почти лишенный плоти,
Но как легко идет! Вглядитесь — и поймете,
Что тайной силою сей старец наделен.
Он чудеса творит, и сам стал чудом он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Алькандр.

Дорант.

О дух познания, чья сила и уменье
Нам дали созерцать чудесные явленья!
Любой поступок наш и помысел любой
Ты знаешь: тайны все открыты пред тобой.
Но если власть твоя с ее волшебной силой
Ко мне благоволит, ее бы попросил я
Отцу несчастному страданья облегчить.
Я дружбой связан с ним и потому просить
Решился за него; мы жили по соседству,
Он пестовал меня, мое лелеял детство,
И сын его родной — ровесник мой, и с ним
Был неразлучен я — так мной он был любим.

Алькандр *(Доранту).*

Не надо продолжать, я знаю, в чем при-

чина

Прихода вашего.

(Придаману.)

Старик! Ты ищешь сына.

Не потому ли ты утратил свой покой,

Что твой любимый сын поссорился с тобой?

Что обращался с ним ты без причины строго,

Чем оттолкнул его от своего порога?

И что, раскаиваясь в строгости своей,

В напрасных поисках провел ты много дней?

Придаман.

Оракул наших дней! Перед тобой напрасно

Мне боль мою таить: ты знаешь все прекрасно

И видишь, как я был несправедливо строг.

Причину бед моих легко открыть ты мог.

Да, был мой грех велик, но велико мученье,

Которым я плачу за это прегрешенье;

Так положи предел беде моей! Верни

Опору старости, чьи быстротечны дни.

От взора моего куда его укрыли?

Где он приют обрел? Мне придала бы крылья

Надежда, что его я встречу наконец.

Будь он за сто морей, найдет его отец.

Алькандр.

Утешьтесь! Волшебства чудесное зерцало

Вам не откажет в том, в чем небо отказало;

Вы в нем увидите, что сын ваш полон сил

И полон мужества; Дорант за вас просил,

И, ради дружбы с ним, я покажу вам вскоре,

Что тот, кто дорог вам, живет, не

зная горя.

В искусстве новички, чей вид весьма суров,

С их заклинаньями из непонятных слов,

С их фимиамами, что притупляют чувства,

Лишь могут принижать высокое искусство.

Вся их фальшивая таинственность в речах

Нужна им для того, чтобы внушить вам страх.

С волшебной палочкой мы так шутить не станем.

(Взмахивает своей волшебной палочкой, и вслед за тем поднимается занавес, за которым развешаны самые красивые одежды актеров.)

Вы можете судить по этим одеяньям,

Чего ваш сын достиг: по-царски он одет.

Поднялся высоко, сомненья в этом нет.

Придаман.

Утешили меня… Но он по положенью

Наряды пышные и эти украшенья

Носить не должен бы. Хоть за него я рад,

Все ж не по чину он нашел себе наряд.

Алькандр.

Как видите, судьба ему явила милость:

У сына вашего все в жизни изменилось;

И вряд ли кто-нибудь начнет теперь роптать,

Когда в наряде том захочет он блистать.

Придаман.

Вы возвращаете мне радость и надежду,

Но я заметил там и женскую одежду.

Быть может, он женат?

Алькандр.

Вам о любви его

И приключениях расскажет волшебство;

И если смелы вы, то в иллюзорном виде

Я покажу вам то, что слышал он и видел,

Что в жизни испытал. И перед вами тут

Воскреснет прошлое и существа пройдут,

Неотличимые от созданных из плоти.

Придаман.

Мне в сердце заглянув, вы без труда поймете,

Что эти образы меня не устрашат:

Того, кого ищу, я видеть буду рад.

Алькандр *(Доранту).*

Вам, к сожалению, придется удалиться:

То, что произойдет, пусть в тайне сохранится.

Придаман.

Тайн от Доранта нет, мы старые друзья.

Дорант.

Его решение оспаривать нельзя.

Я жду вас у себя.

Алькандр.

Поговорить свободно
Вы дома сможете, коль будет вам угодно.

Дорант уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Придаман, Алькандр.

Алькандр.

Не сразу сын ваш стал тем, кто теперь он есть,
Не все его дела вам оказали б честь.
Но было б тяжело вам видеть в ваши годы,
Какие перенес он беды и невзгоды.
Взяв деньги перед тем, как из дому уйти,
Он в первые же дни истратил их в пути,
Пришлось ему тогда, довольствуясь немногим,

Молитвы продавать калекам и убогим,

Быть предсказателем, и так с большим трудом

Парижа он достиг. Там жил, как все, — умом.

Публичным был писцом, потом поднялся выше,

Став у нотариуса клерком, но не вышел

Служака из него: он от бумаг устал;

Тут с обезьяною ученою он стал

Бродить по ярмаркам. Потом слагал куплеты

Для уличных певцов, которые за это

Ему платили мзду. И он, трудясь, как мул,

И выработав стиль, на большее рискнул —

Писать романы стал, не выходя из дома,

И песни для Готье, и байки для Гийо-

ма.{22}

А после снадобьем от яда торговал.

И столько раз потом профессию менял,

Что никогда Бускон, Гусман и Ласарильо{23}

С ним не сравняются, что б там ни говорили…

Зато Доранту есть о чем поговорить.

Придаман.

Как за его уход мне вас благодарить!

Алькандр.

Я вам не показал еще мое искусство,

{22} Комментарии: 2.22

К стр. 157

Готье. — Имеется в виду Готье-Гаргиль (сценический псевдоним Юга Герю; 1574–1634), популярный актер-комик, выступавший на сцене «Бургундского отеля», старейшего драматического театра Парижа (основан в 1548 г.). В 1631 г. в Париже был издан томик, содержащий песни из ролей Готье-Гаргиля.

Гийом. — Речь идет об известном фарсовом актере Гро-Гийоме (сценический псевдоним Робера Герена; 1554–1634); он выступал на сцене «Бургундского отеля», исполняя роли глуповатого толстого слуги-гасконца.

{23} Комментарии: 2.23

Бускон — герой плутовского романа испанского писателя Франсиско Кеведо-и-Вильегаса (1580–1645) «История пройдохи по имени дон Паблос» (1626). Этот роман был переведен на французский язык в 1633 г.

Ласарильо — герой анонимной испанской повести «Жизнь Ласарильо с Тормеса» (1554), переведенной на французский язык в 1560, 1620 гг.
Гусман — герой испанского плутовского романа «Жизнеописание Гусмана из Альфараче», опубликованного в 1599–1604 гг. Матео Алеманом (1547–1614?). Этот обширный роман был переведен на французский язык в 1600–1632 гг.

И краток мой рассказ: щажу я ваши чувства.

Так вот, потом ваш сын, утратив прежний пыл,

Судьбой капризною в Бордо заброшен был

И находился там в неважном положенье,

Покуда не попал однажды в услуженье

К вояке местному, который был влюблен.

И так его дела повел удачно он,

Что деньги храбреца влюбленного попали

В карман его слуги; к тому же вскоре стали

Они соперниками: очень уж мила,

Как догадались вы, красавица была.

Все, что он пережил, вы знать должны по праву.

Потом я покажу вам блеск его и славу

И покажу, каким предался он трудам.

Придаман.

За утешение я благодарен вам.

Алькандр.

По свету странствуя, сообразил он скоро,

Что можно не всегда под именем Клиндора

Являться на люди, и начал называть

Себя он Ла Монтань. Вам это надо знать.

А также помните: хоть медлю я с показом

Теней, которые имеют речь и разум,

Сомненье ни к чему, гоните прочь его:

Тут заурядное бессильно волшебство;

И, в этот грот войдя, вы убедитесь лично,

Что волшебство мое от всех других отлично.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Алькандр, Придаман.

Алькандр.

Любое зрелище вас не должно пугать.

А главное, мой грот нельзя вам покидать,

Иначе мертвым вас близ грота обнаружат.

Смотрите: вот ваш сын и тот, кому он служит.

Придаман.

Летит к нему душа, забыв про волшебство.

Алькандр.

Велите ей молчать и слушайте его.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Матамор, Клиндор.

Клиндор.

О чем задумались вы, сударь? Разве можно,

Такие подвиги свершив, мечте тревожной

Дать овладеть собой? Не утомили вас

Победы, почести и славы трубный глас?

Матамор.

Ты прав, задумчив я: все не могу решиться,

Кого еще должна сразить моя десница, —

Великий есть Могол, и есть персидский шах...

Клиндор.

О сударь, пусть живут! Повергнув их во прах,

Чего достигли б вы? Нет вашей славы выше!

И армии у вас нет тоже, как я слышал.

Матамор.

Нет армии? О трус! Зачем же мне она?

Иль недостаточно рука моя сильна?

Или при имени моем не рухнут стены?

Не побегут полки, как было неизменно?

Так знай же, негодяй: я храбростью своей,

Как только появлюсь, смирю любых царей;

Три Парки прилетят по моему приказу,

И царство целое они разрушат сразу;

Гром — артиллерия моя, а взмах руки

Сметает крепости, редуты и полки;

А стоит дунуть мне — взлетит все остальное.

И ты об армии смел толковать со мною?

Нет! Недостоин ты с героем рядом быть!

Да мог бы взглядом я одним тебя убить!

Но думаю сейчас я об одной девице

И не убью тебя: я перестал сердиться.

Божок со стрелами, смирявший всех богов,

Смиряет и меня, он смерть изгнать готов

Из страшных глаз моих, что всё вокруг сжигают,

Разносят, режут, бьют, крушат, уничтожают.

Но прилетел божок, что сводит всех с ума,

И я сама любовь и красота сама.

Клиндор.

Переменились вмиг! О да, вам все подвластно:

Ужасны были вы и стали вдруг прекрасны,

И бьюсь я об заклад — нет женщины такой,

Что устояла бы пред вашей красотой.

Матамор.

Я говорил тебе и повторяю снова:

Все будет, как хочу, скажи я только слово;

Могу очаровать и устрашить могу,

Дать счастье женщине и страх вну-

шить врагу.

В те дни, когда мой вид все время был прекрасен,

От женской пылкости я просто стал несчастен:

Едва мне стоило переступить порог,

Их сотни замертво валились тут же с ног.

Принцессы у меня под окнами бродили,

И жены королей любви моей молили,

А эфиопская царица при луне

Стенала горестно, мечтая обо мне.

Одна султанша вдруг рассудок потеряла,

Другая из дворца султана убежала,

Султан турецкий был ужасно раздражен.

Клиндор.

Не жалко мне его, имел он много жен.

Матамор.

Вредило это все моим военным планам

И мир завоевать мешало постоянно,

К тому же под конец я от любви устал;

И я гонца судьбы к Юпитеру послал,

Велев ему сказать, чтоб страсти, слезы, драмы

Он от меня отвел: мне надоели дамы;

В противном случае поднимется мой гнев,

Захватит небеса и, громом завладев,

Сместит Юпитера и Марсу во владенье

Гром этот передаст. Великое смятенье

Объяло небеса, и я с минуты той,

Когда угодно мне, блистаю красотой.

Клиндор.

Иначе сколько бы записок вам носил я!

Матамор.

Их в руки не бери: избавился насилу!

Но если… Понял ты? Что говорит она?

Клиндор.

Что вы храбрее всех и что поражена

Тем, как прекрасны вы и как во гневе

грозны,

И если впрямь у вас намеренья серьезны,

То участь ждет ее богини.

Матамор.

В те года,

О коих говорил я раньше, мне всегда

С богинями везло. Довольно странный случай

Припомнил я сейчас: весь мир был взбаламучен,

Сошла природа вдруг с извечного пути,

И всё лишь потому, что не смогло взойти

Дарующее день небесное светило.

Оно не двигалось, оно не находило

Аврору… Что же с ней? В лесах Цефала,[{24}] *— нет,*

{24} Комментарии: 2.24

К стр. 161

В лесах Цефала… — Цефал был прекрасным юношей, охотившимся в лесах Аттики, где его полюбила богиня зари Эос (*греч. миф.*).

Искали во дворце Мемнона,[{25}] *но одет*

Во мрак его дворец, и продолжалось это

До середины дня… Весь мир сидел без света.

Клиндор.

И где ж она была, владычица зари?

Матамор.

Где? В комнате моей! Но что ни говори,

Зря время провела и плакала напрасно:

Я был неумолим к речам и клятвам страстным.

Она любви моей просила, но в ответ

Я отдал ей приказ вернуть природе свет.

Клиндор.

Мне, сударь, помнится, что дело было летом.

Я в Мексике служил, когда узнал об

{25} Комментарии: 2.25

…во дворце Мемнона… — Имеется в виду дворец в Сузах, якобы построенный участником Троянской войны Мемноном (*греч. миф.*).

этом.

И также слышал я, что Персия на вас

За божество свое сердилась.

Матамор.

Я в тот раз

Не наказал ее за дерзость: вел сраженья

Я в Трансильвании,[{26}] *куда просить прощенья*

Послы персидские пришли, мой зная нрав.

И что же? Я простил, дары у них приняв.

Клиндор.

Как снисходительность пленительна в герое!

Матамор.

Ты мне в лицо взгляни — оно прекрасней втрое

{26} Комментарии: 2.26

К стр. 162

…я в Трансильвании… — Можно предположить, что Матамор принимал участие в войнах императора Рудольфа II Габсбурга с турками на Балканах.

От добродетелей, что в нем отражены.

Да! Полчища врагов мной были сражены,

И земли их пусты, и в доме ветер бродит.

Но что виной тому? Что их в могилу сводит?

Их гордость! Кто со мной почтителен и мил,

Того не трону я, пускай живет, как жил.

В Европе короли воспитаны как надо,

И я им говорю: пасите мирно стадо,

Не ждите от меня ущерба и беды.

Но в Африке цари тщеславны и горды,

И я их покарал за дерзость и гордыню,

Разрушил царства их, все превратил в пустыню;

Раскинулись пески, конца и края нет,

Все вымерло: мой гнев там свой оставил след.

Клиндор.

Смотрите, кто идет! Вперед, к иным победам!

Матамор.

О черт! Соперник мой идет за нею следом.

Клиндор.

Куда же вы?

Матамор.

Уйду. Он к битвам не привык.

К тому ж изрядный фат и дерзок на язык,

И в ослеплении своем он, может статься,

Забудет, кто пред ним, и будет задираться.

Клиндор.

Тем самым путь найдет он к гибели своей.

Матамор.

Когда красивый я, то становлюсь слабей.

Клиндор.

Оставьте красоту и будьте вновь ужасны.

Матамор.

Не представляешь ты, как это все опасно:

Наполовину стать я страшным не могу,

Обоим смерть грозит — и даме и врагу.

Дождусь, когда они окажутся не вместе.

Клиндор.

Благоразумны вы, скажу без всякой лести.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Адраст, Изабелла.

Адраст.

Увы, с моей бедой не справлюсь я никак:

Вздыхаю, мучаюсь, а с места — ни на шаг;

И клятвы пылкие произношу напрасно —

Вы мне не верите, что я люблю вас страстно.

Изабелла.

Упрек несправедлив, хоть речь полна огня:

Я, сударь, верю вам, что любите меня.

Взгляд нежный, томный вздох — да разве это мало?

Но если б, видя их, я вам не доверяла,

То положилась бы на вашу честь вполне

И верила б тому, что вы сказали мне.

Так отплатите мне доверьем за доверье,

Глазам не верите — словам по крайней мере

Поверьте: от души об этом вас молю.

Ну сколько повторять, что вас я не люблю!

Адраст.

А справедливость где? За верность и

усердье

Так может отплатить одно жестокосердье!

Но что плохого я сказал вам, чтобы вновь

Презреньем отвечать мне на мою любовь?

Изабелла.

Мы с вами пользуемся разными словами:

Что розой звали вы, я назову шипами.

По-вашему, любовь и верность, а по мне —

Навязчивость и казнь на медленном огне.

Вы полагаете, что знаками вниманья

Мне оказали честь, а я как наказанье

Воспринимаю их. От вас я не таю

Мое презрение и ненависть мою.

Адраст.

Платить презрением за чувство столь святое!

Но пламя зажжено не вашей красотою,

А волею небес; и это их приказ,

Чтоб с первых дней моих я видел только вас:

Я с вашим образом на белый свет родился,

Еще не зная вас, к вам всей душой стремился,

И, встретив наконец, покорно отдаю

То, что принадлежит одной вам, — жизнь мою.

Нет! Повеления небес я не нарушу.

Изабелла.

Не тот вам идеал они вложили в душу.

Но никому нельзя нарушить их приказ:

Вы любите меня — я ненавижу вас.

Да! Ненависти вам отмерено немало.

Или за тайный грех вас небо покарало?

Ведь хуже муки нет, чем страстно полюбить

Того, кто ненавистью будет вам платить.

Адраст.

И о страданиях моих великих зная,
Вы не сочувствуете им?

Изабелла.

Нет, я не злая,
И мне вас, право, жаль, хотя и не пойму,
Зачем страдать вам так жестоко? Ни к чему
Не может привести такое постоянство
Сомнительная честь тут проявлять упрямство.

Адраст.

Отец ваш за меня, и он применит власть,
Чтоб защитить мою отвергнутую страсть.

Изабелла.

Вступив на этот путь, вы убедитесь скоро,
Что вам не избежать презренья и по-

зора.

Адраст.

Надеюсь, день еще не подойдет к концу,
Как покоритесь вы безропотно отцу.

Изабелла.

Могу надеяться я более, чем прежде,
Что удалитесь вы, сказав «прощай» надежде.

Адраст.

Для снисхождения наступит ли черед?

Изабелла.

Чего вы медлите? Ведь вас отец мой ждет.

Адраст.

В душе вы каетесь, что так со мной суровы,
И эту холодность вы были бы готовы
Оставить наконец, но ждете, чтобы вас
К тому принудили. Ну что же! Пробил час.

Я все испробую.

Изабелла.

Негодны ваши средства.

Адраст уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Изабелла, Матамор, Клиндор.

Матамор.

Как увидал меня, так обратился в бегство.

Моим присутствием он явно был смущен.

Изабелла.

Бежали короли от вас, не только он.

Об этом слышать мне нередко приходилось,

И вашим подвигам я, как и все, дивилась.

Матамор.

Вы правду слышали, и, чтобы доказать,

Насколько я могуч, прошу вас указать

Любое царство мне, империю любую:
Я их для вас, мадам, немедля завоюю.

Изабелла.

Вы можете легко мне царство подарить,
Но я у вас в душе хотела бы царить,
Чтоб ваши помыслы, желания и страсти
Моими подданными стали.

Матамор.

Это, к счастью,
Уже произошло, и вы царите там.
А в доказательство секрет открою вам:
Я не пойду в поход, мне надоели войны,
И могут короли отныне спать спокойно.
Я только двум иль трем приказ мой передам, —
Служить мне и носить мои записки к вам.

Изабелла.

Но блеск подобных слуг привлек бы к нам вниманье

И зависть вызвал бы, разбив очарованье

Взаимных наших чувств, привыкших к тишине.

Поэтому Клиндор подходит нам вполне.

Матамор.

Характер ваш с моим во многом совпадает:

Вас так же, как меня, величье утомляет.

Со скипетром любым, захваченным в бою,

Я тут же расстаюсь: обратно отдаю.

А если бы к моим ногам принцессы пали,

То тверже камня я и холоднее стали.

Изабелла.

Вот в этом не могу не усомниться я:

Отвергнуть всех принцесс и предпочесть меня?

Как ни приятно мне, поверить я не

смею.

Матамор *(показывая на Клиндора).*

Пожалуй, Ла Монтань все объяснит скорее.

Когда, прибыв в Китай, сошел я с корабля,

Ты помнишь, Ла Монтань, две дочки короля

Меня увидели и страстью воспылали?

Об этом при дворе немало толковали.

Клиндор.

Но вы отвергли их, и умерли они.

Об этом я узнал в Египте, где в те дни

Стоял великий стон, и залит был слезами

Каир, что трепетал от страха перед нами.

Семь великанов злых убили вы тогда,

Сожгли пятьсот домов, врываясь в города,

Все крепости смогли вдруг превратить в руины

И, на Дамаск напав, сумели в миг единый

Разбить там армию в сто тысяч человек.

Матамор.

Ты помнишь все места и каждый мой набег,

А я их позабыл.

Клиндор.

Я просто в изумленье:

Какие подвиги вы предали забвенью!

Матамор.

Но стольких королей разбил я в пух и прах,

Что помнить не могу о всяких пустяках.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и паж.

Паж.

К вам, сударь, прибыл…

Матамор.

Кто?

Паж.

Гонец со свитой целой.

Матамор.

А кем он послан к нам?

Паж.

Исландской королевой.

Матамор.

Нигде покоя нет. О небо, видишь ты,
К чему меня привел избыток красоты?
Избавь от королев, и буду я спокоен.

Клиндор *(Изабелле).*

Все это из-за вас: влюблен великий воин.

Изабелла.

Он убедил меня.

Клиндор.

О, это перст судьбы!

Матамор.

Напрасно вздумалось ей расточать

мольбы:

Пусть не надеется и пусть себя не мучит,

Свой смертный приговор в письме она получит.

Пойду ей напишу. Вернусь к вам через час.

С моим наперсником я оставляю вас;

Поговорите с ним — и убедитесь сами,

Над кем одержана была победа вами.

Изабелла.

Но чем скорее вы вернетесь, тем верней

Докажете любовь возлюбленной своей.

Матамор уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Изабелла, Клиндор.

Клиндор.

Судите же теперь, каков наш храбрый воин:

Весь разговор с пажом нарочно был под-

строен,

Паж должен объявлять чуть ли не каждый час,

Что прибыл к нам гонец, что ждет посланник нас.

Изабелла.

Безумец наш в игре не соблюдает правил,

Но он ушел и нас наедине оставил.

Клиндор.

Подобные слова внушают смелость мне:

О многом вам сказать хочу наедине.

Изабелла.

И что вы скажете?

Клиндор.

Скажу, что Изабелла

Моими мыслями и сердцем завладела,

Что жизнь мою отдать…

Изабелла.

Все это знаю я

И верю вам. К чему вам повторяться зря?

Не я ли только что от царства отказалась,

Гоню поклонников и вам в любви призналась?

Когда любовь слаба и страсть не родилась,

То завереньями хотят упрочить связь;

У нас совсем не то, нам пылких клятв не надо,

И потому слова мы ценим меньше взгляда.

Клиндор.

О, кто поверил бы, что мой несчастный рок,

Преследуя меня, любви моей помог!

Я изгнан из дому, с отцом суровым в ссоре,

Без денег, без друзей, один в нужде и горе,

Обязан потакать капризам чудака,

И, несмотря на то, что жизнь моя

горька,

Ничто в моей судьбе, с которой нет мне сладу,

Не отвратило вас, не вызвало досаду;

И хоть соперник мой и знатен и богат,

С презреньем на него бросаете вы взгляд.

Изабелла.

Так выбор нам велит. Когда любовь не ложна,

Того, кто ей не мил, любить нам невозможно,

Все домогательства тогда обречены.

А те, кому нужны богатство и чины,

Не любят никого и потому не вправе

Любовью называть корысть или тщеславье.

Я знаю, думает иначе мой отец,

И будет он мешать союзу двух сердец.

Но велика любовь, что мною овладела,

И принуждению иметь с ней трудно дело.

Есть у отца права, есть чувства у ме-

ня,

Свой выбор сделал он, но сделала и я.

Клиндор.

Как мало заслужил я слушать эти речи!

Изабелла.

Сюда идет Адраст, я не хочу с ним встречи.

(Уходит).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Клиндор, Адраст.

Адраст.

Везет вам! А во мне от горя все дрожит:

Моя возлюбленная от меня бежит;

Как ни приятно ей общенье с вами было,

Увидела меня и скрыться поспешила.

Клиндор.

Не видела она, как приближались вы.

Покорный ваш слуга наскучил ей, увы!

Адраст.

Вы ей наскучили? О, это очень мило!
При вашем-то уме чтоб скуку наводила
Беседа с вами? Чушь! О чем же рассказать
Вы ей изволили?

Клиндор.

Не трудно угадать:
О том, как войны вел, выигрывал сраженья
И покорял сердца в своем воображенье
Хозяин мой.

Адраст.

Смешно тут было б ревновать.
Но если прихоти безумца выполнять
Придется вам еще, то я прошу по чести:
О выходках его в другом толкуйте месте.

Клиндор.

Чем может повредить такой соперник вам?

Убийством и войной пленить пытаясь дам,

Он душит, режет, бьет не дрогнувшей рукою.

Адраст.

Не так уж вы просты, чтоб быть его слугою,

И не без умысла пошли служить к нему,

А почему пошли, никак я не пойму.

Но с той поры, как здесь вы стали появляться,

Меня день ото дня все больше сторонятся

И видеть не хотят. Мне кажется подчас,

Что планы дерзкие таите вы от нас:

Какой-то ловкий ход задуман, видно, вами.

Но пусть ваш фанфарон другой расскажет даме

О подвигах своих. Или, еще верней,

Пусть посылает он слугу другого к ней.

Нет! С волею отца она должна считаться!

А он избрал меня, и тут уж колебаться

Мне не приходится — все средства хороши.

Коль не хотите вы сгубить своей души,

Уехать надобно вам поскорей отсюда.

Послушайтесь меня, иначе будет худо.

Клиндор.

Вы думаете, я могу вам повредить?

Адраст.

Все! Кончен разговор. О чем нам говорить?

Должны убраться вы!

Клиндор.

Но в вашем положенье

Вас не роняет ли такое раздраженье?

Хотя не знатен я, но в этом сердце есть

По милости небес и мужество и честь:

Коль должен я кому, поверьте, рассчитаюсь...

Адраст.

Вы угрожаете?

Клиндор.

Нет-нет! Я удаляюсь.

Не много чести вам вступать со мною в спор,

Да и не место здесь вести нам разговор.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Адраст, Лиза.

Адраст.

О, этот дерзкий хлыщ еще и недоволен!

Лиза.

Вы просто вне себя, у вас рассудок болен.

Адраст.

Что?

Лиза.

Ревность — как болезнь, которой нет конца.
Чем виноват слуга, что служит у глупца?

Адраст.

Кто я — известно мне, я знаю Изабеллу;
Слуга не повредит задуманному делу;
То прихоть и каприз — вести беседы с ним,
Но в данном случае каприз недопустим.

Лиза.

Вот и признались в том, что отрицать хотели.

Адраст.

Пусть подозрения мои и в самом деле
Нелепы и смешны, но, свой покой храня,
Его прогнал я прочь: так лучше для меня.

Кому он нужен здесь?

Лиза.

Когда бы я посмела,

То так сказала б вам: вздыхает Изабелла

О нем и день и ночь.

Адраст.

О чем толкуешь ты?

Лиза.

О том, что лишь к нему летят ее мечты,

О том, что влюблены они друг в друга страстно.

Адраст.

Но можно ли взирать на это безучастно?

Неблагодарная! Посмела предпочесть

Меня бездомному бродяге! Где же честь?

Лиза.

Бродяга говорит, что знатного он рода

И будто бы богат...

Адраст.

Свою он душу продал.

Лиза.

Отцовской строгости не выдержав, свой дом
Покинул тайно он, скитался, а потом,
Как видно, будучи в тяжелом положенье,
Пошел к безумному вояке в услуженье;
Он стал поверенным его сердечных дел
И так приемами соблазна овладел,
Так очарована была им Изабелла,
Что, вашу страсть презрев, она к вам охладела.
К ее отцу пойти вам надо поскорей,
Чтоб, власть употребив, вернул он разум ей.

Адраст.

Иду к нему сейчас. Я жду вознагражденья
За долгое мое и верное служенье,

Которому пора уже плоды нам дать.
Ты не могла бы мне услугу оказать?

Лиза.

Любую. Для меня нет, сударь, выше чести...

Адраст.

Устрой тогда, чтоб я сумел застать их вместе.

Лиза.

Сегодня вечером удобно вам?

Адраст.

Вполне.
Но только не забудь, что обещала мне.
А вот тебе аванс за верность и усердье.

(Дает ей бриллиант.)

Лиза.

Когда с ним встретитесь, отбросьте милосердье.

Адраст.

Спокойна можешь быть; получит он сполна,

Не менее того, что выдержит спина.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лиза одна.

Лиза.

Гордец мной пренебрег и должен быть наказан.

Он думал: цель близка, но путь ему заказан.

Девицей знатною он хочет быть любим.

Я для него плоха, мне, дескать, рядом с ним

И делать нечего: я недостойна ласки.

Но только пусть другим рассказывает сказки.

Служанка я. А он? Слуга. Хорош собой?

Хорош. Но разве я обижена судьбой?

Богат и знатен он? Как тут не рассмеяться:

Здесь неизвестен он и может называться

Кем только вздумает. Но интересно знать:

Как будет этот принц под палками плясать.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Алькандр, Придаман.

Алькандр.

Разволновались вы.

Придаман.

Она его погубит.

Алькандр.

Нет, Лиза все-таки Клиндора очень любит.

Придаман.

Но он отверг ее, и к мести повод есть.

Алькандр.

Все сделает любовь, чтоб отступила месть.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жеронт, Изабелла.

Жеронт.

Не надо слезы лить, кляня девичью долю:
И слезы и слова мою не сломят волю.
Хотя любой беде я сострадать готов,
Рассудка доводы сильнее ваших слов.
Я знаю лучше вас, как поступать вам надо.
Адраст мне нравится, не потому ль преграды
Вы ставите ему? Не потому ли в нем
Достоинств не нашли? Но в мнении моем
Стоит он высоко: умен, богат и знатен.
Иль внешний вид его вам чем-то неприятен?

Или характер плох?

Изабелла.

Достоинств и не счесть.

Я знаю хорошо: он оказал мне честь.

Но если б вы могли мне оказать вниманье

И выслушать меня, то я бы в оправданье

Одно сказала б вам: все беды оттого,

Что я его ценю, но не люблю его.

Нередко небеса внушают нам такое,

Что все бунтует в нас, лишает нас покоя,

Не позволяя нам с покорностью принять

То, что навязано. Но можно ли пенять

На небеса за то, когда по их веленью

Две связаны души, когда ни на мгновенье

Они уж не смогли б друг друга позабыть?

Коль этой связи нет, любви не может быть.

Кто вздумал отвергать законы Провиденья,

Напрасно будет ждать от неба снисхожденья:

Несчастья на него обрушатся, и он

От них уже ничем не будет защищен.

Жеронт.

О дерзкая! Вы так решили оправдаться?

Мне с философией прикажете считаться?

Ни ваши знания, ни к рассужденьям страсть

Не могут отменить родительскую власть.

Вам ненависть внушил мой выбор; но кому же

Вы сердце отдали? Хотите в роли мужа

Увидеть нашего вояку? В добрый час!

Весь мир он покорил, а заодно и вас.

Пусть этот фанфарон со мною породнится.

Изабелла.

Нельзя так с дочерью жестоко обходиться!

Жеронт.

Что заставляет вас не слушаться меня?

Изабелла.

За будущее страх и молодость моя.

А то, что вы могли назвать счастливым браком,

Мне адом кажется, погибелью и мраком.

Жеронт.

Насколько лучше вас Адраст: он будет рад

Все сделать, чтоб попасть в такой чудесный ад.

Меня вы поняли? Иль снова спорить станем?

Изабелла.

Моей покорности другое испытанье

Могли б устроить вы.

Жеронт.

Испытывать вас? Вздор!

Я вам приказываю! Кончен разговор!

Изабелла уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жеронт один.

Жеронт.

Вот молодежь пошла! С упрямым постоянством

Веленья разума зовет она тиранством;

И даже самые священные права

Бессильны перед ней: все это, мол, слова.

А дочки каковы? Отцам противореча,

Им не хотят ни в чем идти они навстречу

И, следуя в любви лишь прихотям своим,

Отвергнут всякого, кого укажут им.

Но ты, о дочь моя, не думай, что покорно

Я уступлю тебе, упрямой, глупой, вздорной.

Я усмирю твой бунт... Смотрите, снова он!

Однако надоел мне этот фанфарон.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жеронт, Матамор, Клиндор.

Матамор.

Ну разве жалости я недостоин все же?

Визирь великий вновь нас просьбами тревожит,

Татарский государь на помощь нас зовет,

А Индия послов к нам ежедневно шлет.

Выходит, должен я на части разорваться?

Клиндор.

Без вашей помощи придется им сражаться:

Едва окажете услугу одному,

Другие ревностью начнут пылать к нему.

Матамор.

Ты прав, они меня интересуют мало.

А ревность возбуждать одной любви пристало…

Ах, сударь, я прошу прощения у вас

За то, что ваш приход заметил лишь сейчас!

Но на лице у вас лежат заботы тени.

Скажите, кто ваш враг, — убью в одно мгновенье.

Жеронт.

По божьей милости, нет у меня врагов.

Матамор.

По милости моей, их всех зарыли в ров.

Жеронт.

Я до сих пор не знал про эту вашу милость.

Матамор.

Едва симпатия моя к вам проявилась,

Как обуял их страх — и померли они.

Жеронт.

Я вот что вам скажу: приятно в наши дни

Увидеть эту длань столь мирной и спокойной.

А между тем вокруг не утихают войны.

Как? Чтобы звание героя заслужить,

Баклуши надо бить и беззаботно жить?

Здесь стали говорить, что будто не по праву

Себе военную вы приписали славу.

Матамор.

Жить в мире, черт возьми? Я сам себя кляну.

Но как уехать мне, коль я теперь в плену?

Меня прекрасная пленила Изабелла,

Обезоружила и сердцем завладела.

Жеронт.

Ну, если это так, плен не опасен ваш.

Спокойно можете садиться в экипаж:

Ее вам не видать... Так уезжайте смело!

Матамор.

Ну, что вы! Я хочу, чтобы она надела
Корону на себя...

Жеронт.

Довольно! Только раз
Способен рассмешить нелепый ваш рассказ,
Но он невыносим, стократно повторенный.
Другим раздаривайте царства и короны.
А здесь появитесь, то встрече быть иной...

Матамор.

Да он сошел с ума! Так говорить со мной!
Несчастный! Сам султан с отрядами своими
Трепещет и бежит, мое услышав имя.
Да раздавить тебя могу я в миг один!

Жеронт.

Есть слуги у меня, и я их господин.
Они ни воевать, ни хвастать не умеют,
Но верно служат мне и кулаки имеют.

Матамор *(Клиндору).*

Скажи ему, кто я! Что совершил, скажи!

Жеронт.

Могли бы обойтись без хвастовства и лжи.
Прощайте! Мне пора. Хоть не враги мы с вами,
Нрав у меня горяч, а слуги с кулаками.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Матамор, Клиндор.

Матамор.

О, уважение к возлюбленной моей!
Тобою скован я, и ты меня сильней.
Будь сто соперников, а не родитель девы,

Они бы не ушли от праведного гнева.

Пособник дьявола, сын ада, злобный дух,

Старик чудовищный, чья речь терзает слух!

Кого ты гнал сейчас? Кому грозил расправой?

Подумать страшно: мне, увенчанному славой!

Клиндор.

Покуда нет его, легко проникнуть в дом.

Матамор.

Зачем?

Клиндор.

Увидев дочь, отца мы проведем.

Матамор.

Какой-нибудь слуга там надерзить мне может.

Клиндор.

Любого наглеца ваш грозный меч уло-

жит.

Матамор.

Но искры сыплются, когда разит мой меч,

Они в один момент способны дом поджечь,

А пламя все пожрет: и балки, и распорки,

Пороги, плинтусы, полы, дверные створки,

А с ними заодно засовы и замки,

Проемы, выступы, стропила, потолки,

Обои, сундуки, столешницы, гардины,

Цемент, подсвечники, стекло, горшки, картины,

Подвалы, лестницы, прихожие, ковры,

Матрацы, комнаты, чуланы и дворы…

Сам посуди: разгром! И в доме Изабеллы!

Боюсь, чтобы она ко мне не охладела.

Поговори с ней ты: я, видишь, не могу.

А надерзит слуга — сам покарай слугу.

Клиндор.

Но это риск…

Матамор.

Прощай! Дверь открывает кто-то.

Внушать лакеям страх теперь твоя забота.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клиндор один.

Клиндор.

Чтоб испугать его, достаточно листка,

Травинки, веточки, дыханья ветерка;

Всегда настороже, всегда готов дать тягу:

Страх перед взбучкою бросает в дрожь беднягу.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Клиндор, Лиза.

Клиндор.

А, Лиза, вот и ты! Открыла дверь — и вдруг

Смельчак скрывается: объял его испуг.

Смотри-ка: убежал великий наш воитель,

Гроза всех королей, всех женщин покоритель.

Лиза.

Должно быть, этот страх ему внушил мой вид;

Есть лица, что влекут, мое лицо — страшит.

Клиндор.

Страшит одних глупцов, а умных привлекает.

Как мало лиц таких в людской толпе мелькает!

Как много есть причин, чтобы тебя любить!

С тобою никого я не могу сравнить.

Умна, насмешлива, покладистого нрава,

Прелестно сложена, и я не знаю, право,

Чьи губы так свежи, чей взгляд волнует так.

Кто тут не влюбится? Слепец или дурак!

Лиза.

Так вы находите, что я похорошела?

Взгляните: Лиза я, отнюдь не Изабелла.

Клиндор.

Что делать, если два предмета у любви:

Ее приданое и прелести твои?

Лиза.

Придется выбирать — иначе не бывает.

Ее приданое вас больше привлекает.

Клиндор.

Хотя преследую я эту цель, но ты

С не меньшей силою влечешь мои мечты.

У брака и любви различные стремленья:

Брак ищет выгоды, любовь — расположенья.

Так что же делать нам? Я беден, ты бедна!

Две бедности сложить? Две больше, чем одна.

И сколько б радости любовь ни обещала,

Она двум беднякам ее отмерит мало.

Вот и приходится богатство мне искать.

Но грустью тайною охвачен я опять,

С тобою встретившись, и снова вздох невольный

Не в силах подавить: обидно мне и больно,

Что страсть моя должна рассудку уступить.

О как бы я любил, когда бы мог любить

Того, кого хочу, кто мил мне в самом деле!

Лиза.

Как были б вы умны, когда б молчать умели!

Благоразумие с любовью пополам

Могли б вы приберечь для благородных дам.

Вот счастье выпало! Поклонник мой боится,

Что будет худо мне, и потому стремится

В брак выгодный вступить, и говорит мне вслед:

«Зачем тебе нести груз наших общих бед?»

Вовек мне не забыть участливость такую.

Но вам пора идти, зря с вами я толкую.

Клиндор.

Насколько же с тобой счастливей был бы я!

Лиза.

Вас в комнате своей хозяйка ждет моя.

Клиндор.

Меня ты гонишь?

Лиза.

Нет! Но вас влечет дорога,
Где будет радости отмерено вам много.

Клиндор.

Ты и отталкивая можешь покорять.

Лиза.

Минуты дороги, не стоит их терять.
Идите же!

Клиндор.

Но знай, что если я с другою…

Лиза.

То это потому, что вы моей судьбою
Обеспокоены. Я верно поняла?

Клиндор.

Ты издеваешься, и все же так мила,
Что, говоря с тобой, влюбляюсь я сильнее,

Поэтому уйти мне надо поскорее.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лиза одна.

Лиза.

Меня красивою теперь находит он
И притворяется, что по уши влюблен.
А сам играет мной, нужна ему другая;
И, чувством искренним моим пренебрегая,
Клянется мне в любви и тут же говорит:
Нельзя нам вместе быть, рассудок не велит.
Ну что же! Поступай со мной неблагородно,
И в жены выбирай себе кого угодно,
И пусть рассудок твой убьет в тебе любовь, —
Знай: ни одну из нас не проведешь ты вновь.
В подобный брак вступить не может

Изабелла,

И я с таким, как ты, иметь не буду дела,

Но прежде над тобой поиздеваюсь всласть.

А чтобы удалось вернее в цель попасть,

Обиду утаю, ее не обнаружат;

Кто свой скрывает гнев, тот лучше мести служит;

Я буду ласковой: надежен и хорош

Такой прием, и ты… в ловушку попадешь.

Но можно ли считать тебя столь виноватым

За то, что хочешь ты стать наконец богатым

И что, любя меня, пошел на этот шаг?

О господи, в наш век все поступают так!

Не лучше ли забыть свое негодованье?

Зачем вредить тому, кто, вопреки желанью,

Решил со мной порвать? И так нака-

зан он,

И все же дорог мне, и должен быть прощен...

Мутится разум мой. Как? Даровать пощаду

Тому, кто жизнь мою вдруг уподобил аду?

О справедливый гнев, ни на единый миг

Не потухай во мне, будь страшен и велик!

Пусть полюбил меня — он мной пренебрегает,

Пусть я его люблю — меня он оскорбляет;

Молчи, любовь, молчи! Пришла пора карать,

И ты мне не должна, не смеешь мне мешать:

Надеждой призрачной мои ты множишь муки.

О ненависть! Приди и развяжи мне руки,

И в сердце поселись, и мщение готовь;

Любовь обманутая — больше не лю-

бовь.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Матамор один.

Матамор.

Спасайся! Вот они! Нет ни души. В чем дело?

Смелей вперед! Постой, дрожь сотрясает тело.

Я слышу их. Беги! То ветер прошумел.

О сумрак, спрячь меня, и я останусь цел!

Мою владычицу здесь подожду я все же.

Лакеи чертовы, вот кто меня тревожит.

Ну как тут не дрожать? Риск очень уж велик:

Появятся они — и мертв я в тот же миг.

Нет, лучше умереть, чем слугам дать сраженье.

Марать о них свой меч? Какое униже-

нье!

Во имя доблести не буду рисковать.

Но в крайнем случае меня им не догнать.

Дойдет до этого — самим же будет хуже:

Ведь мне не только меч — и ноги верно служат.

О боже, вот они! Что делать? Мне конец!

Я не могу бежать: в ногах моих свинец.

Пропал... Нет, не пропал... Как тут не удивиться?

Да это мой слуга, и с ним моя царица!

Теперь послушаем, как он толкует с ней

О доблести моей и о любви моей.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Клиндор, Изабелла, Матамор (спрятавшись, подслушивает их разговор).

Изабелла.

Отец неумолим. Как быть? Свидетель

небо:

Он никогда еще таким суровым не был,

Вам с вашим воином пощады он не даст.

А в довершение стал ревновать Адраст.

Нетрудно в комнате моей застать нас было,

И потому сюда я выйти вас просила;

Здесь безопаснее: коль преградят вам путь,

В другую сторону вы сможете свернуть.

Клиндор.

Не слишком много ли уделено вниманья

Тому, чтобы продлить мое существованье?

Изабелла.

Не много! Если бы оно прервалось вдруг,

Все потеряло б смысл, была бы тьма вокруг,

Оно дороже мне всего, что есть на све-

те,

Благодаря ему мне в небе солнце светит.

И пусть родитель мой с Адрастом заодно,

Владеть моей душой вам одному дано.

Меня преследуют? Сулят мне муки ада?

Коль это из-за вас — и этому я рада,

Мои страдания благословляю я,

Так велика любовь и преданность моя.

Клиндор.

Я счастлив и смущен, ликую и страдаю:

Ведь только жизнь мою взамен я предлагаю;

Нет больше ничего у вашего раба.

Но если все-таки позволит мне судьба

Увидеть край родной, увидеть дом мой отчий,

Тогда и сами вы увидите воочью,

Что не был выбор ваш таким уже плохим

И что сравнение с соперником моим

Не так уж мне вредит... Одно меня тревожит:

Он с помощью отца добиться цели может.

Изабелла.

Не бойтесь ничего: что б ни предпринял он

И как бы ни был мой родитель убежден

В своем всесилии — я приняла решенье,

И нет в моей душе ни страха, ни сомненья.

Их планы призрачны, беспомощна игра...

Матамор.

Как это вытерпеть? Вмешаться мне пора.

Изабелла.

Подслушивают нас!

Клиндор.

Но кто? Храбрейший в мире!

Не бойтесь, я сейчас его утихомирю.

Изабелла уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Клиндор, Матамор.

Матамор.

Предатель!

Клиндор.

Тише вы! Лакеи…

Матамор.

Что?

Клиндор.

Как раз,
Ваш голос услыхав, набросятся на нас.

Матамор *(тянет его в угол сцены).*

Иди сюда. Так вот, преступник и повеса,
Как ты отстаиваешь наши интересы?

Клиндор.

Старался я как мог, чтобы счастливым стать.

Матамор.

Какую смерть тебе за это загадать?

Убить ли кулаком? (Страшнее нет удара.)

Или загнать живым вовнутрь земного шара?

Иль разрубить мечом на тысячу кусков?

Иль в облака швырнуть? Нет, выше облаков!

Итак, на выбор смерть. Что скажешь мне на это?

И не задерживай меня, я жду ответа.

Клиндор.

Есть выбор и у вас.

Матамор.

А что мне выбирать?

Клиндор.

Хотите битым быть или стремглав удрать?

Матамор.

Угрозы? Черт возьми! Какая дерзость все же!

Пал на колени он? Взмолился? Не похоже.

А поднял шум какой! Я это не люблю.

Знай: утопить тебя я морю повелю.

Клиндор.

Так много жидкости не надо человеку.

Нет, море далеко, и я вас брошу в реку.

Матамор.

Потише говори, услышат…

Клиндор.

Шутки прочь!

Десятерых сразить пришлось мне в эту ночь,

Рассердите меня — число я увеличу.

Матамор.

О дьявол! Хочет плут принять мое обличье.

Да! Глядя на меня, героем можно стать.

Будь он почтителен, его б я мог признать.

Послушай: я не злой, и было бы обидно

Мир храбреца лишить. Но как тебе не стыдно?

Проси прощения! Лишь я достоин той,

Чей вид тебя смутил своею красотой.

Знай: доброты во мне не меньше, чем отваги.

Клиндор.

Тогда не лучше ли скрестить немедля шпаги?

Посмотрим, кто из нас сильней в нее влюблен.

Матамор.

Твоим характером я просто восхищен.

Бери ее скорей, со мной хитрить не надо;

За службу верную вот лучшая награда.

Нет щедрости моей предела!

Клиндор.

Этот дар

Мой ослепляет взор, как молнии удар.

О королей гроза, о бескорыстный воин,

Великой милости я ныне удостоен!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Изабелла.

Изабелла.

Без боя обошлось! Вам ссориться нельзя.

Приятно видеть мне, что вы теперь друзья.

Матамор.

Мадам! Придется вам лишиться этой чести —

Моей женою стать: полученные вести

Мое решение переменили вдруг.

Но не расстраивайтесь: вы из этих рук

Получите того, кто воевал прекрасно.

Изабелла.

Раз вам угодно так, конечно, я согласна.

Клиндор.

Об этом никому не надо говорить.

Матамор.

Я обещаю вам молчание хранить
И покровительство вам обещаю тоже;
Куда б вы ни пришли, оно везде поможет:
При имени моем дрожат в любом краю.

Изабелла.

Тому, кто дорог вам, я сердце отдаю.

Клиндор.

И нечто большее пусть будет в результате…

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Жеронт, Адраст, Лиза, слуги.

Адраст.

За речи дерзкие умрешь ты! О проклятье,
Пощады нет тебе!

Матамор.

Захвачен я врасплох.

Скорее в эту дверь. Какой переполох!

(Вслед за Изабеллой и Лизой скрывается в доме Изабеллы.)

Клиндор.

А... с этой шайкою почувствовал ты силу!

Постой. Не скроешься. Готовь себе могилу.

Жеронт.

О боже! Ранен он. Врача сюда скорей!

А вы преступника хватайте. О злодей!

Клиндор.

Мне не хватает сил. Их много. Плохо дело.

Я в бездну падаю. Прощайте, Изабелла!

Жеронт.

Адраста в дом теперь внесите, а ему

Пощады никакой: свяжите — и в тюрьму.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Алькандр, Придаман,

Придаман.

Увы! Погиб мой сын.

Алькандр.

Как сильно вы дрожите!

Придаман.

Волшебник! В помощи ему не откажите.

Алькандр.

Терпение, мой друг, и до счастливых дней
Сумеет он дожить без помощи моей.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Изабелла одна.

Изабелла.

Час приближается. Как время торопливо!
Свершится завтра казнь, — о суд несправедливый!
Неумолимая восторжествует власть,
И месть, презрев закон, свою разверзнет пасть.
Так, над возлюбленным моим чиня расправу,
Хотят неправедно страны возвысить славу,
Честь мертвому воздать, умерить гнев отца
И причинить мне боль, которой нет конца.
Увы! Кругом враги. Чудовищная сила
На невиновного обрушилась, сразила

Того, кто беден был, но полон был огня

И чья вина лишь в том, что он любил меня.

Клиндор! Твоя любовь не ведала сомненья,

Ты совершенством был, а это — преступленье.

Но тщетно думают смирить мой гордый нрав:

Расстанусь с жизнью я, Клиндора потеряв.

Я гибели твоей причина и готова

С тобою разделить твой приговор суровый.

Когда ж обоих нас земной поглотит прах,

Две любящих души сольются в небесах.

Тогда увидишь ты, жестокий мой родитель,

Что небеса для нас — счастливая обитель;

И если смерть моя внушит тебе печаль,

Мне, дочери твоей, тебя не будет

жаль,

И над раскаяньем твоим и над слезами

Смеяться буду я… А если слезы сами

Не потекут из глаз, то будет призрак мой,

Являясь по ночам, твой нарушать покой.

Во мраке за тобой всегда следить он будет,

На муки совести твой скорбный дух осудит,

Рассудок погрузит в смятение и страх,

И будет смерть моя стоять в твоих глазах.

Так, дни свои влача в отчаянье и горе,

Начнешь покойнице завидовать ты вскоре.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Изабелла, Лиза.

Лиза

Что здесь вы делаете в этот поздний час?

Клянусь, что ваш отец тревожится за вас.

Изабелла.

Когда надежды нет, то нечего бояться.

Здесь горю моему хочу я предаваться:

Клиндора видела я здесь в последний раз,

Во тьме мерещится мне блеск влюбленных глаз

И голос слышится, что был мне всех дороже;

Он говорит со мной, мои страданья множа.

Лиза.

Зачем же горести свои усугублять?

Изабелла.

А что, по-твоему, должна я предпринять?

Лиза.

Из двух возлюбленных, что верно вам служили,

Один вот-вот умрет, другой уже в могиле.

Не тратьте время зря, оплакивая их,

Найдите третьего, что стоит их двоих.

Изабелла.

Как смеешь, дерзкая, мне говорить такое!

Лиза.

Что толку слезы лить, страдать, не знать покоя?

Так можно подурнеть. И этот скорбный вид

Смерть от возлюбленного разве отвратит?

Победой новою себя прославьте снова.

Есть некто, чья душа для рабства уж готова.

Прекрасный человек…

Изабелла.

Исчезни с глаз моих.

Лиза.

Поверьте, он один заменит вам двоих.

Изабелла.

Для горя моего тебя недоставало!

Лиза.

А разве хорошо, чтоб радость я скрывала?

Изабелла.

Откуда же она в столь неурочный час?

Лиза.

Есть повод у меня. Узнаете сейчас.

Изабелла.

Нет! Лучше помолчи.

Лиза.

А если это дело
И вас касается?

Изабелла.

Молчи, раз я велела!

Лиза.

Не много пользы здесь от ваших горьких слез,

А мой веселый нрав спасение принес
Клиндору вашему.

Изабелла.

Спасенье?

Лиза.

Не иначе.
Вот как я вас люблю, хоть с вами и не плачу!

Изабелла.

Он выйдет из тюрьмы? О, правды торжество!

Лиза.

Я дело начала, вам довершить его.

Изабелла.

Ах, Лиза!

Лиза.

С ним бежать вы были бы согласны?

Изабелла.

Бежать? С тем, без кого была бы жизнь ужасна?

Да если б от оков его ты не спасла,

Я в преисподнюю тогда б за ним пошла!

Не спрашивай меня, согласна ль я на бегство.

Лиза.

Чтоб выйти из тюрьмы, другого нету средства.

И кое-что смогла я сделать, но сейчас

Его спасение зависит лишь от вас.

В тюрьме привратник есть, и он имеет брата.

А брат в меня влюблен. Я разве виновата,

Что, на меня взглянув, теряют свой покой?

Короче говоря, бедняга сам не свой.

Изабелла.

И не сказала мне?

Лиза.

Стыдилась я немало

Знакомства этого и потому молчала.

Клиндор четыре дня, как заключен в

тюрьму,

И я к поклоннику смешному моему

Уже не отношусь все эти дни, как прежде,

И повод расцвести даю его надежде.

Кто в первый раз влюблен и верит, что любим,

Готов на многое, все можно делать с ним.

Мой кавалер в таком сегодня положенье,

Что выполнит любой приказ без возраженья.

Однако я ему потачки не даю:

Коль хочешь быть со мной, работу брось свою.

Хоть он из-за меня на все пойти согласен,

Но тут колеблется, ведь этот шаг опасен:

Владеет с братом он единственным добром —

Ключами от тюрьмы. А как им жить потом?

Я говорю ему: решись, себя не мучай,

Теперь представился тебе счастливый случай;

Разбогатеешь ты, не будешь горя знать

И сможешь наконец меня своей назвать.

Бретонский дворянин в твоей тюрьме томится,

Под именем чужим он должен был таиться;

Спаси его — и мы в краю его родном,

Отправившись за ним, на славу заживем.

Мой кавалер смущен, но я не отступаю,

Он о любви твердит — я слушать не желаю,

Прощенья просит он, предчувствуя беду, —

Неумолима я и в гневе прочь иду.

Изабелла.

Что ж дальше?

Лиза.

Я назад вернулась. Он в печали.

Я наседаю — он… колеблется вначале.

Тогда я говорю: «Нельзя нам больше ждать,

Твой брат в отсутствии, о чем тут толковать?»

Он отвечает мне: «Путь длинный до Бретани,

Без денег пропадем, а их у Ла Монтаня

В помине даже нет».

Изабелла.

И ты ему тотчас

Не предложила все, что только есть у нас?

Одежду, жемчуга, кольцо…

Лиза.

Не только это

Ему сказала я… Открыла по секрету,

Что любит вас Клиндор, что вами он любим

И что хотите вы последовать за ним.

Расцвел поклонник мой, и тут-то я узнала,

Что тайной ревностью душа его пылала,

И колебался он так сильно до сих пор,

Считая, будто мне был нужен ваш Клиндор.

Но, уяснив теперь, в каком вы положенье,

Переменился он, отпали возраженья,

Все сделать обещал и вам велел шепнуть,

Чтоб в полночь были вы готовы.

Изабелла.

Значит, в путь?

Ты жизнь вернула мне и счастье.

Лиза.

И к тому же

Я нежеланного приобретаю мужа:

Я в жертву принесла себя.

Изабелла.

Я отплачу…

Лиза.

Нет, благодарности я вашей не хочу.
Идите складывать багаж и прихватите
С ним деньги вашего отца. Вот посмотрите,
Что у меня в руке: ключи его! Я вмиг
Сумела их стащить, едва заснул старик.

Изабелла.

Пойдем, поможешь мне.

Лиза.

На этот раз придется
Все сделать вам самой.

Изабелла.

Что? В страхе сердце бьется?

Лиза.

Нет! Можем разбудить мы вашего отца.

Изабелла.

Постой: как разбудить?

Лиза.

Болтая без конца.

Изабелла.

Опять смеешься ты!

Лиза.

Чтоб нам достигнуть цели,

Должна я встретить здесь того, кто главный в деле.

Покуда не дождусь — отсюда ни на шаг:

Сейчас быть узнанным ему нельзя никак.

Тут не до смеха мне.

Изабелла.

Тогда до скорой встречи,

И стань хозяйкою сама на этот вечер.

Лиза.

Ну что ж…

Изабелла.

Будь начеку.

Лиза.

Добычи вам большой!

Изабелла уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лиза одна.

Лиза.

Клиндор! Твоей судьбой, и жизнью, и душой
Распоряжаюсь я: мной ввергнут ты в оковы,
И будешь мной спасен от участи суровой.
Хотела помешать я счастью твоему,
Свободу отняла, но жизнь не отниму.
И вот, в твоей судьбе опять приняв участье,
Я жизнь тебе дарю, а вместе с ней и счастье.
Любовь потухшая вновь в сердце ожила,
Внушая мне, что месть чрезмерною была.

Обиды прежние я позабыть готова
И на признательность твою надеюсь снова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лиза, Матамор, Изабелла.

Изабелла.

Как! Сударь, это вы? В чем дело?

Матамор.

В прошлый раз…

Изабелла.

Что в доме делали вы в этот поздний час?

Лиза.

Вот наваждение! Откуда же он взялся?

Изабелла.

Я шла по лестнице, а он по ней спускался.

Матамор.

Хотя я в прошлый раз к вам чувства

изменил,

Но покровительство свое не отменил.

Изабелла.

Что ж дальше?

Матамор.

И когда вдруг вспыхнула здесь ссора,

Вы в дом вошли, а я, с вас не спуская взора,

За вами поспешил, чтоб в случае чего…

Изабелла.

Такой порыв души милее мне всего!

Но дальше было что?

Матамор.

Как часовой на страже,

Стоял я наверху.

Изабелла.

А мы не знали даже!

Все время были там?

Матамор.

Все время был.

Лиза.

Итак,

Теперь все ясно: страх загнал вас на чердак.

Матамор.

Страх?

Лиза.

Вы дрожите так, что мне неловко стало.

Матамор.

Дрожу не я, а он: резвее Буцефала{27}

Был страх, и потому он стал моим конем;

Его бросает в дрожь, когда скачу на нем.

Лиза.

Ваш выбор скакуна мне показался странным.

Матамор.

{27} Комментарии: 2.27
К стр. 197
Буцефал — легендарный конь Александра Македонского.

Он к новым подвигам и непокорным странам

Домчит меня скорей.

Изабелла.

Но как четыре дня

Прожить на чердаке смогли вы?

Матамор.

У меня

Есть выдержка.

Лиза.

А чем питались вы?

Матамор.

Нектаром

С амброзией.

Лиза.

И как?

Матамор.

Не нужно их и даром.

Изабелла.

И потому сюда держать решили

путь…

Матамор.

Чтоб вам возлюбленного вашего вернуть,

Разбить его тюрьму, порвать его оковы

И дать возможность вам его увидеть снова.

Лиза.

Согнал вас голод вниз. Осталось лишь признать,

Что вы хотите есть, а не тюрьму ломать.

Матамор.

И это я хочу и то… О силы ада,

Душа моя совсем амброзии не рада:

Я болен от нее. Хотя на вкус она

Весьма изысканна, однако лишена

Того, что придает нам сытость: только боги

Способны ею жить, а я чуть было ноги

Не протянул…

Лиза.

А как спаслись вы?

Матамор.

По ночам

Спускался с чердака, на кухню шел и там

Остатками еды питался, словно нищий:

Я их чередовал с божественною пищей.

Изабелла.

Вы нас обкрадывали!

Матамор.

Упрекать меня

За то, что я страдал, вас от невзгод храня?

Да в гневе я могу испепелить на месте…

Изабелла.

Ну, Лиза, слуг зови!

Матамор.

Уйдем-ка честь по чести.

Я не дурак их ждать.

(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Изабелла, Лиза.

Лиза.

Смотрите: убежал!

Изабелла.

Страх быстроног, седок сам это утверждал.

Лиза.

Однако сделать вы успели очень мало.

Изабелла.

Да, эта встреча с ним все карты нам смешала.

Лиза.

Так повернулись бы тотчас к нему спиной!

Изабелла.

Но он узнал меня, заговорил со мной.

Одна и в темноте — боялась я, что

будет

Он приставать ко мне и в доме всех разбудит,

И, чтобы от него отделаться верней,

Спустилась с ним сюда, и с помощью твоей

Мне быстро удалось уладить это дело.

Как видишь, перед ним совсем я не робела.

Лиза.

Все верно, но пришлось нам время потерять.

Изабелла.

Ну что же, я его сумею наверстать.

Лиза.

Смотрите, кто идет! Немного задержитесь —

И в ловкости его вы сами убедитесь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и тюремщик.

Изабелла.

Так, значит, пробил час поспорить нам с судьбой?

Ответь же: смерть иль жизнь принес ты мне с собой?

Мой друг, в твоих руках моей надежды нити!

Тюремщик.

Все хорошо идет, и страх свой прочь гоните.

Готовы лошади, и вы готовьтесь в путь.

Да! Скоро сможете свободно вы вздохнуть.

Изабелла.

Я, как всевышнему, тебе внимать готова.

Чем отплатить тебе? Скажи мне только слово…

Тюремщик.

Могу награду взять я лишь из этих рук.

Изабелла.

Ах, Лиза, сделай все, чтоб счастлив был

наш друг!

Лиза.

Отвергнуть нелегко достоинства такие.
Но как откроем мы ворота городские?

Тюремщик.

Карета есть у нас, за городом она,
И знаю место я, где рухнула стена:
Нетрудно перелезть через руины эти.

Изабелла.

Как на иголках я. Скорее бы в карете
Отсюда укатить!

Тюремщик.

Идем, пока темно.

Изабелла.

Поднимемся наверх: там дело есть одно.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Клиндор в тюрьме.

Клиндор.

О, как прекрасны вы, мои воспоминанья!
Пусть вскоре сменят вас предсмертные страданья, —
Покуда не пробьет последний страшный час,
Всем существом моим я буду слушать вас.
Так будьте мне верны, меня не покидайте
И в горестной судьбе мне утешенье дайте!
Когда же смерть свои знамена развернет
И взвалит на меня весь груз моих невзгод,
Напомните душе, смятением объятой,
Как незаслуженно я счастлив был когда-то,

Что мне теперь нельзя роптать на свой удел:

Был слишком дерзок я и многого хотел,

Но то, чего хотел, мне было недоступно,

И потому была мечта моя преступна.

Ведь преступление и впрямь я совершил:

Я полюбил — и смерть за это заслужил.

Но пусть моя душа покинет вскоре тело,

Я счастлив: из-за вас умру я, Изабелла.

Кто б ни нанес удар, прекрасна смерть моя:

Во имя ваших глаз погибнуть должен я.

Увы! Напрасно я пытаюсь без боязни

Вообразить позор неотвратимой казни.

Как горько сознавать, что не смогу я вновь

Смотреть в глаза, чей взор зажег во

мне любовь!

Перед врагом моим лежу я распростертый,

Он побежден живой, но побеждает мертвый;

Что силою не смог, то званием достиг:

Он пал — и сто убийц ко мне явились вмиг;

Из крови пролитой его они восстали,

В их сердце страха нет, рука их тверже стали,

Их месть присвоила закона грозный вид

И безнаказанно убийство совершит.

Я завтра заплачу за храбрость головою,

Преступником в цепях предстану пред толпою;

Всем так не терпится честь края поддержать,

Что приговор нельзя сомненью подвергать,

И гибель верная грозит мне отовсюду.

Я смерти избежал — убит за это буду,

Жизнь защитил свою — и жизнью заплачу,

Из рук врага попал я в руки палачу.

И содрогаюсь я: страшны мне эти руки,

Отдохновенья час исполнен горькой муки,

Сон от меня бежит, и в тишине ночной

Орудье казни вдруг встает передо мной.

Я вижу палача, я слышу, как читают

Ужасный приговор… Вот двери открывают…

Выводят из тюрьмы… Оковами звеня,

С трудом иду… Толпа глазеет на меня…

Иду туда, где смерть ждет жертвоприношенья…

Мутится разум мой, и нету мне спасенья.

На помощь кто придет? Никто!.. Всему конец…

Страх смерти так велик, что я уже мертвец.

Лишь, Изабелла, ты мне возвращаешь силы:

Когда передо мной встает твой образ милый,

Все эти ужасы, смятение и страх

Теряют остроту и тают на глазах.

Так помни обо мне! Судьба была сурова,

Но в памяти твоей жизнь обрету я снова.

Как? Открывают дверь? Так поздно в первый раз.

Друг! Что ты делаешь здесь в неурочный час?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Клиндор, тюремщик, Изабелла, Лиза.

Тюремщик *(в то время как Изабелла и Лиза появляются в другом конце сцены).*

Из состраданья к вам суд изменил решенье

И под конец решил явить вам снисхож-

денье.

Клиндор.

О боже, правда ли?

Тюремщик.

Умрете ночью вы.

Клиндор.

Не все ль равно, когда лишусь я головы?

Тюремщик.

Вы милости суда отвергли слишком скоро:

Вас от публичного избавили позора.

Клиндор.

Господ моей судьбы как мне благодарить?

Казнят — и доброту желают проявить.

Тюремщик.

Пред милостью такой смирили б вы свой норов.

Клиндор.

Друг! Выполняй приказ без лишних разговоров.

Тюремщик.

Вас у ворот тюрьмы ждет стражников отряд:

Посмотрите на них — и прояснится взгляд.

Изабелла *(обращается к Лизе, в то время как тюремщик выводит Клиндора из тюрьмы).*

Сейчас мы встретимся.

Лиза.

Глаза у вас сияют.

Изабелла.

Вернулась к жизни я, все страхи исчезают,

С Клиндором связана навек судьба моя,

И если б умер он, погибла бы и я.

Тюремщик *(Клиндору).*

Удастся ли уйти вам от подобной стражи?

Клиндор.

Так это вы, мадам? Не верится мне даже!

(Тюремщику.)

Обманщик добрый мой! Слова твои не вздор:

Я в эту ночь умру… от счастья.

Изабелла.

О Клиндор!

Тюремщик.

Оставим нежности, нам надо торопиться.

С возлюбленными мы успеем объясниться.

Клиндор.

Как? Значит, с Лизою любовь его свела?

Изабелла.

И знайте: их любовь свободу вам дала.

Тюремщик.

Как много времени теряем мы напрасно!

Нас могут захватить. Поверьте, здесь

опасно.

Изабелла.

Тогда скорей бежим. Но оба вы должны
Нам с Лизой обещать, что будете скромны,
Покуда с нами в брак не вступите.

Клиндор.

Ну что же,
Я в этом вам клянусь.

Тюремщик.

Могу поклясться тоже.

Изабелла.

Теперь и жизнью мне не страшно рисковать.

Тюремщик.

Должны немедленно отсюда мы бежать.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Алькандр, Придаман.

Алькандр.

В погоню бросились за ними — не догнали.

Все позади теперь: опасности, печали.

Придаман.

Свободно я вздохнул.

Алькандр.

И не прошло двух лет —

Добились почестей высоких... Нужды нет

Мне вам рассказывать о всяких испытаньях,

Судьбой им посланных, о встречах и скитаньях,

О том, каким путем высоко вознеслись;

Вы главное смогли увидеть: как спаслись

Они от гибели, кто принял в них уча-

стье.

Теперь я покажу их на вершине счастья.

И так как о иных делах пойдет рассказ,

Я новым призракам явиться дам приказ:

Те, что прошли сейчас пред вашими глазами

И чью историю вы наблюдали сами,

Не предназначены для столь высоких дел;

Любить они могли — блистать не их удел.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Алькандр, Придаман.

Придаман.

Величественна как! Да это Изабелла!

Алькандр.

И Лиза рядом с ней: она не захотела
Покинуть госпожу… Но заклинаю вас:
Отсюда ни на шаг, иначе вы тотчас
Погибнете. Итак, мое предупрежденье,
Надеюсь, ясно вам?

Придаман.

Без всякого сомненья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Изабелла, представляющая Ипполиту, Лиза, представляющая Кларину.

Лиза.

Когда же наконец домой вас уведу?

Или хотите ночь вы провести в саду?

Изабелла.

Что привело сюда — утаивать не стану:

Мое молчание лишь бередит мне рану.

Знай: герцог Флорилам...

Лиза.

Но ведь его здесь нет.

Изабелла.

И в этом-то как раз причина наших бед.

Мы с ним соседствуем, он к нам любовь питает

И в свой огромный сад охотно нас пускает.

Но с герцогинею Розиной мой супруг

В его отсутствие, как я узнала вдруг,

Здесь стали назначать свидания друг другу.

Пришла пора сказать коварному супругу,

Что я не потерплю предательства его.

Лиза.

Не лучше ль сделать вид, что ровно ничего

Не ведаете вы об этом? Разве можно

Исправить ревностью мужчину? Осторожно

Тут надо действовать: мужской изменчив нрав.

Раз мы зависимы, всегда мужчина прав.

Изабелла.

Скрывать, что знают все? Таить, что негодую?

Мол, называй женой, а сам люби другую?

Но можно ль честным быть и верности обет

Бесчестно нарушать? Что скажешь ты в ответ?

Лиза.

Так было в старину, теперь другое время;

Мужчин не тяготит супружеское бре-

мя:

Особые права даны им в наши дни,

И где теряем мы, там с прибылью они.

Брак не в обузу им, а совесть не преграда.

Коль хочешь быть в чести, иметь любовниц надо.

Изабелла.

И слышать не хочу я про такую честь!

Так, значит, им почет, когда измен не счесть?

А если человек измену ненавидит?

О, пусть тогда вокруг он лишь презренье видит,

Пусть всеми осужден, мне дорог он и мил,

Когда такой ценой бесчестье заслужил!

Пусть за любовь к жене отвергнут он толпою,

Его отверженность считаю я святою.

Лиза.

Должно быть, эго он; открылась тихо дверь.

Изабелла.

Уйдем.

Лиза.

Увидел нас. Нам не уйти теперь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Изабелла, представляющая Ипполиту, Лиза, представляющая Кларину, Клиндор, представляющий Теажена.

Клиндор.

Вы убегаете? Постойте, герцогиня!
Или раздумала уже моя богиня
Позволить мне излить любовь мою в словах?
Приблизьтесь, час настал. И пусть исчезнет страх:
Уехал Флорилам, моя жена в постели.

Изабелла.

А если нет?

Клиндор.

Судьба! Казалось, был у цели.

Изабелла.

Изменник! Я не сплю, и даже мрак ночной

Не помешает мне позор увидеть твой.

Пришла уверенность на смену подозрению:

Все слышала сама, и места нет сомненью.

На речи нежные твой ум настроен был,

И вот, придя сюда, ты тайну мне открыл;

Так ловко действовал, как ни один влюбленный:

Во всем признался сам жене своей законной.

Но кто поклялся мне любить меня всегда?

И где твоя любовь? Так вспомни, что, когда

Я с благосклонностью словам твоим внимала,

Не равны были мы, нас пропасть разделяла,

Но я отвергла всех соперников твоих,

И ты, простой солдат, был выделен средь них.

Отец меня любил, и дом был полной чашей —

Я нищету твою назвать решила нашей,

И в дерзком замысле я помогла тебе,

Соединясь с тобой наперекор судьбе.

Но сколько всяких бед досталось мне в наследство!

Какие тяготы таило наше бегство!

Что выстрадала я, покуда не был ты

Судьбой исторгнут вдруг из мрака нищеты!

Но если счастье так тебя переменило,

Верни меня к отцу: здесь сердцу все немило.

Любя тебя, я шла тернистою тропой

Не из тщеславия, а чтобы ты был мой.

Клиндор.

Меня не упрекай за то, что ты со

мною

Бежала из дому: любовь тому виною,

Она заставила тебя за мной идти,

Искала счастья ты — и только так найти

Могла его тогда... И пусть я значил мало,

Но бегство из дому тебя со мной сравняло.

Да, был богатства блеск! Но мне какой в нем прок?

Он за тобой никак последовать не мог.

Был только меч моим единственным владеньем,

Одна твоя любовь служила утешеньем,

Она возвысила меня в чужих краях,

Он риску подвергал в бесчисленных боях.

Теперь на дом отца взирай печальным взглядом,

Скорби, что герцоги стоят с тобою рядом;

Вернись в свой край родной — тебя богатство ждет,

Хотя не встретишь там такой, как здесь, почет.

На что ты жаловаться можешь, в самом деле?

В чем был тебе отказ? Когда-нибудь посмели

Глаза мои смотреть с презреньем на тебя?

Нет, право, женский ум постичь не в силах я.

Пусть муж боготворит, пусть из любви к супруге

Готов он оказать любые ей услуги,

Пусть окружит ее вниманьем, пусть всегда

На просьбу всякую он отвечает: «Да»,

Но если в верности дал повод для сомненья,

Все позабыто вмиг, нет хуже преступленья:

Да это ж воровство, предательство, подлог!

Отца зарезал он и дом его поджег!

И казнью страшною, постигшей Энкелада,[{28}]

Без промедления казнить злодея надо.

Изабелла.

Уже сказала я: не славою твоей

Ты смог меня прельстить. Что знала я о ней,

Когда отцовский дом с тобою покидала?

Но если для тебя теперь я значу мало,

То помни хоть о том, кому обязан всем;

Один лишь Флорилам, когда ты был ничем,

Помог тебе в нужде: солдат, бродяга-воин

Благодаря ему был чином удостоен.

Так счастье начало сопутствовать тебе,

{28} Комментарии: 2.28

К стр. 208

Энкелад — один из титанов, пытавшихся бороться с Зевсом, но убитый последним (*греч. миф.*).

И вскоре сам король решил в твоей судьбе

Принять участие по слову Флорилама,

Чья дружба о тебе заботилась упрямо.

Теперь могуществом ты большим наделен.

Чем покровитель твой, хоть рангом выше он.

Как благодарностью тут не платить! И что же?

Ты вздумал осквернить супружеское ложе

Того, с чьей помощью сбылись твои мечты!

Свое предательство как оправдаешь ты?

Он одарил тебя — ты кражу совершаешь,

Тебя возвысил он — его ты унижаешь,

К высоким почестям тебе открыл он путь —

Его доверие ты смеешь обмануть.

Клиндор.

Душа моя (так звать тебя всегда я буду,

Покуда не умру и все слова забуду)!

Поверь, что и судьба, и перед смертью страх

Не так сильны, как ты с упреком на устах.

Зовя меня лжецом, кори меня изменой,

Но не кляни любовь и пламень наш священный:

Они еще хранят присущую им власть,

И если бы могла моя слепая страсть

Исчезнуть навсегда при самом зарожденье,

Была бы их вина в ее исчезновенье.

Но тщетно долг велит сопротивляться ей:

Сама познала ты, что нет ее сильней,

Когда отцовский дом и край свой покидала,

Чтоб с бедностью моей в пути искать привала.

Сегодня тот же бог, бог страсти пра-

вит мной,

И, обделив тебя, я отдаю другой

Вздох тайный, нежный взгляд, я весь в огне.... И все же

Из сердца вытеснить тебя никто не сможет.

Любовь, с которою соседствует порок,

Сама разрушится, ее недолог срок,

А та любовь, что нас навек соединила,

Возвышенна, чиста, и никакая сила

Ее не победит: покуда мы живем,

Становится она лишь крепче с каждым днем.

Прости же мне мой грех, прости мне речи эти:

Бог страсти — злой тиран, и он за все в ответе.

Но не пройдет и дня — погаснет жар в крови,

Ничем не повредив супружеской любви.

Изабелла.

О, как желание любви непобедимо!

Дать обмануть себя, поверить, что

любима,

Хочу я всей душой: ведь дорог мне и мил

Тот, кто неверен был и боль мне причинил.

Прости, о мой супруг, что сдержанности мало

В минуты первые в речах я проявляла:

Когда пришла беда, нельзя спокойной быть,

И сдержан только тот, кто перестал любить.

Прошли года, и я теперь не так красива,

Ко мне ты охладел, и это справедливо;

И все же верю я, что твой минутный пыл

Для наших брачных уз не столь опасен был.

Подумай о другом: великое несчастье

Тебе сулит предмет твоей минутной страсти.

Скрывай желания, таи мечты свои:

У сильных мира нет секретов в их люб-

ви,

За власть имущими, как тень, шагает свита,

У свиты сотни глаз, от них ничто не скрыто,

А люди таковы, что каждый только ждет,

Чтоб сплетней заслужить внимание господ.

И вот окольными путями или прямо

Слух о твоих делах дойдет до Флорилама.

Кто знает (эта мысль страшит всего сильней),

Как далеко зайдет он в ярости своей?

О, если жаждешь ты любовных похождений,

Ищи их, бог с тобой! Но ради наслаждений

Хоть жизнью не рискуй, чтоб холодно могла

Смотреть я на твои поступки и дела.

Клиндор.

Я говорил тебе и снова повторяю:

Так страсть моя сильна, что жизнь я презираю,

А сердце ранено настолько глубоко,

Что страх в нем возбудить, поверь мне, нелегко.

Я страстью ослеплен и, чтоб достигнуть цели,

Готов на риск любой… Коль страсти одолели,

Дано им бушевать, пока не минет срок.

Но в скором времени иссякнет их поток.

Изабелла.

Что ж! Если смерти миг таит очарованье,

Не дорожи собой, забудь мои страданья,

Но разве Флорилам свою насытит месть,

Карая лишь тебя за попранную честь?

И кто тогда служить защитою мне станет?

В могиле будешь ты, и мой черед настанет

Гнев герцога навлечь: он отомстит вдвойне,

Пришельца покарав и мстя его жене.

Но я не буду ждать коварного удара,

Когда, вслед за тобой, меня постигнет кара

Или когда решат, мольбы мои презрев,

Честь у меня отнять, чтоб свой насытить гнев.

На гибель и позор меня ты обрекаешь,

Я умереть хочу, коль жить ты не желаешь.

То тело, что сама тебе я отдала,

Не станет жертвою насилия и зла.

Нет! Муж любовницы не насладится местью,

Не будет, радуясь, толкать меня к бесчестью.

Прощай навек! Умру, пока ты не убит,

И смерть моя от клятв тебя освободит.

Клиндор.

О нет, не умирай! Твоих достоинств сила

Чудесным образом меня преобразила.

Узнать, что сделал я, — и продолжать любить!

Желать загробной тьмы, — но честь свою хранить!

Величье мужества, любви твоей величье

Предстали предо мной в их истинном обличье,

И пред тобой готов я на колени пасть.

Я снова чист душой, где низменная страсть

Не может властвовать: цепь разорвав на части,

Освобождается душа моя от страсти.

Был беззащитен я, когда пришла беда.

Не вспоминай о ней.

Изабелла.

Не вспомню никогда.

Клиндор.

Пусть все красавицы, чей блеск поэты славят,

Составят заговор и мне войну объявят, —

Бессильны чары их и стрелы взоров их.

Ты — божество мое, ты — свет очей моих.

Лиза.

Мадам, сюда идут!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Эраст, слуги Флорилама.

Эраст *(нанося Клиндору удар кинжалом).*

Вот плата за измену!

Любовнице своей теперь ты знаешь цену.

Придаман *(Алькандру).*

Спасите же его, о мудрый человек!

Эраст.

Пусть все предатели кончают так свой век!

Изабелла.

Что сделал ты, палач!

Эраст.

То, что примером будет
В веках служить всем тем, кто, как и он, забудет
О благодарности, кто вздумает опять
На честь высокую коварно посягать.
Да! Герцог отомщен и герцогиня тоже.
Отомщены и вы. Однако не похоже,
Чтоб вас утешило деянье наших рук,
Хоть трижды виноват неверный ваш супруг.
Лишили жизни мы того, кто был бесчестен,
И потому, мадам, ваш ропот неуместен.
Прощайте!

Изабелла.

Вами он убит не до конца:
Нет, он во мне живет. Добейте ж мертвеца!

Меня прикончите и завершите дело.

О бедный мой супруг! Я слушать не хотела

То, что предчувствие подсказывало мне:

Кинжал тебя пронзил — и по моей вине.

Я отстранить его могла, но так случилось,

Что зримым стало зло, когда оно свершилось.

А надо было… Нет! К чему теперь слова?

Дышать мне нечем… Мрак… Кружится голова…

Убита горем я! Мой друг! До скорой встречи

На небесах…

Лиза.

Она лишилась дара речи.

Мадам!.. О господи, ее-то в чем вина?

Врача, скорей врача, ведь при смерти она!

Занавес опускается, сад с трупами Клиндора и Изабеллы исчезает; волшебник и отец Клиндора выходят из грота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Алькандр, Придаман.

Алькандр.

Вот так со смертными судьба порой играет:
То вознесет их вверх, то в пропасть низвергает,
И так устроен мир, что в счастье иногда
Уже заключена великая беда.

Придаман.

Слова подобные приносят утешенье,
Когда ничтожные нам выпали лишенья.
Но, с ужасом узрев смерть сына моего,
Надежду потеряв, не зная, для чего
Теперь на свете жить, я был бы проклят вами,
Когда б утешился подобными словами.

В скитаньях, в нищете погибнуть он не мог, —

Погублен счастьем был. О беспощадный рок!

Какие горькие мне выпали мученья!

Но, жалуясь на боль, мы ищем облегченья,

А мне зачем оно? Хочу я умереть,

Чтоб сына моего на небесах узреть.

Алькандр.

Вполне оправданно отчаянье такое.

Вас отговаривать — занятие пустое,

Коль вы задумали уйти за сыном вслед.

Но как? Убить себя? Позвольте дать совет —

Пусть горе вас убьет, что и случится вскоре:

Вид похорон его удвоит ваше горе.

Занавес поднимается, и все актеры вместе с привратником выходят на сцену. Отсчитав деньги за столом, каждый из них берет свою часть.

Придаман.

Что вижу я? Расчет идет у мертвецов!

Алькандр.

Причем никто из них не тратит лишних слов.

Придаман.

Никак не ожидал подобного сюрприза!

Клиндор, его жена, его убийца, Лиза —

Все здесь присутствуют, и споров нет у них.

Но что свело их вновь — и мертвых и живых?

Алькандр.

Свело их только то, что все они актеры.

Прочитан монолог — и кончились раздоры.

Убийцей был один и жертвою другой,

Но правит вымысел смертельной их враждой;

Стихи ведут на бой, слова кричат о боли,

Когда же сыграны разученные роли,

Враги перестают хитрить и убивать

И делят выручку, друзьями став опять.

Ваш сын и те, кто с ним участье принял в деле,

Погоню сбить с пути с большим трудом сумели;

Однако от нужды еще трудней уйти —

Театр им помог прибежище найти.

Придаман.

Увы, мой сын — актер!

Алькандр.

В искусстве трудном сцены

Четыре беглеца узрели клад бесценный.

Что после бегства их произошло потом?

Любовь к чужой жене, душевный перелом,

Смерть неожиданная — это все играли

Они для публики в битком набитом зале.

Конец печален был… Зато не первый год

В Париже восхищен игрою их народ.

Они не бедствуют, и роскошь одеянья

(Что не оставили вы сразу без внима-нья)

Клиндору вашему сопутствует… Но он

На сцене только был в ту роскошь об-лачен.

Придаман.

Хотя притворною смерть сына оказа-лась,

Для радости моей все ж места не оста-лось.

Так вот те почести и славы торже-ство,

Которыми судьба венчает путь его!

Алькандр.

Вы не должны роптать. Театр в наше время

Достиг таких высот, что обожаем всеми.

С презреньем на него смотрели в ваши дни,

Теперь же слышатся лишь похвалы

одни.

Париж им покорен, в глуши о нем мечтают,

Все образованные люди почитают,

Народу в радость он, утеха для господ,

Всем удовольствие и ото всех почет.

А те, чей дух высок, чья мудрость постоянна

И кто заботится о благе всех так рьяно,

Находят в зрелище, достойном мудрецов,

Отдохновение от тягостных трудов.

И даже сам король, великий наш властитель,

Гроза враждебных царств, сражений повелитель,

Порой одаривал вниманием своим

Театр французский — он и королями чтим.

Парнас там в наши дни сверкает чудесами,

И лучшие умы туда приносят сами

Трудов своих плоды, в которых отражен

Их созревания виновник: Аполлон.

Но если деньгами удачу надо мерить —

Театр их дает, и можете поверить,

Что сын ваш не бедняк: имеет он сейчас

Гораздо больше благ, чем мог иметь у вас.

Пора вам общее отвергнуть заблужденье:

Клиндор находится в завидном положенье.

Придаман.

Теперь понятно мне, не должен я роптать:

Его занятие с моим нельзя равнять.

Меня расстроило, что сын попал на сцену:

Театр я судил, ему не зная цену,

И осуждал его, не ведая о том,

Как много блеска в нем, какая польза в нем.

Однако ваша речь своей достигла цели,
Мое неведенье рассеять вы сумели.
Сын верный путь избрал.

Алькандр.

Легко проверить вам.

Придаман.

Поэтому себе я отдыха не дам
И завтра же — в Париж! Но как, скажите сами,
Мне вас благодарить? Не выразить словами.
Мою признательность.

Алькандр.

Я должен вам сказать,
Что радость для меня — услугу оказать.
Счастливым вижу вас, и в том моя награда.

Придаман.

Вам, о великий маг, других наград не надо.

Но знайте, что всегда, во всякий день и час,

За вашу доброту я буду помнить вас.

РАЗБОР «ИЛЛЮЗИИ»

Я скажу об этой пьесе немногое: это причудливая любовная история, в которой столько неправильностей, что не стоит труда ее разбирать, хотя новизна подобного каприза принесла ей успех, вполне достаточный для того, чтобы я не сожалел о потраченном на нее времени. Действие первое всего лишь пролог; три последующих составляют пьесу, которую я не знаю как назвать: исход ее трагичен — Адраст убит, а Клиндор подвергается смертельной опасности, — но слог и действующие лица всецело принадлежат комедии. Есть среди них даже персонаж, который существует только в воображении и чей оригинал нельзя встретить среди людей: он нарочно придуман, чтобы вызывать смех. Это вояка, который вполне последовательно проявляет свой хвастливый характер, позволяя мне думать, что мало найдется подобных ему, столь удачно справившихся со своей ролью, на каком бы языке она ни была написана.

Действие здесь не завершено: в конце четвертого действия неизвестно, что станет с главными действующими лицами, и они скорее бегут от

опасности, чем побеждают ее. Единство места выдержано в достаточной мере, но время не укладывается в один день. Действие пятое — трагедия, однако слишком короткая, чтобы обладать истинным величием, которого требует Аристотель. Это я и пытался объяснить. Клиндор и Изабелла, став актерами, о чем еще неизвестно, представляют на сцене историю, имеющую отношение к их собственной и как бы являющуюся ее продолжением. Кое-кто приписал подобное совпадение отсутствию изобретательности, но это только художественный прием — чтобы с помощью мнимой смерти вернее ввести в заблуждение отца Клиндора, который видит происходящее, и чтобы сделать переход от горя к радости более неожиданным и приятным.

Все это, вместе взятое, составляет комедию, действие которой длится столько же, сколько и само представление, но вряд ли сама пьеса может служить образцом. Капризы подобного рода удаются только раз, и если оригинал был прекрасен, то копия ничего не стоит. Слог, видимо, вполне соответствует предмету, кроме случая с Лизой в шестом явлении действия третьего, когда она кажется несколько выше своего положения служанки.

Следующие два стиха из Горация{29} послужат ей оправданием, так же как и отцу Лжеца, когда он гневается на своего сына в действии пятом:

Interdum tamen et vocem comoedia tollit,
Iratusque Chremes tumido delitigat ore[1].

Я не стану больше распространяться по поводу этой поэмы, как бы она ни была неправильна, все же в ней есть определенные достоинства, если она преодолела разрушительное действие времени и появляется еще на нашей сцене, хотя прошло уже больше тридцати лет с тех пор, как она увидела свет; за столь длительный срок многое оказалось погребенным под слоем праха, несмотря на то, что имело, казалось бы, больше прав, чем она, претендовать на такое долгое и удачное существование.

{29} Комментарии: 2.29

К стр. 218

...два стиха из Горация... — Корнель цитирует стихи 93–94 из «Науки поэзии» Горация.

[1] Примечания: 1.1

Порою комедия выше становится тоном,
И гневом Кремес{136} наполняет рокочущий голос (латин.).

{136} Комментарии: 2.136

Кремес — герой ряда комедий Теренция, олицетворение сурового, но одновременно и смешного отца семейства.

СИД

ТРАГЕДИЯ

{30}

Перевод Ю. Корнеева

{30} Комментарии: 2.30

«СИД»

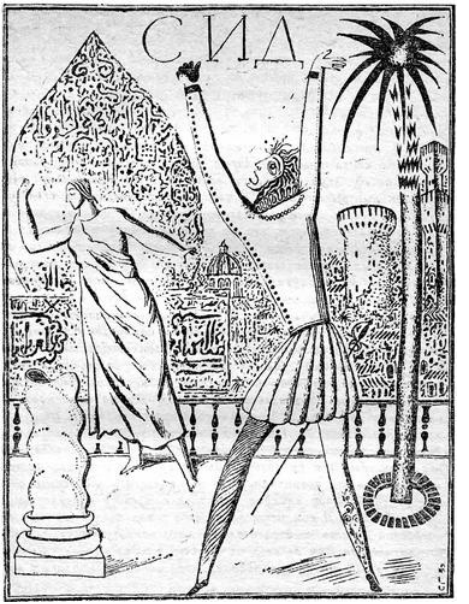
(«LE CID»)

Премьера пьесы состоялась 7 января 1637 г. (по другим данным — 2 января или даже в последних числах декабря 1636 г.) в театре «Маре». Мондори, по свидетельству современников, прекрасно исполнил роль Родриго, очень неплохи были мадемуазель Виллье в роли Химены и мадемуазель Бошато в роли инфанты. Пьеса была восторженно встречена публикой, чему не помешал разгоревшийся вскоре «спор» о «Сиде». «Сид» вошел позже в репертуар труппы Мольера и в репертуар «Комеди Франсэз» с момента создания этого театра. На его сцене пьеса Корнеля прошла значительно более тысячи раз. В трагедии с успехом выступали такие знаменитые актеры, как Барон, Тальма, Муне-Сюлли, Альбер-Ламбер, Ж.-Л. Барро и другие. Шел «Сид» и в других театрах, в том числе в Национальном народном театре в постановке Жана Вилара (1951), где главную роль исполнил Жерар Филип.

Издана пьеса была в марте 1637 г. парижским печатником и книготорговцем Огюстеном Курбе под названием «Сид, трагикомедия». В более поздних изданиях Корнель обозначил жанр своей пьесы как «трагедии».

На русский язык «Сида» переводили Я. Б. Княжнин (1775), П. А. Катенин (1822), Е. Барышов (1881), В. С. Лихачев (1891; этот перевод переиздан в 1931 г.), Медведев (1901), некий А. Д. (1909), М. Л. Лозинский (1938, 1955, 1956, 1970).

В России делалось несколько попыток постановки этой пьесы Корнеля. Среди них следует отметить московскую постановку 1791 г. (в переводе Я. Б. Княжнина) и петербургскую 1822 г. (в переводе П. А. Катенина). Во второй постановке с успехом выступали В. А. Каратыгин (Родриго) и М. И. Вальберхова (Химена).


СИД

ГОСПОЖЕ ГЕРЦОГИНЕ Д’ЭГИЙОН{31}

Ваша светлость!

Я преподношу Вам живой портрет героя, коего легко узнать по венчающим его лаврам. Жизнь его была непрерывной чредой побед; даже по смерти, когда тело его везли перед войском, он выигрывал битвы; а имя его и сейчас, шесть столетий спустя, с новым блеском сияет во Франции. У него нет оснований раскаиваться в том, что он покинул родину и заговорил на чужом языке: ему оказан у нас в высшей степени радушный прием. Успех его превзошел самые честолюбивые мои мечтания и поначалу даже смутил меня, но смущение мое рассеялось, едва я увидел, с каким удовлетворением взираете Вы на моего героя. Тогда-то я и осмелился поверить, что он оправдает мои сбывшиеся ныне надежды: после похвал, коими Вы почтили его, ему уже нельзя было отказать во всеобщем одобрении. В самом

{31} Комментарии: 2.31

К стр. 220

Герцогиня д'Эгийон — Мария-Мадлена де Виньеро (1604–1675), маркиза де Комбале, племянница кардинала Ришелье. В 1638 г. она стала герцогиней д’Эгийон. Поэтому в первом издании «Сид» был посвящен «госпоже де Комбале».

деле, можно ли сомневаться в достоинствах того, что имело счастье понравиться Вашей светлости, коль скоро суждение Ваше — вернейшая порука этих достоинств? Щедро выказывая заслуженное уважение подлинным созданиям искусства, Вы никогда не даете ослепить Вас подделками под него. Но великодушие Ваше не ограничивается бесплодными похвалами тем сочинениям, что пришлись Вам по сердцу; Вы распространяете его на тех, кем созданы эти сочинения, и не отказываетесь употребить к их пользе то большое влияние, кое снискали своей знатностью и добродетелями. Я сам испытал на себе столь благодетельные последствия Вашего представительства, что не могу умолчать о них и признателен Вам за себя не меньше, чем за «Сида». Признательность эта составляет предмет моей гордости, ибо я не могу во всеуслышание объявить, сколь я обязан Вам, и не сказать при этом, какую честь Вы оказали мне, соблаговолив сделать меня своим должником. Вот почему, Ваша светлость, я желаю долголетия этому удачливому детищу моего пера не затем, чтобы грядущие века узнали мое имя, а единственно для того, чтобы оставить нетленное подтверждение моего Вам долга и уведомить потомков,

которые прочтут эти строки, что я всю жизнь был смиреннейшим, покорнейшим и признательнейшим слугой Вашей светлости.

Корнель

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ{32}

Отрывок из «Historia de España» Марианы,{33} кн. IV, гл. I

«Avia pocos dias antes hecho campo con Don Gómez, conde de Gormaz. Vencióle, y dióle la muerte. Lo que resultò de este caso, fue que casó con doña Ximena, hija y heredera del mismo conde. Ella misma requirió al rey que se le diesse por marido (ya estaba muy prendada de sus partes), ó le castigasse conforme a las leyes, por la muerte que dió a su padre. Hizóse el casamiento, que a todos estaba a cuento, con el qual por el gran dote de su esposa, que se allegó al estado que él tenia de sa padre, se aumento en poder y riquezas»[2].

Вот что заимствовал в истории дон Гильен де

{32} Комментарии: 2.32

К стр. 221

Предуведомление — появилось впервые в издании 1648 г.

{33} Комментарии: 2.33

Мариана, Хуан (1537–1624) — испанский историк, автор многотомной «Истории Испании».

[2] Примечания: 1.2

«За несколько дней перед тем он дрался на поединке с доном Гомесом, графом де Гормас, взял над ним верх и убил его. Следствием же всего этого было то, что он женился на донье Химене, дочери и наследнице помянутого графа. Она сама упросила короля либо женить на ней Родриго (так ее пленила его доблесть), либо покарать его по всей строгости закона за убийство ее родителя. Ко всеобщему удовлетворению, брак

был заключен, и молодой, присоединив большое приданое невесты к наследству, доставшемуся от отца, приумножил свое могущество и богатство» (*исп.*)

Кастро,{34} который раньше меня переложил для сцены это известное событие. Тот, кто владеет испанским языком, отметит в приводимой цитате две подробности: во-первых, будучи не в силах не признать доблесть дона Родриго и не полюбить его за нее (estaba prendada de sus partes), хотя он убил ее отца, Химена сама предложила королю великодушный выбор — либо женить на ней Родриго, либо покарать его по всей строгости закона; во-вторых, брак был заключен, ко всеобщему удовлетворению (a todos estaba acuento). Две хроники о Сиде добавляют, что венчал молодых архиепископ Севильский в присутствии короля и всего двора, но я ограничился лишь сведениями, почерпнутыми у историка, потому что от обеих хроник попахивает романом и они вряд ли более достоверны, нежели хроники-песни, сложенные у нас во Франции о Карле Великом и Роланде.{35} Отрывка из Марианы вполне достаточно, чтобы

{34} Комментарии: 2.34

Дон Гильен де Кастро (1569–1631) — испанский драматург, автор нескольких пьес, написанных на сюжеты национальной истории. Его драма «Юность Сида» появилась в 1618 г.

{35} Комментарии: 2.35

К стр. 222

…хроники-песни, сложенные у нас во Франции о Карле Великом и Роланде. — Корнель имеет в виду один из циклов французских средневековых народно-героических поэм, в который входит и знаменитая «Песнь о Роланде».

показать, какое значение придавали замужеству Химены в том веке, когда она жила и занимала столь блистательное положение, что короли Арагона и Наварры{36} почли за честь жениться на ее дочерях. В наше время кое-кто обошелся с ней менее уважительно: обходя молчанием то, что говорили о Химене театральной, напомню лишь, что французский автор истории Испании{37} упрекает Химену за легкость и поспешность, с какими она утешилась после смерти отца, и называет ветреным поступок, расцененный ее современниками как проявление высокого мужества. Два испанских романса, которые я воспроизведу в конце предуведомления, недвусмысленно свидетельствуют в пользу Химены. Эти небольшие поэмы представляют собой нечто вроде выдержек из подлинных старинных преданий, я чувствовал бы себя в долгу перед моей героиней, если бы, сделав имя ее известным во Франции и снискав таким путем известность са-

---

{36} Комментарии: 2.36

…короли Арагона и Наварры… — В средние века Испания не была единым государством; на ее территории находились королевства Леон, Кастилия, Наварра, Арагон и графство Каталония; весь юг полуострова занимал Кордовский халифат, то есть находился под властью арабов.

{37} Комментарии: 2.37

…французский автор истории Испании… — Корнель ссылается на книгу французского историка Луи де Майерн-Тюрке (ок. 1550–1618), вышедшую в 1587 г.

мому себе, не оградил ее от постыдных нападок, мишенью коих она стала лишь за то, что прошла через мои руки. Вот почему я привожу здесь свидетельства, оправдывающие Химену, отнюдь не пытаясь оправдать французский язык, которым она у меня выражается. За меня это сделало время: переводы пьесы моей на языки народов, у коих есть театр, — то есть на итальянский, фламандский и английский,{38} — самая красноречивая защита от любой хулы. Присовокуплю к сказанному десятка полтора испанских стихов, как будто нарочно написанных в защиту Химены. Они принадлежат все тому же автору, создавшему образ ее раньше, чем я. В другой комедии дона Гильена де Кастро, озаглавленной «Engañarse engañando»[3] принцесса Беарнская замечает:

…A mirar
Bien el mondo que el tener
Apelitos que vencer,

{38} Комментарии: 2.38

…переводы пьесы моей на итальянский, фламандский и английский… — Переводы «Сида» стали появляться очень скоро после выхода французского издания: в 1641 г. пьеса была переведена в Голландии, в 1643 г. — в Италии, затем в Англии (в 1650 г. там появилось уже второе издание английского перевода).

[3] Примечания: 1.3

«Обманываться, обманывая» (*исп.*)

У ocasiones que dexar.
Examinan el valor
En la muger, y o dixera
Lo que siento, porque fuera
Luzimiento de mi honor.
Pero malicias fundadas
En honras mal entendidas
De Ientaciones vencidas
Llamen culpas declaradas;
У assi, la que el dessear
Con el resistir apunta,
Vence dos vezes, si junta
Con el resistir el callar[4].

---

[4] Примечания: 1.4

…свет устроен так,
Что побед, коль скрыть мы их
Не хотим от глаз людских,
Не прощают нам никак.
Если б стойкою душой
Хвастать женщине пристало,
То и я побед немало
Насчитала б за собой.
Но, за честные стремленья
Нам платя злословьем грязным,
Свет в победах над соблазном
Видит только пораженье.

Дважды надо победить,
Чтоб не пасть во мненье света:
Страсть свою сломить и это
В строгой тайне сохранить (исп.).

Именно так, если не ошибаюсь, и ведет себя Химена при короле и инфанте в моей пьесе. Я подчеркиваю: при короле и инфанте — потому, что, оставшись одна, или с наперсницей, или с возлюбленным, она держится иначе. Поступки ее, употребляя выражение Аристотеля,{39} неравно одинаковы: изменяясь в зависимости от места, времени и собеседников, они неизменно обличают один и тот же характер.

Кроме того, я чувствую, что обязан рассеять два распространенных заблуждения, которым, как мне кажется, помогло укорениться мое молчание. Первое состоит в том, что в оценке своей пьесы я согласен якобы с теми, кого сам же просил быть ее судьями. Я молчал бы и дальше, если бы этот ложный слух не донесся до господина

{39} Комментарии: 2.39

К стр. 223

...употребляя выражение Аристотеля... — Корнель имеет в виду следующее место из «Поэтики» Аристотеля (гл. 15): «Даже если изображаемое лицо непоследовательно и таким представляется его характер, то в силу непоследовательности его должно представить непоследовательным».

де Бальзака{40} в его провинциальном уединении или — пользуясь собственным его словечком — глуши, подтверждением чего вскорости явилось великолепное послание, написанное им по поводу моей трагедии{41} и представляющее собой не меньшую драгоценность, чем два последних его подарка читателям.{42} А так как имя мое станет теперь известно потомкам, коль скоро всему, что выливается из-под пера господина де Бальзака, суждено жить в веках, мне было бы стыдно войти в историю запятнанным и обреченным на вечные упреки за мнимое согласие с моими судьями. Обвинение поистине беспримерное! Насколько я знаю, до сих пор ни один из тех, кто, подобно мне, навлекал на себя нападки, не оказался настолько слаб, чтобы согласиться с

{40} Комментарии: 2.40

К стр. 224

...этот ложный слух не донесся до господина де Бальзака... — Корнель имеет в виду видного прозаика классицизма и его теоретика Геза де Бальзака (1597–1654), который жил в то время в провинции и узнавал о последних парижских новостях от своих друзей, в том числе от актера Мондори. Судя по ответному письму Бальзака к Мондори можно было заключить, что якобы и сам Корнель и Мондори согласились с критикой «Сида» Французской академией.

{41} Комментарии: 2.41

...великолепное послание, написанное им по поводу моей трагедии... — Здесь Корнель ссылается на очень лестный для него ответ Бальзака на «Замечания о „Сиде“» Жоржа де Скюдери (см. статью, т. 2).

{42} Комментарии: 2.42

…два последних его подарка читателям. — Речь идет о двух частях «Писем» Геза де Бальзака, вышедших в 1647 г.

приговором своих зоилов; если же сочинители, в том числе и я, никому не препятствовали иметь собственное мнение, это еще не значит, что они считали последнее непререкаемым. К тому же в обстоятельствах, от коих зависела тогда участь «Сида», не требовалось быть ясновидцем, чтобы предугадать то, что и произошло. Только совершенный глупец мог не понимать, что подобные споры, не затрагивающие ни государство, ни религию, следует разрешать в соответствии с законами человеческого разума и театра, а не беззастенчиво вышискивая политический смысл в заветах доброго Аристотеля. Я не знаю, по убеждению или нет выносили приговор судьи «Сида»; не берусь я судить и о том, насколько он справедлив; но утверждаю одно: я никогда не давал согласия на то, чтобы они судили меня, и, вероятно, без особого труда сумел бы оправдаться, если бы та же, причина, что побуждала их говорить, не заставила меня молчать. Аристотель выражается в своей «Поэтике» не настолько уж ясно, чтобы мы не могли подражать философам, вывертывающим его всяк на свой лад для подкрепления собственных разноречивых мыслей; а так как философия — область, для многих совершенно неведомая, то самые пылкие сторонники

«Сида» восприняли упреки зоилов буквально и решили, что опровергнут хулу на него, если заявят, что для них не имеет значения, написан «Сид» по правилам Аристотеля или нет, коль скоро Аристотель вывел эти правила для своего века и для Греции, а не для нашего и не для Франции.

Это второе заблуждение, укоренившееся в умах из-за моего молчания, в равной степени оскорбительно и для Аристотеля и для меня. Этот великий человек так прозорливо и глубоко вник в поэтику, что открытые им законы пригодны для всех времен и народов. Не увлекаясь мелочными прикрасами и соображениями пристойности, зависящими от времени и от народа, он исследовал прежде всего душевные движения, природа коих всегда неизменна; установил, какие страсти должна возбуждать трагедия в душах зрителей;{43} указал, какими следует быть действующим лицам и изображаемым событиям, чтобы возбудить эти страсти; определил средства, которыми добиваются этого с сотворения мира и будут добиваться всюду, где есть театр и актеры; но, памятуя, что условия места и вре-

---

{43} Комментарии: 2.43

К стр. 225

...установил, какие страсти должна возбуждать трагедия... — Аристотель писал о чувстве страха и сострадания.

мени постоянно меняются, он не стал входить в рассмотрение их и даже не назвал точного числа действий, что гораздо позже сделал Гораций.

Разумеется, я первый осудил бы «Сида», если бы он погрешил против великих и непреложных заветов нашего философа; но я этого не нахожу и беру на себя смелость утверждать, что мое сочинение имело счастье стяжать небывалый успех лишь благодаря соответствию своему двум фундаментальным — да простится мне такой эпитет! — условиям, которые наш великий учитель полагал обязательными для подлинно совершенной трагедии и которые столь редко сочетаются в рамках одной и той же пьесы, что некий ученейший комментатор{44} божественного трактата даже заявил, будто пример подобного сочетания встречается у древних только раз — в «Эдипе».{45} Первое условие состоит в том, что страждущий и гонимый не должен быть ни до конца добродетелен, ни до конца порочен, хотя все-таки должен быть скорее доб-

---

{44} Комментарии: 2.44

К стр. 226

...ученейший комментатор... — Корнель имеет в виду итальянского филолога Франческо Робортелло (1516–1567), автора обширнейшего комментария к «Поэтике» Аристотеля (1548).

{45} Комментарии: 2.45

«*Эдип*» — трагедия Софокла «Эдип царь».

родетельным, чем порочным, то есть человеком, который по слабости, присущей ему, как всем людям, но отнюдь не преступной, незаслуженно попадает в беду; другое условие заключается в том, что преследовать и подвергать страдальца опасности должен не враг и не просто человек посторонний, а тот, кто любит его и кто дорог ему. Вот, откровенно говоря, единственная и подлинная причина успеха «Сида». Он отвечает обоим вышеназванным условиям, и отрицать это можно лишь в пристрастном ослеплении. На этом я заканчиваю свое предуведомление, но прежде хочу сдержать обещание и, сказав несколько слов о Сиде театральном, привести в защиту исторической Химены те два романса, о коих упомянул вначале.

ROMANCE PRIMERO

Delante el rey de León
Doña Ximena una tarde
Se pone a pedir justicia
Por la muerte de su padre.
Para contra el Cid la pide,
Don Rodrigo de Bivar,

Que huérfana la dexó,
Niña, y de muy poca edad.
Si tenga razón, o non,
Bien, rey, lo alcanzas y sabes,
Que los negocios de honra
No pueden disimularse.
Cada dia que amanece
Veo al lobo de mi sangre
Caballero en un caballo
Por darme mayor pesare.
Mandale, buen rey, quedes
Que no me ronde mi calle,
Que no se venga en mugeres
El hombre que mucho vale.
Si mi padre afrentó al suyo,
Bien he vengado a su padre,
Que si honras pagaron muertes,
Para su disculpa hasten.
Encomendada me tienes,
No consientas que me agravien,
Que el que a mi se fiziere,
A tu corona se faze.

Calledes, doña Ximena,
Que me dades pena grande,
Que yo dare buen remedio
Para todos vuestros males.
Al Cid no le he de ofender,
Que es hombre que mucho vale
Y me defiende mis reynos,
Y quiero que me los guarde.
Pero yo fare un partido
Con el, que no os este male,
De tomalle la palabra
Para que con vos se case.
Contenta quedó Ximena,
Con la merced que le faze,
Que quien huérfana la fizó

Aquesse mismo la ampare[5].

ROMANCE SEGUNDO

A Ximena y a Rodrigo
Prendió el rey palabra, y mano,
De juntarlos para en uno
En presencia de Layn Calvo.
Las enemistades viejas
Con amor se conformaron,
Que donde preside el amor
Se olvidan muchos agravios.
.....
Llegaron juntos los novios,
Y al dar la mano, y abraco,

---

[5] Примечания: 1.5

РОМАНС ПЕРВЫЙ

Предзакатною порой
Юная Химена плачет
Перед королем Леона,
Ищет у него управы,
Молит, чтоб судили Сида:
Дон Родриго де Бивар
Ей в удел принес сиротство —
Поразил ее отца.
«Знай, права я или нет,
А король следить обязан,

Чтоб в его стране по чести
Дело чести разрешалось.
Что ни день, с зарей я вижу.
Как к моей печали вящей
Пред окном моим гарцует
Тот, кем кровь пролита наша.
Повели, король наш добрый,
Чтобы мне не докучал он:
Низок тот, кто, мстя мужчине,
Злость на женщине срывает…
Коль моим отцом обижен
Был его родитель славный,
Жизнью за обиду эту
Поплатился виноватый.
Не давал меня в обиду
И ко мне был добр всегда ты.
Значит, кто мне вред наносит,
Тот вредит и государю».
«Скорбь свою уйми, Химена,
Мне слезами слух не раня,
И поверь, найти сумею
Я от бед твоих лекарство.
Сида мне карать не след,
Ибо воин он отважный

И земель моих защитник —
Пусть их впредь и охраняет.
Чтоб тебя он не тревожил,
Дело я добром улажу,
Пусть он только обещанье
Даст с тобою обвенчаться».
И утешилась Химена
Этой милостью монаршей:
Кто отца ее убил,
Тот опорой ей и станет.

El Cid mirando a la novia,
Le dixó todo turbado:
Mate a tu padre, Ximena,
Pero no a desaguisado,
Matéle de hombre a hombre,
Para vengar cierto agravio.
Mate hombre, y hombre doy,
Aqui estoy a tu mandado,
Y en lugar del muerto padre
Cobraste un marido honrado.
A todos paredió bien,
Su discreción alabaron,
Y assi se hizieron las bodas
De Rodrigo el Castellano[6].

---

[6] Примечания: 1.6

РОМАНС ВТОРОЙ

Тут с Химены и Родриго
Слово взял король, что оба
Пред лицом Лаина Кальво{137}
Вступят тотчас в брак законный.
Так конец вражде заклятой
И положен был любовью,
Ибо где она царит,
Там обид уже не помнят.
……

В дом вернулись молодые,
Сид супругу крепко обнял,
Руку ей пожал с волненьем
И промолвил, глядя в очи:
«Твоего отца, Химена,
Я убил, но в честном споре:
С ним, как долг велит мужчине,
За обиду свел я счеты.
Мужа я убил, и муж
Мной тебе взамен дается.
Ты, родителя лишившись,
В муже обрела опору».
За учтивость все вокруг
Сида восхваляли громко.
Так кастилец дон Родриго
Взял себе Химену в жены.

{137} Комментарии: 2.137

К стр. 229

Лаин Кальво. — Согласно легендам, дед Сида и один из двух судей, избранных кастильцами; неоднократно упоминается в испанском героическом эпосе и романсах.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДОН ФЕРДИНАНД
первый король Кастильский{46}
ДОНЬЯ УРРАКА
инфанта Кастильская
ДОН ДИЕГО
отец дона Родриго
ДОН ГОМЕС, ГРАФ ГОРМАС
отец Химены
ДОН РОДРИГО
возлюбленный Химены
ДОН САНЧО
дворянин, влюбленный в Химену
ДОН АРИАС, ДОН АЛОНСО
кастильские дворяне
ХИМЕНА
дочь дона Гомеса
ЛЕОНОР
воспитательница инфанты
ЭЛЬВИРА

{46} Комментарии: 2.46
К стр. 230
...первый король кастильский. — Фердинанд стал королем Кастилии в 1033 г.; до этого такого королевства не существовало, это было графство, подчинявшееся королевствам Астурии, затем Леона.

воспитательница Химены
ПАЖ ИНФАНТЫ

Действие происходит в Севилье.{47}

{47} Комментарии: 2.47

Действие происходит в Севилье. — В XI в. столицей Кастилии был Бургос; Севилья была отвоевана у мавров лишь в XIII в.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Химена, Эльвира.

Химена.

Эльвира! Верно ль то, что сообщила мне ты?
Ужель родитель мой и впрямь сказал все это?

Эльвира.

С восторгом я отцу внимала твоему:
Не меньше, чем тебе, Родриго люб ему,
И, если мне читать в чужой душе по силам,
Тебе он повелит на пыл ответить пылом.

Химена.

Так повтори опять, как убедилась в том,
Что склонность дочери одобрена отцом;

Поведай вновь, на что надеяться могу я.

Мне слушать без конца не в тягость речь такую:

Ведь любящим сердцам отрадно сознавать,

Что чувство долее им незачем скрывать!

Но как повел себя родитель мой при вести,

Что и дон Санчо мной пленен с Родриго вместе?

Не выдал ли ему твой тон, намек иль взгляд,

Кто для меня из двух желаннее стократ?

Эльвира.

Нет, с видом искренним уверила его я,

Что ни один из них не предпочтен тобою,

И ждешь ты, никому надежды не подав,

Кого же изберет тебе в супруги граф.

Он внял мне с радостью, и это подтверждалось

Тем, что в его глазах и голосе читалось,

А коль уж повторить должна я свой рассказ,

Знай, как отозвался родитель твой о вас:

«Блюдет Химена долг, любой из них — ей пара.

В обоих кровь чиста и сердце полно жара.

Хоть молоды они, у них сверкает взор

Отвагой дедовской, нетленной до сих пор.

Особенно черты Родриго непреклонны.

Читается в них дух, бесстрашьем закаленный,

Как и у всех мужчин в их доме, где сыны

С рожденья лаврами отцов осенены.

Дал жизнь ему герой, чья доблесть всех дивила,

Пока на склоне дней в нем не иссякла

сила,

И чей суровый лик, что шрамами изрыт,

О подвигах былых наглядно говорит.

Я верю, честь отца Родриго не уронит,

И буду рад, коль он Химены сердце тронет».

Тут твой родитель смолк: он на совет спешил

И, речь едва начав, ее не довершил,

Но после слов таких мне трудно усомниться,

К какому выбору милей ему склониться.

Наставника король намерен принцу дать.

Им нынче твой отец по праву должен стать.

Кто, как не он, никем не превзойденный воин,

Столь важной должности быть может удостоен?

Соперников ему на поле бранном нет,

И саном лишь его пожалует совет,

А так как там, когда вельможи все обсудят,

О сыне говорить с ним дон Диего будет,

Сама сообрази, удастся ль сватовство

И скоро ль с милым вы добьетесь своего.

Химена.

Эльвира! Ты меня исполнила смятенья:

Безмерность счастья мне внушает опасенья.

Обличия судьба меняет с быстротой.

Большой успех всегда чреват большой бедой.

Эльвира.

Твой страх напрасен — в том даю тебе я слово.

Химена.

Идем и будем ждать: я ко всему готова.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Инфанта, Леонор, паж.

Инфанта.

Скажи Химене, паж, что ей я шлю упрек:
Ленивица прибыть ко мне могла бы в срок.
Пренебрежение для дружбы нестерпимо.

Паж уходит.

Леонор.

Я вижу, госпожа, вам с ней необходимо
Видаться каждый день, чтоб каждый день отчет
Выслушивать о том, как чувство их растет.

Инфанта.

На то причина есть: сама я порадела,
Чтобы Химене в грудь любовь вонзила стрелы.
Ей дон Родриго мил, но вряд ли бы над

ней

Он восторжествовал без помощи моей.

Он мною был ей дан, я страстью их связала,

Что им сочувствовать меня и обязало.

Леонор.

Однако почему удручены вы так,

Чуть к цели сделать вновь им удается шаг?

Ужель любовь, что в них вселяет упованья,

Для вас является источником страданья?

Ужель вы платитесь несчастием своим

За то, что к счастью путь проложен вами им?..

Но скромность мне велит здесь и остановиться.

Инфанта.

Скорбь тяжела вдвойне, когда должна таиться.

Послушай же, как я борюсь сама с со-

бой,

Послушай, сколь жесток любви и чести бой.

Страсть — это злой тиран, не знающий пощады,

И я того, кого другой отдать мне надо,

Люблю.

Леонор.

Родриго? Вы?

Инфанта.

Рукою грудь мне тронь.

Как бьется сердце в ней, как жжет ее огонь

При имени его!

Леонор.

Пусть это непочтенье,

Но осудить должна я ваше увлеченье.

Как может так свой сан принцесса позабыть,

Чтоб рыцарем простым с ума сведенной быть?

Что скажет государь? Что скажет вся

Кастилья?

Вы помните ль, кто вас родил и где взрастили?

Инфанта.

Да, помню и скорей всю кровь из жил пролью,

Чем сан забуду свой и честь сгублю свою.

Пусть доблесть — качество, которое поныне

Для тех, чей дух высок, милей всего в мужчине;

Пусть, чтобы извинить свой страстный пыл вполне,

К примерам прошлого воззвать довольно мне, —

Не позволяет честь оправдываться ими.

Я не утрачу власть над чувствами своими.

Коль носит на челе корону мой отец,

Мне мужем может быть лишь тот, на ком венец.

Поняв, что и в меня любовь закралась все же,

Я уступила то, чем мне владеть негоже,

Себе заменою Химену избрала

И в них зажгла огонь, чтоб не сгореть дотла.

Не удивляйся же, что, глубоко страдая,

Я с нетерпением их брака ожидаю:

Зависит от него спокойствие мое.

Живет надеждой страсть и чахнет без нее:

Где новой пищи нет, там угасает пламя,

И коль наступит день, в который небесами

Химене суждено Родриго стать женой,

Умрут мои мечты, но дух воскреснет мой.

Однако не унять мне боль свою покуда.

Родриго я любить до самой свадьбы буду.

Я тщусь, но не могу о нем не вспоминать

И от безмерных мук беззвучно не стенать.

Я вижу с горечью, что всей душой своею

Устремлена к тому, кем обладать не смею,

И за раздвоенность корю себя тайком:

Хоть сердцем я тверда, оно горит огнем.

Меня пугает брак, которого хочу я, —

Я им тоску свою навряд ли уврачую;

Коль скоро правят мной и страсть и честь моя, —

Свершится он иль нет, равно погибну я.

Леонор.

Какой мне дать ответ на то, что вы сказали?

Я вашей, госпожа, сочувствую печали.

Не порицать — жалеть вас начала я вдруг.

Но если, как ни жгуч ваш сладостный недуг,

Не покорились вы его волшебной силе,
Соблазны отмели и приступы отбили, —
Он вашей стойкости не сломит ни за что.
Надейтесь на нее, на время и на то,
Что бог всеведущий — за правого радетель,
И он не обречет на пытку добродетель.

Инфанта.

Лишиться всех надежд — мне всех надежд милей.

Входит паж.

Паж.

Химена здесь и ждет приема у дверей.

Инфанта *(к Леонор).*

С ней в галерее будь: туда приду я вскоре.

Леонор.

Ужель наедине вы предадитесь горю?

Инфанта.

Нет, просто нужно мне побыть от всех вдали,

Дабы с лица следы волнения сошли.

Я вас не задержу.

Леонор уходит.

О господи всезрящий,

Смягчись и уврачуй недуг, меня точащий,

Дозволь мне мир вкусить и честь свою спасти!

Я счастьем жертвую, чтоб счастье обрести.

Зависят три судьбы от бракосочетанья.

Ускорь его иль дай мне сил на ожиданье.

Сулит мне двух сердец супружеский союз

Спасение от мук и от незримых уз.

Но встречи ждать со мной не след Химене доле:

Я за беседой с ней передохну от боли.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Граф Гормас, дон Диего.

Граф.

Итак, вы взяли верх: вам венценосцем дан
Мне подобающий, лишь мне, высокий сан.
Наставником король назначил вас при сыне.

Дон Диего.

Честь, дому моему оказанная ныне, —
Свидетельство того, как ценит государь
Людей, с усердием служивших трону встарь.

Граф.

При всем величии монархи с нами схожи:
В ошибку иногда они впадают тоже,
И, судя по тому, что выбор пал на вас,
Не жалуют людей, им служащих сей-

час.

Дон Диего.

Зачем касаться нам досадного предмета?

Не по заслугам мне, быть может, милость эта,

Но верноподданный — а им всегда был я —

Не смеет обсуждать приказы короля.

Он оказал мне честь, вы также окажите

И узами родства свой дом с моим свяжите.

Вам только дочь, мне — сын благим творцом даны.

Пусть обвенчаются, и мы навек дружны.

Не откажите мне согласием ответить.

Граф.

Родриго ваш теперь повыше будет метить,

Затем что голову вскружит ему, юн-

цу,

Блеск новой должности, дарованной отцу.

Вступите же в нее и воспитайте в принце

Уменье властвовать, вникать в дела провинций,

И доброму любовь, а злому страх внушать,

И свой народ учить закон не нарушать.

Взрастите также в нем таланты полководца,

Чтоб смладу он привык с лишеньями бороться,

В искусстве бранном быть для войска образцом,

Спать в латах и скакать неделями верхом,

На стены первым лезть, штурмуя укрепленья,

И мужеством своим решать исход сраженья;

А чтобы мальчик тверд был в правилах таких,

Наглядный ваш пример да подкрепляет их.

Дон Диего.

Найдет себе, призвав завистников к молчанью,

Такой пример в моем он жизнеописанье.

Принц в этом перечне великих дел прочтет,

Как за рубеж вести соратников в поход,

На приступ двигать их, выстраивать пред боем

И за бесстрашие повсюду слыть героем.

Граф.

Для воспитания нужней пример живой:

Монарх по книгам долг не постигает свой,

И важно ли, что счет годам вы потеряли,

Коль все они затмят один мой час едва ли?

Вы были смельчаком, а я остался им.

Я — щит отечества; пред именем моим

Трепещет Арагон, тайком дрожит Гранада.

Кастилье мой клинок надежная ограда.

Не будь меня, враги пришли б давно сюда,

И вы б под их ярмом согнулись навсегда.

Мне слава каждый день плетет венок лавровый

И воздает хвалу моей победе новой.

Окреп бы духом принц, водя на бой войска

Под сенью моего всесильного клинка,

И, подражая мне в искусстве ратоборства,

До срока бы явил те смелость и упорство,

Без коих титул…

Дон Диего.

Да, вы — трона верный страж.

Мне это ведомо: я был начальник ваш.

Когда же кровь мою года оледенили,

Меня вы, удалец, по праву заменили.

Скажу без лишних слов и без уверток вам:

Вы нынче то, чем был в расцвете лет я сам.

Вот, граф, из-за чего, наверно, так случилось,

Что мне король — не вам оказывает милость.

Граф.

Я только из-за вас наградой обойден.

Дон Диего.

Кто больше заслужил, тот и вознагражден.

Граф.

Заслуги мерятся делами — не словами.

Дон Диего.

Имели случай в том вы убедиться сами.

Граф.

Взять верх вам помогли искательство и лесть.

Дон Диего.

За подвиги мои оказана мне честь.

Граф.

Нет, возраст ваш почтить монарху захотелось.

Дон Диего.

В расчет он принимал не годы — только смелость.

Граф.

А значит, должен был избрать меня — не вас.

Дон Диего.

Отказывают тем, кто заслужил отказ.

Граф.

Я заслужил отказ? Я?

Дон Диего.

Вы.

Граф.

Старик спесивый!

Вот кара за поклеп бессовестный и лживый.

(Дает ему пощечину.)

Дон Диего *(обнажая шпагу).*

Возьми и жизнь мою, коль скоро вечный стыд

В моем лице мой дом впервые багрянит.

Граф.

Тебе ли, дряхлому, со мной тягаться в схватке?

Дон Диего.

О господи, я сил за миг лишился краткий!

Граф.

Хоть меч из рук твоих и выбит мной, не жди,

Что им, презренным, я коснусь твоей груди.

Прощай, и призови завистников к молчанью,

Наследнику твое дав жизнеописанье,

Где место должное займет рассказ о том,

Что за злоречие бывает с болтуном.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Диего один.

Дон Диего.

О гнев беспомощный, о старость, яд тлетворный!

Ужель я столько жил, чтоб умереть позорно,

И ратный труд чело покрыл мне сединой,

Чтоб за день облетел венок лавровый мой?

Своей рукой, что всю Испанию дивила,

Рукой, что недругов Кастильи раздавила,

Оплотом родины и трона королей

Я предан был, когда прибег в несчастье к ней.

О скорбь жестокая по славе отсиявшей!

Плод долгих лет, за час добычей тленья ставший!

Отличье, что стяжал себе на гибель я!

Скала, откуда честь низринута моя!

Ужель я не воздам врагу за униженье

И дни бесславные закончу без отмщенья?

Ты принца наставлять отныне будешь, граф.

Бесчестьем я лишен на эту должность прав

И сана, данного мне королем, не стою,

Раз не сумел тебе, гордец, воздать с лихвою.

А ты, мой меч, что мне победы приносил,

Но побрякушкой стал в руке, лишенной сил,

Меч, прежде грозный впрямь, а ныне только с виду,

Который не помог мне смыть в бою обиду,

Покинь мою стыдом надломленную длань

И в длани лучшего орудьем мести стань!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Диего, дон Родриго.

Дон Диего.

Родриго, ты не трус?

Дон Родриго.

Вам дать ответ наглядный

Мешает мне одно: ваш сын я.

Дон Диего.

Гнев отрадный!

От горя моего целительный бальзам!

В сыновней пылкости себя я слышу сам,

В ней кровь моя кипит, воскресла юность снова.

Приди, мой сын, сотри пятно с отца

седого,

Отмсти взамен него.

Дон Родриго.

За что?

Дон Диего.

За нашу честь,

Погубленную тем, кто мне дерзнул нанесть

Пощечину. Наглец сошел бы уж в могилу,

Не подточи года мою былую силу,

И меч, что стал тяжел тому, кто стар и хил,

Я отдаю тебе, чтоб ты карал и мстил.

Ступай! Бесстрашие явить тебя прошу я:

Смывает только кровь обиду столь большую.

Умри иль умертви. Но я тебе не лгу:

Бой должен будешь дать ты грозному врагу.

Я сам видал не раз, как в панцире багряном

Он ужас армиям внушал на поле бранном

И эскадронами один косил врагов.

Скажу и больше: он, храбрец из храбрецов,

Не только мудрый вождь и воин несравненный,

Но и…

Дон Родриго.

Ответьте же: кто он?

Дон Диего.

Отец Химены.

Дон Родриго.

Отец!..

Дон Диего.

Не надо слов. Я знаю, ты влюблен.

Но жить не вправе тот, кто чести был лишен.

Обида тем страшней, чем нам обидчик ближе.

Того, что я сказал, — довольно. Отомсти же!

Сполна воздай за нас обоих гордецу

И докажи, мой сын, что ты под стать отцу.

Покуда слезы лить я буду в сокрушенье,

Иди, беги, лети и соверши отмщенье!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Родриго один.

Дон Родриго.

Пронзен нежданною стрелой,

Что в грудь мне бросил рок, мой яростный гонитель,

За дело правое я выступил как мститель,

Но горестно кляну удел неправый свой

И медлю, теша дух надеждою бесцельной.

Стерпеть удар смертельный.

Не ждал я, близким счастьем ослеплен,

От злой судьбы измены,

Но тут родитель мой был оскорблен,

И оскорбил его отец Химены.

Я сам с собой в войну вступил:

Померяться любовь решила с долгом силой.

Чтоб за отца отмстить, проститься надо с милой.

Тот будит гнев во мне, та сдерживает пыл.

Что я ни изберу — разрыв навек с любимой

Иль срам неизгладимый,

Мне все равно от долгих мук сгорать.

Как не свершить измены

И как за спесь кичливца покарать,

Не покарав отца Химены?

Отец, невеста, честь и страсть,

Тиранство нежное, жестокая отрада!

Что лучше — долг блюсти или вкушать услады?

Что легче — тосковать иль со стыда

пропасть?

Надежда грозная, оплот души высокой

И любящей глубоко,

Враг, что к блаженству преградил пути,

Лекарство от измены,

Меч, ты мне дан, чтоб честь мою спасти

Иль чтоб меня лишить моей Химены?

Милее смерть, чем жизнь моя!

Обязан я отцу и милой в мере равной.

Она за месть меня возненавидит явно

И будет презирать, коль мстить не стану я.

Итак, иль расстаюсь я со своей мечтою,

Иль ее не стою.

Леченье мой недуг лишь обострит,

И коль судьбы измена

Смерть нам с тобой, душа моя, сулит,

Умрем, но все ж не оскорбим Химены.

Но умереть, не дав отпор

И зная, что меня Испания осудит;

Что по моей вине бесчестья не избудет

Поруганный мой дом, столь славный до сих пор;

Что, долгу предпочтя любовь, ее утрачу

Я так или иначе!

Нет, нет, отбросим даже мысль о том,

Чтоб встать на путь измены!

Хотя бы честь, рука моя, спасем,

Коль скоро нам не сохранить Химены.

Мой разум прояснился вновь.

Обязан я отцу не так, как милой, — боле.

Погибну я в бою иль от душевной боли,

Но в жилах у меня чиста пребудет кровь!

За нерадивость я себя корю все злее.

Отмстим же поскорее

И, как бы ни был недруг наш силен,

Не совершим измены.

Что в том, — коль мой родитель оскорблен,

Что оскорбил его отец Химены!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Ариас, граф Гормас.

Граф.

Признаюсь, у меня горяч не в меру нрав:
Я не сдержал себя, вспылил и был не прав;
Но дело сделано, пути назад нет боле.

Дон Ариас.

Склониться вы должны пред королевской волей.
Разгневан государь, и очень может быть,
Что против вас решит он власть употребить.
Ничем не оправдать свое вам поведенье.
Сан оскорбленного и тяжесть оскорбленья,
Бесспорно, таковы, что мало будет

здесь

Лишь извинения обычные принесть.

Граф.

Взять жизнь мою монарх всегда имеет право.

Дон Ариас.

Усугубляете свой грех гордыней зря вы:

Простить вас хочется доселе королю.

Покорствуйте ж, коль он сказал: «Я так велю!»

Граф.

Там, где мы честь свою спасаем от попранья,

Столь уж большой вины нет в малом ослушанье;

А если в нем и впрямь ее усмотрят вдруг,

Она не больше все ж числа моих заслуг.

Дон Ариас.

Не смеет подданный, что б ни свершил для трона,

Мнить должником своим носителя

короны.

Не обольщайтесь, граф, и помните о том,

Что королю служить — наш долг пред королем.

Вы сгубите себя надменностью чрезмерной.

Граф.

Покажет опыт мне, насколько это верно.

Дон Ариас.

Не безрассудствуйте: король во гневе строг.

Граф.

Таких, как я, не сбить одним ударом с ног,

И коль расправиться со мной решатся все же,

Конец не только мне, но государству — тоже.

Дон Ариас.

Как! Вас король страшит так мало

потому…

Граф.

Что скипетр без меня не удержать ему.

Мной духу у него пожертвовать не хватит:

Сняв голову с меня, корону он утратит.

Дон Ариас.

Вас ясности ума внезапно гнев лишил.

Решайте не спеша.

Граф.

Я все уже решил.

Дон Ариас.

Что ж мне сказать, когда увижу короля я?

Граф.

Что подвергаться я бесчестью не желаю.

Дон Ариас.

Не след земных владык непослушанием

злить.

Граф.

Я сделал выбор свой, и спор нет смысла длить.

Дон Ариас.

Прощайте! Ухожу. Но лучше б вам смириться:
Ведь и под лаврами от молнии не скрыться.

Граф.

Я жду ее.

Дон Ариас.

Боюсь, на вас она падет.

Граф.

Что ж, пусть обиженный утеху в ней найдет.

(Один.)

Кто презирает смерть, тому смешна опала.
Угрозы на меня не действуют нимало.
Я наигоршую перетерплю беду,

Но на бесчестие вовеки не пойду.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Граф Гормас, дон Родриго.

Дон Родриго.

Два слова, граф!

Граф.

Изволь.

Дон Родриго.

Ты знаешь несомненно,
Кто дон Диего?

Граф.

Да.

Дон Родриго.

Скажи мне откровенно:
Известно ли тебе, что в нем воплощены
И честь, и мужество, и слава старины?

Граф.

Возможно.

Дон Родриго.

Что когда глазами я сверкаю,
В них блещет кровь его?

Граф.

А мне печаль какая?

Дон Родриго.

Я это объясню отсюда в двух шагах.

Граф.

Спесивец молодой!

Дон Родриго.

Держи себя в руках.
Не спорю, молод я, но зреет раньше срока
Бесстрашие в душе воистину высокой.

Граф.

Как! Меряться со мной? С чего ты стал так смел,
Хоть побывать в бою ни разу не успел?

Дон Родриго.

Нет нужды в опыте у тех, что мне по-

добны:

Им славу мастера удар приносит пробный.

Граф.

Ты знаешь, кто я?

Дон Родриго.

Да. Твой меч неотразим,

Любого вверг бы в дрожь ты именем своим,

И лавры, что чело тебе отягощают,

Мне смерть, как письмена судьбы, предвозвещают.

Я вызов шлю бойцу, что всех собой затмил,

Но у того, кто храбр, всегда довольно сил.

Сын, мстящий за отца, свершить способен чудо.

Непобедим ты? Нет, не побежден покуда.

Граф.

Отвагу, что звучит в твоих речах сей-

час,

Я у тебя в глазах читал уже не раз

И, видя загодя в тебе опору трона,

Был горд, что просишь ты мою Химену в жены,

Я знаю страсть твою и рад, что долг и честь

Сердечной склонности сумел ты предпочесть;

Что тверд, ей вопреки, ты был в своем решенье;

Что сохранить к тебе могу я уваженье;

Что истый рыцарь ты и не ошибся я,

Желанье возымев избрать тебя в зятья.

Растрогал сердце мне ты доблестью своею.

Дивлюсь я храбрецу, но мальчика жалею.

На опыт роковой себя не обрекай,

В кровопролитный спор меня не вовлекай.

Зазорно мне тебя губить в борьбе неравной:

Где не опасен бой, там торжество бесславно.

Сочтет молва, что верх взят мною без труда,

И о тебе скорбеть придется мне всегда.

Дон Родриго.

Сначала оскорбил, теперь унизить тщишься?

Честь не сробел отнять, а жизнь отнять страшишься?

Граф.

Уйди — и поскорей!

Дон Родриго.

За мной, и слов не трать!

Граф.

Ты жить устал?

Дон Родриго.

А ты не хочешь умирать?

Граф.

Идем! Так долг велит. Где честь отца задета,

Там сын — презренный трус, коль не отмстит за это.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Инфанта, Химена, Леонор.

Инфанта.

Химена! Положи предел тоске своей

И противопоставь в невзгодах твердость ей.

Случайную грозу затишье сменит вскоре.

Свет счастья твоего мрачит лишь тучка горя.

Крепись, и для тебя желанный день придет.

Химена.

Нет, кроме новых бед, ничто меня не ждет.

Шквал, что безветрие нарушил столь нежданно,

Грозит корабль увлечь в пучину океана.

У входа в порт пойти на дно мне суждено.

Отцами было нам согласие дано,

И этой вестью вас порадовать пришла я,

Когда меж ними вдруг возникла ссора злая

И стало ясно мне, что с нынешнего дня

Нет больше сладостной надежды у меня.

Тщеславие, тиран, проклятый и бездушный,

Чьей воле лучшие из нас — и те послушны!

Безжалостная честь, палач моей мечты,

Как много слез пролить меня заставишь ты!

Инфанта.

Поверь, уладится их ссора непременно.

Мгновенно гаснет то, что вспыхнуло мгновенно.

Наделан шум такой раздором двух отцов,

Что должен их унять король в конце концов.

К тому же, чтобы страх и скорбь твою развеять,

Я невозможное сама решусь содеять.

Химена.

Идти не может речь о примиренье тут.

Ни просьба, ни приказ вражду не пресекут:

Не забывается смертельная обида;

Не исцелен недуг, залеченный для вида.

Коль ненависть живет в сердечной глубине,

Ее огонь незрим, но жжет сильней вдвойне.

Инфанта.

Когда с Хименою в закон Родриго вступит,

Их счастье ненависть родителей притупит,

Над злобой верх возьмет взаимная любовь,

И узы прочные два дома свяжут вновь.

Химена.

Хоть и сладка мечта, не верится в нее мне:

Сколь дон Диего горд и крут отец — я помню.

Мне слез не удержать, как я их ни стыжусь.

О прошлом я скорблю, грядущего страшусь.

Инфанта.

Ужель тебя страшить способен старец хворый?

Химена.

Родриго храбр.

Инфанта.

Но он в года войдет не скоро.

Химена.

Кто смелым родился, тот с юных лет смельчак.

Инфанта.

Опасен быть тебе не может он никак.

Внять голосу любви твой милый не преминет:

Два слова скажешь ты — и гнев его остынет.

Химена.

Не вняв мне, ранит он меня еще больней,

А вняв, кем прослывет во мнении людей?

Он, дворянин, и вдруг не мстит за оскорбленье?

Уступит он иль нет сердечному влеченью,

Мне только скорбь иль стыд и больше ничего

Сулят как преданность, так и отказ его.

Инфанта.

В Химене чересчур высокий дух гнездится,

Чтоб низменная мысль могла у ней родиться.

Но коль, пока врагов не примирят вполне,

Родриго прикажу я состоять при мне,

Чтоб необдуманных не принял он решений,

Не возымеешь ты ревнивых опасений?

Химена.

Свободна буду я от всех тревог тогда.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и паж.

Инфанта.

Сыщи Родриго, паж, и приведи сюда.

Паж.

Он с графом Гормасом…

Химена.

О боже, как мне худо!

Инфанта.

Ну, договаривай!

Паж.

Сейчас ушли отсюда.

Химена.

Вдвоем?

Паж.

Вдвоем, и спор вели между собой.

Химена.

Наш разговор прервем: они вступили в бой.

Простите, что уйти придется мне поспешно.

Химена и паж уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Инфанта, Леонор.

Инфанта.

Как я восхищена и как я безутешна!

Как я о ней скорблю, как восторгаюсь им!

Сменился краткий мир во мне огнем былым.

То, что влюбленного грозит рассорить с милой,

Надежду и тоску опять в меня вселило,

И сколь в несчастье им ни сострадаю я,

А тайной радости полна душа моя.

Леонор.

Ужели твердости у вас настолько мало,

Что страсть постыдная мгновенно вас объяла?

Инфанта.

Остерегись ее постыдной называть.

Коль скоро мной она вольна повелевать,

Почтительна будь с ней, владычицей моею.

С собой борясь, я все ж питать надежду смею,

И вновь все существо мое устремлено

К блаженству, что другой уже не суждено.

Леонор.

Итак, утратили вы вашу стойкость разом,

И чувство обуздать не смог холодный разум?

Инфанта.

Кто внемлет разуму, когда разлит в крови

Всепобеждающий, волшебный яд любви?

Коль скоро хворь свою больной благословляет,

Насильно он себя лечить не позволяет.

Леонор.

Вам дорог ваш недуг, прельщает вас мечта,

Но вы же все равно Родриго не чета.

Инфанта.

Да, и лишь потому я забываю это,

Что в лести у любви, увы, соперниц

нету.

Мне верить хочется, что, коль погибнет граф,

Родриго же назад вернется жив и здрав,

Я право обрету любить его открыто:

Все может тот, кем враг сражен столь знаменитый.

Я вижу, волю дав мечтаниям своим,

Как царства целые склоняются пред ним,

И льстивая любовь живописать мне рада,

Как всходит он на трон поверженной Гранады,

Край мавров под руку свою навек берет,

На гордый Арагон войска ведет в поход,

Над Португалией свое возносит знамя

И к знойной Африке плывет, чтоб за морями

Вновь кровью оросить лавровый свой венок.

Да, нынче победив, затмит в свой час

и срок

Собой Родриго всех, кого венчала слава,

И ровню в нем любить тогда снищу я право.

Леонор.

Высоко же вы с ним в мечтаньях занеслись!

А вдруг противники без боя разошлись?

Инфанта.

Нет, граф нанес отцу Родриго оскорбленье,

Они ушли вдвоем — какие ж тут сомненья?

Леонор.

Допустим, будет бой, но где порука в том,

Что станет ровнею Родриго вам потом?

Инфанта.

Я брежу. Страсть моя рассудку прекословит.

Ты видишь, сколько бед она мне угото-

вит.

Идем, утешь меня и будь поддержкой мне,

Чтоб не осталась я с тоской наедине.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Фердинанд, дон Ариас, дон Санчо.

Дон Фердинанд.

Так, значит, граф не смог перебороть тщеславье?

Ужель он думает, простить его я вправе?

Дон Ариас.

Я увещал его от вашего лица,

Но так и не сломил упорство гордеца.

Дон Фердинанд.

О небо правое, противиться доколе

Намерен подданный моей монаршей воле?

Им дон Диего был сначала оскорблен,

Теперь при всем дворе со мною спорит

он.

Хоть воина я в нем ценю и полководца,

А все же, видно, спесь мне сбить с него придется.

Будь он сам бог войны иль доблесть во плоти,

От наказания кичливцу не уйти.

Граф в дерзости своей все перешел границы,

Я долго ожидал, что мне он подчинится,

Но раз упорствовать желательно ему,

Вы сей же час его отправите в тюрьму.

Дон Санчо.

Разумно ли спешить со взятием под стражу?

Граф ссорой распален и пребывает в раже,

Но, успокоившись, смирится, может быть.

Кто горд, того не вдруг заставишь уступить:

Он знает, что не прав, но, спесью ослеп-

ленный,

Не хочет осудить проступок, им свершенный.

Дон Фердинанд.

Дон Санчо, смолкните! Я объявляю вам:

Кто за виновного, тот виноват и сам.

Дон Санчо.

Смолкаю, государь, но если вы дадите

Два слова молвить мне…

Дон Фердинанд.

Что вы сказать хотите?

Дон Санчо.

Что тот, кто славою взлелеян с давних пор,

Идти с повинною считает за позор,

Который честь его навеки опорочит, —

И лишь поэтому уняться граф не хочет.

Чрезмерно строгим он считает ваш приказ:

Унизиться ему всех кар страшней в сто раз.

Велите же бойцу, вспоенному отвагой,

Обиду искупить на поединке шпагой,

А в том, что выйдет он помериться с врагом,

Любому поручусь я хоть сейчас клинком.

Дон Фердинанд.

Вы забываетесь, но, юность вашу зная,

Я вашу дерзкую горячность извиняю.

У короля полно забот совсем иных.

Обязан он радеть о подданных своих,

Подобно голове, пекущейся о теле,

И кровь я не даю им проливать без цели.

Вам не понять меня: в вас воин говорит,

Тогда как мне мой долг монархом быть велит.

Граф, повинившись, пасть не может в общем мненье:

Покорность королю отнюдь не униже-

нье.

К тому же здесь задет я сам: он оскорбил

Того, кому мой сын доверен мною был,

И, выбор мой дерзнув оспаривать публично,

Бросает вызов мне как государю лично.

Но нам не до него. Наш старый враг свой флот

Из десяти судов вверх по реке ведет —

Им с моря удалось войти в нее нежданно.

Дон Ариас.

Вы с маврами войну вели так неустанно,

Ваш меч их повергал так много раз во прах,

Что вновь на вас напасть им не позволит страх.

Дон Фердинанд.

Не примирятся с тем они в своей гордыне,

Что Андалусия — мое владенье ныне.

Принадлежала им она в былые дни,

И зависть не питать не могут к нам они.

Лишь из-за этого столицею Кастильи

Я десять лет назад решил избрать Севилью —

Отсюда при нужде быстрей я дать могу

Решительный отпор коварному врагу.

Дон Ариас.

Достаточно голов неверные сложили,

Чтоб больше не питать сомнений в вашей силе.

Не след бояться нам.

Дон Фердинанд.

Но и дремать не след.

Беспечность глупая — источник многих бед.

Судам противника, как это знать должны вы,

Дойти до города нетрудно в час прилива,

И все-таки. Пока опасность не ясна,

Тревога поднята быть нами не должна:

Коль ночью всполошим мы без толку столицу,

Страх перед маврами во все сердца вселится.

Двойной охраною Севилью окружить!

Дон Ариас уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Фердинанд, дон Санчо, дон Алонсо.

Дон Алонсо *(дону Фердинанду).*

Несчастье! Приказал граф Гормас долго жить.

Стыд дон Диего смыл с себя рукою сына.

Дон Фердинанд.

Я знал, что будет мстить обиженный безвинно,

И сделал все, чтоб кровь не дать пролить врагам.

Дон Алонсо.

Химена к вам спешит, чтоб к вашим пасть ногам

И со слезами вас молить о воздаянье.

Дон Фердинанд.

К ее утрате я исполнен состраданья,

Но граф, которого постигла нынче месть,

Наказан поделом за дерзость и за спесь.

И все же, хоть не зря судьба к нему сурова,

Военачальника мне жаль терять такого.

Он в дни войны не раз спасал страну мою,

Лил, жизни не щадя, кровь за меня в бою,

И, как ни осуждай его высокомерье,

Нельзя не сознавать: слабее стал теперь я.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и дон Диего, Химена и дон Ариас.

Химена.

Возмездья, государь!

Дон Диего.

Мне умоляю внять!

Химена.

Лежу у ваших ног.

Дон Диего.

Дозвольте их обнять!

Химена.

Я требую суда!

Дон Диего.

Я — права на защиту!

Химена.

Воздайте наглецу, что дерзок неприкрыто:
Им тот убит, кто был опорою для вас;
Им мой отец сражен!

Дон Диего.

Честь своего он спас.

Химена.

Обязан покарать виновного властитель.

Дон Диего.

Виновным признан быть не может правый мститель.

Дон Фердинанд.

Прошу вас встать и речь вести по-одному.

Химена! Ваша скорбь мне внятна потому,

Что сердце у меня полно печали тоже.

(Дону Диего.)

Ей не мешайте — вам я слово дам чуть позже.

Химена.

Отец мой мертв, и мне увидеть довелось,

Как из груди его, что сталь прошла на-

сквозь,

Хлестала кровь, та кровь, которая, как пламя,

Слепила недругов, вступавших в битву с вами;

Которая кипит еще сейчас, гневясь

На то, что не за вас сегодня пролилась;

Которою, хоть вид ее и смерти страшен,

Двор вашего дворца Родриго был окрашен.

Туда я кинулась, бледнея и стеня.

Граф не дышал уже. Прошу простить меня:

Немею я от слез, струящихся волною.

Мои рыдания доскажут остальное.

Дон Фердинанд.

Мужайся, дочь моя, и знай, что твой король

Тем станет для тебя, чем был отец дотоль.

Химена.

Отрадна в скорби честь безмерная такая...

Так вот, он не дышал, когда пришла туда я.

Ни звука из груди не слышалось немой,

Но кровью на песке был долг написан мой.

Граф уст не разжимал, но вопияла рана:

О мщенье мне твердил он ею неустанно,

Чтоб я передала, что слышала в тот миг,

Вам, справедливейший из всех земных владык.

Ужель вы, государь, потерпите и дале,

Чтоб на глазах у вас бесчинство совершали,

Чтоб безнаказанно любой преступный меч

Мог дни достойнейших из ваших слуг пресечь,

Чтоб молодой наглец смел в их крови омыться,

Их славу отрицать, над памятью глумиться?

Кто впредь отважится поддерживать ваш трон,

Коль храбрый мой отец не будет отомщен?

Итак, он пал, и вас молю я: отомстите!

Не я в утехе — вы нуждаетесь в защите:

Не видела бойца смелей земная твердь.

Пусть кровь искупит кровь, и смерть оплатит смерть.

Пусть жертвою — не мне, не мести и не злобе,

Но вашему венцу, престолу и особе

И во спасение державы вашей всей

Падет кичащийся жестокостью злодей!

Дон Фердинанд.

Что, дон Диего, вы нам скажете?

Дон Диего.

Скажу я,

Что счастье — умереть, утратив мощь былую,

И что несчастен тот, кто слишком долго жил,

Но все еще живет, хотя лишился сил.

Я, славу ратными трудами приобретший,

Я, смлада об руку рука с победой шедший,

За оскорбление воздать мечом не смог,

Затем что не ушел из жизни в должный срок.

На то, на что враги в бою бы не решились,

Чего бы Арагон с Гранадой устрашились,

На что бы ни один завистник не рискнул,

Средь вашего двора спесивец граф дерзнул,

Обидясь выбором, который сделан вами,

И ведая, что стал я немощен с годами.

И эта длань, что вам служила столько

раз,

И эта кровь, что лил я щедро ради вас,

И эта голова, что в битвах поседела, —

Все это от стыда в земле бы уж хладело,

Не будь достойный сын дарован небом мне

На благо и отцу, и трону, и стране.

Он заменил меня, и граф убит на месте.

Он наше имя спас и снял с него бесчестье.

Коль кару заслужил своей отвагой тот,

Кто за пощечину ударом воздает,

Лишь я подвергнут ей быть должен безусловно:

В ответе голова там, где рука виновна.

Есть преступленье тут иль нет, вина — моя:

Мой сын рукою был, а головою — я.

Убийцей назвала Родриго зря Химена:

Будь силы, им бы стал я сам всенепре-

менно.

Снимите голову — уже дряхла она,

Рука же будет вам еще не раз нужна.

Коль это принесет Химене утешенье,

Казните — подчинюсь я вашему решенью

И за суровость вас не стану укорять:

Коль скоро честь жива, не страшно умирать.

Дон Фердинанд.

Непозволительна поспешность в деле этом,

И быть оно должно рассмотрено советом.

Дон Санчо! Проводить Химену вам пора.

Пусть слово честное не покидать двора

Мне дон Диего даст. Судим Родриго будет.

Химена.

Убийцу не щадить есть долг того, кто судит.

Дон Фердинанд.

Химена! Отдохни хотя бы час-другой.

Химена.

Лишь множит скорбь мою бездейственный покой.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Родриго, Эльвира.

Эльвира.

Родриго? Здесь? Зачем рискуешь ты напрасно?

Дон Родриго.

Я приведен сюда судьбой своей злосчастной.

Эльвира.

Ты спесью ослеплен, коль скоро входишь в дом,

Куда принесена беда твоим клинком,

Где бродит до сих пор, грозя убийце местью,

Тень графа.

Дон Родриго.

Будь он жив, я б умер от бесчестья.

Чтоб смыть с себя позор, пролить при-

шлось мне кровь.

Эльвира.

И ты, ища приют, являешься под кров
Того, чьи дни пресек? Да ты ума лишился!

Дон Родриго.

Неправда! Я предстать перед судьей решился.
Пусть не дивит тебя мое вторженье к вам:
Я взял чужую жизнь, взамен свою отдам.
Любовь — вот мой судья. Навлек я гнев Химены,
И буду милою наказан непременно,
И небо восхвалю, сходя в небытие,
За приговор из уст и смерть из рук ее.

Эльвира.

Беги и не стремись добиться с ней свиданья.
Дай время первому остыть негодованью

И первым приступам отчаянья пройти,

Дабы до крайности ее не довести.

Дон Родриго.

Нет, нет, Химене я нанес удар столь тяжкий,

Что кару понести обязан без оттяжки,

И гнев удвою в ней, чтоб умереть сейчас, —

Так лучше, чем страдать от смертных мук сто раз.

Эльвира.

Слезами во дворце теперь она исходит

И не одна домой придет: ее проводят.

Родриго! Удались, покуда время есть.

Что скажут, если ты застигнут будешь здесь,

И как Химене быть, коль пустят слух нелестный,

Что дочь убитого с убийцей в дружбе тесной?..

Нет, поздно — вот она. Скорей — иль

всем беда!

Честь милой пощади и спрячься вон туда!

Дон Родриго прячется.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эльвира, дон Санчо, Химена.

Дон Санчо.

Да, гнев законен ваш и пени справедливы:

За кровь отцовскую сполна воздать должны вы,

И не затем к вам речь обращена моя,

Что вас хочу смягчить или утешить я.

Но коль дадите вы на то соизволенье,

Мой меч виновного казнит за преступленье,

За вашего отца любовь моя отмстит.

Лишь слово молвите — и будет враг убит.

Химена.

Не надо.

Дон Санчо.

Почему?

Химена.

Я мстить сама не смею:

Мне обещал король предать суду злодея.

Дон Санчо.

Так правосудие медлительно у нас,

Что ускользнуть легко преступнику подчас,

Из-за чего уже немало слез пролито.

Дозвольте рыцарю на вашу встать защиту!

Короче и стократ надежней этот путь.

Химена.

Коль мне придется им пойти когда-нибудь

И не остынет в вас запальчивость былая,

За графа отомстить вам поручу сама я.

Дон Санчо.

Верх счастья для меня подобный ваш ответ,
И удаляюсь я, надеждою согрет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эльвира, Химена.
Химена.

Остались мы одни, и наконец могу я
Сказать тебе о том, как мучусь и тоскую,
Издать свободно вздох, подавленный дотоль,
Раскрыть перед тобой всю скорбь свою и боль.
Погиб родитель мой, столь грозный в дни былые.
Родриго он сражен, хоть дрался тот впервые.
Струитесь, реки слез! Пылай, чело, в огне!
Одна из половин души была во мне

Умерщвлена другой, и я должна за это
Ту, что еще цела, призвать теперь к ответу.

Эльвира.

Да успокойся же, Химена!

Химена.

Как и где
Покой я обрести могу в такой беде;
Чем муки утолю, коль у меня нет силы
Питать вражду к руке, что мне их причинила;
И в чем уж так грешна пред небом всеблагим,
Что мстить должна за зло, хоть мной злодей любим?

Эльвира.

Как! Графа он убил и все ж любим тобою?

Химена.

Эльвира! Не люблю — боготворю его я.
Бой с ненавистью страсть ведет в груди моей,

И кровный враг мне всех по-прежнему милей.

Хоть в сердце ни тоска, ни гнев не охладели,

Родриго с графом там сражается доселе —

То выпад сделает, то совершит отход,

То лишь парирует, то снова верх берет.

Но сколь смятенье чувств меня ни полнит болью,

Оно лишь сердце рвет, но не колеблет волю,

И сколь моя любовь ни властна надо мной,

Останусь долгу я верна любой ценой

И голосу его всегда послушна буду.

Родриго дорог мне, я с ним душою всюду,

Я скорбь его делю, но помню, честь храня,

Кто я и чей клинок отца лишил меня.

Эльвира.

И ты стремишься мстить?

Химена.

Жестокое стремленье,

Судьбы жестокое, но правое веленье!

Суда я требую над милым, хоть страшусь,

Что жизни и сама, коль он умрет, лишусь.

Эльвира.

Химена! Откажись от мести безоглядной.

Не возводи ее в закон столь беспощадный.

Химена.

Как! Чуть ли не при мне родитель мой сражен,

И дочерью своей не будет отомщен;

И, ярость заглушив любовными мечтами,

Я ограничусь лишь бессильными слезами,

И подло примирюсь с желанным мне врагом,

И льстивой страсти честь дам задушить тайком?

Эльвира.

Поверь; тебе простят, коль будешь с меньшим пылом

Ты требовать суда над собственным же милым.

Довольно сделано тобой и без того:

Внял государь тебе. Не торопи его.

В ожесточенье знать предел и меру надо.

Химена.

Я честь свою сгублю, коль дам врагу пощаду.

Как ни умеет страсть сбивать с пути людей,

Высокая душа нейдет на сделку с ней.

Эльвира.

Но ведь любим тобой Родриго и доселе?

Химена.

Да.

Эльвира.

Так к какой же ты идти решила цели?

Химена.

К одной — исполнить долг, врага на казнь обречь,

Вернуть себе покой и в гроб с любимым лечь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и дон Родриго.

Дон Родриго.

Чем обрекать меня на казнь во имя чести,

Сама мне сделай честь убить меня на месте.

Химена.

Эльвира, что это? Не верю я глазам!

Родриго у меня! Прийти дерзнул он к нам!

Дон Родриго.

Пролей же кровь мою и насладись смелее

Своим отмщением и гибелью моею.

Химена.

Прочь!

Дон Родриго.

Задержись!

Химена.

Нет сил.

Дон Родриго.

Лишь миг мне дать молю!

Химена.

Уйди, иль я умру!

Дон Родриго.

Речь выслушай мою,

И мне ответь мечом, в ножнах моих сокрытым…

Химена.

И кровью моего отца еще залитым.

Дон Родриго.

Химена!..

Химена.

Спрячь клинок: он мне упрек немой
За то, что ты живешь и мертв родитель мой.

Дон Родриго.

Нет, на него гляди, дабы свой гнев пришпорить,
Решимость укрепить и казнь мою ускорить.

Химена.

Но кровь моя на нем.

Дон Родриго.

Нетрудно смыть ее —
Лишь обагри в моей стальное лезвие.

Химена.

На то оружие, каким убит родитель,
Ты принуждаешь дочь теперь взирать, мучитель!
Оно мне застит свет. Убрать его изволь.
Ты просишь выслушать, а причиняешь

боль.

Дон Родриго.

Я подчинюсь тебе, но только в упованье,

Что ты сама прервешь мое существованье:

Ведь о содеянном трусливо сожалеть,

Как ни люблю тебя, не стану я и впредь.

Миг непредвиденной утраты равновесья

И моему отцу и мне принес бесчестье.

Стерпеть пощечину не может тот, кто смел,

И долг мне покарать обидчика велел.

Воздал я за себя и за отца седого.

Коль будет в том нужда, так поступлю и снова.

Но знай: на этот шаг не вдруг решился я —

С моею честью бой вела любовь моя.

А что она сильна — не может быть сомненья,

Раз я ее с трудом не предпочел отмщенью,

И больше, чем позор, твой гнев меня страшил,

И мнилось мне, что я с решеньем поспешил.

Себя я обвинял в гневливости чрезмерной,

И верх твоя краса в борьбе взяла б наверно,

Когда б не мысль, что я, утратив честь свою,

Тебя достоин быть навек перестаю;

Что ненавистью та, кем я любим за смелость,

За трусость тотчас же ко мне бы загорелась;

Что не должна любовь во мне возобладать,

Коль скоро я хочу твой выбор оправдать.

Я повторю: как мне ни тяжки речи эти,

И буду повторять, пока живу на свете,

Что вынужден тебе был рану нанести,

Чтоб заслужить тебя и честь свою спасти.

Но, чести и отцу отдав свой долг законный,

Обязан и тебе его отдать влюбленный.

Возьми же кровь мою — явился я сюда,

Чтоб выполнить свой долг, как выполнял всегда.

Я знаю: смерть отца ты мне простить не властна,

И в жертву принести себя желаю страстно:

Пусть за родителя прольется твоего

Кровь и того, кто горд, что пролил кровь его.

Чтоб сразу их пресечь, бесцельный спор прерви

И, честь свою блюдя, Родриго умертви.

Химена.

Нет, чести больше в том, чтоб был ты жив и дале

И даже злейшие враги мне сострадали:

Ведь возносить до звезд меня придется им,

Коль я тебя сгублю, хоть мною ты любим.

Прочь! Не хочу смотреть на то, что сердцу мило

И что мне потерять судьба навек судила.

Из дома моего уйди под кровом тьмы,

Чтоб не узнал никто, что вместе были мы.

Лишь в случае одном опасно мне злословье —

Коль скажут, что с тобой тайком встречалась вновь я.

Не делай честь мою мишенью клеветы.

Дон Родриго.

Убей меня!

Химена.

Уйди!

Дон Родриго.

На что ж решилась ты?

Химена.

Хоть гнев не заглушил во мне любовь былую,
Чтоб за отца отмстить, все, что могу, свершу я,
Но было б для меня отраднее всего,
Когда бы не могла свершить я ничего.

Дон Родриго.

О чудо, что творит любовь!

Химена.

О верх несчастья!

Дон Родриго.

Какою спор отцов стал для детей напастью!

Химена.

Родриго! Кто бы ждал…

Дон Родриго.

Химена! Кто б предрек…

Химена.

Что лишь поманит нас надеждой сладкой рок!

Дон Родриго.

И что корабль ее у входа в порт желанный

С такою быстротой потопит шторм нежданный!

Нет, лучше уж сама убей меня мечом.

Химена.

Я — обвинитель твой, но мне ль быть палачом?

Мне ль браться за клинок, хоть и склонил ты выю?

Я казни требую, казнят же пусть другие.

С тобой не смертный бой, а тяжбу я веду.

Не расправляюсь я — лишь предаю суду.

Дон Родриго.

Хоть защищать меня любовь, как прежде, тщится,

Ты в твердости со мной обязана срав-

ниться,

А кровного врага чужой рукой губя,

Ты твердою отнюдь не выкажешь себя.

Своей рукой я сам отмстил за честь отцову,

Своей за смерть отца и ты воздай сурово.

Химена.

Меня во мрак тоски упрямством не ввергай.

Без помощи ты мстил — и мне не помогай.

Как ты, безжалостный, все сделаю одна я

И, славою с тобой делиться не желая,

Не стану, чтоб тебе за кровь отца воздать,

Твое отчаянье иль страсть на помощь звать.

Дон Родриго.

Неумолимая, как ты ожесточилась!

Мне окажи, молю, хотя бы эту милость

Подумай об отце иль о любви своей!

Из сострадания ль, из мести ль, но убей!

Пасть от твоей руки все ж менее ужасно,

Чем жить и ненависть в тебя вселять всечасно.

Химена.

Она чужда мне.

Дон Родриго.

С ней сроднись.

Химена.

Нет сил, увы!

Дон Родриго.

Ужель так мало впрямь боишься ты молвы?

Коль дорог я, твой враг, тебе и впредь пребуду,

Какие тотчас же начнутся пересуды?

Химена.

Я — враг твой, но тебе бросать упрек

не вправе

За то, что не обрек себя ты на бесславье,

И, хоть безмерные мучения терплю,

Не злоблюсь на тебя, но о себе скорблю.

Я знаю, что не смыть обиды столь жестокой

Зазорно для души воистину высокой.

Ты сделал только то, что долгом почитал,

Но этим мне урок служенья долгу дал.

Меня поступок твой на верный путь направил:

Мстя за отца, себя ты от стыда избавил,

И я последую примеру твоему —

С себя пятно стыда, мстя за отца, сниму.

Мое несчастье в том, что ты его губитель.

Когда б другим в бою сражен был мой родитель,

Стать для меня могло б свидание с

тобой

Опорой в бедствии, ниспосланном судьбой,

И не душила б скорбь меня с такою силой,

Когда б своей рукой утер мне слезы милый.

Но, потеряв отца, я и тебя лишусь,

Раз долгу предпочесть любовь не соглашусь,

И, голосу его ужасному покорна,

Готовить казнь твою намерена упорно,

Затем что и пред ней не отступлю в борьбе,

Как ни противится тому любовь к тебе.

Хоть оправдать тебя она, как прежде, тщится,

Я в твердости с тобой обязана сравниться.

Достоин стал меня ты, кровь мою пролив;

Достойна стану я тебя, тебе от-

мстив.

Дон Родриго.

Тогда что честь велит, то и сверши без страха.

Вот голова моя — рази клинком с размаха.

Коль в жертву принесет меня твоя рука,

Мне сладок приговор и будет смерть легка.

Неспешному суду доверив дело мести,

Ты мне прибавишь мук, себе убавишь чести.

Химена.

О боль смертельная!

Дон Родриго.

О просьб моих тщета!

Химена.

Уйди, иль гнев замкнет мне наконец уста.

Дон Родриго.

Прощай! Я побреду по жизни, смерти равной,

Пока не сможешь ты прервать мой путь бесславный.

Химена.

А я клянусь тебе лишь для того отмстить,

Чтоб свой последний вздох с тобою испустить.

Прощай, и выскользни за дверь для всех незримо.

Эльвира.

Химена! Хоть судьба порой неумолима…

Химена.

Ты докучаешь мне. Оставь меня одну —

Пускай смутит мой плач лишь мрак и тишину.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Диего один.

Дон Диего.

Блаженство полное нам, смертным, недоступно:

Есть примесь горечи в удаче самой крупной,

И на счастливейший для человека день

Каких-нибудь забот всегда ложится тень.

Она и надо мной нависла, как над всеми:

Я радуюсь и полн тревоги в то же время.

Я видел труп врага, которым оскорблен,

И не могу найти того, кем отомщен.

Напрасно, несмотря на дряхлость и бессилье,

Я победителя ищу по всей Севилье

И, чуть не падая под ношей долгих лет,

Пытаюсь высмотреть его пропавший след.

Скрывает от меня героя ночь немая,

И не Родриго я — лишь призрак обни-

маю

И, обманувшись вновь, дрожу еще сильней

От страха, что селит любовь в душе моей.

Бежал мой сын иль нет — пока еще неясно,

А графский дом силен, друзья его опасны.

Мрачит мне разум мысль о том, как много их.

Родриго иль в тюрьме, иль нет его в живых…

О небо! Суждено мне снова ошибиться,

Иль довелось-таки моей надежде сбыться?

Да, он! Сомненья нет, мне внял творец небес.

Рассеялась тоска, и прежний страх исчез.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Диего, дон Родриго.

Дон Диего.

Сын! Наконец-то я с тобой дождался встречи!

Дон Родриго.

Увы!

Дон Диего.

Не отравляй мне радость скорбной речью

И дай родителю хвалу тебе воздать.

Тому, каким я был, ты доблестью под стать.

В тебе воскрес мой дух, и ты своим бесстрашьем

Сегодня сделал честь отважным предкам нашим.

Ты плоть от плоти их, ты впрямь наследник мой:

Твой первый же удар сравнял тебя со мной,

И юношей стяжал ты в тяжком испытанье

Ту славу, что обрел я за свои деянья.

Опора дней моих, что небом мне дана!

Коснись седин, чья честь тобою спа-

сена,

Коснись лобзанием щеки отца, с которой

Своею смелостью ты смыл пятно позора.

Дон Родриго.

Отец! Заслуга здесь лишь ваша — не моя:

Произведен на свет и вскормлен вами я.

Я счастлив, что, пустив оружье в ход впервые,

У вас, кем был рожден, исторг хвалы такие.

Но если рады вы, не ставьте мне в вину,

Что выход в свой черед я чувствам дать дерзну.

Излить отчаянье дозвольте мне свободно.

Довольно вам меня увещевать бесплодно.

Не сожалею я, что в бой вступил с врагом,

Но мне верните то, что потерял я в

нем.

Чтоб отомстить за вас, порвать пришлось мне с милой.

Меня моей души рука моя лишила.

Довольно слов! У вас я больше не в долгу.

Сполна я отдал вам все, что отдать могу.

Дон Диего.

Не умаляй своей победы благостыню.

Жизнь мной тебе дана, ты честь вернул мне ныне,

А так как честь — не жизнь — всего дороже нам,

Я у тебя, мой сын, в долгу теперь и сам.

Запомни: права нет на слабость у мужчины.

Возлюбленных не раз меняют, честь — едина.

Любовью тешатся, честь надо охранять.

Дон Родриго.

Что говорите вы?

Дон Диего.

То, что ты должен знать.

Дон Родриго.

Вот и возмездие за месть отцу Химены:

Меня родной отец толкает на измену!

Нет, нераздельна честь: предать любовь свою

Не лучше, чем сробеть пред недругом в бою.

Не наносите ж мне напрасно оскорбленье,

Надеясь, что свершу я клятвопреступленье.

Обета данного ненарушима связь:

Я соблюду его, и всех надежд лишась.

Химену ни вернуть, ни бросить не могу я

И призываю смерть, забвения взыскуя.

Дон Диего.

Смерть призывать тебе еще не вышел срок:

Необходим стране и трону твой клинок.

Флот мавров по реке, как стало здесь известно,

Плывет, чтоб город взять и выжечь край окрестный.

Быть может, через час уже нагрянет враг —

Благоприятствуют ему прилив и мрак.

В растерянности двор, в смятении столица.

Везде стенанья, крик, заплаканные лица.

По счастью, в этот миг, когда беда грядет,

Явились в дом ко мне друзья, числом пятьсот:

Узнав про мой позор, пришли они без зова

Сказать, что за меня отмстить мечом готовы.

Ты их опередил, но больше им с руки

В крови магометан омыть свои клинки.

Веди же смельчаков, куда вас долг направил.

Желает весь отряд, чтоб ты его возглавил.

Ты хочешь умереть? Вот в сечу и ступай —

Прекрасней смерти нет, чем пасть за отчий край.

Коль случай дан к тому судьбою благосклонной,

Погибни, чтоб спасти носителя короны,

Но лучше лаврами увенчанный вернись

И выше, чем, отмстив, вознесся, вознесись.

Бесстрашьем заслужи у короля прощенье,

Химену же принудь оставить мысль о мщенье.

Приди с победою — тебе лишь этот путь

Позволит, может быть, любимую вернуть.

Но время расточать сейчас нельзя на

речи.

К походу снарядись, лети врагу навстречу,

Сразись и докажи монарху своему,

Что графа заменить сумеешь ты ему.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Химена, Эльвира.

Химена.

Эльвира! Эта весть не выдумка пустая?

Эльвира.

Нет, должное его деяньям воздавая,
Все в городе, где страх пред недругом исчез,
Отважного бойца возносят до небес.
Позором кончилась для мавров их затея:
К нам быстро вторгся враг, бежал еще быстрее.
Победа полная и два царя в плену —
Вот как воздали мы тем, кто разжег войну.
Наш вождь не знал преград и всюду ужас сеял.

Химена.

Как! Эти чудеса Родриго сам содеял?

Эльвира.

Да, сам, и в том числе славнейшее из них —

Сломил в бою и в плен взял двух царей чужих.

Химена.

Но как же разузнать все это ты сумела?

Эльвира.

Нет места, где б хвала Родриго не гремела.

Его боготворит признательный народ

И нашим ангелом-хранителем зовет.

Химена.

А что же государь? Доволен иль гневится?

Эльвира.

Родриго не дерзнул к нему еще явиться,

Но дон Диего им отправлен поутру

Венчанных пленников доставить ко двору,

И молит короля ликующий родитель,

Чтоб удостоен был приема победитель.

Химена.

А он не ранен?

Эльвира.

Он? Насколько знаю — нет.

И не бледней: о нем тревожиться не след.

Химена.

Не след слабеть душой и забывать о чести.

Тревожусь я о нем, но более — о мести.

Не заглушить молве, трубящей про него,

Зов крови, совести и долга моего.

Молчи, любовь! Звучать здесь надо гневным стонам.

Он двух царей сломил, но мой отец сражен им,

И первым следствием его геройских дел

Стал траур — знак того, сколь горек мой удел.

Какой хвалой народ Родриго ни венчает,

А мой наряд его в злодействе уличает.

Убранство мрачное: покровы, креп, вуаль, —

В вас облекла меня его оружья сталь!

Напоминайте же мне о моем несчастье,

Чтоб мой дочерний долг возобладал над страстью:

Коль с ним в борьбе начнет она одолевать,

Пусть мужества ему ваш вид придаст опять

И от него, как щит, ее удар отводит.

Эльвира.

Умерь, Химена, пыл — сюда инфанта входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, инфанта и Леонор.

Инфанта.

Пришла я не затем, чтоб скорбь твою целить,
А чтоб свой горький вздох с твоим рыданьем слить.

Химена.

Нет, радость общую вы лучше разделите
И небо за нее с восторгом восхвалите.
Крушиться в день такой пристало только мне.
Родриго смёл врага, грозившего стране,
Опасность устранил, нависшую над вами,
И вправе исходить теперь лишь я слезами.
Он спас отечество, он королю помог,
И меч его на скорбь меня одну обрек.

Инфанта.

Но то, что он свершил, поистине чудесно.

Химена.

Мне, к горю моему, о том уже известно.

Молва везде шумит, сколь взыскан славой он,

Хоть столь же и в любви удачей обделен.

Инфанта.

Но почему ты ей с досадой внемлешь явной?

Ведь этот юный Марс был мил тебе недавно!

Тебе все помыслы и чувства посвятил.

Кто похвалил его, тот выбор твой почтил.

Химена.

Да, расточаются хвалы ему в избытке,

Но для меня равна из них любая пытке:

Чем выше он ценим, тем боль острей моя,

Затем что мне ясней, кого теряю я.

О, что мучительней быть для влюбленной может!

Он страсть мою к нему своею славой множит,

Но над любовью долг верх все-таки возьмет,

И ждет, ей вопреки, Родриго эшафот.

Инфанта.

Вчера возвысилась ты сильно в общем мненье,

В борьбе с самой собой явив такое рвенье,

Что каждый потрясен был доблестью твоей

И сострадал тебе в любви душою всей.

Но дружеский совет я все ж подать желаю.

Химена.

Себя бы, вам не вняв, преступницей сочла я.

Инфанта.

Иное, чем вчера, сегодня долг велит.

Родриго с этих пор для нас оплот и щит,

Народа нашего надежда и отрада,

Бич мавров и родной Кастилии ограда.

Согласен сам король с молвой народной в том,

Что твой отец воскрес в Родриго молодом.

Короче, коль его погубишь ты из мести,

Все государство с ним погибнуть может вместе.

Ужели для того, чтоб за отца отмстить,

Ты дашь отечество врагам поработить?

Зачем же воздвигать на нас гоненье это,

Коль пред тобой вины отнюдь за нами нету?

Конечно, не должна идти ты под венец

С тем, чьим оружием заколот твой отец, —

Тебя я осужу, и все тебя осудят,

Лиши его любви, но пусть он жив пребудет.

Химена.

Не подобает мне быть доброю к нему.

Ни меры, ни границ нет гневу моему.

Пусть мы досель любовь друг к другу с ним питаем,

Пусть он монархом чтим, народом обожаем,

Пусть лучшие бойцы под стяг его сошлись, —

Над лаврами его взращу я кипарис.{48}

Инфанта.

Под силу лишь одним сердцам неколебимым,

Отмщая за отца, пожертвовать любимым,

Но благо общее над честью родовой

Всегда поставит тот, кто впрямь вы-

{48} Комментарии: 2.48

К стр. 276

...взращу я кипарис. — Кипарис был символом траура.

сок душой.

Довольно, коль тебя навек утратит милый:

Разрыв с тобой ему стократ страшней могилы.

От мести откажись, отечество любя!

Ведь и король, поверь, не встанет за тебя.

Химена.

Пусть так, но все равно мой долг — взывать о мщенье.

Инфанта.

Прощай, но взвесь пред тем, как бросить обвиненье,

Не гибельна ль тобой избранная стезя.

Химена.

Раз мой отец убит, мне выбирать нельзя.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Фердинанд, дон Диего, дон Ариас, дон Родри-

го, дон Санчо.

Дон Фердинанд.

Наследник доблестный прославленного рода,

Преемник тех, чей меч еще в былые годы

Наш край от недругов отважно охранял

И с кем твой первый бой тебя уже сравнял!

Не сетуй, что тебе достойно не отплатят,

Всей власти короля для этого не хватит.

Врага, грозившего отечеству, разбить,

Своей рукой в моей мой скипетр укрепить

И учинить разгром коварным маврам ране,

Чем отдал я приказ изготовляться к брани,

Такие подвиги столь громки, что за них

Вознаградить тебя превыше сил моих.

Но это сделано плененными царями,

Что Сидом нарекли тебя в беседе с нами,

А по-арабски Сид — владыка, господин.

Вот этим именем впредь и зовись один.

Будь Сидом, чтоб звучал твой титул как «победа»,

Чтоб в трепет приводил Гранаду и Толедо,

Чтоб возвещал всем тем, кем чтима власть моя,

Что ты свершил и сколь тебе обязан я.

Дон Родриго.

Простите, коль меня смущение объяло,

Но так отозвались вы о заслуге малой,

Что краской, государь, лицо мне залила

Не в меру лестная и щедрая хвала.

Как каждый подданный, всегда я жил в сознанье

Того, что кровь моя есть ваше достоянье

И что, отдав за вас ее в бою с врагом,

Я только выполню свой долг пред королем.

Дон Фердинанд.

Не всякий, кто моим считается слугою,

Являет, мне служа, бесстрашие такое,

И должен человек быть беззаветно смел,

Чтоб столь неслыханный успех стяжать в удел.

Итак, хвалам внимай без лишнего стесненья

И расскажи о том, как выиграл сраженье.

Дон Родриго.

Известно вам, что в миг, когда враждебный флот

Поверг в смятение и трепет весь народ,

Друзья пришли к отцу, и я, хоть был в печали,

Позволил, чтоб вождем они меня из-

брали.

Простите, государь, мне этот дерзкий шаг.

Согласья я спросить у вас не мог никак:

Опасность все росла, отряд готов был к бою,

А во дворец идя, я рисковал собою

И потому решил, что голову свою,

Уж коль ее терять, сложу за вас в бою.

Дон Фердинанд.

Хотя и поспешил ты с местью незаконной,

Ходатай за тебя — наш край, тобой спасенный.

Ты мной прощен и верь, что для Химены впредь

Могу я сделать лишь одно — ее жалеть.

Но продолжай.

Дон Родриго.

Отряд повел я беглым шагом.

Горя отвагой, шло пятьсот бойцов за

стягом.

Когда ж достиг реки я с ними через час,

Число их возросло, по крайности, в шесть раз:

Увидев, сколь они исполнены бесстрашьем,

Кто оробел — и тот примкнул к шеренгам нашим.

Две трети воинства я спрятал на судах,

Что там у берега качались на волнах;

Все ж прочие — а к ним подмога поспевала

И нетерпение в них пыл подогревало —

Безмолвно залегли и мавров стали ждать,

Погожей полночи вдыхая благодать.

Чтоб обмануть врага спокойствием притворным,

Голов не поднимать велел я и дозорным,

Стараясь делать вид, что был приказ любой,

Который отдал я, от вас получен мной.

Но вот при свете звезд увидели в ночи мы,

Что тридцать кораблей приливом к нам гонимы

И что сейчас туда, где наши боя ждут,

И море и враги вплотную подойдут.

Мы недругам даем пройти, их не тревожа:

Не видно ни души в порту, на стенах — тоже,

И мавры, тишиной введенные в обман,

Считают, что врасплох застигли христиан,

Бросают якоря, галеры покидают

И, на берег сойдя, в засаду попадают.

Тут вскакиваем мы, и, смерть суля врагам,

Тысячеустый клич взлетает к небесам.

С судов нам вторят те, кто мной попрятан в трюмы,

Теряют голову неверные от шума,

Не кончив высадки; кидаются назад

И бой проигранным, хоть он не начат, мнят.

Шли на грабеж они — и на войну попали.

К реке и по реке мы их тесним все дале,

Их кровь ручьями льем и трупы громоздим,

Сомкнуть свои ряды не позволяя им.

Но беглецов цари остановить сумели,

И африканцы страх в себе преодолели:

Так стыдно стало им без боя погибать,

Что смелость эта мысль вдохнула в них опять.

Кривые сабли их во тьме свистят и блещут.

Кровь их и наша кровь одним потоком хлещет.

На вражеских судах, на суше, на воде —

Везде идет резня и смерть царит везде.

О, сколько образцов отваги беззавет-

ной

От славы и молвы скрыл сумрак предрассветный,

Где, различая лишь свой собственный клинок,

Попал он в цель иль нет — никто решить не мог!

Я всюду поспевать, всех ободрить старался,

Шел впереди одних, с другими рядом дрался,

Прибывших вновь равнял, в сражение вводил

И до восхода сам не знал, кто победил.

Но вот разгром врагу денница возвестила.

Увидев, что спешат все новые к нам силы,

Арабы поняли: не взять им верх в бою,

И пыл сменила в них боязнь за жизнь свою.

К судам они бегут в смятении великом,

Канаты прочные с истошным рубят

криком

И так торопятся отплыть, что смертный страх

Подумать не дает им о своих царях.

Забыли долг они, его не внемлют зову.

Прилив принес их к нам, отлив уносит снова,

Меж тем как два царя и горстка смельчаков,

Врубясь в наш строй и там попав в кольцо клинков,

Взять с нас за жизнь свою побольше цену тщатся.

Напрасно силюсь я уговорить их сдаться —

В ответ лишь лязг мечей да звон щитов стальных.

Но видя, что упал последний воин их,

Цари бессмысленно упорствовать кончают,

Зовут вождя врагов и сабли мне вручают.

Шлю к вам я пленников, уводит их конвой,

И за отсутствием бойцов стихает бой.

Так доблесть ваших слуг, чья кровь за вас пролита...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и дон Алонсо.

Дон Алонсо.

Химена, государь, пришла просить защиты.

Дон Фердинанд.

Долг не ко времени! Докучливая весть!

(Дону Родриго.)

Ступай! Не следует вам с ней встречаться здесь;

Затем и вынужден тебя не чтить, а гнать я,

Но на прощание приди в мои объятья.

Дон Родриго уходит.

Дон Диего.

Он люб ей, хоть она ему по долгу враг.

Дон Фердинанд.

Слыхал, но погляжу, так это иль не так.

Примите скорбный вид.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Химена.

Дон Фердинанд.

Возрадуйтесь, Химена:

Чего желали вы, то и сбылось мгновенно.

От наших недругов страну Родриго спас,

Но от полученных им ран при мне угас.

Восславьте небеса: они за вас воздали.

(Дону Диего.)

Как щеки у нее смертельно бледны стали!

Дон Диего.

Ей дурно, государь, а это знак того,

Что любит не слабей, чем встарь, она его.

К ней в душу заглянуть дало вам горе

случай,

И убедились вы, сколь страсть Химены жгуча.

Химена.

Родриго мертв?

Дон Фердинанд.

Нет, нет, он цел и невредим.

Ты обожаема все так же пылко им,

И болью пусть тебя не полнит сострада-нье.

Химена.

Не только боль лишать способна нас сознанья:

Избыток радости порою так велик,

Что можем мы сомлеть и от нее на миг.

Дон Фердинанд.

Ты не разубедишь нас этими речами.

Как сильно страждешь ты, мы наблю-дали сами.

Химена.

Что ж, множьте бед моих число еще одной.

Да, от страданий был здесь обморок со мной.

Перенести удар мне недостало силы:

Смерть от обидчика возмездье отводила —

Ведь если б в битве он нашел себе конец,

Неотомщенным бы остался мой отец.

Умри Родриго так, мне было бы обидно.

Он должен жизнь отдать не славно, но постыдно,

Не заслужив венок, но претерпев позор,

Не встретив грудью меч, но легши под топор,

Не пав в бою, но казнь приняв за преступленье

И унося с собой всеобщее презренье.

Почетно голову за край родной сложить:

Кто умер за него, тот вечно будет жить.

Меня отнюдь успех Родриго не смущает:

Стране вернул он мир, мне — жертву возвращает,

Которая теперь, когда нет равных ей

И лавры обвились вокруг ее кудрей,

Достойна, чтоб ее, овеянную славой,

Отцовским манам[{49}] *я заклать имела право...*

Нет, праздной и пустой надеждой тешусь я.

Родриго не страшна ничуть вражда моя.

Чем слезы сироты беспомощной опасны

Тому, кто силу взял в стране, что вам подвластна?

Все встанут за него, коль скоро вам он мил.

Он сломит и меня, как недругов сломил,

{49} Комментарии: 2.49

К стр. 282

Маны — души умерших, которым приносились жертвы и которые считались покровителями дома.

И с захлебнувшимся их кровью правосудьем

Мы лишь трофеями в его триумфе будем,

И силой повлечет меня, презрев закон,

Меж пленных двух царей за колесницей он.

Дон Фердинанд.

Чрезмерен, дочь моя, порыв твоей досады.

Тому, кто суд вершит, все трезво взвесить надо.

Да, твой отец убит, но по своей вине,

И приговор смягчить велит законность мне.

Не преждевременно корить должна меня ты,

А помыслы свои проверить непредвзято:

Родриго в них царит. Так будь же рада знать,

Что у тебя его не склонен я отнять.

Химена.

Его? Кого вовек не перестану клясть я?

Врага, лишившего меня отца и счастья?

Не велика ж цена моим мольбам у вас,

Коль рада быть должна я, получив отказ!

Но если глухи вы к слезам, что мной пролиты,

Дозвольте мне призвать оружье на защиту.

Родриго на меня клинком навлек беду,

И счеты в свой черед я с ним клинком сведу.

Всем вашим рыцарям я вот что предлагаю:

Собою заплачу за голову врага я,

И тот, от чьей руки обидчик мой падет,

Незамедлительно со мной к венцу пойдет.

Пусть, государь, дадут повсюду знать об этом.

Дон Фердинанд.

Обычай сей, хоть он восходит к давним летам,

Не раз вместо того, чтобы карать вину,

Лишал отважнейших защитников страну,

А иногда и так из-за него бывало,

Что зло над правотой, увы, торжествовало.

Нет, вызов твой принять Родриго я не дам:

Им рисковать нельзя — он слишком нужен нам,

И смыта, в чем бы он ни провинился ране,

С него вина врагом, бежавшим с поля брани.

Дон Диего.

Ужель обычаем, святым для всех дотоль,

В угоду одному поступится король?

Что скажет наш народ! Как возликует зависть,

Коль, с вашей помощью от вызова избавясь,

Не явится мой сын туда, где лечь костьми

Считается за честь меж храбрыми людьми!

Подобной милостью не сможет он гордиться.

Нет, пусть своих побед и впредь он не стыдится.

Был смельчаком мой сын, карая наглеца,

И должен смельчаком остаться до конца.

Дон Фердинанд.

Коль так, пусть бьется он и верх одержит в схватке.

Но одному врагу вослед придут десятки —

Награда такова, что будут вперебой

Все наши рыцари с Родриго рваться в бой.

Несправедливости такой я не дозволю,

И лишь с одним из них Родриго выйдет в поле.

Химена, выбирай, но речь со мной потом

Уже не заводи о выборе другом.

Дон Диего.

К чему запрет? Он лишь для трусов оправданье.

С Родриго драться нет ни у кого желанья.

Какой боец дерзнет тягаться в поле с ним,

Сумевшим доказать, что он непобедим?

Кто так сердит на жизнь, что рад расстаться с нею?

Кто этот удалец иль сумасброд, вернее?

Дон Санчо.

Пусть поле очертят: здесь есть такой боец.

Я — этот сумасброд, вернее, удалец.

(Химене.)

Прошу, как милости: мне биться дайте право

И не забудьте, в чем заверили меня вы.

Дон Фердинанд.

Химена, отвечай: согласна ты иль нет.

Химена.

Сдержу я слово.

Дон Фердинанд.

Бой — заутра, чуть рассвет.

Дон Диего.

Молю вас, государь: не надо промедленья.

Тот, кто душою смел, всегда готов к сраженью.

Дон Фердинанд.

Как! Битву выиграть и браться вновь за меч?

Дон Диего.

Уже набрался сил мой сын, держа к вам речь.

Дон Фердинанд.

И все ж пусть отдохнет хоть час пред схваткой новой.

Но, чтоб примера в ней не видели дурного

И чтобы показать, что в тягость, как досель,

Мне беззаконная кровавая дуэль,

Присутствием я сам ее не удостою.

(Дону Ариасу.)

Вы к поединщикам назначены судьею.

Пусть бьются, как велит им рыцарская честь.

А победителя прошу ко мне привесть.

Кто б ни был он, мое решенье неизменно:

В награду за труды получит он Химену,

И будет стать должна она ему женой.

Химена.

Суровы, государь, чрезмерно вы со мной.

Дон Фердинанд.

Зачем роптать, зачем хитрить с собой

напрасно?

Ведь ты Родриговой победы жаждешь страстно.

Не спорь же с волею монарха своего.

Кто б верх ни одержал — ты выйдешь за него.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Родриго, Химена.

Химена.

Родриго! Здесь — и днем! Да ты в своем уме ли?
Честь пощади мою и удались отселе.

Дон Родриго.

Я должен умереть и к вам в предсмертный час
Явился, чтоб сказать «прости» в последний раз
И чтоб в незыблемой привязанности к милой
Поклясться до того, как буду взят могилой.

Химена.

Ты должен умереть?

Дон Родриго.

И рад, что жизнь отдам,

Коль скоро это месть свершить поможет вам.

Химена.

Ты должен умереть, ты, вечный победитель?

Ужель дон Санчо впрямь столь опытный воитель?

Давно ль он так силен, а ты так слаб душой,

Что мнишь проигранным не начатый с ним бой?

Иль этой схваткой страх и на того навеян,

Кем мой отец убит и вражий флот рассеян?

Выходит, и тебе знаком порою он?

Дон Родриго.

На казнь, а не на бой идти я обречен.

Раз милая моя желает мне кончины,

Жизнь защищать свою нет у меня причины.

Я, как и прежде, смел, но сердце не ве-

лит

Мне то оберегать, что в вас вражду селит.

Последней для меня уж эта ночь была бы,

Пытайся лишь со мной расправиться арабы;

Но, за отечество и государя встав,

Я изменил бы им, взять верх неверным дав,

А мне не столь тяжел груз этой жизни бренной,

Чтоб сбрасывать его такой ценой презренной.

Теперь не надо мне страну оборонять.

Я вами осужден и казнь готов принять,

И, кто бы в палачи назначен ни был вами

(Раз недостоин я, чтоб им вы стали сами),

Не вздумаю удар смертельный отвратить:

Кто поднял меч за вас, того я должен чтить.

Мысль, что меня не он, а вы разите сталью,

Коль скоро к ней ему прибегнуть приказали,

Отрадна будет мне, и я не отобью

Удар, что милою направлен в грудь мою.

Химена.

Уж если горький долг, чье тягостное иго

Меня принудило к вражде с тобой, Родриго,

Велит, чтоб до конца ты верность соблюдал

И моему бойцу с тобою сладить дал,

То все же в толк возьми, слепец, размыслив здраво,

Что ты пожертвуешь не только жизнью — славой:

Как ею подвиг твой сейчас ни озарен,

Узнав, что ты убит, все скажут: «Побежден».

Дороже честь тебе моей любви три-

краты,

Коль кровью моего отца покрыл себя ты,

Коль пренебрег, стремясь ко мне душою всей,

Надеждой сладостной назвать меня своей,

И вдруг ты честь попрать столь явно умудрился,

Что с поражением до боя примирился!

Как сердцем охладеть так быстро ты сумел?

Где смелость растерял и был ли вправду смел?

Иль оскорблять горазд ты лишь меня, коль скоро

С другими держишься без лишнего задора?

Не дважды ли убьешь отца ты моего,

Дав победить себя, хоть победил его?

Нет, смерти не ища, пока мы сводим счеты,

Дерись за честь, коль жить нет у тебя охоты.

Дон Родриго.

Мне, кем повержен граф и в битве сломлен враг,

Нет нужды убеждать людей, что я смельчак.

Их в этом уверять не склонен я бесцельно:

Всем ведомо и так, что храбр я беспредельно,

Что может все мой меч и что в подлунной есть

Одно, чем никогда не поступлюсь я, — честь.

Нет, как бы обо мне вы строго ни судили,

Я славы не лишусь, когда шагну к могиле

С таким бесстрашием, что победитель мой

Не сможет хвастаться победой надо мной,

И всякий скажет лишь: «Он обожал Химену,

И, так как для него жизнь потеряла

цену,

Когда их с милою врагами сделал рок,

На пораженье он себя в бою обрек,

Считая, что свершит пред нею преступленье,

Коль помешает ей в осуществленье мщенья.

Пришлось ему за честь любовью заплатить

И пасть, дабы могла любимая отмстить:

Ведь он ценил, как все, что с ним отвагой схожи,

Дороже страсти честь и жизни страсть дороже».

Вот почему конец, что схватка мне сулит,

Умножит честь мою, отнюдь не умалит,

И докажу я, смерть приняв по доброй воле,

Что милой не служил никто верней дотоле.

Химена.

Коль так не терпится тебе в могилу лечь,

Что ты ни жизнь, ни честь не хочешь поберечь,

То вспомни, как с тобой друг в друга влюблены мы,

И бейся, чтоб не стал мне мужем нелюбимый.

Дерись, чтоб отдана тому я не была,

Кто столь же мерзок мне, сколь я ему мила.

Дам и другой совет: ступай на поле боя,

Чтоб смолк мой долг, а я склонилась пред судьбою,

И, если дорога тебе доныне я,

Восторжествуй в борьбе, где цель — рука моя.

Прощай! Краснею я за то, что насказала.

(Уходит.)

Дон Родриго.

Не страшен мне теперь грознейший враг нимало.

Сюда, Кастилия, Наварра и Леон,

Все, кто в Испании отвагой наделен!

Вступите разом в бой со мной одним, чьи силы

Так чудодейственно надежда воскресила,

И вы, пусть даже вам потерян будет счет,

Не справитесь вовек с тем, в ком она живет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Инфанта одна.

Инфанта.

Считаться ль мне с тобой, мой сан, гнушаясь страстью

И видя преступленье в ней?

Иль покориться вам, любовь и жажда счастья,

На свой природный долг восстав душою

всей?

Принцесса бедная, под чьей

Тебе отрадней будет властью?

Сравнял тебя со мной, Родриго, блеск побед,

И все же не король родил тебя на свет.

Жестокая судьба, зачем мои желанья

На честь мою идут войной

И причиняет лишь жестокие страданья

Мне столь оправданный и славный выбор мой?

О небеса, какой ценой

Я заплачу за колебанья,

Из-за которых я не знаю, как мне быть —

Открыться милому иль в сердце страсть убить!

Нет, слишком я робка, коль мыслю так смущенно

О чувстве, что в душе таю.

Пусть предназначена я лишь монарху в жены —

Родриго можно мне вручить судьбу свою:

Кто двух царей сломил в бою,

Тот удостоится короны,

И Сид, прозвание, которым он почтен,

Доказывает всем, что трон ему суж-ден.

Меня достоин он, но я сама не в пору

Химене отдала его,

И так досель влечет друг к другу их, что скоро

Она про смерть отца забудет своего,

И не сулят мне ничего

Ни страсть моя, ни их раздоры:

Ко мне суров, а к ним столь благоскло-нен рок,

Что даже он любовь в них угасить не мог.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Инфанта, Леонор.

Инфанта.

Что надобно тебе?

Леонор.

Сказать вам, сколь счастлива
Я тем, что обрести душевный мир смогли вы.

Инфанта.

Как я могла избыть смятение свое?

Леонор.

Живет надеждой страсть и чахнет без нее,
А стало быть, любовь к Родриго в вас остынет.
Вы знаете, что им Химены вызов принят.
Падет ли он, пойти ль они к венцу должны —
Надежда умерла, и вы исцелены.

Инфанта.

Ничуть!

Леонор.

Ужель у вас остались упованья?

Инфанта.

Да, все до одного — и не без основанья.

Чем бой ни кончится, последствиям его

Мне воспрепятствовать не стоит ничего:

Любовь, которая меня так злобно мучит,

Влюбленных тысячам уловок разных учит.

Леонор.

Что в силах сделать вы, когда, вам на беду,

В них даже смерть отца не разожгла вражду?

Ведь поведение Химены убеждает,

Что ненависть уже в ней не возобладает.

Дозволили ей бой с обидчиком — и вот

В защитники себе юнца она берет,

Ей руку помощи подать не призывая

Тех, чья известна всем отвага боевая.

Им, многоопытным, дон Санчо предпочтен,

Затем что в первый раз дерется нынче он

И состязание не для него такое.

Его беспомощность — залог ее покоя.

Легко понять, что бой неравный нужен ей,

Чтоб узы долга снял с нее он поскорей,

Без риска лишнего принес Родриго славу

И примириться с ним влюбленной дал по праву.

Инфанта.

Я это сознаю, но страсть смирить нет сил.

Мне, как Химене, он, неустрашимый, мил.

Что ж делать женщине, к несчастью, им плененной?

Леонор.

Припомнить, что венчан родитель ваш короной.

Не может подданный быть парою для вас.

Инфанта.

Не к подданному я лечу мечтой сейчас,
Не к нашему слуге, не к рыцарю простому.
Родриго для меня зовется по-иному:
Он — тот, чьим подвигам везде хвала гремит,
Повергший двух царей непобедимый Сид.
Все ж я себя смирю — не убоясь злословья,
Но восхищенная столь верною любовью.
Пусть даже скиптр ему — в угоду мне — вручат,
Того, что отдала, я не возьму назад;
И так как победит он в схватке несомненно,
Его из рук моих получит вновь Химена,
А ты, свидетель мук, что втайне я терплю,
Увидишь, вправду ль я любовь в себе сломлю.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Химена, Эльвира.

Химена.

Как стражду я, в каком, Эльвира, я унынье!
Лишилась всех надежд, всего боюсь отныне
И, если небеса о чем-нибудь прошу,
В своем желании раскаяться спешу.
Я, двух соперников вооружив для брани,
На горе обрекла сама себя заране:
Мне будет стоить смерть любого храбреца
Иль жизни милого, иль мести за отца.

Эльвира.

В обоих случаях твой жребий облегчится —
Ты сможешь иль отмстить, иль с милым примириться,
И что тебе судьбой ни суждено, ты все ж

Поддержишь честь свою иль мужа обретешь.

Химена.

В ком? В недруге, что люб, иль друге, мне постылом?

В том, кто расправился с моим отцом иль милым?

В обоих случаях должна я стать женой

Тому, чей меч багрян от крови, мне родной.

В обоих случаях врагом сочту его я.

Мне слаще умереть, чем ждать исхода боя.

Любовь и месть, чей яд сжигает сердце мне!

Не в силах я купить вас по такой цене,

И ты, судьба, меня обрекшая на беды!

Сегодня никому не приноси победы,

Чтоб из двоих никто не одолел врага.

Эльвира.

Не чересчур ли ты к самой себе строга?

Опять идти искать защиты у закона,

Вражду выказывать Родриго непреклонно

И гибели ему желать, его любя, —

Не пытка ль новая все это для тебя?

Пусть лучше лавры он пожнет на поле чести,

Пусть замолчать в тебе принудит голос мести,

По праву сильного твою печаль смирит

И быть счастливой с ним король тебе велит.

Химена.

Ты мнишь, он победит, и я свой гнев умерю?

Нет, слишком свят мой долг и велика потеря,

Чтоб преклонилась я, тайком судьбу хваля,

Пред правом сильного и волей короля.

Дон Санчо слаб, и пасть он может несомненно,

Но Сиду верх не взять над гордостью

Химены.

Хоть сам монарх ему защитой быть готов,

Восставлю на него я тысячи врагов.

Эльвира.

Смотри, кичливая, чтоб небо в возмущенье

И впрямь не помогло тебе свершить отмщенье!

Как! С честью можешь ты теперь про месть забыть

И все же силишься Родриго погубить?

Понятно ли тебе, чем это все чревато?

Кончиной милого не воскресишь отца ты.

Ужель ты не сыта несчастием одним,

Что хочешь новое накликать вслед за ним?

Не стоишь ты, чью спесь упрямство отягчает,

Того, кого судьба тебе предназначает,

И небо нынче смерть пошлет ему в

удел,

Чтоб поделом тобой дон Санчо завладел.

Химена.

Эльвира, перестань! С меня моих терзаний

Довольно без твоих зловещих предсказаний.

Я в жены не склонна достаться никому,

Удачи же хочу Родриго одному,

И дело тут не в том, что нас друг к другу тянет.

Нет, мне, коль он падет, дон Санчо мужем станет.

Страх перед браком с ним и движет мной сейчас…

Что вижу я?.. Всему конец на этот раз.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и дон Санчо.

Дон Санчо.

Слагая этот меч у ваших ног смирен-

но...

Химена.

Хоть он еще в крови, что для меня священна?

Да как же ты посмел прийти сюда, злодей,

Отнявший у меня отраду жизни всей?

Сорви с себя, любовь, притворную личину!

Раз мой отец отмщен, таиться нет причины.

Бой этот честь мою навеки оградил,

Надежды растоптал и страсть освободил.

Дон Санчо.

Когда спокойствие вы снова...

Химена.

Смолкни, дерзкий!

Героя милого убийца богомерзкий,

Изменою его ты одолел в борьбе:

С таким бойцом, как он, не справиться тебе.

Прочь! Мне лишь вред твоя услуга причинила.

Тщась за меня отмстить, меня ты свел в могилу.

Дон Санчо.

Когда б вы вняли мне и гнев ваш не прервал...

Химена.

Ты ждал, что я внемлю твоим речам, бахвал,

И ты распишешь мне так, как тебе хотелось,

Несчастье с ним, мой грех и собственную смелость?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и дон Фердинанд, дон Диего, дон Ариас и дон Алонсо.

Химена.

Дозвольте, государь, мне вам признаться в том,

Что силилась от вас я скрыть с таким трудом.

Вы знали — я люблю, но, мстя за кровь отцову,

Мне милой головой пожертвовать готова.

Вы сами видели, равно как весь ваш двор,

Что чести я служу любви наперекор.

Но вот Родриго пал, и враг его заклятый

Стал только женщиной, отчаяньем объятой.

Как раньше за отца велел мне долг воздать,

Так о возлюбленном велит теперь рыдать.

Дон Санчо погубил меня, мне помогая,

И наградить его своей рукой должна я!

Коль жалость не чужда и королям подчас,

Молю вас отменить жестокий ваш приказ.

Пусть погубитель мой себе в вознагражденье

Возьмет мое добро, но даст мне поз-

воленье

Уйти в обитель, где могла б я до конца

Оплакивать в тиши Родриго и отца.

Дон Диего.

Вот, государь, теперь вы и дождались мига,

Когда призналась вам она в любви к Родриго.

Дон Фердинанд.

Не плачь, Химена: жив и здрав любимый твой.

Дон Санчо описал тебе неверно бой.

Дон Санчо.

Нет, государь, ее волненье с толку сбило,

Когда поведать ей хотел я, как все было.

«Не бойся, — молвил мне ее отважный друг,

Меч выбив из моих неискушенных рук. —

Уж лучше бой вничью закончить мне

придется,

Чем я сражу того, кто за Химену бьется.

Но долг мой к королю зовет меня отсель,

А ты ей расскажи, чем кончилась дуэль,

И отнеси твой меч, что дарит победитель».

Когда же к ней я с ним явился, повелитель,

Она в неистовство пришла, его узрев,

И выдать страсть свою ее заставил гнев:

Решив, что милый пал, она так убивалась,

Что слово мне сказать — и то не удавалось.

Но я хоть побежден, а счастлив все равно.

Пусть мне с Хименой в брак вступить не суждено,

Я даже рад своей потере непомерной,

Раз торжество она сулит любви столь

верной.

Дон Фердинанд.

Химена! Не скрывай высоких чувств своих,

Мне силясь доказать, что не питаешь их.

Твоя похвальная стыдливость неуместна:

На чести нет пятна, коль долг исполнен честно.

Родитель твой отмщен уж тем, что за него

Пыталась ты сгубить Родриго своего.

Но небо от второй тебя спасло утраты,

И думать о себе — не об отце должна ты.

Не спорь же с королем, коль скоро он решил,

Что ты пойдешь к венцу с тем, кто тебе так мил.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и дон Родриго, инфанта и Леонор.

Инфанта.

Утешься и прими из рук моих, Химена,
Героя юного, чья доблесть несравненна.

Дон Родриго.

Простите, государь, что на колени пасть
Перед возлюбленной при вас велит мне страсть.
Не за добычей я сюда явился лично,
Но чтобы в дар принесть вам жизнь свою вторично,
И не сошлюсь, мне внять смиренно вас моля,
На право сильного иль волю короля.
Скажите, коль в долгу вы перед отчей тенью:
Как, госпожа, мне дать вам удовлетворенье —
Вновь тысячи врагов рассеять и смести?

С победой из конца в конец земли пройти?

Взять в одиночку стан, что недруги разбили?

Отвагою затмить героев древних былей?

Коль этим мне вину с себя удастся снять,

Все, что прикажете, готов я предпринять.

Но если так силен в вас голос мести кровной,

Что он не замолчит, покуда жив виновный,

Других на бой со мной не посылайте впредь:

Сейчас от ваших рук готов я умереть.

Непобедимого лишь вам сразить пристало —

Сил, чтоб за вас отмстить, у прочих слишком мало.

Но пусть вас примирит со мной хоть смерть моя,

Чтобы забвением наказан не был я,

И, так как мой уход из жизни вас прославит,

Пусть в вашей памяти он вечный след оставит,

Чтоб молвить вы могли, слезу тайком пролив:

«Когда б он не любил меня, он был бы жив».

Химена.

Родриго, встань!

(Дону Фердинанду.)

От вас я, государь, не скрою,

Что поздно брать назад мне сказанное мною.

Да, мне Родриго мил: любви достоин он,

А воля короля — для подданных закон;

Но как меня монарх ни властен обездолить,

Ужель он может впрямь подобный брак дозволить?

Ужели от меня столь страшной жертвы ждет

Он, справедливости защитник и оплот?

Пускай Родриго стал отечеству оградой,

Но почему же мной платить за это надо,

Чтоб я потом всю жизнь жила, себя казня

За то, что кровь отца легла и на меня?

Дон Фердинанд.

Во многих случаях узаконяет время

То, что считается сперва преступным всеми.

Родриго, победив, тебя завоевал;

Однако же, хоть он и восторжествовал,

Я мог бы повредить твоей, Химена, чести,

Будь вручена ему награда мной на месте.

Но слово данное назад я не возьму:

Женой — пусть не сейчас — должна ты стать ему.

Жди, скажем, год, чтоб дать зажить душевной ране,

А ты, Родриго, вновь готовь себя для брани.

На наших берегах ты мавров разгромил,

Расстроил ковы их и мужество сломил;

Теперь мои полки ты двинешь в их пределы,

Их земли разоришь, войска рассеешь смело.

Они не устоят пред тем, чье имя Сид,

И верь: их край тебя царем провозгласит.

Но милой и тогда будь верен непреложно.

Еще достойней стань ее, коль то возможно,

И пусть так вознесут тебя твои дела,

Чтоб в брак с тобой вступить за честь она почла.

Дон Родриго.

Чтоб трону послужить и обладать Хименой,

Чего не совершу я в дни страды военной?

Как мне с возлюбленной разлука ни трудна,

Я счастлив, что хотя б надежда мне дана.

Дон Фердинанд.

Надейся: слово я держу ненарушимо,

Ты — удалец и мил по-прежнему любимой,

А скорбь, что делала врагами вас доколь,

В ней заглушат года, твой меч и твой король.

РАЗБОР «СИДА»{50}

Сочинение это отличается столькими достоинствами в смысле сюжета и украшено таким множеством блистательных мыслей, что большинство зрителей, ослепленных тем наслаждением, кое доставила им пьеса, не заметили в ней недостатков и безоговорочно одобрили ее. Хотя «Сид» — самая неправильная из трагедий, написанных мною в соответствии с правилами, он до сих пор остается прекраснейшей из них во мнении людей, не склонных принимать эти правила всерьез, и за полвека, что он не сходит со сцены, ни время, ни прихоти моды не умалили его успеха. Произведение мое отвечает двум основным условиям, которые, на взгляд Аристотеля, обязательны для подлинно совершенной трагедии, но чрезвычайно редко сочетаются как у древних, так и у новых писателей, причем в «Сиде» условия эти сочетаются даже неразрывней и возвышенней, чем в образцах, приводимых греческим

{50} Комментарии: 2.50

К стр. 299

Разбор «Сида» — впервые напечатан в 1660 г., переработан для издания 1682 г.

философом. В самом деле, страсть влюбленной, которая в угоду долгу добивается гибели возлюбленного и в то же время смертельно боится ее, более неистова и пламенна, нежели чувства, обуревающие мужа и жену, мать и сына, брата и сестру;[{51}] *высокая добродетель пылкой натуры, умеющей смирять свое влечение, не заглушая и не подавляя его в себе, чтобы торжество над ним стало особенно большим подвигом, являет собой зрелище более трогательное, возвышенное и привлекательное, чем заурядная добродетель, переходящая порой в слабость и даже в преступление, — добродетель, рамками которой древние были вынуждены ограничивать характер самых славных своих героев — царей и владык, дабы пороки и прегрешения их, оттесняющие их скромные достоинства, отвечали склонностям и стремлениям зрителей, укрепляя в последних отвращение к единоличной власти и монархии.*

Родриго покорствует у меня долгу, не поступаясь любовью; Химена действует точно так же: страдания, на которые она обречена своей

{51} Комментарии: 2.51

…мужа и жену, мать и сына, брата и сестру… — Аристотель приводит в качестве трагических сюжетов легенды об Агамемноне и Клитемнестре (муж и жена), Иокасте и Эдипе (мать и сын), Оресте и Электре (брат и сестра).

верностью тени отца, не властны поколебать ее решимость, и если в присутствии возлюбленного ей все-таки случается порой сделать неверный шаг, поступь ее тут же обретает былую твердость — Химена не только сознает свою ошибку, о которой она предупреждает нас, но неизменно отрекается от слов, вырвавшихся у нее при виде любимого. Нет нужды с упреком напоминать ей, сколь неприлично видеться с возлюбленным, после того как он убил отца, — она сама признает, что только этот промах и может поставить ей в вину злословие. Пусть даже в порыве страсти она уверяет Родриго, будто жаждет, чтобы все узнали, что она любит и все-таки преследует его, — это отнюдь не свидетельствует о бесповоротной ее решимости: пред лицом короля она всячески силится скрыть свою любовь. Когда Химена провожает Родриго на бой с доном Санчо и у нее вырывается ободрительное напутствие:

> *Восторжествуй в борьбе, где цель — рука моя, —*

она не довольствуется бегством со стыда за свое признание; как только она оказывается наедине с Эльвирой, коей поверяет все свои душевные движения, и вид любимого человека перестает

сковывать ее волю, Химена высказывает куда более рассудительное пожелание, равно удовлетворяющее и ее добродетель и ее любовь. Она молит небо дать поединку завершиться так,

Чтоб из двоих никто не одолел врага.

Если она и не скрывает своей склонности к Родриго из боязни достаться дону Санчо, к коему питает отвращение, то это вовсе не сводит на нет угрозу, произнесенную ею чуть раньше: в случае победы Родриго двинуть на него несметную рать, невзирая на условия дуэли и обещание короля. Даже взрыв страсти, с коей она снимает узду, решив, что Родриго убит, не мешает ей яростно отвергать условия дуэли, отдающие ее возлюбленному, и умолкает она, лишь когда король откладывает брак и тем самым позволяет ей надеяться, что со временем может возникнуть какое-либо новое препятствие для ее замужества. Мне, разумеется, известно, что молчание принято считать знаком согласия, но когда говорит государь — это не совсем так. Обычный ответ на его слова — одобрение, и единственный способ почтительно возразить ему состоит в том, чтобы промолчать, если, конечно, приказ его не надо выполнять немедленно и с

этим можно повременить в законной надежде на какую-нибудь непредвиденную помеху.

Нет спора, сюжет пьесы таков, что нам следовало бы ограничиться избавлением Родриго от опасности и не доводить дело до брака с Хименой. Сид — личность историческая, и своему веку он был по душе, но нашему вряд ли приглянется, и я сожалею, что у испанского автора, хотя он растянул действие на три с лишним года, Химена все-таки соглашается выйти за Родриго. Дабы не вступать в противоречие с историей, я по необходимости туманно намекнул на возможность подобной оттяжки — это был для меня единственный способ согласить сценические условности с исторической правдой.

В обеих сценах появления Родриго у возлюбленной есть нечто такое, что нарушает эти условности: суровый долг, запрещающий Химене подобные встречи, велит ей не вступать в разговор, отказаться выслушать любимого и запереться у себя. Но да позволено будет мне вместе с одним из самых светлых умов нашего века заметить: «Их беседа оживлена такими высокими чувствами, что многие вовсе не усмотрели этого недостатка, а кто усмотрел, тот простил его». Скажу больше: почти всем хотелось,

чтобы эти свидания непременно состоялись; уже на первых представлениях я заметил, что, когда злополучный влюбленный предстает перед Хименой, по залу как бы пробегает дрожь — примета обостренного любопытства: всем невтерпеж узнать, что могут герои сказать друг другу в столь горькую минуту. Аристотель указывает,{52} что «бывают нелепости, которые не надо устранять из пьесы, коль скоро есть надежда, что они понравятся зрителю; в таком случае обязанность поэта — придать им ослепительный блеск». Предоставляю публике судить, насколько я справился с этой обязанностью и оправдал ли две вышеупомянутые сцены. Отдельные тирады в первой из них подчас слишком отточены, чтобы исходить из уст людей, подавленных горем; однако, не говоря уже о том, что я лишь перефразировал испанский оригинал, следует помнить, что если мы, сочинители, не позволим себе чего-то более неожиданного, нежели заурядное описание любовной страсти, наши пьесы станут чересчур скучными и великие горести будут исторгать у наших актеров лишь стенания да вздохи. А если уж быть откровен-

---

{52} Комментарии: 2.52

К стр. 301

Аристотель указывает… — Далее Корнель цитирует гл. 24 «Поэтики».

ным до конца, признаюсь, что сцена, где Родриго протягивает Химене свой меч и уверяет в своей готовности умереть от руки дона Санчо, ныне, наверное, не удовлетворила бы меня. Подобные красоты были хороши раньше, теперь они уже не могут нравиться. Первая сцена задана испанским текстом, вторая — написана по ее образцу. Обе заслужили одобрение публики, но впредь я уже не решусь показывать нечто подобное на нашей сцене.

Я уже имел случай высказать то, что думаю об инфанте и короле.{53} *Тем не менее следует все же разобраться, как действует последний, а действиям его явно недостает решительности: он не берет графа под стражу после пощечины и не задерживает дона Диего с сыном. Здесь надлежит принять в соображение, что дон Фердинанд — первый король Кастилии, что его предшественники носили лишь графский титул и, вероятно, не пользовались неограниченной властью над знатью своей страны. У дона Гильена де Кастро, воспользовавшегося этим сюжетом раньше*

{53} Комментарии: 2.53

К стр. 302

Я уже имел случай высказать то, что думаю об инфанте и короле. — Корнель ссылается на свое «Рассуждение о драматической поэме», где утверждал, что любовь инфанты к Родриго — это вполне самостоятельный эпизод трагедии.

меня и, без сомнения, лучше осведомленного о пределах власти первого государя своей родины, пощечина наносится в присутствии последнего и двух его министров, и те, дав соперникам удалиться (графу — с торжеством, старику — со вздохами), советуют королю не трогать графа — у него в Астурии много друзей, которые могут поднять мятеж или стакнуться с маврами, чьи владения окружают Кастилию; поэтому король решает уладить дело без шума и велит обоим вельможам, свидетелям ссоры, держать все в тайне. Опираясь на этот пример, я и счел необходимым, чтобы король поступал у меня мягче, нежели в наши дни, когда королевская власть более самодержавна. Не нахожу также, что дон Фердинанд совершает серьезную ошибку, отказываясь поднять в ночном городе тревогу при первой же, непроверенной вести о приближении мавров — на стенах и в порту надежная стража; непростительно другое — он бездействует до самого подхода врагов, а затем предоставляет Родриго самому управляться с ними. Условия поединка между доном Санчо и Родриго, которые он предлагает Химене, прежде чем разрешить дуэль, не столь несправедливы, как кое-кому казалось: это не столько строгий приказ, сколь-

ко угроза, имеющая целью склонить Химену к отказу от мысли о поединке. Видно это хотя бы из того, что после победы Родриго король не очень решительно настаивает на исполнении его обещания и позволяет Химене надеяться, что условия поединка можно будет не соблюсти.

Не стану отрицать, что правило двадцати четырех часов чрезмерно ускоряет ход событий. Правда, смерть графа и вторжение мавров вполне могут следовать одно за другим почти без перерыва: появление врагов — совершенная неожиданность, непредвиденная и не связанная со всем остальным; зато с поединком дона Санчо дело обстоит по-другому: король здесь сам управляет событиями и имеет полную возможность не допустить боя через два часа после бегства мавров. Родриго утомлен победоносным ночным сражением и заслужил право отдохнуть день-другой; к тому же он вряд ли вышел из схватки без единой царапины, о чем я, правда, умалчиваю, чтобы не мешать развязке.

Все то же правило двадцати четырех часов вынуждает Химену слишком рано вторично искать защиты у короля. Она уже обращалась к нему накануне вечером и не имеет никаких оснований вновь докучать монарху на следующий

день утром: у нее нет еще повода жаловаться или сомневаться, сдержит ли государь слово. В романе ей дали бы недельку потерпеть, но в пьесе это воспрещается правилом двадцати четырех часов. Что ж, в каждом правиле свои неудобства! Перейдем лучше к правилу единства места, с которым у меня в этой пьесе было тоже немало хлопот.

Действие происходит у меня в Севилье, хотя дону Фердинанду она не принадлежала. На такое искажение истории мне пришлось пойти ради того, чтобы сделать хоть сколько-нибудь правдоподобной высадку мавров, чье войско, двигаясь по суше, не подошло бы к городу так быстро. Разумеется, у меня и в мыслях не было утверждать, будто прилив доходит до Севильи, но коль скоро путь до нее по Гвадалквивиру много короче, нежели по Сене до стен Парижа, этого довольно, чтобы создать иллюзию правдоподобия у нас, французов, не бывавших на месте действия моей трагедии.

Набег мавров чреват еще одним недостатком, который уже отмечен мною в другом месте: они появляются сами по себе, без прямой или косвенной связи с поступками актеров в первом акте. В написанной не по правилам пьесе испанского

драматурга введение их в действие мотивировано убедительнее. Родриго, не дерзая показаться при дворе, уезжает сражаться с маврами на границу, иначе говоря, герой сам ищет с ними встречи и вводит их в пьесу; таким образом, там мы видим полную противоположность моей трагедии, где они возникают словно лишь затем, чтобы позволить себя разгромить и дать Сиду случай сослужить важную службу королю, за что он тут же получает прощение. Таково второе неудобство соблюдения правил в моем произведении.

Действие происходит в Севилье, и в целом место его едино, хотя меняется в каждой отдельной сцене: то это королевский дворец, то покои инфанты, то дом Химены, то улица или площадь. Дать разрозненным сценам общее место действия было несложно, но для тех, что взаимосвязаны, как, скажем, четыре последних явления первого акта, это оказалось куда затруднительней. Ссора графа с доном Диего происходит при выходе из дворца, хотя могла возникнуть и на улице; однако после пощечины дон Диего уже не может оставаться в общественном месте и сокрушаться в ожидании сына: вокруг немедленно соберется толпа и друзья начнут предлагать ему

свою помощь. Вот почему дону Диего, как и сделано у испанского драматурга, уместней скорбеть у себя дома, где никто не помешает ему изливать свои чувства; но тогда действие придется раздробить на мелкие явления, как у того же Гильена де Кастро. Тут я позволю себе заметить, что автор вынужден подчас приноравливаться к театру, восполняя какой-нибудь уловкой то, чего не покажешь на сцене. Например, два человека останавливаются поговорить, хотя им надлежит продолжать разговор на ходу, но на сцене это невозможно: собеседники скроются раньше, чем успеют сказать то, что надобно узнать публике. Остается, следовательно, прибегнуть к театральной условности и вообразить, что дон Диего ссорится с графом всю дорогу из дворца и получает пощечину лишь у самого своего дома, куда он и вынужден войти за помощью. Если эта поэтическая иллюзия вас не убеждает, оставим дона Диего на улице, и пусть вокруг оскорбленного собирается народ, а первые подоспевшие друзья предлагают ему свое содействие. Так непременно и было бы в романе; но коль скоро все эти подробности никак не способствуют развитию основной линии действия, драматический поэт не должен входить в них. Гораций избавляет его

от этого следующими стихами:{54}

> *Hoc amet, hoc spernat promissi carminis auctor…*[8]
>
> *Pleraque negligat*[9]*.*

И далее:

> *Semper ad eventum festinat*[10]*.*

Поэтому в третьем акте я заставил дона Диего пренебречь пятью сотнями своих друзей и обратиться за помощью к родному сыну. Было бы весьма правдоподобно, если бы кое-кто из этих друзей сопровождал или разыскивал дона Диего, но выводить на сцену людей, которым нечего сказать, бессмысленно: для развития действия нужен лишь тот, кого они сопровождают; к тому же выходы праздных статистов всегда отдают в театре дурным вкусом, тем более что

{54} Комментарии: 2.54

К стр. 305

…Гораций… следующими стихами… — Корнель цитирует соответственно стихи 45, 44 и 148 из «Науки поэзии».

[8] Примечания: 1.8

Даже в плетении слов поэт осторожный и чуткий… (*латин.*). Перевод М. Гаспарова.

[9] Примечания: 1.9

А остальным уметь пренебречь… (*латин.*).

[10] Примечания: 1.10

Сразу он к делу спешит… (*латин.*). Перевод М. Гаспарова.

в немых ролях актеры выпускают осветителей и собственных слуг, не умеющих держаться на сцене.

Показать похороны графа тоже было бы весьма затруднительно и в том случае, если бы они происходили до окончания пьесы, и в том, если бы тело покойного в ожидании погребения выставили у него в доме. Упомянув о похоронах хотя бы одним словом, я сразу отвлек бы внимание зрителя и навел бы его на нежелательные мысли. Поэтому я счел за благо скрыть эти похороны от публики, просто-напросто умолчав о них, равно как о точном месте действия вышеупомянутых четырех явлений первого акта; я убежден, что хитрость моя вполне удалась: большинство зрителей, увлеченных тем волнующим, что они увидели и услышали в моей трагедии, даже не задумались над двумя изложенными выше обстоятельствами.

Закончу свой разбор замечанием касательно слов Горация о том, что увиденное трогает куда

сильнее, нежели только рассказанное[11].

Именно ими я руководствовался, показав на сцене пощечину и скрыв от глаз смерть графа: мне надобно было, чтобы герой снискал расположение зрителя — поруку театрального успеха. Дерзость оскорбления, которое наносится старцу, убеленному сединами и украшенному лаврами, мгновенно склоняет симпатии зала на сторону обиженного, а смерть обидчика, о коей королю докладывают сухо и без трогательных подробностей, не возбуждает у слушателей ни сочувствия, вызываемого видом пролитой крови, ни отвращения к злополучному влюбленному, вынужденному прибегнуть к крайнему средству в угоду чести и наперекор своей пылкой страсти.

---

[11] Примечания: 1.11

Segnius irritant animos demissa per aurem,
Quam quae sunt oculis subjecta fidelibus…

De Arte poetica, v. 180–181.

(Примеч. Корнеля)

То, что дошло через слух, всегда волнует слабее,
Нежели то, что зорким глазам предстает неотложно (латин.).

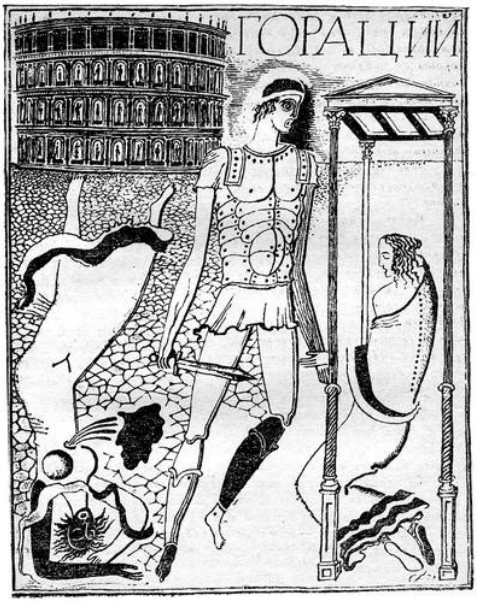
ГОРАЦИЙ

ТРАГЕДИЯ

{55}

Перевод Н. Рыковой

{55} Комментарии: 2.55
«ГОРАЦИЙ»
(«HORACE»)
Написанная в Руане, трагедия была поставлена в Париже в начале 1640 г., видимо, на сцене «Бургундского отеля». Премьера трагедии не стала триумфом драматурга, но от спектакля к спектаклю успех пьесы нарастал. Включенная в репертуар театра «Комеди Франсэз», трагедия выдержала на этой сцене количество спектаклей, уступающее лишь «Сиду». В основных ролях пьесы с блеском выступали такие прославленные актеры, как мадемуазель Клерон, Рашель, Муне-Сюлли и другие.
Впервые издан «Гораций» был в январе 1641 г. Огюстеном Курбе.
На русский язык трагедия была переведена А. И. Чепяговым, А. А. Жандром, А. А. Шаховским и П. А. Катениным в 1817 г., затем М. И. Чайковским (1893), Л. И. Поливановым (1895), Н. Я. Рыковой (1956). Первый перевод предназначался исключительно для сцены и издан не был (кроме 4-го действия пьесы, переведенного П. А. Катениным и напечатанного в 1832 г.). Перевод этот ставился несколько раз как в Петербурге, так и в Москве. Следует отметить октябрьскую постановку 1817 г., которая стала, по воспоминаниям современников, «замечательным успехом» актеров. Основные роли исполняли: Е. С. Семенова (Камилла), М. И. Вальберхова (Сабина), Я. Г. Брянский (Гораций). Упомянем также постановки 1819 г. (Камилла — А. М. Колосова) и 1823 г. (Гораций — Я. Г. Брянский, Камилла — А. М. Колосова, Сабина — А. Д. Каратыгина).


ГОРАЦИЙ

МОНСЕНЬОРУ КАРДИНАЛУ ГЕРЦОГУ ДЕ РИШЕЛЬЕ[12] {56}

Монсеньор!

Никогда не решился бы я предложить вниманию Вашего высокопреосвященства это весьма несовершенное изображение Горация, если бы не рассудил, что после стольких милостей Ваших ко мне столь долгое молчание мое, объясняемое лишь глубоким почтением к Вашей особе, может показаться неблагодарностью, и что к тому же, справедливо сомневаясь в достоинствах своего труда, мне следует питать тем большее доверие к Вашей доброте. Всем, что я сейчас собой представляю, я обязан только Вам и не могу не краснеть при мысли, что за эти несчетные благодеяния делаю Вам подарок, столь мало достойный Вас и столь несоразмерный с тем, чем вы меня взыскали. Но при всем смущении, которое я разделяю с каждым, кто занимает-

---

[12] Примечания: 1.12

Перевод Ю. Корнеева.

{56} Комментарии: 2.56

К стр. 308

…герцогу де Ришелье. — Это посвящение, выдержанное в чрезмерно сервильном тоне, печаталось в изданиях 1641–1656 гг.

ся сочинительством, я обладаю, однако, тем преимуществом, что меня трудно было бы упрекнуть за выбор сюжета и что доблестный римлянин, коего я повергаю к стопам Вашего высокопреосвященства, мог бы с большим правом предстать перед Вами, если бы умение мастера больше соответствовало качеству материала: порукой тому автор сочинения,{57} у которого я позаимствовал материал и который начинает излагать это достопамятное событие с восхваления, заявляя, что «вряд ли в преданиях древности есть пример большего благородства». Как хотел бы я, чтобы слова, сказанные им о самом деянии, можно было отнести и к принадлежащему мне изображению этого деяния, — хотел бы не ради того, чтобы потешить свое тщеславие, но лишь затем, чтобы поднести вам нечто более достойное подношения!

Конечно, более искусная рука могла бы изложить сюжет с большим изяществом. Но, как бы то ни было, моя рука отдала ему все, на что она способна и чего можно по справедливости

{57} Комментарии: 2.57

...автор сочинения... — то есть Тит Ливий; далее Корнель приводит цитату из кн. I, гл. 24 его «Римской истории».

ожидать от питомца провинциальной музы,{58} *который, не имея счастья достаточно часто лицезреть Ваше высокопреосвященство, не в силах руководствоваться светочем, постоянно озаряющим путь его собратьям по перу.*

В самом деле, монсеньор, чему приписать изменение к лучшему, замечаемое всеми в работах моих с тех пор, как я пользуюсь благосклонностью Вашего преосвященства, как не воздействию Ваших высоких помыслов, вдохновляющих меня, когда я удостаиваюсь у Вас приема, и откуда все еще наличествующие в моих произведениях несовершенства, как не от грубости палитры, к которой я возвращаюсь, когда остаюсь наедине со своей слабостью? Необходимо, монсеньор, чтобы все, кто денно и нощно трудится для театра, громко заявили вместе со мной, что мы обязаны Вам двумя весьма существенными вещами: первая состоит в том, что Вы поставили перед искусством благородную цель, вторая — в том, что Вы облегчили нам его понимание. Вы дали искусству благородную цель, ибо вместо того, чтобы угождать народу, что предписывали

{58} Комментарии: 2.58

К стр. 309

...от питомца провинциальной музы... — Корнель в это время еще жил в Руане, поэтому и называет себя провинциалом.

нам наши учителя и что, по словам Сципиона и Лелия,{59} двух достойнейших людей своего времени, их вполне удовлетворяло, Вы предоставили нам возможность угождать Вам и развлекать Вас; тем самым мы оказываем немалую услугу государству, потому что, содействуя Вашим развлечениям, мы содействуем сохранению Вашего здоровья,{60} столь ему драгоценного и необходимого. Вы облегчили нам понимание искусства, ибо для этого нам теперь не нужно никакой науки — достаточно не спускать глаз с Вашего высокопреосвященства, когда Вы удостаиваете своим посещением и вниманием чтение наших произведений. На этих собраниях, угадывая по выражению лица Вашего, что вам понравилось, а что нет, мы с уверенностью можем судить, что хорошо, а что плохо, и извлекаем непреложные правила того, чему надо следовать и чего избегать. Именно там я часто за какие-нибудь два часа научался тому, чего не преподали бы мне все мои книги и за десять лет; там черпал

{59} Комментарии: 2.59

Сципион и Лелий — знатные римляне, оказывавшие поддержку известному комедиографу Теренцию (195–159 гг. до н. э.) и даже, возможно, сотрудничавшие с ним.

{60} Комментарии: 2.60

…сохранению Вашего здоровья… — Ришелье был в это время тяжело болен, в декабре 1642 г. он скончался.

я то, чем заслуживал одобрение публики, и там надеюсь, пользуясь и в дальнейшем благосклонностью Вашей, почерпнуть все, что поможет мне создать наконец произведение, достойное быть Вам врученным.

Разрешите же мне, монсеньор, изъявляя благодарность за выпавшее на мою долю признание публики, коим я обязан исключительно Вам, процитировать четыре стиха, принадлежащих иному Горацию, нежели тот, которого я Вам подношу, и через их посредство выразить искреннейшие чувства моей души:

Totum muneris hoc tui est,
Quod monstror digito praetereuntium
Scenae non levis artifex:
Quod spiro et placeo, si placeo, tuum est[13]. {61}

---

[13] Примечания: 1.13

Это твой только дар благой —
Что прохожим знаком я становлюсь теперь,
Драмы мастер прославленный,
Что живу и любим, если любим я стал (латин.).

{61} Комментарии: 2.61

К стр. 310

…Это твой только дар… — Корнель цитирует «Оды» Горация (кн. IV, 3, ст. 21–24).

К этой истине я добавлю еще лишь одну: я молю Вас не сомневаться, что я искренне пребываю и всю жизнь пребуду, монсеньор, смиреннейшим, покорнейшим и вернейшим слугою Вашего высокопреосвященства.

Корнель

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ТУЛЛ{62}

римский царь

СТАРЫЙ ГОРАЦИЙ

благородный римлянин

ГОРАЦИЙ

его сын

КУРИАЦИЙ

альбанский дворянин, возлюбленный Камиллы

ВАЛЕРИЙ

благородный римлянин, влюбленный в Камиллу

САБИНА

жена Горация и сестра Куриация

КАМИЛЛА

возлюбленная Куриация и сестра Горация

ЮЛИЯ

благородная римлянка, наперсница Сабины и Камиллы

ФЛАВИАН

{62} Комментарии: 2.62

К стр. 311

Тулл Гостилий — один из первых римских царей, правил с 672 по 640 г. до н. э. При нем произошел ряд войн Рима с соседями.

альбанский воин
ПРОКУЛ
римский воин
СТРАЖА

Действие происходит в Риме, в одном из покоев дома Горация.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сабина, Юлия.

Сабина.

Увы! Слабеет дух, и скорби я полна.
Оправданна в таком несчастии она:
Нет в мире мужества, которое без жалоб
Под натиском грозы подобной устояло б,
И даже тот, кто чужд всем слабостям людским,
Остаться б сердцем тут не мог неколебим.
Измученной души не скроешь потрясенья,
Но не хочу в слезах я изливать волненье.
Да, сердцу не унять тоски, гнетущей нас,
Но стойкость быть должна хозяйкой

наших глаз.

Мы в силах, жалобы смиряя волей строгой,

Над женской слабостью подняться хоть немного.

Довольно твердости в тебе, наш слабый пол,

Когда ты слез не льешь, сколь жребий ни тяжел.

Юлия.

Довольно — для людей обыденных, быть может:

В любой опасности их смертный страх тревожит.

Но благородные не устают сердца —

И сомневаясь — ждать успешного конца.

Противники сошлись у городской твердыни,

Но поражения не ведал Рим доныне.

Не страхом — радостью исполнись наперед:

Коль начал он войну, он верх в войне

возьмет.

Ты ныне римлянка, гони ж испуг напрасный,

На доблесть римскую живя надеждой страстной.

Сабина.

Гораций — римлянин. Увы, обычай прав!

Я стала римлянкой, его женою став.

Но мне б супружество жестоким рабством было,

Когда бы в Риме я о родине забыла.

О Альба,{63} *где очам блеснул впервые свет!*

Как дорога она мне с самых юных лет!

Любой исход войны сулит мне только беды:

Не меньше, чем разгром, страшит меня победа.

Пусть на тебя, о Рим, восстанет вражий меч,

{63} Комментарии: 2.63

К стр. 313

Альба — точнее, Альба-Лонга, один из древнейших городов Лациума. Захвачен и разрушен при римском царе Тулле.

Который ненависть во мне бы мог зажечь!

Но рать альбанская с твоей сразится ратью.

В одной из них мой муж, в другой родные братья.

Так смею ль я богам бессмертным докучать,

Преступно их моля тебе победу дать?

Я знаю: молода еще твоя держава,

И укрепит ее воинственная слава,

И ей высокий рок переступить велел

Латинской вотчины{64} *завещанный предел.*

Как небом суждено, господство над вселенной

Ты утвердишь войной и доблестью военной,

И не скорбя, что твой богам послушный пыл

Тебя на гордый путь отныне устремил,

{64} Комментарии: 2.64

...Латинской вотчины... — то есть области Лациум в Центральной Италии.

Уже сегодня я провижу в изумленье

Над Пиренеями орлов твоих паренье.

Пускай до Азии дойдут твои полки,

Пускай увидит Рейн их славные значки,

До скал Геракловых[{65}] *веди войска походом,*

Но город пощади, откуда Ромул родом:[{66}]

Ты семени его царей обязан, Рим,

И мощью стен своих, и именем своим.

Рожденный Альбою, как ты не понимаешь,

Что в сердце матери двуострый меч вонзаешь?

Иди в чужой земле разить и побеждать,

И счастью сыновей возрадуется мать;

И если ты ее не оскорбишь враждою,

{65} Комментарии: 2.65

…до скал Геракловых… — Имеются в виду так называемые Геркулесовы столбы, то есть Гибралтар. Этот пролив окаймляют две скалы, воздвигнутые, согласно преданию, Гераклом (Геркулесом).

{66} Комментарии: 2.66

…откуда Ромул родом… — Один из легендарных основателей Рима Ромул (VIII в. до н. э.) по преданию родился в Альбе-Лонге.

Она тебя поймет родительской душою.

Юлия.

Мне странной кажется такая речь: с тех пор,
Как с Альбою возник у Рима грозный спор,
О прежней родине ты вовсе не страдала,
Как будто римлянам родной по крови стала.
Ты ради милого в суровый этот час
От близких и родных как будто отреклась,
И ободряла я тебя в борьбе с кручиной
Так, словно только Рим служил ее причиной.

Сабина.

Покуда слишком мал в сраженьях был урон,
Чтоб гибелью грозить одной из двух сторон,
Пока еще на мир надежда оставалась,

Я только римлянкой всегда себе казалась.

Досаду легкую, что счастлив Рим в борьбе,

Умела подавить я тотчас же в себе,

И если иногда в игре судеб случайной

Успехи родичей приветствовала тайно,

То, приходя в себя, печалилась потом,

Что взыскан славою не мужний — отчий дом.

Теперь же близок час, назначенный судьбою:

Не Рим падет во прах, так Альбе стать рабою.

Бой всех надежд лишит того, кто побежден;

Откроет все пути пред победившим он.

В безжалостной вражде была бы я с родными,

Когда бы в эти дни скорбела лишь о Риме,

Моля богов его прославить на войне

Ценою крови той, что драгоценна мне.

К чему стремится муж — меня тревожит мало:

Я не была за Рим, за Альбу не стояла,

Сочувствую сейчас равно ему и ей,

Но завтра восскорблю о том, кто был слабей.

Кто бы ни победил сегодня в ратном споре,

От славы отвратясь, я буду там, где горе.

Среди жестоких бед, о сердце, уготовь

Повергшим — ненависть, поверженным — любовь!

Юлия.

Поистине, всегда в дни бедствий и несчастий

Несходные кипят в несходных душах страсти!

Подобный твоему Камилле чужд разлад.

Твой брат — ее жених, а твой супруг — ей брат;

Тот ей по сердцу друг, а этот по рож-

денью,

Но как ее с твоим различно поведенье!

Когда по-римски ты душой была тверда,

В ней сердце полнилось сомненьями всегда,

Любая стычка ей побоищем казалась.

Молясь, чтоб никому победа не досталась

И поражения никто не потерпел,

Скорбь вечную она взяла себе в удел.

Когда ж услышала, что обе рати скоро

Сражение начнут, исход решая спора,

Нечаянный восторг блеснул в ее очах…

Сабина.

Столь резкий поворот во мне рождает страх!

С Валерием она приветлива чрезмерно

И брату моему теперь не будет верной;

Тем, кто поблизости, она увлечена

И может пренебречь тем, с кем разлучена.

Не упрекай меня, что в родственном волненье

Я, думая о нем, страшусь ее решенья,

Хоть страх испытывать причин особых нет:

Кто чувствами играть дерзнет в годину бед,

Покорствовать мечтам изменчивым и праздным

И душу отдавать неведомым соблазнам?

Но быть, подобно ей, мы также не должны

Чрезмерно веселы и чересчур нежны.

Юлия.

Мне тоже и темно и непонятно это,

И на загадку я не нахожу ответа.

Довольно стойкости выказывает тот,

Кто неминуемой грозы без жалоб ждет.

Но радость проявлять — кому ж это под силу?

Сабина.

Взгляни, к нам добрый дух привел сюда Камиллу!

Вы в дружбе, от тебя ей нечего таить.

Заставь же наконец ее заговорить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Камилла.

Сабина.

Останься с Юлией, Камилла. Не должна я

Смущать вас, мрачностью унылой докучая:

Ведь душу, что больна от тысячи невзгод,

К уединению печальному влечет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Юлия, Камилла.

Камилла.

Зачем она свести нас хочет для беседы?

Да разве мне грозят не те же злые бе-

ды?

Да разве ныне я, чей жребий так суров,

Роняю меньше слез и меньше скорбных слов?

Такой же страх несет моей душе мученье;

Обоих лагерей мне горько пораженье,

За честь своей страны мой друг падет в бою,

А если победит, то победит мою,

И от меня, увы, одно получит милый:

Иль злую ненависть, иль слезы над могилой.

Юлия.

С твоей бедой удел Сабины не сравним:

Возлюбленных — найдешь, супруг — незаменим,

Ответь Валерию согласьем на исканья

И связь с альбанцами порви без колебанья.

Ты нашей целиком останешься тогда,

И горем для тебя не будет их беда.

Камилла.

Как за такой совет не брошу я укора?
Сочувствуй горестям, не требуя позора.
Хоть лишь с трудом несу я бремя мук своих,
Мне легче их терпеть, чем стать достойной их.

Юлия.

Как! Называешь ты разумное постыдным?

Камилла.

А ты предательство считаешь безобидным?

Юлия.

Мы ничего врагу не можем быть должны.

Камилла.

От клятвы разрешать себя мы не вольны.

Юлия.

Зачем таиться там, где смысла в этом мало?

Ведь ты Валерия еще вчера видала

И так сердечна с ним, так ласкова была,

Что в сердце у него надежда расцвела.

Камилла.

Я с ним себя вела, как с самым лучшим другом,

Не из любви к нему, не по его заслугам.

Сердечности моей причиной был другой.

Послушай, Юлия, рассказ подробный мой.

Я не хочу прослыть изменницей обетам —

Мне Куриаций друг, жених пред целым светом.

Когда сестру его Горацию вручил

Счастливый Гименей, он тоже полюбил,

И мой отец, к его влеченью благосклонный,

Пообещал отдать ему Камиллу в жены.

Тот день — не помню дня отрадней и мрачней, —

Два дома сочетав, поссорил двух царей,

Зажег пожар войны и факел Гименея,

Надежду пробудил и сам покончил с нею,

Блаженство посулил и отнял в тот же час,

И, наш скрепив союз, врагами сделал нас.

О, как же сердце нам терзали сожаленья!

Какие небесам он посылал хуленья!

И не было конца рыданиям моим:

Ты видела сама, как я прощалась с ним.

С тех самых пор в душе, смятению подвластной,

Надеждою на мир любовь пылала страстно,

А слезы горькие струились из очей

О женихе моем, о родине моей.

И вот дерзнула я под гнетом ожиданья
Оракулов узнать святые предсказанья.
Я расскажу тебе, какой мне дан ответ,
А ты реши, должна терзаться я иль нет?
Тот грек, вещающий на склонах Авентина,[{67}]
Какие жребии готовит нам судьбина, —
Его ль не одарил предвидением бог? —
Конец моим скорбям в таких стихах предрек:
«Спор Рима с Альбою заутра прекратится:
Врагам даруя мир, пробьет желанный час.
Твой Куриаций вновь с тобой соединится,
И больше разлучить судьба не сможет вас».
Рассеялась моя гнетущая тревога:

{67} Комментарии: 2.67
К стр. 318
...на склонах Авентина... — то ость на Авентинском холме, одном из семи холмов, на которых, согласно преданию, построен Рим.

Ведь прорицание сулило мне так много,

Что большей радости, без меры, без конца,

Счастливые в любви не ведали сердца.

С Валерием всегда мне тяжки были встречи,

Но тут я слушала взволнованные речи,

Докучные в устах того, кто нам не мил,

Совсем не думая, кто их произносил.

Валерий не ушел, презрением гонимый:

Во всем вокруг меня мне чудился любимый;

Все, что ни скажут мне, — любимый говорит,

Что ни скажу сама — к любимому летит.

Сегодня грозный день последнего сраженья,

Вчера я эту весть узнала без волненья,

Затем что разум мой, как в самый сладкий сон,

Был в мысли о любви и мире погружен.

Но сладостный обман развеян этой ночью:

Мне ужасы во сне предстали, как воочью,

Привиделись резня и груды мертвых тел.

Забыла радость я, и страх мной овладел.

На смену чередой друг другу возникая,

Кровавых призраков бесчисленная стая

Тянулась предо мной в безвестности своей,

И каждый новый лик был прежнего страшней.

Юлия.

Но сны толкуются всегда в обратном смысле.

Камилла.

Покой могу найти я только в этой мысли,

И все же новый день, прогнавший злые сны, —

Не мирный день торжеств, а грозный день войны.

Юлия.

Положит ей конец последнее сраженье.

Камилла.

Болезни тягостней такое исцеленье!

Пусть Альба верх возьмет, пусть одолеет Рим —

Любимому, увы, уже не стать моим.

Супругом никогда не будет для Камиллы

Ни победитель наш, ни пленник римской силы.

Но кто сюда идет, но кто явился к нам?

Ты, Куриаций, ты? Не верю я глазам!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Куриаций.

Куриаций.

Отбрось, Камилла, страх: я тем, чем был, остался

Я Рим не победил, но Риму и не сдался,

Не бойся: рук моих не сделали красней

Ни гордых римлян кровь, ни тяжкий гнет цепей.

Ведь были бы тебе равно невыносимы

И тот, кем сломлен Рим, и жалкий пленник Рима.

Поэтому, страшась малейших перемен,

Что принесли бы мне победу или плен…

Камилла.

Довольно, милый друг! Теперь мне все понятно:

От битвы ты бежал, как от судьбы превратной,

И сердце, до конца предавшееся мне,

Руке твоей не даст служить родной стране.

Другие стали бы тебя хулить наверно,

Твою любовь сочтя безумной и чрезмерной,

Но я, влюбленного не смея осудить,

За этот знак любви сильней должна

любить.

Чем неоплатнее твой долг стране родимой,

Чем больше грех пред ней, тем ты верней любимой.

Скажи, ты виделся уже с моим отцом?

Скажи, он разрешил тебе войти в наш дом?

Ведь пуще, чем семью, он славу Рима любит

И, чтоб ее спасти, родную дочь погубит!

Удастся ль нам с тобой навек себя связать?

Как принят ты отцом — как смертный враг иль зять?

Куриаций.

Во мне приветствовал он будущего зятя,

Как родичу открыв отцовские объятья.

Но не изменником предстал я перед ним,

Чтоб осквернить ваш дом бесчестием своим.

Как должно, до конца родному верен краю,

Камиллу я люблю, но чести не мараю.

Достойный гражданин и любящий жених,

Покуда шла война, стоял я за своих.

Отчизну и любовь я сочетать стремился:

Я о тебе мечтал, когда за Альбу бился,

И до сих пор готов, покорствуя судьбе,

Сражаться за нее, томиться по тебе.

Да, сколь ни сладостно желаний страстных пламя,

Не прекратись война, я был бы там, с войсками;

Но, к счастью, это мир меня привел сюда,

Чтоб нас соединить, Камилла, навсегда.

Камилла.

Могу ль поверить я, что есть конец

страданью?

Юлия.

Камилла, ты должна поверить предсказанью!

Но как же было нам даровано судьбой,

Что мир принес тот час, который звал на бой?

Куриаций.

Да, кто подумал бы? Уже, готовы к бою,

Двух станов воины, равно горя враждою,

Грозя очами шли и ждали, что взметнет

Их боевой призыв и устремит вперед,

Как вдруг альбанский вождь,{68} *не начиная дела,*

У вашего царя вниманья просит смело

И, выйдя, говорит пред войском: «Что творим?

{68} Комментарии: 2.68

К стр. 321

...альбанский вождь. — В то время правителем (диктатором) Альбы-Лонги был Меттий Фуффетий.

И для чего должны с тобой мы биться, Рим?

Пусть разум озарит наш дух, враждой смущенный.

Соседи! Дочерей мы вам давали в жены,

И мало ли теперь — союза нет тесней! —

У вас племянников средь наших сыновей?

Один народ двумя владеет городами.

Так для чего ж пылать усобице меж нами?

Не долго ликовать тому, кто победит.

Разгром соперника бедой ему грозит:

Ведь наши недруги уже спешат по следу —

У победителя отнять его победу:

Не даст он им отпор, лишенный прежних сил

И помощи от тех, кого он сокрушил.

Пусть распри наши их не радуют. Пора нам

Подняться против них, идя единым

станом.

Пускай утихнет спор, что превратить готов

В преступных родичей столь доблестных бойцов.

И если в эти дни слепая жажда власти

Внушила вам и нам убийственные страсти,

Пусть, кровью малых жертв легко утолена,

Уже не разведет, а сблизит нас она.

Назначить надо нам на поединок славный

Борцов за честь страны и блеск ее державный.

Их смертная борьба решит судьбу сторон, —

И подчинятся те, кто будет побежден;

Но войску доблестных пускай в исходе боя

Не рабство предстоит, а подданство простое:

Без унижения они пойти должны

За победителем в суровый час войны.

Да будут общими держава, рать и знамя!»

Он смолк — и вот к концу пришел раздор меж нами;

И каждый рад узнать: то не враги стоят

В рядах сомкнувшихся — то шурин, друг и брат;

И странно каждому — его ли это руки

Друзьям и родичам сулили смерть и муки?

И всех о битве мысль ужасная гнетет,

И мирный все уже приветствуют исход.

Все для себя сочли желанным предложенье,

И принято теперь согласное решенье:

Сразятся по трое от каждой стороны.

Верховные вожди назначить их должны.

Ваш царь пошел в сенат, наш вождь к себе в палатку.

Камилла.

О, как речам таким душа внимает сладко!

Куриаций.

Сегодня — не пройдет еще и двух часов —

Решит судьбу племен судьба шести бойцов.

До времени того дана свобода ратям.

Рим в лагерь наш пришел, мы в Рим явились к братьям,

И все, стремясь забыть о распрях поскорей,

Спешат увидеть вновь родных или друзей.

Любовью приведен я был сюда, Камилла.

В твой дом она вошла и сразу победила:

Отец твой обещал недавнему врагу,

Что завтра я тебя женой назвать смогу.

Тебе не тягостно отцовское желанье?

Камилла.

Для дочери закон извечный — послушанье.

Куриаций.

Иди же выслушать родительский приказ,
Чтоб стал еще светлей счастливый этот час.

Камилла.

Да, я иду с тобой: пускай родные братья
Мне тоже подтвердят, что снято с нас проклятье.

Юлия.

Ступайте же к отцу, а я пойду во храм
Смиренную хвалу воздать за вас богам.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гораций, Куриаций.

Куриаций.

Конечно, гордый Рим в ином не сыщет месте
Сынов, которые такой достойны чести.
Три брата избраны, что доблестней других:
Обрел сегодня в вас он трех бойцов своих.
Повелевает Рим, своей судьбой влекомый,
Чтобы один ваш дом сломил все наши домы.
Вся доблесть римская досталась вам сейчас,
И Альбе кажется — нет римлян, кроме вас.
Три рода бы могли гордиться величаво

На долю вашего доставшеюся славой,

Но лишь одной семье — торжественная честь,

Что сразу трем могла б бессмертие принесть.

И если мне дано любовью и судьбою,

К вам в дом введя сестру, от вас уйти с женою, —

Все, что связало нас и что должно связать,

За родичей меня заставит ликовать,

Но радости порыв неполон и непрочен,

Иной тревогою я горько озабочен:

Вы так прославлены все трое на войне,

Что в этот грозный час за Альбу страшно мне.

Раз вы идете в бой, победы ей не будет.

Вас отмечает рок и счастье вам присудит,

И вот, предчувствуя, сколь приговор суров,

Я данником себя уже считать готов.

Гораций.

За Альбу не страшась, жалеть о Риме надо:

Из римлян лучшие обойдены наградой.

Средь множества о ней мечтавших храбрецов

Он недостойнейших решил избрать бойцов,

Хоть тысячи других могли б стократ надежней

Отечеству служить защитой в час тревожный.

Но пусть мне даже смерть назначена в бою, —

Я, полный гордости, хвалю судьбу свою.

Уверенность во мне такою твердой стала,

Что доблесть малая дерзнет свершить немало.

Я, что бы ни судил неотвратимый рок,

Признать бы данником себя сейчас не мог.

Я должен, выбором отмеченный нежданным,

Взять в поединке верх иль пасть на поле

бранном.

Кто хочет победить, тот редко побежден,

Коль за победу жизнь отдать согласен он.

Нет, не увидит Рим хозяев над собою,

Пока не рухну я, поверженный судьбою!

Куриаций.

Увы, тогда людей меня несчастней нет!

Что благо родине, то дружбе зло и вред.

Вы одолеете — позор моей отчизне;

Она прославится — утратите вы жизни:

Ведь чтобы удалось ей восторжествовать,

Нить ваших дней должна рука судьбы прервать.

О, как мне избежать смертельного разлада,

Когда печалиться за оба стана надо,

Когда любой исход сулит одну беду!

Гораций.

Как! Ты скорбишь, что я за честь страны паду?

Удел высоких душ — такой кончины слава,

И горевать о них мы не имеем права.

Я сам бы встретить смерть вот так, в бою, желал,

Когда бы меньше Рим от этого терял.

Куриаций.

Но, близких и друзей пойми же опасенья!

Сейчас они одни достойны сожаленья:

Вам — слава навсегда, им — горестные дни;

Вас обессмертит то, о чем скорбят они,

А от потерь таких не заживает рана.

Но вижу я: ко мне прислали Флавиана.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Флавиан.

Куриаций.

Что ж, Альба выбрала защитников своих?

Флавиан.

Несу об этом весть.

Куриаций.

Так назови же их.

Флавиан.

Ты с братьями.

Куриаций.

Кто?

Флавиан.

Три навеки славных брата!

Но взгляд твой сумрачен, и губы крепко сжаты…

Ты недоволен?

Куриаций.

Нет, меня смутила весть:

С моей ничтожностью несоразмерна честь.

Флавиан.

Ужель к диктатору мне возвращаться с вестью

О том, что мало ты польщен высокой честью?

Я мрачности твоей холодной не пойму.

Куриаций.

Ни дружба, ни любовь — так передай ему —

Трем Куриациям не помешают боле

На трех Горациев с мечами выйти в поле.

Флавиан.

Я понял. Все сказал ответ короткий твой.

Куриаций.

Вождю его неси и нас не беспокой.

Флавиан уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гораций, Куриаций.

Куриаций.

Пускай же небеса, земля и силы ада

На нас обрушатся отныне без пощады;

Пусть люди, божества, и рок, и самый ад

Неотвратимым нас ударом поразят;

Пускай мы в эти дни добычей легкой будем

И року, и богам, и демонам, и людям;

Пусть мы забудем счет и бедам и скорбям, —

Их всех страшнее честь, оказанная нам!

Гораций.

О, как возвышенны судьбы предначертанья!

Чтоб твердость наших душ подвергнуть испытанью,

Чтоб меру доблести могли мы превзойти,

Рок воздвигает нам преграды на пути.

В нас необычные провидя мощь и волю,

Нам необычную он предназначил долю.

Сражаться за своих и выходить на бой,

Когда твой смертный враг тебе совсем

чужой, —

Конечно, мужество, но мужество простое.

Для этого легко у нас найти героя:

Ведь за отечество так сладко умереть,

Что все конец такой согласны претерпеть.

Но смерть нести врагу за честь родного края,

В сопернике своем себя же узнавая,

Когда защитником противной стороны —

Жених родной сестры, любимый брат жены,

И в бой идти скорбя, но восставая все же

На кровь, которая была своей дороже, —

Такая мощь души лишь нам судьбой дана:

Исполнит завистью не каждого она,

И мало есть людей, которые по праву

Столь совершенную искать могли бы славу.

Куриаций.

Да, нашим именам вовек не отблистать,

И этот дар судьбы не должно отвергать.

Геройства редкого мы возжигаем светы,

Но в твердости твоей есть варварства приметы.

Герой — и тот найти не мог бы счастье в том,

Что к славе он идет столь роковым путем.

Нет, как ни сладостен нам дым ее чудесный,

Подобной славы все ж милей удел безвестный.

Во мне, ты видел сам, сомнений также нет:

Не колебался я, когда давал ответ.

Ни дружба, ни родство, ни даже голос

страсти

Ни в чем меня своей не подчинили власти.

Мне выбор показал, что Альбою ценим

Не меньше я, чем вас надменный ценит Рим.

Я буду ей служить, как ты — своей отчизне;

Я тверд, но не могу забыть любви и жизни.

Твой долг, я знаю, в том, чтоб дни мои пресечь,

А мой — вонзить в тебя неумолимый меч.

Жених сестры пойдет на будущего брата

Во имя родины, но сердце скорбью сжато.

Исполнить страшный долг во мне достанет сил,

Но так мне тяжело, что белый свет не мил.

Жалею я себя, и думать мне завидно

О тех, что смерть в бою приняли непо-

стыдно,

Но если б выбирать возможность я имел,

То, скорбной честью горд, избрал бы свой удел.

Мне дружбы нашей жаль, хоть дорога награда.

А если большего величья Риму надо,

То я не римлянин, и потому во мне

Все человечное угасло не вполне.

Гораций.

Хоть ты не римлянин, но будь достоин Рима:

Пускай увидят все, что в стойкости равны мы.

Суровым мужеством я неизменно горд,

И требует оно, чтоб сердцем был я тверд.

Нельзя созревшему для подвига герою,

Вступив на славный путь, назад глядеть с тоскою.

Постигла нас теперь горчайшая из бед.

Я это сознаю, но страха в сердце нет.

С кем биться ни велят мне за родную землю,

Я с радостью слепой такую честь приемлю:

Коль скоро дан тебе почетнейший приказ,

Все чувства прочие да смолкнут в тот же час;

А тот, кто о себе раздумывает долго,

Не слишком ревностно идет путями долга.

Нет уз, что нас могли б в священный миг связать.

Коль Рим избрал меня, о чем мне размышлять?

Супруг твоей сестры, ее сражу я брата,

Но гордой радостью душа моя объята.

Закончим разговор бесцельный и пустой:

Избранник Альбы, ты — отныне мне чужой.

Куриаций.

А мне ты все же свой — тем горше я

страдаю,

Но мрачной доблести твоей не принимаю.

Как в наших бедствиях, достигнут в ней предел,

Я чту ее, но все ж она не мой удел.

Гораций.

Да, мужества искать не стоит против воли.

Когда отраднее тебе стенать от боли, —

Что ж, облегчать ее ты можешь без стыда.

Вот и сестра моя рыдать идет сюда.

К Сабине мне пора: жене внушу я милой,

Чтоб запаслась она и твердостью и силой

И не кляла тебя, коль я паду в борьбе.

Пусть чувства римские всегда хранит в себе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Камилла.

Гораций.

Сестра! Ты знаешь ли, какое порученье
Жених твой получил?

Камилла.

О, новые мученья!

Гораций.

Будь брату-воину достойною сестрой,
И если верх возьмет жених твой надо мной,
Встреть победителя не как убийцу брата —
Как мужа честного, что долг исполнил свято,
Что, родину сильней, чем жизнь свою, любя,
Для всех героем стал и заслужил тебя.
И счастья вашего я, мертвый, не разрушу!
Но если из него мой меч исторгнет

душу,

Победному венцу ты должное воздай —

За гибель милого меня не упрекай.

Ты плачешь, грудь твою тоска сжимает властно;

Поддайся слабости, кляни в тревоге страстной

Богов, людей и рок, но, овладев собой,

О павшем не тужи, когда решится бой.

(Куриацию.)

Останься с ней на миг, чтобы со мною вместе

Идти затем на зов неумолимой чести.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Куриаций, Камилла.

Камилла.

Любимый! Эта честь ужель тебе нужна,

И счастья нашего ужель важней она?

Куриаций.

Чем бой ни кончится, но я умру, сраженный

Рукой Горация иль горем сокрушенный.

На подвиг, как на казнь, иду сегодня я,

И ненавистна мне — увы! — судьба моя.

Я то в себе кляну, что родина почтила.

До преступления доходит страсти сила:

Богов она винит, вступая в спор с судьбой.

Тебя мне жаль, себя, но я иду на бой.

Камилла.

Нет, удержать тебя должны мои рыданья!

Ужель любовь ко мне тебе не оправданье?

И прежней доблести достаточно твоей:

Ведь Альбе отдал ты все то, что должен ей.

Кто был в опасный час ей лучшею подмогой?

Никто у нас бойцов не истребил так много.

Славнее стать нельзя. Могуч, непобедим,

Доволен будь и дай прославиться другим.

Куриаций.

Чтоб в этот день другой победоносный воин

Венчался лаврами, которых я достоин?

Чтоб было сказано мне родиной моей,

Что я, не выйдя в бой, победы не дал ей?

И чтоб, не одолев любовную истому,

Свершитель гордых дел пришел к стыду такому?

Нет, Альба, связана со мной судьба твоя:

Падешь иль победишь — причиной буду я.

Меня почтила ты — тебе воздам я скоро:

Вернусь — так без стыда, погибну — без

позора.

Камилла.

Ужель не видишь ты, что изменяешь мне?

Куриаций.

Любимой верен я, но родине — вдвойне.

Камилла.

На брата своего ты поднимаешь руку.

Он муж твоей сестры!

Куриаций.

Мы примем нашу муку.

Вся нежность отнята — о, жребий наш суров! —

У слов: сестра и брат, когда-то нежных слов.

Камилла.

Жестокий! Думаешь, Камиллы сердце радо

За голову его тебе служить наградой?

Куриаций.

Отныне должен я об этом позабыть.

Осталось мне одно — и без надежд любить.

Ты плачешь?

Камилла.

Ах, слезам противиться нет силы!

Ведь гибели моей бездушно хочет милый.

Меня ввергая в ночь, нещадно тушит он

Наш факел свадебный, что наконец зажжен;

В упорной слепоте свою невесту губит

И в грудь вонзает нож, еще твердя, что любит.

Куриаций.

Слезам возлюбленной легко осилить нас:

Неотразим сквозь них огонь прекрасных глаз!

Они такое мне внушают сожаленье,

Что в твердости моей нет воодушевленья.

Не сокрушай мой дух страданием сво-

им!

Молю: пускай оно умолкнет перед ним!

Слабеет мужество, и я его теряю.

Любимой верен я, себе же изменяю.

Ужели, с дружбою борьбой утомлено,

Любви и жалости не победит оно?

Но выход есть — тебя, любимая, обидеть,

Чтоб легче ты меня смогла возненавидеть.

Тогда в борьбе с собой избегну лишних мук.

Знай: ты покинута, и я тебе не друг.

Отмсти обидчику за оскорбленье это.

Ужель он не найдет достойного ответа?

Ужель, отвергнутой, тебе твой недруг мил?

Ужель поступок мой тебя не прогневил?

О горе! Мы должны идти на преступленье,

Чтоб наше мужество не ведало сомне-

нья.

Камилла.

Не совершай греха иного, и тебя
За этот я прощу, сильней еще любя.
Братоубийственной не добивайся славы,
И примирюсь я с тем, кем предана лукаво.
Зачем одной стране не служим мы с тобой?
Сплетала б лавры я тебе своей рукой,
В тебя вливала бы уверенность и силу,
Как с братом собственным, с тобой бы говорила.
О, как такой слепой я нынче быть могла,
Что, за него молясь, тебе желала зла!
Он возвращается. Ужель его супруга
Бессильна перед ним, как я пред волей друга?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Гораций и Сабина.

Куриаций.

О боги! Для чего Сабина с ним? Увы,
Невесте помогать сестру прислали вы,
Чтоб жалобы ее мой дух поколебали
И победить она могла в своей печали.

Сабина.

Нет, брат, я у тебя не стану на пути.
Дай лишь тебя обнять, сказать тебе «прости».
Ты — крови доблестной, и верь в себя спокойно:
Ты не свершишь того, что храбрых недостойно.
Когда бы дрогнуть мог теперь один из вас,
Я от супруга бы, от брата отреклась.
Но мужа славного, но брата дорогого
Лишь об одном просить и умолять готова:

Хочу я, чтоб не стал преступным этот бой,

Чтоб честь пожертвовать отечеству собой

Не превратили вы в злодейство, в преступленье

И недругами стать могли без сожаленья.

Лишь я виновница священных ваших уз.

Когда исчезну я, исчезнет ваш союз.

В угоду чести пусть прервется связь меж вами,

И, чтобы ненависть вас сделала врагами,

Мой горестный конец сегодня все решит.

Рим хочет этого, и Альба так велит.

Один меня убьет, другой, возжаждав мести,

Во гневе праведном придет на поле чести

И меч свой обнажит, оправданный вполне

Иль мщеньем за сестру, иль скорбью

о жене.

Нет, мой совет приняв, вы были бы не правы:

Не должно осквернять высокой вашей славы.

Всю душу отдали вы родине своей.

Чем крепче ваша связь, тем с нею вы щедрей.

На алтаре страны заклать вам должно брата,

Не медлите, завет осуществляйте свято:

Сперва в его сестру вонзите острый меч;

Сперва его жену заставьте мертвой лечь;

Сперва покончите со мною, коль отчизне

Столь дорогие мне вы отдаете жизни.

Тебе, мой брат, в бою противник нынче — Рим,

Ты, муж мой, — Альбе враг, а я обоим им!

Иль вы желаете, бездушны и суровы,

Чтоб я увидела, как тот венок лавровый,

Что принесет герой сестре или жене,

Дымится кровию, родной и близкой мне?

Как должное воздать и жертве и герою,

Быть нежною женой и любящей сестрою,

Живому радуясь, над умершим тужить?

Решенье здесь одно: нельзя Сабине жить.

Я смерть должна принять, чтоб не изведать муки.

Сама себя убью, коль слабы ваши руки.

Жестокие сердца! Что удержало вас?

Я своего добьюсь потом, коль не сейчас.

Едва сойдетесь вы с подъятыми мечами —

И, алча гибели, я брошусь между вами.

Чтоб одного из вас упала голова,

Сабину поразить придется вам сперва.

Гораций.

Жена!

Куриаций.

Сестра!

Камилла.

Смелей! Они должны смягчиться!

Сабина.

Как! Вы вздыхаете? Бледнеют ваши лица?

Что испугало вас? И это — храбрецы,

Двух городов-врагов отважные бойцы?

Гораций.

Что сделал я, жена? Какие оскорбленья

Заставили тебя искать такого мщенья?

Чем провинился я? Кто право дал тебе

Мой дух испытывать в мучительной борьбе?

Ты удивить его и восхитить сумела,

Но дай мне завершить мое святое дело.

Ты мужа превзошла, но если он любим
Женою доблестной, не торжествуй над ним.
Уйди, я не хочу победы слишком спорной!
Что защищаюсь я — уже и то позорно.
Позволь мне умереть, как повелела честь.

Сабина.

Не бойся, у тебя теперь защитник есть.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и старый Гораций.

Старый Гораций.

Ужели чувства здесь возобладали властно,
И время подле жен вы тратите напрасно,
И, кровь решась пролить, слезами смущены?
Нет, дети, жен своих оставить вы должны.

Вас жалобы смягчат и, нежностью лукавой

Лишивши мужества, толкнут на путь неправый.

Лишь бегство победит противников таких.

Сабина.

Тебе они под стать — так не страшись за них.

Ты, вопреки слезам Камиллы и Сабины,

Добьешься своего от зятя и от сына;

И если удалось отважных нам смягчить,

Ты — здесь, и сможешь ты в них доблесть укрепить.

Не будем проливать напрасных слез, Камилла:

Пред этой твердостью ничтожна наша сила.

Лишь в безнадежности покой мы обретем.

Сражайтесь, хищники, а мы с сестрой умрем.

Сабина и Камилла уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гораций, Куриаций, старый Гораций.

Гораций.

Отец! Не уступай неистовству такому
И женщин ни за что не выпускай из дому.
Да не смущает нас, когда польется кровь,
Слезами, воплями их горькая любовь,
Чтобы не изъявил никто поползновенье
В преступном сговоре нам бросить обвиненье;
Не в меру дорого б нам слава обошлась,
Коль заподозрили б в постыдных плутнях нас.

Старый Гораций.

Все сделаю, мой сын. Ступайте к братьям, дети,
И помните: у вас один лишь долг на свете.

Куриаций.

Как я с тобой прощусь и что могу сказать...

Старый Гораций.

Не надо чувств моих отцовских пробуждать!

Мне не хватает слов, чтоб влить в тебя отвагу:

Я в помыслах нетверд, и ощущаю влагу

На старческих глазах, и сам рыдать готов.

Боец, исполни долг и жди суда богов!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сабина одна.

Сабина.

Чем стану я в беде, ниспосланной судьбою, —
Женою любящей иль преданной сестрою?
Принять решение отныне надо мне
И твердо быть на той иль этой стороне.
Что ж изберет душа, унынием объята?
Кого назвать врагом — супруга или брата?
Страсть к одному влечет, с другим связует кровь.
К обоим властная живет во мне любовь.
Нет, с ними в доблести мне следует сравняться:

Супругой этому, сестрой тому остаться,

Твердить себе: их честь стократ важней всего,

И не пристало мне страшиться ничего —

Ведь коль они падут, то смертью столь прекрасной,

Что весть о ней — и та не может быть ужасной.

Покорствуя судьбе, я знать одно должна:

Не кто принес им смерть, а лишь — за что она.

Я победителей приму, гордясь той славой,

Что родичам несет их подвиг величавый,

Не думая о том, ценою крови чьей

Так высоко вознес он доблестных мужей.

С любой из двух семей торжествовать должна я,

В одной из них жена, в другой же дочь

родная;

С любой столь прочная меня связала нить,

Что только близкий мне и может победить.

Какое б горе мне судьба ни слала злобно,

В нем радость обрести я все-таки способна,

Способна видеть бой, не устрашась его,

Смерть — без отчаянья, без гнева — торжество.

О обольщения, о сладкие обманы!

Огнем нечаянным, мерцавшим из тумана,

Надежду тщетную вы в сердце мне зажгли,

Но сразу он померк, мгновенно вы прошли!

Как молния во тьме мелькает, пламенея,

Чтоб стала ночь потом еще стократ темнее,

Мне в очи брызнули вы трепетным ог-

нем,

Чтоб гуще и мрачней нависла тьма кругом.

Вы облегчили мне страданье и тревоги;

Теперь пора платить: ревнивы наши боги,

И сердце скорбное удары поразят,

Которыми сражен супруг мой или брат.

О смерти их скорбя, я думаю с тоскою,

Не для чего он пал, но — чьей сражен рукою,

И, мысля о венце прославленных мужей,

Печалюсь об одном — ценою крови чьей?

С семьею павшего рыдать теперь должна я,

В одной из них жена, в другой же дочь родная.

С одною — кровь, с другой закон связал меня.

Кто б ни был побежден, он будет мне

родня.

Вот вожделенный мир! Его я так желала —

И сила вышняя моленья услыхала.

Как беспощаден ты во гневе, грозный рок,

Когда, и милости даруя, столь жесток,

И как безжалостно караешь преступленье,

Коль к неповинному не знаешь сожаленья!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сабина, Юлия.

Сабина.

Свершилось, Юлия? Так что же мне грозит?

Сражен ли милый брат? Любимый муж убит?

Иль, обе стороны победой удостоив,

Преступные мечи заклали всех героев,

Чтоб я в отчаянье не проклинала тех,

Кто победил в бою, а хоронила всех?

Юлия.

Того не знаешь ты, что всем известно стало?

Сабина.

Дивиться этому не следует нимало:
Ведь мне с Камиллою — забыла ты о том? —
На время битвы стал тюрьмою этот дом.
Нас держат взаперти: не то в тоске о братьях
И о возлюбленных мы бросимся разнять их,
Поставим и любовь и скорбь на их пути,
Чтоб жалость в лагерях обоих обрести.

Юлия.

Ни слез для этого не нужно, ни объятий:
Один их вид смутил враждующие рати.

Едва лишь вызвали из строя шесть бойцов,

Как ропот пробежал вдоль сомкнутых рядов.

Увидев, что друзья и родичи готовы,

Неся друг другу смерть, исполнить долг суровый,

Тот состраданием, тот ужасом объят,

А эти славят их, безумствуют, кричат,

Кто восхищается столь яростным усердьем,

Кто дерзостно зовет его жестокосердьем,

Но все в конце концов согласны меж собой,

И все хулят вождей за выбор роковой,

И, возмущенные богопротивным боем,

Бросаются вперед, не дав сойтись героям.

Сабина.

Какую вам хвалу, бессмертные, воз-

дать!

Юлия.

Не рано ли еще, Сабина, ликовать?
Надежда ожила, слабеют опасенья,
Но есть еще, увы, причины для волненья:
Как ни стараются беду предотвратить,
Безумцев доблестных, увы, не убедить!
Им драгоценна честь высокого избранья,
Честолюбивые ласкают их мечтанья.
Мы все за них скорбим, но, гордости полны,
Подобной жалостью они оскорблены
И мнят, что ропот войск на них пятном ложится,
С той ратью и с другой они готовы биться,
И смерть от рук друзей им легче перенесть,
Чем, уступив мольбам, отвергнуть эту честь.

Сабина.

Как? Этих душ стальных упорство безнадежно?

Юлия.

Да, но войска шумят и требуют мятежно

Вести на битву всех иль, вверившись богам,

Вручить судьбу опять шести другим бойцам.

Вождей своих они открыто избегают,

Речей не слушают, приказы отвергают.

В смущенье царь. Едва надеясь на успех,

«Раздор, — он говорит, — лишил рассудка всех.

Так спросим же богов — ведь воля их священна, —

Угодна им иль нет решенья перемена?

Какой смельчак дерзнет роптать, когда о том

По внутренностям жертв смиренно мы прочтем?»

Он смолк. Его слова простые чудотворны:

Им даже шестеро избранников покорны —

Как жажда подвига ни ослепляет их,

Не могут и они не чтить богов благих.

Почтеньем ли к царю иль страхом пред богами,

Но Туллий укротил в бойцах гордыни пламя,

И, словно он уже владыка двух племен,

Двум ратям речь его звучала как закон.

Решит же суд богов и жертвоприношенье.

Сабина.

Богам не может быть угодно преступленье.

На них надеюсь я: уже отложен бой,

И не изменит нам их промысел благой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Камилла.

Сабина.

Отрадной новостью хочу я поделиться.

Камилла.

Ее, мне кажется, я слышала, сестрица.

Когда пришли к отцу, я находилась там.

Но что хорошего она приносит нам?

Отсрочена беда — потом сильней страданья,

Томительнее страх и муки ожиданья.

Нет, только одного теперь мы вправе ждать —

Что позже час придет над павшими рыдать.

Сабина.

Но в ратях правый гнев зажжен веленьем божьим!

Камилла.

Богов, по-моему, напрасно мы тревожим.

Ведь выбор горестный был ими же внушен,

И не всегда народ богами вдохновлен.

Не снисходя к толпе, им подобает боле

Владык одушевлять своей священной волей:

Неоспоримые земных царей права,

Их власть разумная — лишь отблеск божества.

Юлия.

Чем обрекать себя на тщетные мученья,

Читай в оракулах небесные решенья.

Ведь если от судьбы ты доброго не ждешь,

Ответ того жреца — пустой обман и ложь.

Камилла.

Слова оракула всегда, увы, невнятны:

Чем кажутся ясней, тем менее понятны;

Чем больше верим мы, что в них загадки нет,

Тем многосмысленней обманчивый ответ.

Сабина.

Нет, верить мы должны, что боги явят милость,
Чем за надежду б нам платить ни приходилось.
Пусть это слабый луч, но он от вышних сил.
Кто не надеется — его не заслужил.
Мы милосердию небесному преграда,
Коль загодя в него уверовать не рады.

Камилла.

Помимо нас, увы, решают небеса,
И наши жалкие бессильны голоса.

Юлия.

Вас боги ввергли в страх, но сжалятся над вами.
Прощайте! Я иду за новыми вестями.
Не лейте слез. Когда увидимся мы вновь,
Я, верьте, принесу вам радость и любовь,
И весь остаток дня пройдет под зна-

ком мира,

В приготовлениях для свадебного пира.

Сабина.

Надежду я храню.

Камилла.

Во мне она мертва.

Юлия.

Сама признаешь ты, что я была права.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сабина, Камилла.

Сабина.

И от меня, сестра, прими упрек нестрогий:

Не слишком ли теперь ты поддалась тревоге?

А если бы твоей была судьба моя,

И ты терзалась бы, как нынче мучусь я?

А если б ты ждала, над самой бездной

стоя,

Таких же бед, как я, от рокового боя?

Камилла.

Должна бы ты сама о них судить трезвей:

Чужая боль не то, что боль души своей.

В назначенное мне по вышнему веленью

Вглядись, и свой удел сочтешь не мраком — тенью.

Лишь участь милого должна тебя смущать:

Не можем братьев мы к супругу приравнять.

Нас вводят в новый дом законы Гименея,

И с отчим домом связь становится слабее.

По-разному теперь и думаешь о них,

А мужа полюбив, забудешь о родных.

Но если милого отец признал как зятя —

Хотя не муж, для нас не меньше он, чем

братья.

И их по-прежнему мы любим и его,

Но предпочесть — увы! — не в силах никого.

Сабина! Можешь ты, и мучась и страдая,

Лишь одного хотеть, о прочем забывая;

Мне ж нечего желать, и все меня страшит,

Коль скоро вышний суд решенья не смягчит.

Сабина.

Так рассуждать нельзя. Судьба ко всем сурова,

Коль должно одному пасть от руки другого.

Хоть муж становится нам ближе всех родных,

Но, и уйдя к нему, нельзя забыть о них.

Не всё вольны стереть заветы Гименея:

Супруга любим мы, о близких сожалея.

Природа властвует над нами с детских лет,

И кровным родичам ни в ком замены нет.

Родные, как и муж, — душа твоя и тело.

Все горести равны, достигшие предела.

Но суженый, по ком ты нынче без ума, —

Он для тебя лишь то, что хочешь ты сама.

Причуды ревности, дурное настроенье —

И вот уж он забыт, забыт в одно мгновенье.

Трудней ли разуму влеченье побороть?

Но связи вечные — родная кровь и плоть.

Того, что скреплено обдуманным союзом,

Нельзя предпочитать родства священным узам.

Нет, если вышний суд решенья не смягчит,

Мне нечего желать, и все меня страшит,

А вот тебе дано, и мучась и страдая,

Лишь одного хотеть, о прочем забывая.

Камилла.

Поистине тебе не волновало кровь

Пустое для тебя, и чуждое — любовь.

Находим силу мы сопротивляться страсти,

Пока она своей не показала власти,

Пока, просватав нас, отец наш не возвел

Ее, захватчицу, на собственный престол.

До этого — кротка, теперь она — тиранка.

Но раз понравилась тебе ее приманка,

Преодолеть любовь душа уж не вольна

И хочет лишь того, что повелит она.

Мы крепко скованы, но сладкими цепями.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и старый Гораций.

Старый Гораций.

Я прихожу сюда с недобрыми вестями,
О дочери мои! Но для чего скрывать
То, что вы можете от каждого узнать?
Свершился суд богов, и бьются ваши братья.

Сабина.

Да, не таких вестей могла бы ожидать я.
Казалось мне всегда, что правый суд богов
К нам должен быть не так безжалостно суров.
Не утешай же нас. Так тягостно несчастье,
Что жалки все слова и ни к чему участье.
С мученьями теперь покончить мы вольны:

Кто смерти жаждет, тем несчастья не страшны.

Легко могли бы мы, храня на людях гордость,

Свое отчаянье изобразить как твердость.

Но если слабыми сейчас не стыдно быть,

К чему же пред людьми храбриться и хитрить?

Мужчинам свойственно подобное искусство,

А мы — на женские мы притязаем чувства

И вовсе не хотим, чтоб с нами клял судьбу

Суровый муж, всегда готовый на борьбу.

Встречай же не дрожа губительные грозы

И слез не проливай, на наши глядя слезы.

Итак, молю тебя: в жестокий этот час

Храни свой гордый дух, не осуждая нас.

Старый Гораций.

Слезам и жалобам не нахожу упрека:
Ведь я с самим собой боролся так жестоко,
Что вряд ли в этот час сумел бы устоять,
Когда бы столько же страшился потерять.
Врагами для меня твои не стали братья.
Как прежде, всех троих я рад принять в объятья,
Но с дружбой не сравнить ни страстную любовь,
Ни ту, что вызывать должна родная кровь.
Мне не дано познать тоску, что истомила
Сабину — о родных, о женихе — Камиллу.
Я видеть в них могу врагов страны моей

И всей душой стоять за милых сыновей.

Хвала тебе, судьба! Они достойны Рима;

Их право представлять страну — неоспоримо,

А жалость отметя, что выказали им,

Они вдвойне себя прославили и Рим.

Когда б они, сробев, сочувствия искали

Иль настояниям обеих ратей вняли,

То от моей руки на них бы пала месть

За рода моего поруганную честь.

Но раз, им вопреки, других избрать хотели,

Я к той же, что и вы, тогда склонялся цели,

И если б до богов донесся голос мой,

Иных бы смельчаков послала Альба в бой,

Чтоб, кровью братскою не оскверняя славу,

Стяжали торжество Горации по праву

И чтобы не в таком неправедном бою

Родимый город наш обрел судьбу свою.

Но нет! Бессмертные судили по-иному.

Мой дух покорствует решению святому,

И жертвы он готов любые принести

И в счастье родины блаженство обрести.

Мужайтесь же, как я, — не так вам будет больно.

Вы обе римлянки — и этого довольно.

Ты — стала римлянкой, ты — остаешься ей,

И нету имени почетней и славней.

Оно по всей земле от края и до края

Пройдет, как гром с небес, в народы страх вселяя,

Чтоб утвердить везде единый свой закон

И зависть возбуждать в царях чужих племен.

Энею было так обещано богами.{69}

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Юлия.

Старый Гораций.

Ты, Юлия, пришла с победными вестями?

Юлия.

Нет, горестен исход сраженья для страны,

И сыновья твои — увы! — побеждены.

Из трех остался жив один супруг Сабины.

Старый Гораций.

О роковой исход, о грозная судьбина!

Отныне подчинен наш город Альбе стал.

Но неужель мой сын за родину не пал?

{69} Комментарии: 2.69

К стр. 345

Энею было так обещано богами. — Эней, герой Троянской войны, родственник царя Приама. После гибели Трои он с остатками своих подданных отправился в морское путешествие. В VI в. до н. э. возник миф, что Эней переселился в Гесперию, то есть Италию, и стал родоначальником римских царей. Этот миф обработан в «Энеиде» Вергилия.

Нет, нет, не истину узнала ты о бое:

Иль Рим не побежден, иль сражены все трое.

Я знаю кровь мою — она свой долг блюдет.

Юлия.

Глядели с наших стен и я и весь народ.

Мы восхищались им. Когда же братья пали

И против одного сражаться трое стали,

Он бросился бежать, чтобы спастись от них.

Старый Гораций.

И римляне его оставили в живых?

Предателя они прикрыли преступленье?

Юлия.

Я видеть не смогла разгрома довершенье.

Камилла.

О братья!

Старый Гораций.

Не о всех печалиться тебе:
Двух доблестных сынов завидую судьбе.
Да будет лаврами покрыта их могила!
Меня же слава их с утратой примирила.
За верность родине сынам дано моим —
Пока дышать могли — свободным видеть Рим,
Лишь римскому царю, как должно, подчиненным,
Но не чужим вождям и не чужим законам.
Оплакивай того, кто горестным стыдом,
Неискупаемым, покрыл наш гордый дом.
Оплакивай позор Горациева рода:
Нам не стереть его из памяти народа.

Юлия.

Но что же должен был он сделать?

Старый Гораций.

Умереть

Иль в дерзновении предсмертном — одолеть.

Он мог жестокое отсрочить пораженье,

Беду отечества — хоть на одно мгновенье,

И смертью доблестной со славой павший сын

Не опозорил бы родительских седин.

Та кровь, что в час нужды не отдана отчизне, —

Позорное пятно на всей грядущей жизни,

И каждый лишний миг — раз он еще живет —

Его и мой позор пред всеми выдает.

Суровое мое решенье непреклонно:

Старинным правом я воспользуюсь законно,

Чтоб увидали все, как власть и гнев отца

За трусость жалкую карает беглеца.

Сабина.

Молю тебя, отец: во гневе благородном

Несчастье общее не делай безысходным!

Старый Гораций.

Да, сердцу твоему утешиться легко.

Ведь ранено оно не слишком глубоко,

И павшего на нас избегла ты проклятья:

Судьбой пощажены и твой супруг и братья.

Мы подданные — да, но града твоего,

И муж твой предал нас, но братьям — торжество.

И, видя славы их высокое сиянье,

Стыду Горациев не даришь ты вниманья.

Но так любим тобой преступный твой супруг,

Что не избегнешь ты таких же слез и мук.

Не думай страстными спасти его слезами.

Еще до вечера — я в том клянусь богами —

Отцовская рука, свершая приговор,

И кровь его прольет и смоет наш позор.

(Уходит.)

Сабина.

Скорей за ним! Ведь он сейчас на все способен.

Неужто лик судьбы всегда жесток и злобен?

Зачем должны мы ждать лишь горя и тоски

И вечно трепетать родительской руки?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старый Гораций, Камилла.

Старый Гораций.

В защиту подлеца твои напрасны речи.
Пусть, от врага бежав, с отцом страшится встречи.
Хоть жизнь ему мила, но он ее не спас,
Когда не поспешил с отцовских скрыться глаз.
Пускай жена его заботится об этом.
Я ж небесами вновь клянусь пред целым светом…

Камилла.

Смягчись, отец, смягчись! Ведь так неумолим
Не будет к беглецу и побежденный Рим.
Простит великий град и в самом тяжком горе
Того, кто одолеть не смог в неравном

споре.

Старый Гораций.

Что мне до этого? Пусть римляне простят —

Заветы старины иное мне велят.

Я знаю, как вести себя бойцу в сраженье.

В неравной схватке смерть милей, чем отступленье.

Мужчина истинный, коль в нем душа тверда,

Хотя и побежден, не сдастся никогда.

Молчи! Я знать хочу, зачем пришел Валерий.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Валерий.

Валерий.

Отцу, скорбящему о тягостной потере,

Царь утешенье шлет…

Старый Гораций.

Не стоит продолжать

И незачем меня, Валерий, утешать.

Двух сыновей война скосила слишком скоро,

Но, мертвые, они не ведают позора.

Когда за родину дано погибнуть им,

Я рад.

Валерий.

Но третий сын — кому сравниться с ним?

Ведь он — замена всем, как лучший между ними.

Старый Гораций.

Зачем не сгинул он, а с ним и наше имя!

Валерий.

Один лишь ты грозить решаешься ему.

Старый Гораций.

И покарать его мне должно одному.

Валерий.

За что? За мужество, достойное героя?

Старый Гораций.

Какое мужество — бежать во время боя?

Валерий.

За бегство ловкое он славою покрыт.

Старый Гораций.

Во мне еще сильней смущение и стыд.

Поистине пример, достойный удивленья:

От боя уклонясь, достигнуть прославленья!

Валерий.

Чего стыдишься ты, скажи мне наконец?

Гордись! Ты нашего спасителя отец!

Он торжество и власть принес родному граду.

Какую можешь ты еще желать награду?

Старый Гораций.

Что слышу от тебя? Где торжество и власть,

Коль под руку врагов нам суждено подпасть?

Валерий.

Об их победе речь странна и неуместна.

Возможно ль, что тебе еще не все известно?

Старый Гораций.

Я знаю: он бежал и предал край родной.

Валерий.

Он предал бы его, на том закончив бой,

Но бой не кончился, и вскоре все узрели,

Что бегством он сумел достичь победной цели.

Старый Гораций.

Как! Торжествует Рим?

Валерий.

Спеши теперь узнать,

Что доблестного ты не вправе осуждать.

Один вступил в борьбу с тремя. Но во-

лей рока

Он — невредим, а те — изранены жестоко.

Слабее всех троих, но каждого сильней,

Он с честью выскользнет из роковых сетей.

И вот твой сын бежит, чтоб хитрость боевая

Врагов запутала, в погоне разделяя.

Они спешат за ним. Кто легче ранен, тот

Преследует быстрей, а слабый отстает.

Настигнуть беглеца все трое рвутся страстно,

Но, разделенные, не действуют согласно.

А он, заметивши, что хитрость удалась,

Остановился вдруг: победы близок час.

Вот подбежал твой зять. Объятый возмущеньем,

Что враг стоит и ждет с надменным дерзновеньем,

Наносит он удар, но тщетен гордый пыл:

Ему, чтоб одолеть, уже не хватит сил.

Альбанцы в трепете: беда грозит их дому.

На помощь первому велят спешить второму.

Изнемогает он в усильях роковых,

Но видит, добежав, что брата нет в живых.

Камилла.

Увы!

Валерий.

Едва дыша, он павшего сменяет,

Но вновь Горация победа осеняет.

Без силы мужество не выиграет бой:

За брата не воздав, уже сражен второй.

От воплей небеса дрожат над полем брани:

Альбанцы в ужасе, мы полны ликованья.

Увидел наш герой, что близко торжество,

И, гордый, похвальбой приветствует его:

«Я братьям тех двоих уже заклал для тризны,

Последний — он падет на алтаре отчизны, —

Свою победу Рим на этом утвердит».

Сказал он — и уже к противнику летит.

Сомнений больше нет: твой сын у самой цели.

Враг, обескровленный, тащился еле-еле,

На жертву, к алтарю влекомую, похож.

Казалось, горло сам он подставлял под нож

И вскоре принял смерть, почти не дав отпора.

Отныне наша власть не вызывает спора.

Старый Гораций.

О милый сын! О честь и слава наших дней,

Оплот негаданный для родины своей!

Достойный гражданин, достойный отпрыск рода,

Краса своей страны и лучший сын народа!

Ошибку, что меня успела ослепить,

Хочу, обняв тебя, в объятьях задушить!

О, поскорее бы счастливыми слезами

Омыть чело твое, венчанное богами!

Валерий.

И ласкам и слезам ты скоро волю дашь:

Сейчас его к тебе пришлет властитель наш.

Молебствие богам и жертвоприношенье

Мы завтра совершим по царскому решенью.

Сегодня же за все, что благость их дала,

Во храме им воздаст короткая хвала.

Там царь, и с ним твой сын. Меня ж сюда послали

Счастливым вестником и вестником печали.

Но мало этого для милости царя:

Он сам к тебе придет, за все благодаря.

Чтоб должное воздать прославленному роду,

Он сам придет сказать, что за свою свободу

И торжество — тебе обязана страна.

Старый Гораций.

Чрезмерна эта честь — меня слепит она.

Твоими я уже вознагражден словами

За все, свершенное моими сыновьями.

Валерий.

Не платит полцены наш римский царь тому,

Кто подвигом своим венец вернул ему,

И чести знак любой, по мненью власте-

лина,

Бледней заслуг отца и доблестного сына.

Я ухожу. Но царь узнает от меня,

Что ты, старинные обычаи храня,

Готов ему служить и ревностно и верно.

Старый Гораций.

За это я тебе признателен безмерно.

Валерий уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Старый Гораций, Камилла.

Старый Гораций.

Не время, дочь моя, струить потоки слез,

Когда такую честь нам этот день принес.

Семейные тебя да не смущают беды,

Когда для всей страны они — залог победы.

Коль торжествует Рим ценою наших

ран,

Благословим удел, что нам судьбою дан.

Чрезмерно горевать о суженом не надо:

Другого ты найдешь в стенах родного града.

Счастливейшим себя теперь почтет любой,

Сестру Горация своей назвав женой.

Сабину известить я должен. Волей рока

Ей нанесен удар — и нанесен жестоко;

Убийцы родичей возлюбленных жена,

Имеет больше прав на жалобы она.

Но верю, что гроза промчится без возврата,

Что, разумом сильна и мужеством богата,

Над сердцем даст она любви возобладать,

Которой к храбрецу не может не питать.

А ты не уступай печали недостойной:
Появится герой — прими его спокойно.
Пред всеми показать тебе пришла пора,
Что подлинно ему ты кровная сестра.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Камилла одна.

Камилла.

О да! Я покажу, я ныне всем открою,
Что не должна любовь склониться пред судьбою,
Пред волей тех людей неправедных и злых,
Которых почитать должны мы за родных.
Мою хулишь ты скорбь. Но чем упреки строже,
Чем больше сердишься, они мне тем дороже.
Безжалостный отец! Мой рок неумолим,

И в этом скорбь моя пускай сравнится с ним.

Судьба, пред кем еще за день, за час единый

Переменяла ты столь разные личины,

То благосклонною, то грозною была,

Пока последний мне удар не нанесла?

И у кого в душе сменялись так тревожно

Печаль — веселием, а страх — надеждой ложной?

И кто была таких случайностей рабой,

Таких превратностей игрушкою пустой?

Оракул дал покой, а сон грозит и мучит;

Война ввергает в страх, а мир надежде учит.

Готовлю брачный пир, и в этот самый миг

На брата моего с мечом идет жених.

Я в смертном ужасе, два воинства в тревоге;

Вот развели бойцов, но вновь их сводят боги.

Альбанцев ждет успех, и только он, мой друг,

В моей крови еще не оскверняет рук.

Ужели было мне до Рима дела мало,

И смерть Горация легко я принимала,

И тщетно тешила надеждами себя,

Что не предам своих, противника любя?

За грех мне воздано судьбою беспощадной.

И как узнала я, что пал мой ненаглядный!

Соперник милого оповещает нас,

И, свой мучительный ведя при мне рассказ,

Открыто счастлив он, ласкаемый мечтою,

Не счастьем родины, о нет, моей бедою,

И, строя в грезах рай на бедствии чужом,

Победу празднует над милым женихом.

Но это что! Удел страшнее ждет Камиллу:

Я ликовать должна, когда гляжу в могилу,

Героя прославлять, как вся моя страна,

И руку целовать, которой сражена.

Не смею выразить я даже сожаленье:

Рыдания — позор, а вздохи — преступленье.

Рим требует: ликуй средь самых тяжких бед —

Без варварства в тебе душевной мощи нет.

Чужда я тем, кто чтит свой долг чрезмерно свято,

Не дочь и не сестра таким отцу и брату.

Напротив, я горжусь, что не скрываю мук,

Не мню бездушие заслугой из заслуг.

Надежды больше нет — чего ж теперь

бояться?

Пусть торжествует скорбь — ей незачем скрываться,

Пусть победителя высокомерный вид

Во мне отважную решимость укрепит

В лицо ему хулить деянье роковое

И ярость распалить в прославленном герое.

Вот он идет сюда. Не дрогнув перед ним,

Мы прах любимого как надлежит почтим.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Камилла, Гораций, Прокул.

Прокул держит в руке три меча убитых Куриациев.

Гораций.

Сестра! Моя рука за братьев отомстила,

Враждебной нам судьбы теченье изменила

И, римский навязав противникам за-

кон,

Одна решила спор и участь двух племен.

Взгляни же на мечи, что в битве славной взяты,

И должное сумей воздать победе брата.

Камилла.

Все то, что я должна, слезами ей воздам.

Гораций.

Ликует Рим, сестра. Зачем же слезы нам?

За братьев павших я расчелся в схватке честной.

Где кровью смыта кровь, там горевать невместно.

Когда свершилась месть, не вспоминай утрат.

Камилла.

Что ж, если души их иного не хотят

И если ты их смерть считаешь ото-

мщенной,

Зачем мне из-за них казаться огорченной?

Но кто же отомстит за гибель жениха,

Чтоб и его забыть могла я без греха?

Гораций.

Несчастная, молчи!

Камилла.

О мой жених любимый!

Гораций.

О недостойная! О вызов нестерпимый!

Как! Имя недруга, что мной повержен в прах,

И в сердце у тебя и на твоих устах?

Неистовство твое преступно мести жаждет,

Уста о ней твердят, и сердце горько страждет?

Рассудку подчинись, желаньям ставь предел,

Чтоб за свою сестру я больше не крас-

нел.

Ты заглушить должна любви слепое пламя,

Моими славными утешиться делами,

Чтоб от тебя иных не слышал я речей.

Камилла.

Дай, варвар, душу мне, подобную твоей.

Ты правды требуешь? Изволь, я крикну с болью:

Верни любимого иль дай терзаться вволю!

Всегда его судьба вершила и мою:

Мне дорог был живой, над мертвым слезы лью.

Навеки в грозный час простился ты с сестрою:

Лишь оскорбленная невеста пред тобою.

За гибель милого не перестану я

Свирепой фурией преследовать тебя.

О кровожадный тигр! А я — рыдать не смею?

Мне — смерть его принять и восхи-

щаться ею,

Чтоб, гнусное твое прославив торжество,

Теперь уже сама убила я его?

Пусть будет жизнь твоя столь горькой, столь постыдной,

Что и моя тебе покажется завидной,

А славу, что тебе, жестокому, мила,

Твои же омрачат бесчестные дела!

Гораций.

О боги, злоба в ней дошла до исступленья!..

Доколе от тебя мне слушать оскорбленья,

Которыми ты наш позорить смеешь род?

Приветствуй эту смерть, что славу нам несет,

И да затмится скорбь и память о любимом

Пред римской славою в тебе, рожденной Римом!

Камилла.

Рим, ненавистный враг, виновник бед моих!

Рим, Рим, которому был заклан мой жених!

Рим, за который ты так счастлив был сразиться!

Кляну его за то, что он тобой гордится.

Покуда мощь его не так еще сильна,

Пускай соседние воспрянут племена,

А если устоит он все ж под их ударом,

Пусть Запад и Восток восстанут в гневе яром,

И пусть надвинутся, враждой к нему горя,

Народы всей земли чрез горы и моря!

Пусть на себя он сам свои обрушит стены,

Себе же в грудь вонзит преступный меч измены,

А небо, услыхав и пожалев меня,

Затопит этот Рим потоками огня!

О! Видеть, как его дробит небесный

молот,

Как рушатся дома и твой венец расколот,

Последнего из вас последний вздох узреть

И, местью насладясь, от счастья умереть!

Гораций *(хватаясь за меч и преследуя убегающую Камиллу).*

Позор! Мой правый гнев терпенье не смирило!

Ступай же милого оплакивать в могилу!

Камилла *(раненая, за сценой).*

Злодей!

Гораций *(возвращаясь).*

Кто о враге отчизны пожалел,

Тому конец такой — единственный удел.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гораций, Прокул.

Прокул.

О, что ты совершил!

Гораций.

Я поступил как надо.

Смерть за подобный грех — достойная награда.

Прокул.

Не слишком ли жесток твой справедливый суд?

Гораций.

Пускай моей сестрой Камиллу не зовут.

Она не наша кровь, не дочь отцу родному:

Кто проклял родину, тот изменяет дому.

Своих же близких враг, уже не смеет он

От оскорбленных ждать ласкательных имен,

А кровных родичей тем более законны

И гнев, и скорый суд, прямой и непреклонный,

И тот навеки прав, кто сразу задушил
Столь святотатственный, хоть и бессильный пыл.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Сабина.
Сабина.

Что благородный твой порыв остановило?
Вот на руках отца кончается Камилла.
Отрадным зрелищем насытиться спеши,
А если хватит сил у доблестной души,
Последнюю пролей на алтаре народа
Еще живую кровь поверженного рода
И, вражьей не щадя, как не щадил родной,
Палач своей сестры, покончи и с женой.
Одна у нас вина, одной больны тоскою:
Я, как она, скорблю о закланных тобою.
Настолько тягостней мой грех в глазах твоих:

Ей дорог был один — я плачу о троих,

И жду бестрепетно любого наказанья!

Гораций.

Оставь меня сейчас иль подави стенанья.

Достойной будь женой для мужа своего

И к низкой жалости не понуждай его.

А если близостью супружеской, Сабина,

И в чувствах стали мы и в помыслах едины, —

В них до тебя не даст мне опуститься стыд,

Тебе же до меня подняться долг велит.

Да, мне понятна скорбь моей супруги милой.

Терпи, вооружись моей душевной силой.

Победный мой венок спеши признать своим

И не срывай с меня, но украшайся им.

Иль, честь мою кляня, ты так враждуешь с нею,

Что был бы мой позор тебе сейчас ми-

лее?

Женою верной стань, и меньше будь сестрой,

И возведи в закон пример, что подан мной.

Сабина.

Тебе ли стану я, ничтожная, подобной?

За братьев я тебя не упрекаю злобно.

Воздать им должное мне надлежит, скорбя,

И здесь враждебный рок виновнее тебя.

Но доблесть римскую отвергну я, конечно,

Когда велит она мне стать бесчеловечной,

И победителя счастливого жена

Погибшим родичам останется верна.

С народом празднуя отечества победы,

Семейные свои в семье оплачем беды,

И радость общую мы позабыть вольны

Во имя тех скорбей, что только нам даны.

Зачем не поступать, как нам велит

природа?

Когда идешь сюда, свой лавр оставь у входа,

Со мною слезы лей... Как! Низменная речь

Не вынудит тебя поднять священный меч

И гневно покарать меня за преступленье?

Камилла счастлива! Ее постигло мщенье.

Ты одарил сестру лишь тем, что та ждала,

И милого она за гробом обрела.

Любимый муж! Не ты ль меня обрек терзанью?

И если гнев остыл, исполнись состраданья!

Но, как бы ни было, молю тебя, супруг:

Не хочешь покарать? Тогда избавь от мук!

Как высшей милости, как беспощадной кары,

Я жажду от тебя последнего удара

И рада смерть принять: она ведь так легка,

Когда ее несет любимая рука!

Гораций.

О горе! Женщинам дарована богами

Губительная власть над лучшими мужами!

И жены слабые, бессмертных теша взгляд,

Над сильными, увы, и смелыми царят!

Чтоб мужество свое спасти от пораженья,

Я в бегстве вынужден теперь искать спасенья.

Прощай! Оставь меня иль перестань рыдать.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сабина одна.

Сабина.

Ни ярость, ни любовь не стали мне внимать!

Нет кары для вины, а горе безответно.

И милости прошу, молю о казни — тщетно!

Что ж, буду требовать и плакать вновь и вновь,

А нет — сама пролью тоскующую кровь.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старый Гораций, Гораций.

Старый Гораций.

Печальным зрелищем не дав смутиться взору,
Мы вышнему должны дивиться приговору:
Едва победы нас высоко вознесут,
Гордыню усмирить спешит небесный суд.
То горечь к радости примешивают боги,
То слабым станет вдруг и доблестный и строгий.
Не часто нам судьба дает добро свершить
Так, чтобы не пришлось при этом согрешить.
Я скорбью не воздам преступнице Камилле:

Мы жалость бо´льшую с тобою заслужили.

Я этой дочери-изменницы отец,

А ты ее сразил, позоря свой венец.

Я знаю: эта казнь совершена по праву,

Но ты сгубил, мой сын, и честь свою, и славу,

И лучше б не карать совсем вины такой,

Чем за нее воздать твоей, мой сын, рукой.

Гораций.

Достоин казни я — назначь же мне любую.

Я пролил кровь сестры, о родине ревнуя,

Но если решено, что это тяжкий грех,

И должно слушать мне укоры ото всех,

И опозорен я, — тебе дано по праву

Изречь свой приговор и совершить расправу.

Возьми же кровь мою — ведь я содеял зло,

И на нее теперь бесчестие легло.

Я не стерпел вины, судом ответив скорым, —

Мириться ли, отец, тебе с моим позором?

Когда поступками задета наша честь,

Такой отец, как ты, считает долгом месть.

Да замолчит любовь, где нету оправданья!

Мягкосердечный сам достоин наказанья,

И славе собственной цены не знает он,

Когда щадит того, кто им же осужден.

Старый Гораций.

Но быть суровыми порою мы не в силах

И для самих себя детей прощаем милых,

В преклонном возрасте еще сильней любя.

Мы не караем их, чтоб не карать себя.

Не то, что видишь ты, мой взор в тебе

находит.

Я знаю… Здесь наш царь! В покои стража входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Тулл, Валерий и стража.

Старый Гораций.

Я честью вознесен превыше всех людей,

Мой государь — у нас, под кровлею моей!

И вот, у ног царя…

Тулл.

Нет, встань, отец мой, смело!

Ведь за высокое и доблестное дело

Обязан я как царь — мое служенье в том —

Высокой почестью отметить славный дом.

(Указывая на Валерия.)

Отправлен был к тебе он сразу после боя,

Но сам я захотел увидеться с тобою.

Кто удивился бы, когда поведал он,

Что гибелью сынов ты не был сокрушен?

Твоей ли твердости, прекрасной и суровой,

Могло поддержкой быть сочувственное слово?

Но мне приносят весть — внезапно сам герой

Злодейством омрачил свой подвиг боевой:

О чести родины безудержно ревнуя,

Он дочь твою сгубил, сразив сестру родную.

Для самых сильных душ такой удар жесток, —

Не сломит ли тебя неумолимый рок?

Старый Гораций.

Мне тяжко, государь, но есть в душе терпенье.

Тулл.

Да, опыт жизненный приносит утешенье.

Хотя мы все, увы, нередко узнаем,

Что бедственные дни идут за светлым днем,

Но мало у кого настолько хватит воли,

Чтоб мужество хранить в безмерно тяжкой доле.

И если бы тебе, утратившему дочь,

Сочувствие мое могло теперь помочь,

То знай, что с жалостью, такой же бесконечной,

Как скорбь твоя, мой друг, люблю тебя сердечно.

Валерий.

Владыками небес дано земным царям

Вершить над нами суд, законы ставить нам,

И, родине служа, их власть, для всех святая,

За грех должна казнить, за подвиг награждая.

Позволь, мой царь, слуге смиренному сказать:

Ты сострадаешь там, где следует карать.

Позволь мне…

Старый Гораций.

Как! Умрет стране стяжавший славу?

Тулл.

Пусть он окончит речь. Я рассужу по праву.

Всегда, везде, для всех да будет правый суд —

Ведь только за него царей без лести чтут.

Ужасный грех свершил твой сын, и воздаянья

Здесь можно требовать, забыв его деянья.

Валерий.

Внемли же, государь всеправедный! Пора

Возвысить голос свой защитникам добра.

Не злобу доблестный в нас вызывает

воин,

Приявший почести: он почестей достоин.

Стократ щедрей его не бойся наградить —

Ведь сами римляне хотят его почтить.

Но коль он отнял жизнь у родственницы кровной,

То, славясь как герой, пусть гибнет как виновный.

Ты, царь, — отечества надежда и оплот,

От ярости его спаси же свой народ,

Когда не хочешь ты господствовать в пустыне:

Так много близких нам война скосила ныне,

И оба племени соединял тесней

Во дни счастливые так часто Гименей,

Что мало римлян есть, не потерявших зятя

Иль родича жены в рядах альбанской рати

И не оплакавших своих семейных бед

Под шум одержанных родной страной побед.

Но если мы, скорбя, преступны против Рима

И может нас герой карать неумолимо,

Кто будет варваром жестоким пощажен,

Когда родной сестре пощады не дал он?

Он не сумел простить отчаянья и гнева,

Что смерть любимого вселила в сердце девы:

Ей факел свадебный мелькал в дыму войны,

Но с милым навсегда мечты погребены.

Рим возвеличился и стал рабом нежданно:

Ведь наша жизнь и смерть уже в руках тирана,

И дни бесславные еще мы можем длить,

Пока изволит он преступников ща-

дить.

О Риме я сказал; теперь добавлю смело:

Для мужа доблести позорно это дело.

Я умолять бы мог царя взглянуть сейчас

На то, что совершил отважнейший из нас.

Тогда б увидел царь, как, местью пламенея,

Из раны хлынет кровь перед лицом злодея.

Он содрогнулся бы в ужасный этот миг,

Взглянув на хладный труп, на нежный юный лик.

Но мерзостно давать такие представленья.

Назавтра выбран час для жертвоприношенья.

О царь! Подумал ты, угодно ли богам

Принять воскуренный убийцей фимиам?

Он им, бессмертным, враг. За свято-

татство это

И у тебя они потребуют ответа.

Нет, не рука его решила бранный спор —

Помог отечеству бессмертных приговор.

Велением богов свое возвысив имя,

Он славу запятнал, дарованную ими;

Всех доблестно затмив, по воле вышних сил

Он сразу и венец и плаху заслужил.

Мы государеву услышать жаждем волю.

Злодейства мерзостней не видел Рим дотоле,

И, чтоб небесный гнев не поразил всех нас,

Убийце отомсти, благих богов страшась.

Тулл.

Гораций, говори!

Гораций.

Мне не нужна защита!

Ведь то, что сделал я, ни от кого не скрыто,

И если для царя вопрос уже решен,

То слово царское — для подданных закон.

Невинный может стать достоин осужденья,

Когда властитель наш о нем дурного мненья,

И за себя стоять нельзя нам потому,

Что наша кровь сполна принадлежит ему.

Пусть роковым для нас его решенье будет —

Наш долг святой считать, что он по праву судит.

Тебе достаточно, о царь мой, приказать.

Иные любят жизнь, я ж рад ее отдать.

Законная нужна Валерию расплата:

Он полюбил сестру и обвиняет брата.

Одну мольбу я с ним к престолу воз-

ношу:

Он смерти требует, и я о ней прошу.

Одна лишь разница: хочу законной мести,

Чтобы ничто моей не запятнало чести,

И вот стремимся мы по одному пути,

Он — чтоб ее сгубить, я — чтоб ее спасти.

Бывает редко так, чтоб сразу проявила

Все качества свои души высокой сила.

Здесь ярче вспыхнуть ей удастся, там — слабей,

И судят оттого по-разному о ней.

Народу внешние понятней впечатленья,

И внешнего ее он жаждет проявленья:

Пусть изменить она не думает лица

И подвиги свои свершает без конца.

Плененный доблестным, высоким и нежданным,

Он все обычное готов считать обманом:

Всегда, везде, герой, ты должен быть велик,

Хотя бы подвиг был немыслим в этот миг.

Не думает народ, когда не видит чуда:

«Здесь той же доблести судьба служила худо».

Вчерашних дел твоих уже не помнит он,

Уничтожая блеск прославленных имен.

И если высшая дана тебе награда, —

Чтоб сохранить ее, почить на лаврах надо.

Хвалиться, государь, да не осмелюсь я:

Все ныне видели мой смертный бой с тремя.

Возможно ль, чтоб еще подобное случилось,

И новым подвигом свершенное затмилось,

И доблесть, гордые творившая дела,

Подобный же успех еще стяжать могла?

Чтоб доброй памяти себе желать по праву,

Я должен умереть, свою спасая славу.

Как жаль, что я не пал, победу завершив:

Я осквернил ее, когда остался жив!

Тому, кто жил, себя для славы не жалея,

Перенести позор — стократ всего страшнее.

Спасенье верное мне дал бы верный меч,

Но не дерзает кровь из жил моих истечь.

Над нею властен ты. Я знаю: преступленье —

Без царского ее пролить соизволенья.

Но, царь мой, храбрыми великий Рим богат:

Владычество твое другие укрепят.

Меня ж от ратных дел теперь уволить можно,

И, если милости достоин я ничтожной,

Позволь мне, государь, мечом пронзить себя,

Не за сестру казнясь, а только честь любя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Сабина.

Сабина.

Супруга и сестра у ног твоих — Сабина.

Двойная, государь, в душе моей кручина,

И внять речам моим, о царь, молю тебя,

За милого страшась, о родичах скорбя!

Стремленья нет во мне слезой своей лукавой

Того, кто виноват, спасти от казни правой.

И чем бы он сейчас ни услужил стране, —

Карай, но пусть вину он искупит во мне,

Но пусть за кровь его прольется кровь Сабины.

Свершится та же казнь: мы оба с ним едины,

И ты отнимешь то, не пощадив его,

Что он в самом себе любил сильней всего.

Столь тесно связаны мы цепью Гименея,

Что он живет во мне и ярче и полнее,

И если дней моих сейчас прервется нить,

Его ничем иным нельзя верней казнить.

Молю и требую смертельного удара:

В нем — избавленье мне, ему же — злая кара.

Пусть ныне видит царь, как жизнь моя страшна

И на какой разлад душа обречена!

Смогу ли, скорбная сестра, теперь обнять я

Того, от чьей руки мои погибли братья?

Но и посмею ли кощунственно проклясть

Того, кто сохранил твою над Римом власть?

Убийцу родичей любить неколебимо!

Отвергнуть милого, что дал победу Риму!

Мне избавленье — смерть: любя его иль нет,

Священный все равно нарушу я завет.

Свой смертный приговор приму я, торжествуя:

Да, то, о чем прошу, сама свершить могу я,

Но сладко было б мне, разящий встретив меч,

Супруга милого от казни уберечь;

Разгневанных его суровостью чрезмерной,

Бессмертных утолить вот этой кровью верной

И жалостную тень сестры его младой,

Чтоб до конца служил отечеству герой.

Старый Гораций.

С Валерием, увы, мои согласны дети,
И отповедь в моем получит он ответе.
Стараются они, безумцы, об одном:
Пусть обескровленный совсем угаснет дом!

(Сабине.)

О ты, которую неправая обида
За братьями влечет к обителям Аида!
Их тени славные тебе дадут совет:
Кто пал за родину — для тех обиды нет.
Богами приговор назначен их отчизне;
Но если чувства есть не только в этой жизни,
Победу римскую им легче перенесть,
Когда своя родня стяжала эту честь.
Твое жестокое они осудят горе,
И вздохи тяжкие и скорбь во влажном взоре,
И ненависть к тому, что славно кончил бой.
Сабина, будь же им достойною сестрой!

(Туллу.)

Пускай Валерия остынет пыл напрасный:

Не преступление — порыв слепой и страстный;

И если правый гнев его одушевлял,

Не кары этот пыл достоин, а похвал.

Врагов родной страны любить до исступленья,

Отечество хулить за их уничтоженье,

Кощунственно ему сулить лихой удел —

Вот грех, которого Гораций не стерпел.

Когда бы родину любил он с меньшей силой,

Его деяния ничто б не омрачило.

А если бы вина уж так была тяжка,

Его настигла бы отцовская рука.

Я совершил бы суд. Моя душа готова

Немедля власть отца здесь проявить сурово.

Я честью, государь, безмерно дорожу:

Коль сын мой виноват, его не пощажу.

Свидетелем беру Валерия: он видел,

Как страстно я дитя свое возненавидел,

Когда уверен был, что бой пришел к концу

И бегством сын нанес бесчестие отцу.

Но не чрезмерно ли Валерия вниманье

К моей семье? Зачем он просит воздаянья

За гибель дочери, когда такой конец

Заслуженным готов считать ее отец?

Он говорит — мой сын для всех угрозой станет.

Но нашей гордости чужой позор не ранит,

И, как бы низменно ни поступал другой,

Мы не должны краснеть: ведь он для нас — чужой.

(Валерию.)

Рыдай, Валерий, плачь: пусть жалобы греховны

В глазах Горация, но ты ему не кров-

ный.

Не близких, не своих и вопль и гневный взгляд

Его бессмертного венца не оскорбят.

О лавры славные, сомнут ли вас бесчестно?

Вы голову его от молнии небесной

Сумели уберечь. Ужель склониться ей

Под оскверняющим железом палачей?

И это, римляне, ваш дар непобедимым?

Ведь Рим, не будь его, быть перестал бы Римом.

Как может римлянин хулить и гнать того,

Кто всех прославил нас и дал нам торжество?

Скажи, Валерий, ты, который жаждешь мести!

Казнить Горация в каком прикажешь месте?

В стенах ли города — там, где еще жива

Тысячеустая о подвиге молва?

Иль за воротами, на славной той равнине,

Где трех альбанцев кровь земля впитала ныне,

Где их могильные насыпаны холмы,

Где победил герой и ликовали мы?

В стенах, за стенами — где б ни вершить расправу,

Защитницей его мы встретим эту славу.

Твоя неправая осуждена любовь,

Что хочет в этот день пролить такую кровь.

Ведь это зрелище и Альбе нестерпимо,

И не смириться с ним взволнованному Риму.

Но рассуди же сам, о государь: страна

Того, что нужно ей, лишаться не должна.

То, что свершил мой сын, он снова сделать может

И новую опять угрозу уничтожит.

Не сжалиться прошу над слабым стариком:

Я четырех детей счастливым был отцом;

Во славу родины погибли нынче трое.

Но сохрани же ей четвертого — героя,

Чтоб стены римские и впредь он мог стеречь!

А я, воззвав к нему, свою закончу речь.

Не у толпы, мой сын, искать опоры надо;

Ее хвалебный гул — непрочная награда.

Мы часто слушаем весь этот шум и крик,

Но затихает он внезапно, как возник,

И слава громкая, которой столь горды мы,

Пройдет, как облако рассеянное дыма,

Лишь верный суд царя, вождя иль мудреца

И в мелочах ценить умеет храбреца.

От них мы подлинной украсимся хвалою,

И память вечную они дают герою.

Живи, как должен жить Гораций: никогда

Не отгремит она, блистательна, горда,

Хотя бы жалкого, ничтожного невежды

И были в некий миг обмануты надежды.

Не требуй смерти, сын, но, мужеством горя,

Живи для нас — отца, и Рима, и царя.

Прости, о государь, меня за многословье.

Но это Рим вещал отеческой любовью.

Валерий.

Дозволь мне, государь…

Тулл.

Не нужно лишних слов.

Все то, что ты сказал, одобрить я готов.

Речей твоих ничьи мольбы не заглушили,

И доводы твои остались в прежней силе:

Да, преступление, столь мерзостное нам,

Есть вызов и самой природе и богам.

Внезапный, искренний порыв негодованья

Для дела страшного — плохое оправданье.

Убийцу никакой не охранит закон,

И казни, по суду, заслуживает он.

Но если пристальней вглядеться, кто виновный,

Придется нам признать: чудовищный, греховный

Поступок той рукой безумно совершен,

Что сделала меня владыкой двух племен.

Двойной венец на мне: альбанцы — слуги Рима!

Все это за него встает необоримо.

Он утвердил меня в господстве, он один:

Я был бы подданным, где дважды властелин.

Есть много верных слуг, но в миги роковые

Дарят они царям лишь помыслы благие.

Не всем дано свершать высокие дела,

В которых бы страна опору обрела.

Искусство славное крепить основы трона

Немногим небеса даруют благосклонно.

Те, кто царей оплот в решительные дни, —

Закону общему подвластны ли они?

Сокроем, римляне, высокой ради цели

То, что впервые мы при Ромуле узрели.{70}

Тому, кто спас тебя, простишь ты, славный Рим,

{70} Комментарии: 2.70

К стр. 371

...что впервые мы при Ромуле узрели. — Намек на братоубийство, совершенное Ромулом при постройке стен Рима: между братьями возникла ссора, и Ромул убил Рема. Об этом рассказывает Тит Ливий (кн. I, гл. 6).

Первостроителем свершенное твоим.

Живи, герой, живи! Ты заслужил прощенье.

В лучах твоих побед бледнеет преступленье.

Причины доблестной последствие, оно

Священной ревностью твоей порождено.

Живи, но другом будь Валерию. Вы оба

Должны забыть, что вас разъединяла злоба.

Любви он верен был иль долгу своему,

Но чувства горького ты не питай к нему.

Сабина! И в самой безмерности страданья

Пускай твой сильный дух не сломят испытанья:

Не лей напрасных слез, и подлинной сестрой

Ты будешь воинам, оплаканным тобой.

Мы жертвы принесем богам, чуть ночь промчится.

Жрецы же, чтобы гнев небес успел смягчиться,

Очистить от греха Горация должны,

Пока на алтарях огни не зажжены.

В священном деле им отец его поможет.

Он душу дочери умилостивить может.

Мне жаль ее. Пускай свершится в этот час

Все то, к чему она, влюбленная, влеклась.

И если властная одна и та же сила

В один и тот же день любовников сгубила,

Да примет их тела в один и тот же день

Могильного холма торжественная сень.

РАЗБОР «ГОРАЦИЯ»[14] {71}

Довольно широко распространено мнение, что эта пьеса могла бы считаться прекраснейшим из моих произведений, если бы последние ее действия оказались под стать первым. Все в один голос утверждают, что смерть Камиллы портит конец трагедии, и я совершенно с этим согласен, но не уверен, все ли понимают, почему она его портит. Обычно это объясняют тем, что убийство совершается не за сценой; но если так, то вина тут актрисы, а не моя: когда Камилла видит, что брат хватается за меч, страх, столь естественный в женщине, обращает ее в бегство, и удар настигает жертву уже за кулисами, что я и оговорил в настоящем издании. Кроме того, если даже существует правило, запрещающее проливать кровь на сцене, оно восходит не ко

---

[14] Примечания: 1.14
Перевод Ю. Корнеева.

{71} Комментарии: 2.71
К стр. 372
Разбор — Этот разбор трагедии был впервые включен Корнелем в издание 1660 г.

временам Аристотеля, который учит,{72} что сильно взволновать зрителя можно, лишь показав ему большие несчастья, раны и смерть. Гораций не советует изображать слишком уж противоестественные злодейства,{73} вроде убийства Медеей родных детей, но я не считаю, что он возводит свой совет в непреложный закон, не позволяющий показывать смерть, и что гнев человека, страстно любящего отчизну, — гнев, который вызвала в нем сестра, в его присутствии предающая родину самым страшным проклятиям, — может быть приравнен к жестокости матери, подобной Медее. Сенека, наперекор Горацию, живописует злодеяния последней,{74} а у Софокла Аякс,{75} совершая самоубийство, не прячется от зрителя. Во втором из моих Рассуж-

---

{72} Комментарии: 2.72

...Аристотеля, который учит... — Корнель ссылается на гл. 11 «Поэтики» Аристотеля.

{73} Комментарии: 2.73

Гораций не советует изображать слишком уж противоестественные злодейства... — Корнель имеет в виду следующее место из «Науки поэзии» Горация (стр. 185):

Пусть малюток детей не при всех убивает Медея.

(Перевод М. Гаспарова)

{74} Комментарии: 2.74

Сенека живописует злодеяния... — Действительно, в трагедиях Сенеки убийства и самоубийства героев часто происходят на сцене: в «Медее» Медея убивает на сцене детей, в «Федре» героиня закалывается, в «Эди-

пе» герой выкалывает себе глаза, а Иокаста убивает себя кинжалом.

{75} Комментарии: 2.75

Аякс. — Корнель имеет в виду героя трагедии Софокла «Аянт», ошибочно называя его Аяксом.

дений{76} *я говорю о необходимости смягчать обстоятельства смерти Клитемнестры, но требование это неприменимо к случаю с Камиллой. Даже если бы, увидев, как брат обнажает клинок, она от отчаяния сама бросилась на меч,*{77} *Гораций, подняв оружие на сестру, все равно остался бы преступником: на сцене в эту минуту нет третьего персонажа, которого он может поразить вместо Камиллы, как поразил Орест Эгиста. К тому же описанное мною историческое событие слишком хорошо известно, чтобы автор посмел умолчать о нависшей над Горацием угрозе смертной казни за убийство сестры, да и защитительная речь отца, добивающегося помилования для сына, потеряла бы всякий смысл, если бы сын остался невиновным. Как бы там ни было, надо еще подумать, единственной ли причиной, спо-*

{76} Комментарии: 2.76

Во втором из моих Рассуждений… — В своем «Рассуждении о трагедии» Корнель высказывал мысль, что было бы лучше, если бы Орест в трагедии «Электра» не убивал столь решительно свою мать, что было бы удачнее, если бы она бросилась между Эгистом и Орестом и случайно получила смертельный удар от сына, который предназначал его Эгисту.

{77} Комментарии: 2.77

К стр. 373

…Увидев, как брат обнажает клинок, <…> сама бросилась на меч… — Именно такое решение этой сцены предлагал видный теоретик литературы аббат Франсуа д'Обиньяк (1604–1676) в своей работе «Практика театра» (1657).

собной обречь представление на провал, является картина убийства, оскорбляющая взоры публики, и нет ли в пьесе других отклонений от правил.

Не имея привычки скрывать свои промахи, укажу здесь несколько таких отклонений — и притом довольно серьезных. Во-первых, поступок Горация, становящийся кульминацией действия, слишком неожидан, он не развернут, а между тем Аристотель требует от подобных событий именно развернутости, предполагающей наличие зачина, развития и финала. Он повергает публику в изумление, и как я ни старался подготовить его, живописуя суровую добродетель Горация и сострадая его сестре, чей удел будет равно скорбен, кто бы ни победил в единоборстве — брат ее или возлюбленный, всего этого недостаточно, чтобы зритель ждал от Горация столь неистовой вспышки и чтобы ожидание это послужило как бы зачином сцены.

Второй недостаток пьесы заключается в том, что смерть Камиллы раздваивает действие: избегнув одной опасности, Гораций подвергается новой. Единичность же опасности, которой подвергается герой трагедии, есть залог единства действия, и когда он избавляется от нее, пьеса заканчивается, если только избавление от пер-

вой опасности не подвергает его другой с такой неизбежностью, что взаимосвязь и последовательность обеих сливает их воедино, чего нет в моем сочинении, где вернувшемуся с победой Горацию вовсе не надобно ни убивать сестру, ни даже говорить с нею и где действие вполне могло бы завершиться его торжеством. Этот неправдоподобный переход от одной опасности к другой производит тем менее выгодное впечатление, что после опасности общей, угрожающей государству в целом, на Горация надвигается опасность, угрожающая только ему, или, выражаясь еще более резко, после опасности славной, чреватой для него лишь героической кончиной, на него надвигается опасность позорная, из которой он непременно выйдет запятнанным. Отмечу еще и третий недостаток: Камилла, в первых трех действиях играющая лишь второстепенную роль и отодвигаемая в тень Сабиной, выходит на передний план в двух последних, где ее золовка перестает быть сколько-нибудь заметной фигурой; следовательно, характер действующих лиц выдержан, но удельный вес их меняется, что

противоречит завету Горация:{78}

> *…servetur ad imum*
>
> *Qualis ab incepto processerit, et sibi constet*[15].

Подобный недостаток образа Роделинды явился одной из главных причин неудачи «Пертарита»,{79} *и я ни разу не видел на нашей сцене актера, который не потерпел бы неудачу в роли, значение которой изменяется в ходе пьесы.*

В смысле времени трагедия не страдает излишней торопливостью и, как мне кажется, везде выглядит правдоподобной. В смысле же места, хотя единство его соблюдено точно, пьеса не свободна от известных натяжек. Совершенно очевидно, что ни у Горация, ни у Куриация нет

{78} Комментарии: 2.78

К стр. 374

…завету Горация. — Далее Корнель цитирует стихи 126–127 «Науки поэзии».

[15] Примечания: 1.15

> *…да будет он выдержан строго,*
> *Верным себе оставаясь от первой строки до последней.*
>
> ***Перевод М. Гаспарова.***

{79} Комментарии: 2.79

…неудачи «Пертарита»… — Постановка трагедии Корнеля «Пертарит» закончилась в 1652 г. почти полным провалом. Но он объяснялся не только слабостью пьесы, но и неудачным стечением обстоятельств — напряжением гражданской войны в период Фронды.

оснований покидать лоно семьи в начале второго действия, и здесь я прибегаю к сценической уловке: не привожу никаких причин там, где не могу привести веских. Драматический автор увлечен тем, что изображает в данную минуту, и не всегда способен хорошенько подумать, сходятся ли у него концы с концами; дать себе волю, чтобы ослепить зрителя, когда не можешь его убедить, — право, не такой уж это великий грех.

Сабина — довольно удачно задуманный образ: он вполне правдоподобен с точки зрения истории, которая прямо указывает на дружбу и равное положение обоих семейств, а значит, и на возможность брачного союза между ними.

Развитию действия она способствует не в большей мере, нежели инфанта в «Сиде». Как и та, она лишь по-своему откликается на происходящее. Тем не менее Сабину хвалят, инфанту осуждают. Я стал доискиваться причин тому и нашел две: одна заключается в более продуманной взаимосвязи сцен, совершенно естественно втягивающей — если можно так выразиться — Сабину в гущу событий, тогда как в «Сиде» сцены с участием инфанты стоят как бы на отшибе и кажутся инородными вставками.

…tantum series juncturaque pollet…[16] *{80}*

Другая причина состоит в следующем: коль скоро Сабина — жена Горация, события трагедии не могут не вызывать в ней определенных чувств, которые она и высказывает, — она ведь не в силах оставаться безучастной к судьбе мужа и братьев; инфанта же совсем не обязана откликаться на то, что касается Сида, и, даже испытывая к нему тайную склонность, вполне может о ней умолчать, коль скоро эта склонность не выражается ни в каких поступках.

Смысл слов оракула, сказанных в первом действии, проясняется в конце пятого и сперва своей мнимой внятностью направляет воображение по ложному пути; прорицания такого рода нравятся мне на сцене больше тех, где смысл нарочито затемнен, — неожиданное раскрытие их истинной сути производит гораздо более силь-

---

[16] Примечания: 1.16

Великую силу и важность
Можно (и скромным словам) придать…

Перевод М. Гаспарова.

{80} Комментарии: 2.80

К стр. 375

…великую силу и важность… — Цитата из «Науки поэзии» Горация (ст. 242–243).

ный эффект. В «Андромеде» и «Эдипе»[{81}] я также прибег к этому приему. По-другому я смотрю на сны, хотя ими — если, конечно, соблюдать меру — можно существенно украсить завязку пьесы. Мне кажется, они должны наводить на мысль о том, какова будет развязка трагедии, но наводить достаточно неопределенно, не позволяя точно предугадать ее. Именно так я дважды воспользовался этим приемом — здесь и в «Полиевкте», причем гораздо искуснее и с большим блеском в последнем, где сон уже предвосхищает все подробности события, тогда как в «Горации» он лишь туманный намек на грядущее несчастье.

Принято считать, что второе действие этой пьесы — одно из самых волнующих, а третье — один из самых мастерски построенных эпизодов, когда-либо представленных на сцене. Он держится только на рассказе о первой половине битвы между тремя парами братьев, перерывы в котором сделаны так удачно, что позволяют старому Горацию выражать досаду и гнев, благодаря чему его радость в четвертом действии воспринимается как настоящее ликование. Мне

{81} Комментарии: 2.81

В «Андромеде» и «Эдипе»... — Корнель упоминает две свои трагедии, написанные на сюжеты греческой мифологии; «Андромеда» поставлена в 1650 г., «Эдип» — в 1659 г.

показалось, что ввести его в заблуждение удобнее всего устами нетерпеливой женщины, которая полагается на первое впечатление и, видя, что два Горация повержены, а третий бежит, считает, что бой кончен. Мужчина, более уравновешенный и рассудительный, не поднял бы ложной тревоги: он набрался бы терпения и воочию удостоверился бы в исходе боя, потому что проявил бы непростительную опрометчивость, известив о печальном конце схватки, которого не видел собственными глазами.

Хотя царь появляется лишь в пятом действии, он в «Горации» более величав, нежели король в «Сиде», на всем протяжении пьесы он печется о благе государства, и хотя не говорит, но действует как настоящий монарх. Таким он предстает и в пятом действии, когда приходит почтить отца, чьи сыны ценой своей крови сохранили за ним, царем, трон Рима и добыли ему корону Альбы. Зато в роли судьи он выступает лишь случайно — вынести приговор Горацию в доме последнего его вынуждает правило единства места. Следовательно, пятое действие — еще одна причина той неудовлетворенности, какую испытывает публика, посмотрев эту трагедию. Оно целиком состоит из судебных речей, а здесь неуместны ни

рассуждения, ни увещания: они терпимы в начале представления, когда события еще не развернулись, но в пятом действии нужны поступки, а не разглагольствования. Уже утомленное внимание зрителя не мирится с бесконечными, оттягивающими финал монологами.

Иные находят, что Валерий не вправе выступать в пятом действии обвинителем Горация,{82} потому что в других недостаточно ярко выказал любовь к Камилле; тут я возражу, что это еще не основание считать его чувство слабым: отвергнутый поклонник не станет выказывать свою страсть любимой в день, когда той предстоит соединиться с другим, милым ей мужчиной. Для Валерия не нашлось места в первом действии, во втором — тем более, в третьем он должен пребывать под знаменами и потому появляется лишь в четвертом, как только смерть соперника дает ему повод вновь возыметь кое-какие надежды: пытаясь снискать благорасположение отца любимой девушки, он охотно берет на себя поручение царя известить старика Горация о

{82} Комментарии: 2.82

К стр. 377

Иные находят, что Валерий не вправе выступать в пятом действии обвинителем Горация… — Дальнейшее возражение адресовано Корнелем аббату д'Обиньяку.

чести, которую намерен оказать ему государь, и пользуется случаем, чтобы первым сообщить родителю о победе сына. Валерий любит Камиллу и в первых трех действиях, хотя у него нет там возможности выказать ей свое чувство: уже с первого явления пьесы ясно, что он расточает Камилле знаки внимания — недаром Сабина так тревожится о брате. Конечно, Валерий поступает не в соответствии с французскими обычаями, но он — римлянин, а римлянин совершил бы тяжкое преступление против государства, затеяв поединок с согражданином, точно так же как я совершил бы преступление против законов театра, если бы облек римлянина во французский наряд.

ЦИННА

ТРАГЕДИЯ

{83}

Перевод Вс. Рождественского

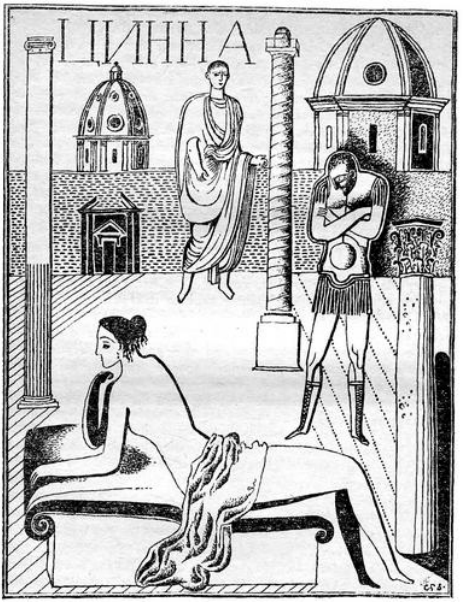
{83} Комментарии: 2.83

«ЦИННА»
(«CINNA»)

Сюжет этой трагедии был заимствован драматургом из сочинений древнеримского философа Сенеки (2–66 гг. н. э.) «О милосердии» (56 г. н. э.). Отрывок из этого трактата, а также его довольно точный перевод, включенный в кн. I «Опытов» Монтеня (гл. XXIV), Корнель поместил в первом издании пьесы. Написанная одновременно с «Горацием», то есть зимой 1639/40 г., трагедия была первый раз исполнена в конце 1640 г. в театре «Маре». В течение многих лет она шла с неослабевающим успехом. Современники видели в трагедии намеки на недавние события (например, роль Эмилия в заговоре против Августа сравнивали с политической ролью знаменитой г-жи де Шеврез, участницей Фронды и заговоров против кардиналов Ришелье и Мазарини). Этой пьесой вдохновлялась Шарлотта Корде, правнучка старшей дочери Корнеля, желавшая своей рукой «поразить тирана», каковым она считала Марата. Наполеон любил эту трагедию, но видел в поведении Августа не искренний порыв души, а тонкий политический ход. В пьесе играли многие известные актеры, в том числе Тальма.

Впервые издана трагедия была в январе 1643 г. Туссеном Кине под названием «Цинна, или Милосердие Августа».

На русском языке напечатана впервые в 1775 г. в переводе Я. Б. Княжнина. Перевод Вс. Рождественского впервые напечатан в 1956 г.


ЦИННА

Г-НУ ДЕ МОНТОРОНУ[17] {84}

Милостивый государь!

Я подношу Вам картину, живописующую одно из прекраснейших деяний Августа.{85} Государь этот был человеком широкой души, и широта ее нигде не обнаружилась блистательнее, нежели в поступках, продиктованных милосердием и щедростью. Обе эти редкие добродетели, данные ему от рождения, были в нем настолько неразрывны, что во время представления нашей пьесы каждая из них поочередно порождала другую в сердцах зрителей. Август проявил такую щедрость к Цинне, что заговор последнего был верхом неблагодарности по отношению к императору, и тому

---

[17] Примечания: 1.17

Перевод Ю. Корнеева.

{84} Комментарии: 2.84

К стр. 379

Монторон, Пьер дю Пиже (ум. 1664) — богатый финансист, плохо разбиравшийся в литературе, но оказывавший щедрую поддержку писателям; Корнель получил от него за посвящение «Цинны» 200 пистолей (то есть 2200 ливров), сумму довольно крупную по тем временам.

{85} Комментарии: 2.85

...одно из прекраснейших деяний Августа. — Октавий Цезарь Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) был внучатым племянником Юлия Цезаря. В 27 г. до н. э. Август принял титул императора. Интересно отметить, что история, рассказанная Сенекой о заговоре Цинны, не подтвержда-

ется таким важным источником, как «Жизнь двенадцати цезарей» Светония.

пришлось выказать беспредельное милосердие, чтобы простить виновного, а прощение в свою очередь стало поводом для новых благодеяний, которыми он осыпал Цинну, чтобы окончательно привязать к себе мятежника, чьей души не тронули его первые милости. Следовательно, мы можем заключить, что Август не был бы столь милосерд, не будь он столь щедр, и не был бы столь щедр, не будь он столь милосерд. А если так, если в описанном нами деянии обе героические добродетели великого римлянина проявились столь взаимосвязанно и единовременно, что каждая из них была и причиной и следствием другой, то кому же я с бо́льшим правом могу посвятить повесть об одной из них, как не человеку, который в самой высшей степени наделен другой? Вы — обладатель богатств, но умеете пользоваться и пользуетесь ими с блеском, благородством и чистотой намерений, вынуждающими молву признать, что, расточая Вам свои щедроты, Фортуна посоветовалась с разумом и что у нас больше оснований желать Вам удвоить свое состояние, нежели завидовать его размерам. Я так далек от света, что, лестно отзываясь о ком-нибудь, полагаю себя вправе рассчитывать на доверие к моей искренности:

когда мне случается — обычно довольно редко — кого-нибудь похвалить, я делаю это с такой сдержанностью, что всегда умалчиваю о большинстве достоинств хвалимого, чтобы не быть заподозренным в той любезной лжи, которую столь изящно умеют рассыпать современные писатели. Поэтому я ни слова не скажу ни о Вашем высоком происхождении, ни о доблести, столь достойно оправдавшей его в дни Вашей молодости, которую Вы посвятили ратному искусству,{86} — это слишком хорошо всем известно. Не скажу я ничего и о существенном и своевременном вспомоществовании, которое что ни день получают из Ваших рук столькие добропорядочные семьи, разоренные нашими смутами, — это Вы сами не хотите предавать гласности. Я скажу лишь о том, что роднит Вас с Августом, — о широте, лучшем и главнейшем свойстве души Вашей, которое с полным правом можно назвать душой Вашей души, коль скоро именно оно движет всеми силами последней и побуждает Вас по примеру великого императора с такой охотой

{86} Комментарии: 2.86

К стр. 380

...посвятили ратному искусству... — В молодости Монторон действительно входил в роту гвардейцев, но особых подвигов на воинском поприще он не совершил.

покровительствовать моим собратьям по перу во времена, когда многим кажется, будто скупая похвала — и то уже чрезмерная награда за наши труды. Вы, действительно, сделали для кое-кого из муз столько, что в лице их облагодетельствовали остальных сестер, среди коих нет ни одной, свободной от чувства признательности к Вам. Дозвольте же надеяться, милостивый государь, что я уплачу Вам долг благодарности, преподнеся эту трагедию, которая кажется мне самой долговечной из моих созданий, и тем самым уведомив будущих читателей, что великодушный г-н де Монторон неслыханной в нашем веке щедростью превратил всех муз в своих должниц и что я, бесконечно растроганный благодеяниями, коими он осыпал некоторых из них, до конца дней пребуду смиреннейшим, покорнейшим и преданнейшим слугой Вашим.

Корнель.

SENECA
LIB. I. DE CLEMENTIA, CAP. IX

Divus Augustus mitis fuit princeps, si quis illum a principatu suo aestimare incipiat: in communi quidem republica, duodevicesimum egressus annum, jam pugiones in sinu amicorum absconderat, jam insidiis M. Antonii consulis latus petierat, jam fuerat collega proscriptionis; sed quum annum quadragesimum transisset et in Gallia moraretur, delatum est ad eam indicium L. Cinnam, stolidi ingenii virum insidias ei struere. Dictum est et ubi, et quando, et quemadmodutrf aggredi vellet. Unus ex consciis deferebat; constituit se ab eo vindicare. Consilium amicorum advocari jussit.

Nox illi inquieta erat, quum cogitaret adolescentem nobilem, hoc detracto integrum, Cn. Pompeii nepotem damnandum. Jam unum hominem occidere poterat, quum M. Antonio proscriptionis edictum inter coenam dictaret. Gemens subinde voces emittebat varias et inter se contrarias: «Quid ergot ego percussorem meum securum ambulare patiar, me sollicito? Ergo non dabit poenas, qui tot civilibus bellis frustra petitum caput, tot navalibus, tot pedestribus praeliis incolume, postquam terra marique pax parta est, non occidere constituit,

sed immolare?» (Nam sacrificantem placuerat adoriri.) Rursus silentio interposito, majore multo voce sibi quam Cinnae irascebatur: «Quid vivis, si perire te tam multorum interest? Quis finis erit suppliciorum? quis sanguinis? Ego sum nobilibus adolescentulis expositum caput, in quod mucrones acuant. Non est tanti vita, si, ut ego non peream, tam multa perdenda sunt». Interpellavit tandem illum Livia uxor: «Et admittis, inquit, muliebre consilium? Fac quod medici solent; ubi usitata remedia non procedunt, tentant contraria. Severitate nihil adhuc profecisti. Salvidienum Lepidus secutus est, Lepidum Muraena, Muraenam Caepio, Caepionem Aegnatius, ut alios taceam quos tantum ausos pudet: nunc tenta quomodo tibi cedat clementia. Ignosce L. Cinnae; deprehensus est; jam nocere tibi non potest, prodesse famae tuae potest».

Gavisus sibi quod advocatum invenerat, uxori quidem gratias egit: renuntiari autem extemplo amicis quos in consilium rogaverat imperavit, et Cinnam unum ad se accersit dimissisque omnibus ex cubiculo, quum alteram poni Cinnae cathedram jussisset, «Hoc, inquit, primum, a te peto ne me loquentem interpelles, ne medio sermone meo proclames; dabitur tibi loquendi liberum tempus. Ego te, Cinna, quum in hostium castris invenissem, non tantum, factum mihi inimicum, sed natum servavi, patrimonium tibi omne concessi; hodie

tam felix es et tam dives, ut victo victores invideant: sacerdotium tibi petenti, praeteritis compluribus quorum parentes mecum militaverant, dedi. Quum sic de te meruerim, occidere me constituisti!»

Quum ad hanc vocem exclamasset Cinna, procul hanc ab se abesse dementiam: «Non praestas, inquit, fidem Cinna; convenerat ne interloquereris. Occidere, inquam, me paras». Adjecit locum, socios, diem, ordinem insidiarium, cui commissum esset ferrum. Et quum defixum videret, nec ex conventione jam, sed ex conscientia tacentem: «Quo, inquit, hoc animo facis? Ut ipse sis princeps? Male, mehercule, cum republica agitur, si tibi ad imperandum nihil praeter me obstat. Domum tuam tueri non potes; nuper libertini hominis gratia in privato judicio superatus es. Adeo nihil facilius putas quam contra Caesarem advocare. Cedo, si spes tuas solus impedio. Paulusne te et Fabius Maximus et Cossi et Servilii ferent, tantumque agmen nobilium, non inania nomina praeferentium, sed eorum qui imaginibus suis decori sunt?» Ne totam ejus orationem repetendo magnam partem voluminis occupem, diutius enim quam duabus horis locutum esse constat, quum hanc poenam qua sola erat contentus futurus, extenderet. «Vitam tibi, inquit, Cinna, iterum do, prius hosti, nunc insidiatori ac parricidae. Ex hodierno die inter nos amicitia incipiat. Contendamus, utrum

ego meliore fide vitam tibi dederim, an tu debeas». Post haec detulit ultro consulatum, questus quod non auderet petere, amicissimum, fidelissimumque habuit, haeres solus fuit illi, nullis amplius insidiis ab ullo petitus est[18].

---

[18] Примечания: 1.18

СЕНЕКА, О МИЛОСЕРДИИ, кн. I, гл. 9.

Божественный Август был милосердным государем, если, конечно, судить о его поступках лишь со времени прихода к власти: когда республикой управляло несколько человек, он, хотя ему тогда едва исполнилось восемнадцать, уже обагрил кинжал в крови друзей, строил ковы против консула М. Антония{138} и злоумышлял на его жизнь, а также участвовал в проскрипциях.{139} Но вот когда Августу минуло сорок, он, находясь в Галлии, узнал, что Л. Цинна, человек недалекого ума, составил против него заговор. Августу донесли, где, когда и каким образом его собираются убить: один из заговорщиков оказался предателем. Август решил покончить с мятежником и собрал на совет друзей.

Ночь перед этим выдалась у него тревожная. Он думал о том, что ему предстоит осудить на смерть юношу знатного происхождения, ни в чем худом до тех пор почти не замеченного и к тому же внука Гн. Помпея.{140} В свое время он продиктовал проскрипционный эдикт за ужином с М. Антонием, но сейчас не решался отнять жизнь даже у одного человека. Он тяжело вздыхал, у него вырывались бессвязные и противоречивые слова. «Как! — говорил он. — Я терзаюсь, а мой убийца останется свободен и безнаказан? Ужели избегнет кары тот, кто заносит меч над моей головой, столько раз пощаженной гражданской войной и уцелевшей в стольких морских и сухопутных битвах, тот, кто теперь, когда я умиротворил и сушу и моря, собирается не просто убить меня, а принести в жертву?» (Заговорщики намеревались осуществить свой замысел во время жертвоприношения.) Затем он смолк, после чего опять возвысил голос, еще сильнее негодуя не столько на Цинну, сколько на самого себя: «Зачем ты живешь, если стольким желанна твоя смерть? Когда же прекратятся казни? Когда перестанет литься кровь? Я стал мишенью для всей знатной молодежи, точащей на меня свои кинжалы. Стоит ли жить, когда нужно губить многих, чтобы не погибнуть самому?» Наконец Ливия, его супруга, прервала мужа: «Хочешь послушать совет женщины? Поступи как врачи: когда не

помогает обычное средство, они прибегают к противоположному. Суровостью ты ничего не добился: за Сальвидиеном пришел Лепид, за Лепидом — Мурена, за Муреной — Цепион, за Цепионом — Эгнатий,{141} не говоря уже об остальных, стыдящихся теперь своей дерзости. Прибегни наконец к противоположному средству — милосердию. Прости Цинну: намерения его раскрыты, он не в силах тебе повредить, зато может умножить твою славу».

Обрадованный тем, что нашел в жене единомышленницу, Август поблагодарил ее, немедля отпустил прибывших на совет друзей, велел позвать Цинну, распорядился принести для него второе кресло и, отослав посторонних из своего покоя, начал: «Первое, о чем я тебя попрошу, — не перебивать меня и не позволять себе никаких возгласов во время моей речи; ты получишь возможность говорить после нее. Я встретил тебя, Цинна, в стане моих врагов: ты не просто присоединился к ним, но был моим недругом в силу своего рождения.{142} Я сохранил тебе жизнь и вернул отчее наследие. Сегодня ты так счастлив, так богат, что победители завидуют тебе, побежденному. Ты стал домогаться жреческого звания, и, в обход многих соперников, чьи отцы были моими соратниками, я дал тебе его. И вот, после всех моих благодеяний, ты задумал меня убить!»

При этих словах Цинна воскликнул, что такая безумная мысль ему и в голову не приходила. «Ты плохо держишь слово, — остановил его Август. — Мы же уговорились, что ты не будешь перебивать меня. Повторяю, ты задумал меня убить». Тут он изложил замысел заговорщиков, назвал место, день, имена соучастников и того из них, кто нанесет удар. Затем, видя, что Цинна потупился и молчит не столько из уважения к их уговору, сколько подавленный тяжестью улик, он спросил: «Какую цель ты преследуешь? Самому стать принцепсом?{143} Клянусь Геркулесом, плохи дела нашего государства, если я — единственная преграда между тобой и властью! Ты и свой-то дом не умеешь защищать: на днях какой-то вольноотпущенник выиграл у тебя тяжбу в суде. И ты не придумал себе занятия полегче, нежели бороться с Цезарем? Что ж, борись, если я один — помеха на твоем пути. Но согласятся ли на твое возвышение Павлы, Фабии Максимы,

Коссы, Сервилии и еще целая толпа нобилей — да не таких, которые лишь кичатся пустыми титулами, а таких, которые по заслугам чтят статуи предков?» Не будем воспроизводить речь Августа целиком: она заполнила бы собой почти все наше сочинение, ибо достоверно известно, что он говорил более двух часов, дабы затянуть эту пытку — единственную, которую уготовил виновнику. «Цинна, — заключил он, — я вторично дарую тебе жизнь: в первый раз я подарил ее врагу; теперь дарю изменнику и отцеубийце. Пусть же с сегодняшнего дня начнется наша дружба. Посмотрим, кто из нас великодушней — я, даровавший тебе жизнь, или ты, кому предстоит расплатиться за нее». После этого он предложил Цинне консулат, упрекнув его за то, что тот сам не отважился выставить свою кандидатуру. У Августа не было с тех пор друга вернее, чем Цинна, назначивший его своим единственным наследником, и больше никто не устраивал заговоров против него.

{138} Комментарии: 2.138

К стр. 381

Марк Антоний (82–30 гг. до н. э.) — полководец и политический деятель, сподвижник Юлия Цезаря. После убийства последнего Август и Марк Антоний вели долгую борьбу, иногда вступая во временный союз друг с другом против их общих противников. Их вражда открыто обнаружилась в 32 г. до н. э., после чего войска Марка Антония были разбиты Августом, Антоний бежал в Египет, где покончил с собой, Август стал единоличным правителем Рима.

{139} Комментарии: 2.139

...участвовал в проскрипциях — то есть в составлении списков лиц, объявляемых вне закона, лишавшихся всех прав, имущества и т. п. Составление проскрипционных списков было проявлением ожесточенной политической борьбы в Риме.

{140} Комментарии: 2.140

...внука Гн. Помпея. — В действительности Цинна был не внуком, а правнуком известного политического деятеля Древнего Рима, соперника Цезаря (и участника первого триумвирата) Гнея Помпея

(106–48 гг. до н. э.).

{141} Комментарии: 2.141

Сальвидиен Руф, Квинт — сподвижник и друг Августа; за сношения с Марком Антонием был казнен в 39 г. до н. э.

Лепид, Марк Эмилий — сын триумвира, участник заговора против Августа.

Мурена — римский военачальник; за участие в заговоре казнен в 22 г. до н. э.

Цепион, Эгнатий — римские общественные деятели; казнены за участие в заговорах против Августа.

{142} Комментарии: 2.142

К стр. 382

…моим недругом в силу своего рождения. — Герой трагедии принадлежал к семье, постоянно боровшейся со становлением императорской власти. Отец и дед Цинны были видными политическими деятелями Рима: дед был четыре раза консулом, отец — претором, то есть верховным лицом, наблюдавшим за порядком и судопроизводством.

{143} Комментарии: 2.143

Принцепс — то есть «первый»; так в период становления в Риме империи называли фактического главу государства.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОКТАВИЙ ЦЕЗАРЬ АВГУСТ
римский император
ЛИВИЯ{87}
императрица
ЦИННА
сын дочери Помпея, глава заговора против Августа
МАКСИМ
один из главарей заговора
ЭМИЛИЯ
дочь К. Торания, воспитателя Августа, казненного им во время триумвирата{88}
ФУЛЬВИЯ
наперсница Эмилии
ПОЛИКЛЕТ
вольноотпущенник Августа

{87} Комментарии: 2.87

К стр. 385

Ливия — точнее, Ливия Друзилла, принявшая затем имя Юлии Августы (55 г. до н. э. — 29 г. н. э.), третья жена Августа; император Тиберий был ее сыном от первого брака.

{88} Комментарии: 2.88

Эмилия — лицо вымышленное; но Кай Тораний действительно существовал, он был воспитателем Августа, впоследствии был казнен своим учеником.

ЭВАНДР
вольноотпущенник Цинны
ЭВФОРБ
вольноотпущенник Максима
ПРИДВОРНЫЕ, СТРАЖА

Действие происходит в Риме.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эмилия одна.

Эмилия.

Желанье пылкое великого отмщенья,
Что с дней, как пал отец, ведет свое рожденье,
Столь гневное дитя пережитых обид,
Чью боль душа моя ослепшая таит, —
Владеешь сердцем ты со страстью роковою.
Дай мне хоть миг вздохнуть, подумать, что со мною,
Спокойно рассудить в волнении моем,
На что дерзаю я, чего хочу потом.
При виде Августа, увенчанного славой,
Увы, я не могу не вспомнить день кровавый,
Когда был мой отец им дерзко умерщвлен,

И, труп переступив, тиран взошел на трон.

Передо мной встают кровавые виденья,

И ненависть моя, дойдя до исступленья,

Мной овладев, зовет час мщения скорей,

Чтобы за смерть одну он принял сто смертей.

Но к Цинне у меня любовь еще сильнее,

Чем ненависть моя к тирану и злодею.

И я страшусь того, что, мщение тая,

Могла бы погубить возлюбленного я.

О Цинна, я себя жестоко осуждаю

За то, что на тебя опасность навлекаю.

Хотя ты и готов во всем мне помогать,

Могу ль опасности тебя я подвергать?

Высокое сейчас ты занял положенье,

И мог бы каждый шаг здесь вызвать подозренье.

Исход сомнителен, а гибель ждет во-

круг,

Способен донести на нас коварный друг.

Приказ не вовремя, неверное решенье

Тебя же самого раздавят, без сомненья,

И тот удар, что ты готовил для врагов,

Сам, Цинна, на тебя обрушиться готов.

Коль из любви ко мне свершишь ты дело мести

И сокрушишь врага, ты с ним погибнешь вместе.

Зачем же к гибели свои шаги стремить?

Погибнуть за меня — не значит отомстить.

Жестоки те сердца, что счастливы бывают,

Не видя, что другим мученье доставляют.

И кто б к разряду бед тягчайших не отнес

Ту вражескую смерть, что стоит мно-

гих слез!

Но можно ль слезы лить, идя дорогой верной?

Любую цену тут нельзя считать безмерной.

Убийцу поразив отмстительной рукой,

Пристойно ль рассуждать, какой он пал ценой?

Прочь, страхи ложные, пустое сожаленье,

Прочь, недостойное души моей смущенье!

Любовь, послушная лишь слабостям моим,

Долг не оспаривай, а лишь иди за ним.

Покорность долгу — честь, с ним спор — пятно позора.

Будь благородною и подчинись без спора.

Чем больше долгу дашь, тем больше он вернет,

Служи ему, но так, чтоб ждал тебя почет!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эмилия, Фульвия.

Эмилия.

Клялась я, Фульвия, и клясться вновь хочу я.
Да, Цинну я люблю и лишь его зову я,
Но если Август жив, не быть ему со мной.
Пусть Цезаря убьет. Лишь этою ценой
Получит он меня. Вот мой закон единый.

Фульвия.

Ты Цезаря хулить имеешь все причины,
Сумела ты себя достойною явить
Того, за чью ты кровь хотела б отомстить.
Но я прошу сейчас к речам моим вниманья:
Должна ты охладить столь пылкое желанье.
Ведь Август что ни день готов по мере сил

Сам искупить то зло, что всем он причинил.

Тебе он оказать готов благоволенье,

Он столь почтителен, столь полон уваженья,

Что многие тебя просили уж не раз

За них похлопотать, коль нужно, в должный час.

Эмилия.

Мне эти милости отца не возвращают,

И, как у Августа меня ни почитают,

Как ни богата я, как сан мой ни почтен, —

Всегда я только дочь того, кто был казнен.

Об этих милостях твое превратно мненье,

От вражеской руки они — лишь оскорбленье;

Чем станет более к нам враг благоволить,

Тем будет в нас сильней желанье ото-

мстить.

Пусть Цезарь добрым стал — не изменюсь душою,

Я та же, что была, и буду впредь такою.

Я те сокровища, что Август мне несет,

Употреблю на то, чтобы поднять народ.

Готова место я занять императрицы,

Чтобы на жизнь его вернее покуситься,

Мстить стану за отца любою я ценой

И ради всех даров долг не забуду свой.

Фульвия.

Зачем же хочешь ты прослыть неблагодарной?

Иль, пряча ненависть, нельзя уж быть коварной?

Немало без тебя есть помнящих, что он

Ценой жестокостей взошел на этот трон.

Все помним римлян мы, известных и почтенных,

Что им погублены для замыслов надменных.

Их дети, в чьей душе былых обид не счесть,

Мстя за своих отцов, твою спасают честь.

Найдутся смелые отмстители позора.

Кто ненавистен всем, тот жизнь окончит скоро.

Так предоставь о том заботиться другим

И в тайных замыслах помощницей будь им.

Эмилия.

Как? Ненависть таить в душе без проявленья,

Позволить случаю платить за оскорбленье?

Я ль неотложный долг исполненным почту,

Питая тайный гнев и скрытую мечту?

О смерти Цезаря я первой бы жалела,

Когда б он был убит другим за злое

дело.

Да, буду я рыдать над гибелью его,

Коль не от мщенья он погибнет моего!

Зачем другим вверять задуманное нами,

Тот долг, который мы должны исполнить сами?

К блаженству мстить хочу прибавить славу я,

Пусть делу общему послужит месть моя,

Пусть будет подвиг мой Италии указан:

«Своей свободой Рим Эмилии обязан,

Она питала страсть, нежна была душой,

Но отдалась любви лишь этою ценой».

Фульвия.

Любовь такой ценой — подарок незавидный,

В ней для любимого знак смерти очевидной,

Прямой опасностью ему твой план

грозит, —

Был не один смельчак об этот риф разбит.

А Цинне смерть и так всечасно угрожает.

Эмилия.

Ах! Сердце твой ответ безжалостно терзает.

Когда я думаю, что Цинну гибель ждет

И я тому виной — страх душу мне гнетет.

В смятении мой дух, понять себя стараюсь:

Хочу — и не хочу, стремлюсь — и не решаюсь.

И долг, которому мне надобно служить,

Мятежных чувств моих не в силах усмирить.

Так сильно не играй, о страсть, душой моею!

Опасность велика, но справишься ты с нею.

Рискуя, Цинна все ж не будет побежден.

Пусть Цезаря хранит надежный легион,

Все ж Цинна победит. Кто доблестью пылает,

Тот, жизнью жертвуя, всегда ее спасает.

Опасность чем грозней, тем сладостнее плод.

Отвага вдохновит, а слава вслед пойдет.

Кто — Цинна, Август ли — погибнет, я не знаю,

Но, чтоб отмстить, я всем пожертвовать желаю.

И эту месть свершить мне Цинна обещал.

Он, обнажив свой меч, меня б достойным стал.

Отказываться мне от этой мысли поздно.

Сейчас идет совет всех, ждущих мести грозной.

Пора им меч избрать, наметить место, час.

Смерть Цинны разлучить уже не сможет нас.

Но вот он сам идет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Цинна.

Эмилия.

О Цинна, как собранье?

Не дрогнуло оно пред страхом наказанья?

Сумел ли ты прочесть в чертах друзей своих,

Что исполненья клятв возможно ждать от них?

Цинна.

Нет, никогда еще тирана низверженье

Ждать не могло себе столь верного свершенья.

Тирана гибели никто так не желал,

Круг заговорщиков так дружен не бывал.

За дело принялись с таким одушевленьем,

Как будто и они полны любовным рвеньем.

Такой великий гнев все охватил сердца,

Как будто каждый мстил за своего отца.

Эмилия.

Не сомневаюсь я, что для такого дела

Взял Цинна только тех, кто поступает смело,

Что слабым он рукам не вверит ничего

В судьбе Эмилии и Рима самого.

Цинна.

Когда б ты видела, с каким волненьем страстным

Влечется заговор к свершениям прекрасным!

Лишь «Цезарь», «Август» кто произнесет — и вмиг

Уже в очах огонь отмщения возник.

И вместе с тем друзья при мысли о злодее

От гнева, ужаса становятся бледнее.

«Друзья! — сказал я им. — Вот тот счастливый час,

Который увенчать готов успехом нас.

У нас сейчас в руках грядущий жребий Рима.

Для блага всей страны нам смерть необходима

Того, в ком ничего не назовешь людским,

Кто тигром яростным родной терзает Рим.

Чтоб кровь его пролить, он сеял здесь раздоры,

И дерзко нарушал союзы, договоры,

То друг Антонию, то злейший враг ему —

Лишь самовластью был он предан своему».

Так перечнем обид, искусными словами

О всех жестокостях, свершенных над отцами,

О зле, которого не вправе мы забыть,

Усилил в их сердцах я жажду отомстить.

Я им нарисовал картину битв ужасных,

Где собственную грудь терзает Рим несчастный,

Где бьет орла орел и с каждой стороны

Свободу губим мы в неистовстве войны,

Где лучшие вожди и лучшие солдаты

Для рабства жертвуют всем, чем душой богаты,

Где каждый, множа стыд им признанных оков,

Неволей собственной связать весь мир готов,

Народы отягчив ярмом страны великой.

Заставив их назвать предателя — владыкой.

Рим против Рима встал,{89} *и род пошел на род,*

Чтобы тиранов вновь себе избрал народ.

Ужасных этих дел я дал изображенье,

Назвал захватчиков, достойных поношенья

И ненавистных нам, сказал все про сенат,

Короче говоря — про их триумвират.{90}

Я красок не щадил и не смягчал названий

При пересказе всем известных злодеяний.

В стремленье убивать никто их не был злей,

Потоплен был весь Рим в крови своих

{89} Комментарии: 2.89

К стр. 392

Рим против Рима встал… — Корнель имеет в виду раздиравшие Рим гражданские войны, которые велись еще до вступления в политическую игру Юлия Цезаря, но особенно обострились после его убийства.

{90} Комментарии: 2.90

Короче говоря — про их триумвират. — Речь идет о так называемом «втором триумвирате», куда входили Марк Антоний, Марк Эмилий Лепид и Октавиан Август (43 г. до н. э.).

детей.

Кто был убит в толпе, на площади шумящей,

Кого среди семьи настиг удар разящий.

Убийца поощрен был высшею ценой.

Задушен муж бывал в ночи своей женой,

Сын умертвить отца решался без пощады,

За голову его прося себе награды.

Какая б только кисть изобразить могла

Кровавый этот мир и гнусные дела!

Назвать ли ряд имен, исполненных значенья,

Чью смерть напомнил я, чтоб вызвать возмущенье,

Погубленных, чей дух равенствует богам,

Кто дерзостным клинком сражен у входа в храм?

Могу ль изобразить, к какому исступленью,

К какому трепету, к какому дерзновенью

Картиной мрачных зол, ужасных до конца,

Своих сообщников я обратил сердца?

Не тратя зря минут, я, видя гнев их ярый,

Способность все презреть и наносить удары,

Прибавил в нескольких словах: «Насилья гнет,

Потеря наших благ, имуществ и свобод,

Грабеж родных полей, расправа с городами,

Изгнание отцов и войн гражданских пламя,

Все это — лестница, которой Август сам

Взошел на этот трон, чтоб стать владыкой нам.

Но жребий нам не столь уж тягостный достался:

Из трех тиранов он единственный

остался.

Двух соправителей убрав, поддержки он,

Один несущий власть, теперь уже лишен.

Умрет — ни мстителей не будет, ни тирана,

И возродится Рим в свободе долгожданной.

Мы римлян истинных название вернем,

Едва его ярмо отважно разобьем.

Благоприятен час для нашего отмщенья:

На Капитолии ждут жертвоприношенья.

Пусть будет жертвой он — любой из нас готов

Свободу миру дать перед лицом богов.

В охрану Августа введем мы стражу нашу,

Из рук моих возьмет он жертвенную чашу,

И это будет знак, что нам пора начать.

Я в грудь ему всажу кинжал по рукоять
И докажу, сразив жестокого злодея,
Что в жилах у меня струится кровь Помпея.
А вы, мне следуя, всем показать должны,
Что все от доблестных вы предков рождены».
Едва окончил я, как были все готовы
Решенье подтвердить еще раз клятвой новой,
Которой каждый бы хотел приобрести
Удара честь, что я собрался нанести.
Но разум одержал победу над волненьем.
Одни из них пойдут Максиму в подчиненье,
Других я сам возьму, чтоб были в помощь нам,
Едва лишь я сигнал к восстанию подам.
Вот что, Эмилия, мы порешили вместе.
Жду завтра от людей иль злобы, или

чести.

Преступник ли, освободитель я,

Захватчик, Цезарь сам — решит судьба моя!

Теперь от нашего зависит только рвенья,

Что ожидает нас: позор иль прославленье.

Народ признателен властителям своим:

Презренье — мертвецам и почести — живым.

И я судьбе своей предоставляю правой

На казнь меня послать или отметить славой.

Поможет ли нам Рим иль встанет против нас —

Готов и жизнью я пожертвовать в тот час!

Эмилия.

Бояться гибели теперь уж ты не вправе,

Успех иль смерть равно твоей послу-

жат славе.

В великом замысле, где трудностей не счесть,

Утратить можешь жизнь, но не утратишь честь.

Несчастье Кассия припомни или Брута!{91}

Вредит ли славе их падения минута?

Иль умерли они с величием своим?

Последних римлян в них ужели мы не чтим?

Здесь в Риме, память их столь стала всем священна,

Сколь личность Цезаря позорна и презренна.

Он правит, но лишь им одним сужден почет,

От вас, подобных им, народ спасенья ждет.

{91} Комментарии: 2.91

К стр. 394

Несчастье Кассия припомни или Брута! — Корнель имеет в виду руководителей заговора против Цезаря: Гая Кассия Лонгина (85–42 гг. до н. э.) и Марка Юния Брута (85–42 гг. до н. э.); они бежали в Македонию, там собрали армию, чтобы выступить против триумвиров, но в 42 г. были разбиты (при Филиппах), и оба покончили с собой.

Иди им смело вслед, покорен зову чести,

Но жизнь свою храни и в упоенье мести.

И помни, что сердца пылают в нас, любя,

Что честь Эмилии — награда для тебя,

Что ты мне дан судьбой, что страстно жду тебя я,

И что, пока ты жив, с тобой сама жива я.

Но для чего Эвандр подходит к нам сейчас?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Эвандр.

Эвандр.

Сам Цезарь требует к себе с Максимом вас.

Цинна.

Максима и меня? Ты слышал это ясно?

Эвандр.

В твоем дому тебя ждал Поликлет напрасно.

Он вместе бы со мной пришел тебя искать,

Когда бы не успел его я удержать.

Хочу предупредить тревожные я вести:

Торопит Цезарь вас.

Эмилия.

Звать вожаков — и вместе!

Обоих! В тот же час! Теперь открыты вы!

Цинна.

Посмотрим.

Эмилия.

Но тебя теряю я, увы!

Нам боги в замыслах перечат беспримерно,

Среди друзей твоих доносчик был, наверно.

Сомнений больше нет. Да, Август все открыл.

Как? Вместе? И когда совет ваш все

решил!

Цинна.

Не скрою, Цезаря приказ меня смущает,

Но он меня к себе нередко призывает.

Максим же Цезарю, как я, ближайший друг, —

И вовсе, может быть, напрасен наш испуг.

Эмилия.

Себя ты обмануть пытаешься напрасно.

Не мучь меня — и так безмерно я несчастна.

И, если за меня ты уж не в силах мстить,

Умей хоть жизнь свою, о Цинна, сохранить

И, к Цезарю идя, страшись его угрозы.

Довольно над отцом я проливала слезы.

Нет, новою меня не отягчай тоской,

Чтоб не пришлось теперь мне плакать

над тобой!

Цинна.

Как! Только потому, что робость одолела,

Забыть и твой завет и общее нам дело!

Ведь я себя бы стал за низость упрекать!

Покинуть все, когда приходит час дерзать!

Что сделают друзья, узнав, что все забыто?

Эмилия.

Что станется с тобой, коль все уже раскрыто?

Цинна.

Чтобы предать меня, душ низких много есть,

Но изменить себе мне не позволит честь.

Я и над пропастью не подчинюсь боязни,

И дух мой будет тверд как в пытках,

так и в казни.

А Цезарь, с завистью узрев мой смелый вид,

В час гибели моей от страха задрожит.

Медлительность моя внушит лишь подозренье.

Прощай же! Поддержать мое должна ты рвенье,

И коль удар судьбы узнает грудь моя,

Счастливым я умру, умру несчастным я:

Счастливым потому, что верен был я чести,

Несчастным потому, что не свершил я мести.

Эмилия.

Иди и голоса не слушай моего,

Тверда я, не боюсь уж больше ничего.

Прости любви моей порывам недостойным.

Не мог бы, все забыв, и сам ты быть спокойным.

Коль заговор раскрыт, то Август все пути

Переградит тебе, чтоб ты не мог уйти.

Яви же перед ним отважное презренье,

Достойное любви и твоего рожденья.

Умри, коль смерть придет, как Рима гражданин,

И в смерти поднимись до мужества вершин!

Но знай, что пред своей я не смирюсь судьбою

И, коль погибнешь ты, уйду вслед за тобою.

Один и тот же рок судил нам смертный час.

Цинна.

Нет, даже смерть сама не разлучила б нас!

Позволь же думать мне, что подвиг этой чести

И друг твой и отец тогда увидят вместе.

Не бойся, ведь никто не знает из друзей
Ни замыслов твоих, ни чувств души моей.
О бедах Рима я им говорил немало,
Но мщенья замысел душа моя скрывала
Из страха, чтобы страсть, живущая в крови,
Не выдала им тайн столь пламенной любви.
Эвандру лишь о ней и Фульвии известно.

Эмилия.

Я к Ливии пошла б и ей призналась честно.
Она могла б легко, чтобы тебя спасти,
Своим влиянием на помощь мне прийти.
Но если в этом мне и дружба не поможет,
Не думай, что мой век спокойно будет дожит.
Примером станет мне великий подвиг твой —

Я иль спасу тебя, иль смерть приму с тобой!

Цинна.

Заботься обо мне, себя не забывая.

Эмилия.

Не забывай и ты, друг, что люблю тебя я!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Август, Цинна, Максим, придворные.

Август.

Пусть все покинут нас. Одни поговорим.

Останься, Цинна, ты, а также ты, Максим.

Все удаляются, за исключением Цинны и Максима.

Власть повелителя над морем и землею,

Власть обладателя державой мировою,

Власть без границ и мой великий сан,

Который мне трудом, пролитой кровью дан,

Все то, что связано с высоким положеньем,

С докучным для меня придворных вос-

хищеньем, —

Вот благо, издали пленяющее нас

И тяжкое, едва пришел свершений час.

Приятное душе, чего мы так хотели,

Уж нас не радует, коль мы достигли цели.

И так как разум наш — таков его закон —

Всегда к чему-нибудь стремиться обречен,

Уж к самому себе желанья обращает:

Едва свершив подъем, спуститься он желает.

Стремился к власти я и вот владыкой стал,

Но, думая о ней, я все ж ее не знал.

Нашел я в ней, свершив заветные желанья,

Заботы без конца и вечные терзанья,

Сокрытую вражду и смерть на всех путях,

Отравленный покой и бесконечный страх.

Знал Сулла до меня величье этой власти,

И Цезарь, мой отец, считал ее за счастье.{92}

Но разною они ценили власть ценой:

То, что отверг один, то крепко взял другой.

Злодей окончил жизнь во всем судьбой хранимым,

Как добрый гражданин, превознесенный Римом,

А Цезарь доблестный в сенате, ясным днем,

В кругу своих друзей пал, поражен клинком.

Примеры эти мне могли бы пригодиться,

Когда б чему-нибудь у них я мог учиться.

{92} Комментарии: 2.92

К стр. 398

Знал Сулла до меня величье этой власти… — Речь идет о Луции Корнелии Сулле (138–78 гг. до н. э.), полководце и диктаторе в 82–79 гг. до н. э. Сулла жестоко преследовал своих противников, но продержался у власти недолго.

…Цезарь, мой отец… — В своем завещании Цезарь указал, что усыновляет Октавиана.

Один меня влечет, другой внушает страх.

Но зрим себя порой мы в ложных зеркалах.

Те испытания, что нам судьба судила,

Не часто прочитать мы можем в том, что было.

Там, где убит один, другой судьбой спасен,

Что губит одного, другой тем вознесен.

Вот почему душа сомнением объята.

Вы заменили мне Агриппу, Мецената.{93}

Как мне теперь мои сомненья разрешить,

Могли б, подобно им, меня вы научить.

*Забудьте же мой сан, и римлянам по-

{93} Комментарии: 2.93

Агриппа, Марк Випсаний (62–12 гг. до н. э.) — политический деятель и сподвижник Августа; был женат на дочери Августа Юлии Старшей.

Меценат, Гай Цильний (64–8 гг. до н. э.) — друг и сподвижник Августа, известный покровитель литературы. Интересно отметить, что сцену беседы Августа с Максимом и Цинной Корнель заимствовал у римского историка Диона Кассия (II–III вв. н. э.; писал по-гречески), только там с Августом беседуют Агриппа (чьи мысли у Корнеля высказывает Максим) и Меценат (его «роль» передана драматургом Цинне).

стылый

И мне уж самому давным-давно не милый.

Не повелителем, хочу быть другом вам;

И Рим и власть свою вам отдаю я сам.

Европа, Азия и Африка — пред вами:

Республика иль трон — решите это сами.

Вы мне во всем — закон, и только так, друзья,

Монарх иль гражданин, готов вас слушать я.

Цинна.

Хотя великого полны мы удивленья,

Тебе покорным быть хочу без возраженья;

Свою почтительность преодолев, готов

Оспаривать я смысл твоих последних слов.

Позволь тому, кто был к твоей так чуток славе,

Почувствовать себя хоть на минуту вправе

На эти доводы свободно возразить,

Коль разрешаешь ты во всем себя судить.

Нет смысла уходить от власти, столь законной,

Не преступлением, а доблестью врученной.

Чем благороднее, приятней сан для нас,

Тем подозрительней становится отказ.

Оставь же, государь, подобные сомненья,

Ведь честно своего достиг ты возвышения,

И без насилия, с открытою душой,

Правления страны переменил ты строй.

Рим покорил себе величьем бранной славы,

И вот над всей землей царит он, величавый.

Закон твой был ему по праву силы дан,

А взявший силой власть не есть еще тиран,

Когда объединил он государства части

И, справедлив в делах, по праву стал у власти.

Так Цезарь поступал, и должен ныне сам

Ты осудить его иль Цезарем стать нам.

Когда такая власть достойна осужденья,

То Цезарь — лишь тиран и заслужил паденье.

И пред богами сам ты должен отвечать

За кровь, что принужден был прежде проливать.

Но можешь ты судьбы возмездья не бояться:

Богами ты храним, и дни твои продлятся.

Грозили гибелью уже не раз тебе,

Но обнаживший меч сражен был сам

в борьбе.

Все гибли замыслы, столь нужные кому-то.

Убийц немало есть, но среди них нет Брута.

Но если бы пришлось встать перед злом таким,

Все ж лучше умереть владыкой мировым.

Вот что посмел бы я сказать владыке Рима,

И то же ты бы мог услышать от Максима.

Максим.

Да, я согласен с тем, что Август возведен

По праву доблести и разума на трон,

Что, щедро кровь пролив, рискуя головою,

Бесспорно властью он владеет мировою.

И он сложить ее не может без того,

Чтоб не судили все за этот шаг его.

Он Цезаря тогда ославил бы тираном,

Убийство б оправдал в своем сужденье странном.

Да, Рим по праву твой, и ты хозяин в нем —

Ведь властны мы всегда в наследии своем,

Мы иль храним его, иль жаждем отказаться.

Но всяких низких чувств нам надобно чуждаться.

Ты, покоривший все, свой утвердивший дом,

Величья своего останешься ль рабом?

Так будь же сам собой, страстям не уступая,

Им не сдавайся в плен, душой их побеждая,

И подданным своим старайся доказать,

Что самого себя ты в силах побеждать.

Ты Риму славному обязан был рожденьем.

Так отплати ему свободы воскрешеньем!

А Цинна хочет счесть великою виной,

Что сделать ты хотел свободным край родной!

Он доброту твою раскаяньем считает

И добродетель тем безмерно унижает.

Подобный замысел должны мы презирать,

На нем бесчестия положена печать.

Долг пред отечеством мог выполнить ты свято,

Дав Риму больше, чем он дал тебе когда-то.

Ужель признательность столь тяжкая вина,

Когда и самый дар превысила она?

Так продолжай свой путь, одним богам внимая!

Ты славу обретешь, насилье презирая,

Потомки помянут тебя немало раз,

Но не за эту власть, — за отреченья

час.

К верхам могущества вести нас может счастье,

Но доблесть высшая — отказ от этой власти.

Не многие из нас способны презирать

Все то, что может власть достигнутая дать.

Подумай и о том, что ты правитель в Риме,

А здесь, какое бы тебе ни дали имя,

Не любят тираний — к ним злобою горя,

И в императоре все видят лишь царя.

Тираном кажется он Риму непременно.

Кто предан власти — раб, кто любит — в том измена,

Кто терпит иго — слаб, его должны хулить,

И доблесть только в том, чтобы свободным слыть.

А то, что это так, не может быть сомнений —

Уж десять видел бы напрасных покушений.

Что, коль опасность ждет в одиннадцатый раз?

Ведь, может, все, о чем я говорю сейчас,

Есть только верный знак, что небо посылает.

Иных путей тебя спасти оно не знает.

Зачем ты доводам вверяешься пустым?

Прекрасно умереть владыкой мировым,

Но смерть нельзя признать достойною и правой,

Коль жизнь нас доброю не увенчала славой.

Цинна.

Любовь к отечеству была всегда важна,

Но благу общему должна служить она;

Свобода, будто бы желаемая Римом,

Была бы для него благодеяньем мни-

мым,

Несущим только вред, и не равна тому,

Что Цезарь может дать народу своему.

Тому, кто заслужил, он раздает награды,

За злодеяния карает без пощады,

Со справедливостью распределяет он

Гражданские блага, ничем не отвлечен.

В народоправстве же иначе все бывает;

Рассудка голосу народ уж не внимает,

Все честолюбием захвачены права,

Продажны почести, честь, совесть — лишь слова.

Ничтожнейший тиран, чьей власти нет и года,

Сознав, что краткий срок он нужен для народа,

Счастливых замыслов срывает ранний цвет,

Чтоб не отдать плода идущему вослед.

И коль грядущее его уж не тревожит,

Он с поля общего берет себе, что может,

И верит, что легко простит потерю тот,

Кто так же, как и он, поступит в свой черед.

Всех хуже государств то, где народ — владыка.

Август.

Однако Рим таков, от мала до велика,

И ненависть к царям, что длится пять веков,

Что с молоком всосать младенец здесь готов,

В сердцах, мне кажется, вовек неистребима.

Максим.

Да, удивительно упорство злое Рима!

Оздоровительных народ не хочет мер,

В обычаях ему, не в разуме — пример,

И заблуждение, отвергнутое Цинной,

Народу кажется отрадою единой.

Питая эту мысль, стремясь к мечте своей,

Столь часто он ступал по головам царей,

Их достояние отдав на разграбленье!

Где мог бы он найти приятнее правленье?

Сказать осмелюсь я, что не всегда одно

Правленье на земле народам суждено.

Повсюду с нравами страны оно согласно,

И изменить его пытались бы напрасно.

Таков закон небес; он нам за годом год

Различие меж них разумно бережет.

Так, Македония царю была бы рада,

Свободе с давних пор привержена Эллада,

Парфяне с персами властителей хотят,

И нужен римлянам один лишь консу-

лат.{94}

Цинна.

По мудрости небес — и в этом нет сомнений —

Народу каждому присущ особый гений,

Но так же верно то, что место или век

Меняют все, что мог замыслить человек.

Рим от царей имел и стены и рожденье,

От консулов своих — и славу и значенье;

А в наши времена ты от своих щедрот

Так сделал, что сейчас счастливым стал народ.

Уже не отданы мы войнам без защиты.

{94} Комментарии: 2.94

К стр. 403

Парфяне — то есть жители Парфии, самого могущественного государства на Ближнем Востоке, сопернике Рима (существовало с III в. до н. э. до II в. н. э.).

…и нужен римлянам один лишь консулат… — то есть власть сменяемых периодически консулов, ответственных перед народом.

Ворота Януса оружию закрыты{95} —

То, что при консулах мы видели лишь раз,

Теперь навеки царь всех осчастливил нас.

Максим.

Но волею небес смененное правленье

Не стоит крови нам и не несет мученья.

Цинна.

Народ — и то богов незыблемый закон —

За счастье дорого платить был обречен.

Кровь при Тарквинии{96} *нам землю обагряла.*

При первых консулах сражались мы

{95} Комментарии: 2.95

Ворота Януса оружию закрыты… — Ворота римского храма бога Януса обычно открывались во время войны. Их закрытие было символическим актом.

{96} Комментарии: 2.96

Тарквиний Гордый (VI в. до н. э.) — последний римский царь. Проявляя крайне деспотический нрав, он был свергнут восставшим народом, после чего была установлена республика.

немало.

Максим.

Так, значит, небу враг был предок твой, Помпей,

Когда сражался он за вольность прежних дней?

Цинна.

Когда бы небо нам дать рабство не решило,

Оно бы Рим рукой Помпея защитило.

Но смерть его теперь для будущих времен

Всем знак того, что Рим другой избрал закон,

Что славу он найдет в том самом человеке,

Который вольности лишил его навеки.

Он ослепил весь Рим величием своим,

Но, полный славы, сам не насладился им.

С тех пор как город стал владыкою вселенной

И множество богатств его сокрыли

стены,

С тех пор как в подвигах, в величье стольких дней

Рождает граждан он, что всех царей сильней, —

Здесь, голоса скупив, патриции все время

Дают почувствовать народу власти бремя,

А тот, в златых цепях, считает, что закон,

Полученный с верхов, им снизу возглашен.

Терзаясь завистью, питая лишь интриги,

Здесь все в кровавые вступать готовы лиги:

Так Сулла — Марию,[{97}] *а Цезарю — мой дед,*

Тебе — Антоний, все глядели злобно

{97} Комментарии: 2.97

К стр. 404

Так Сулла — Марию… — Речь идет о Гае Марии (156–86 гг. до н. э.), полководце и политическом деятеле (консуле), вожде партии популяров. Сулла и Марий вели ожесточенную борьбу за власть.

вслед.

Вот почему у нас немыслима свобода —

Гражданских войн она причина для народа.

Средь тяжких смут ее и горестных невзгод

Кто — равенство, а кто — властителя зовет.

Чтоб Рим сейчас спасти, пусть правит тот над нами,

Кто мир восстановить способен меж врагами.

Ты родину свою не можешь не любить,

От распрей должен ты ее освободить.

Власть Сулла захватил и, расставаясь с нею,

К насилию открыл путь Цезарю, Помпею.

Зол столько не могло б на нашу долю пасть,

Когда б семье своей он отдал эту власть.

Убийство Цезаря, потворствуя их ви-

дам,

К насилью привело Антония с Лепидом,

И римлянами Рим повержен был бы в прах,

Когда бы крепко власть ты не держал в руках.

Отрекшись от нее, ты Рим, лишенный славы,

Невольно возвратишь к несчастьям войн кровавых,

И в жилах у него оставшаяся кровь

С начавшейся войной польется вновь и вновь.

Ты любишь родину, ты сжалишься над нами!

Моими молит Рим тебя сейчас устами.

Припомни — за тебя немалою ценой

Он должен был платить, в нем кровь лилась рекой;

И коль покой ему теперь послали боги,

Подумать он уже не может без тревоги,

Что, уходя, его ты хочешь одарить

Добром, какого он не в силах сохранить.

Коль мы такой ценой должны искать другого,

Коль дорога тебе честь края, нам родного,

Коль тот печальный дар возьмет страна моя, —

Не смею высказать все, что предвижу я.

Ты должен сохранить себя, власть оставляя

Тому, кто возродил былое счастье края.

Чтоб смело мы могли довериться судьбе,

Назначь достойного преемника себе!

Август.

Нам спорить незачем, и я хочу того же.

Мне дорог мой покой, но Рим еще дороже,

И, что бы ни могло со мной произойти —

Пускай погибну я, лишь бы его спасти.

Напрасно жаждет грудь спокойствия простого.

Прав, Цинна, твой совет, и власть беру я снова.

Но в ней я помощи жду от обоих вас.

Правдивость ваших чувств мне дорога сейчас.

В советах, что вы мне давать готовы оба,

Вам родина важна, а с ней моя особа.

Одна любовь могла на спор вас вдохновить,

И оба вы должны награду получить.

Тебя в Сицилию, Максим, я посылаю,

Чтоб плодородному ты дал законы краю.

Ты именем моим в ней должен управлять,

За каждый твой приказ я буду отвечать.

Эмилию даю тебе я, Цинна, в жены.
Как Юлии,[{98}] *почет ей будет заслуженный.*
Необходимость нас, тревоги без конца
Заставили давно казнить ее отца,
Но к милостям моим ей все открыты двери,
Что утешением послужит ей в потере.
Скажи, что мною ты сейчас был послан к ней.
Я знаю, многих ты уже ей стал милей,
Тебя обрадует она своим ответом.
Прощай же! Ливии иду сказать об этом.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Цинна, Максим.
Максим.

{98} Комментарии: 2.98
К стр. 405
...как Юлии... — Корнель полагает, что Август предлагает Цинне Эмилию вместо Юлии, своей дочери от второго брака, изгнанной из Рима (2 г. до н. э.) за предосудительный образ жизни.

Что думаешь о том, в чем убеждал ты нас?

Цинна.

Что думал прежде я, то мыслю и сейчас.

Максим.

Вождь заговорщиков стал другом тирании!

Цинна.

Вождь заговорщиков простил ее впервые.

Максим.

Свободным видеть Рим хочу.

Цинна.

Освободить

И я его хочу, но вместе с тем — отмстить.

Жестокость Августа не знает утоленья,

Разбиты алтари, разграблены именья,

Средь землепашцев страх, Рим полон

мертвецов —

А он раскаяться и отдохнуть готов.

Когда от наших рук он примет наказанье,

Раскаяньем купить он сможет оправданье.

Он был жесток, провел кровавых много мер

И безнаказанность была б плохой пример.

За римлян мы отмстим. Узнав об этой доле,

Дерзнет ли кто-нибудь подумать о престоле?

Не вверит деспотам народ судьбы своей.

Будь с Суллой строже мы, стал Цезарь бы скромней!

Максим.

Но гибель Цезаря, столь славного во многом,

Была для Августа жестокостей предлогом,

Свободы жаждал Брут — принес лишь гнет цепей!

Будь Цезарь не убит, стал Август бы скромней.

Цинна.

Поступок Кассия, страх Рима неустанный

Вновь возвращают век, где властвуют тираны.

Но это время к нам уж больше не придет,

Коль выберет себе иных вождей народ.

Максим.

Хотя мы и вожди, но нам еще не ясно,

Как избежать путей, где шествовать опасно.

Есть ли заслуга в том, чтоб счастья не искать,

Когда себя должны мы смерти подвергать?

Цинна.

А разве правы мы, вотще воображая,

Что вылечим болезнь, корней не обрезая?

Для излечения здесь мягкость не нужна,

На рану тяжкую прольет лишь яд она.

Максим.

Кровь ран тебе нужна, мне нужно исцеленье.

Цинна.

Ты хочешь без труда добыть освобожденье.

Максим.

Все средства хороши, чтоб выйти из цепей.

Цинна.

Мы их должны порвать лишь доблестью своей.

Максим.

Всегда желанною останется свобода.

В ней — благо высшее для римского народа.

Цинна.

Не может благом быть то, что дается нам

Тираном, кто терзать привык свободу сам.

Рим слишком сердцем чист, чтоб встретить ликованьем

Дар деспота, чьим был он долго достоянием,

И тот, кто сохранил в душе свободы жар,

Не сможет не презреть из рук тирана дар.

Максим.

Ты и Эмилию готов возненавидеть?

Цинна.

Тирана милостей я не хотел бы видеть.

Когда за Рим родной я отомщу сполна,

Найду ее, хотя б была в аду она!

Да, смертью Августа куплю себе я право,

Взяв за руку ее своей рукой кровавой,
Над урною его брак совершить, чтоб он
За все свои дары был кровью награжден.

Максим.

Но ведь Эмилию прельстить едва ли может
Рука в крови того, кто ей отца дороже.
А силою ее ты не захочешь взять.

Цинна.

Довольно! Во дворце нас могут услыхать.
Мы говорим с тобой весьма неосторожно
В том месте, где легко друзей подслушать можно.
Идем — и в тишине обсудим поскорей,
Как к цели нам прийти — спокойней и верней.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Максим, Эвфорб.

Максим.

Все знаю от него: судьбою горд своею,
Влюблен в Эмилию, и сам любим он ею.
Но мщенье для нее — любви прямой залог.
Вот почему и нас он в заговор вовлек.

Эвфорб.

Неудивительно теперь мне это рвенье,
С каким он Августа не принял отреченье.
Распался б заговор — и, гнев свой затая,
Все стали б Августу покорные друзья.

Максим.

Мы служим все тому, кто столь неутомимо
Радеет о себе, а не о пользе Рима.

Я ж, пожелав во всем полезным Риму быть,

Несчастный, принужден сопернику служить.

Эвфорб.

Тебе соперник он?

Максим.

Эмилию люблю я

И должен ото всех скрывать мечту такую.

Мой сокровенный жар, пред тем как явным стать,

Хотел бы подвигом ее завоевать.

Меж тем из рук моих ее он похищает,

И губит тем меня, и сам того не знает.

Я тороплю успех, что смертью мне грозит,

Сам меч ему даю, что грудь мне поразит.

Повержен дружбой я в ужасное несчастье!

Эвфорб.

Меж тем помочь в беде — в твоей, конечно, власти.

Порви же эту сеть — есть лишь один исход:

Донос. Лишь он тебе Эмилию вернет.

Ты жизни Августа тем принесешь спасенье,

И он Эмилию отдаст в вознагражденье.

Максим.

Как! Друга мне предать!

Эвфорб.

Любовь права во всем,

Мы в истинной любви друзей не признаем.

Предать предателя нельзя считать виною,

Коль ради женщины сам низок он душою.

Забудь о дружбе с тем, кто помнит только зло.

Максим.

Но подражать ему мне было б тяжело.

Эвфорб.

Ответить злом на зло — законное решенье.

Ведь преступление разить — не преступленье.

Максим.

Тем преступлением свободу купит Рим!

Эвфорб.

Опасно в дружбе быть с изменником таким.

Не к родине его отвага призывает,

Не слава, а любовь его воспламеняет!

Он Цезаря бы чтил, не будь он так влюблен,

В нем благородства нет, неблагодарен он.

Иль, думаешь, всегда правдив он был с тобою?

Нет, не для родины он так пылал душою,

Он страстью, что одним друзьям своим вверял,

Лишь честолюбие искусно прикрывал.

Быть может, он хотел, сразив Октавиана,

Не вольным сделать Рим, а дать ему тирана:

Слепым участником ты был в его судьбе

И гибель, в честь свою, назначил он тебе.

Максим.

Как обвинить его, других не называя?

Ведь гибелью для них была бы месть такая.

Его разоблачив, мы тем предать должны

Того, кто жизнь отдать готов был для страны.

Такую подлость сам я осуждаю строго.

Виновен он один — падет невинных много,

Готов сгубить его, боюсь губить других.

Эвфорб.

Не хочет Август сам жестокостей былых

И, казнями врагов давно уж утомленный,

Накажет главарей, щадя их подчиненных,

А если ждешь для них ты страшного конца,

Скажи, что ты к нему пришел от их лица.

Максим.

Напрасен этот спор; безумие прямое —

Эмилию добыть себе такой ценою.

Едва ли человек приятен будет ей,

Который погубил того, кто всех милей.

Что мне от Августа подобная награда?

Нет, не Эмилию, ее мне сердце надо.

Какой же смысл мне в том, чтоб лишь супругом быть,

Когда она меня не хочет полюбить!

Могу ль ее привлечь тройным я оскорбленьем?

И Цинну предал я, и помешал отмщенью,

И жизнь я спас ее смертельному врагу —

Ну как же я теперь надеяться могу?

Эвфорб.

Да, в трудном ты сейчас, я вижу, положенье

И только хитростью добиться б мог решенья.

Найди его скорей, чтобы не знать забот,

А время в должный срок и помощь принесет.

Максим.

Но если Цинна сам Эмилию укажет,

И, как сообщницу, ее тиран накажет,

Могу ли я просить, чтоб дал в награду он

Мне ту, которой был на гибель осужден?

Эвфорб.

Я вижу, для тебя тут, что ни шаг, преграда,

И чтоб их одолеть, пожалуй, чудо надо.

Но если взвесить все и верно рассудить...

Максим.

Уйди! Успеем мы о том поговорить.

Вот Цинна. От него могу я, без сомненья,

Узнать полезное для своего решенья.

Эвфорб уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Максим, Цинна.

Максим.

Ты так задумчив стал...

Цинна.

Причины есть тому.

Максим.

О них поведаешь ты другу своему?

Цинна.

Эмилия меня и Цезарь так тревожат:
Он слишком добр. Она быть кроткою не может.
Ах, если б не таким со мной он добрым был
И сделал, чтоб его я менее любил!
Пусть доброта его Эмилию б смирила,
Пусть, как меня, его б она обворожила!
Терзанья совести ношу в груди своей,
Благодеяния теперь мне все больней,
И милость, сдержанно воспринятая мною,
Сжигает сердце мне мучительной тоскою.
Он в мыслях следует за мною по пятам
Таким, как власть свою передавал он

нам,

И нас выслушивал, и сам держал к нам слово:

«О Цинна, власть свою я принимаю снова,

Затем лишь, чтоб с тобой ее мне разделить!»

И я бы мог кинжал тогда в него вонзить!

Но… Я к Эмилии стремлюсь душой своею,

Я клятвой страшною отныне связан с нею…

Враг, ненавистный ей, мной должен быть сражен,

Честь и богов равно предать я обречен.

Клятвопреступник я, убийца ли — не знаю.

Ее или его измене подвергаю?

Максим.

Волнений ранее не ведал ты таких,

Казался твердым ты в намереньях своих

И не скрывал в душе упреков и сомненья.

Цинна.

Они пришли, когда стал близок час решенья,

И признаваться в них не хочется, пока

Для совершенья зла не поднята рука.

Душа, что цель свою преследует упорно,

Первоначальному влечению покорна,

Но не бывает ли наш ум порой смущен,

И угнетенности не чувствует ли он?

Я думаю, что Брут — когда б хотел признаться —

От замыслов своих готов был отказаться

И, прежде чем разить, испытывал душой

Упреки совести, раскаянье порой.

Максим.

Он слишком честен был для этих угрызений

И не подозревал возможности сомнений;

Тирану гибели хотел он тем сильней,

Чем больше милостей дарил ему злодей.

А так как Брут тебе — пример для подражанья,

Ты должен, как и он, не ведать колебанья.

Зачем же Августу ты начал возражать

И тем к свободе путь коварно преграждать?

Ведь этим ты лишил его освобожденья.

И Брут от Цезаря принять мог отреченье,

Но риску б он не стал свободу подвергать,

Когда любовь иль месть ей могут помешать

Пусть дружеством тебя тиран не обольщает,

И тем, что власть свою с тобой делить

желает;

Ты должен слушать Рим, внимать его мольбам:

«О Цинна, возврати то, что ты отнял сам!

И если предпочел ты жить своей любовью,

Не забывай, что я доныне залит кровью».

Цинна.

Не упрекай, Максим, несчастного ты в том,

Что к светлой цели он идет не тем путем.

Свою ошибку я пред гражданами знаю

И то, что взял у них, вернуть им обещаю.

Прости душе моей волненье чувств былых —

Спокойно не могу я видеть гибель их.

Пока с Эмилией я ожидаю встречи,

Дай мне печальным быть, забудь про эти речи, —

Ты мною огорчен, но дай мне одному
Побыть, покорствуя раздумью своему.

Максим.

Ты дать себе отчет хотел бы, без сомненья,
И в доброте врага и в собственном смущенье.
Беседе любящих быть тайной надлежит.
Прощай! Я ухожу, как скромность мне велит.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Цинна один.

Цинна.

Дай имя лучшее той мысли благородной,
Что добродетелью мне внушена природной;
Она преградою поставить хочет честь
Неблагодарности, давно таящей месть.

Ты мог бы эту мысль звать слабостью моею —

Перед возлюбленной душою я слабею,

И то я чувство чту, что должен погубить.

А победив его, могу ли счастлив быть?

В противоречиях таких я погибаю:

Что выбрать наконец, куда идти — не знаю.

Как тягостно душе в сомнениях блуждать!

И плод, который мне так хочется сорвать, —

Любви блаженный день, и мести завершенье,

И честь для родины добыть освобожденье, —

Не в состоянии привлечь рассудок мой,

Коль куплен этот плод предательства ценой,

Коль на властителя я направляю мщенье,

Который, знаю, полн ко мне благоволенья,

Чьим словом, добротой обласкан я вполне,

Кто в царственных делах внимает только мне.

О месть! Изменою душа моя язвима.

Нет, лучше длись вовек ты, злое рабство Рима,

Надежда, погибай, оставь меня, любовь,

Коль в низости своей готов пролить я кровь!

Он предложил мне то, чего я сам желаю,

Я ж кровью Цезаря блаженство покупаю.

Чтоб взять его дары, зачем мне убивать,

Зачем брать силой то, что сам он хочет дать?

Но я в руках у вас — о клятва страшной мести,

О гнев Эмилии, отец и голос чести!

Душа моя, рука — во власти все у вас;

Мной только вы одни владеете сейчас,

Вы направляете души моей стремленья,

Лишь ты, Эмилия, дать Августу прощенье

Могла бы — жизнь и смерть его в моих руках,

А ты мной властвуешь в желаньях и мечтах.

О боги! Сделали ее вы столь прекрасной, —

Пусть не останется мольба моя напрасной!

И так как мне своей неволи не избыть,

Пусть благосклонною она захочет быть!

Но вот она! Ко мне пускай не будет строгой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Цинна, Эмилия, Фульвия.

Эмилия.

Терзалась, Цинна, я напрасною тревогой.

По-прежнему тебе верны твои друзья,

И за тебя просить уже не стала я.

Ведь Август Ливии при мне о всем поведал,

И к жизни вновь меня вернула их беседа.

Цинна.

И отказалась ты? Дар, что он мне вручил,

Ужели отклонить тебе достало сил?

Эмилия.

Но все в твоих руках.

Цинна.

Твое важнее мненье.

Эмилия.

Всегда верна себе, не изменю решенья,

Меня тебе вручить — не значит ничего.

Дар этот мог бы ты иметь и без того.

Цинна.

А все же ты могла б... Как выразить,

не знаю.

Эмилия.

Чего ж боишься ты?

Цинна.

Смущенно я вздыхаю.
Когда бы поняли друг друга мы вполне,
То это объяснять не нужно было б мне.
Боюсь, что для тебя уже не стану милым.
Мне страшно говорить, молчать же нету силы.

Эмилия.

Мне слушать нелегко.

Цинна.

Обоим трудно нам —
И гнев твой на себя я навлекаю сам.
Эмилия! Люблю тебя, клянусь богами,
Лишь ты одна зажгла во мне такое пламя,
А страсть, которою горю я все силь-

ней,

Достойна и меня и гордости твоей.

Но если получу твою я руку скоро,

То тяжкой лишь ценой блаженства и позора, —

Ведь Август был так добр...

Эмилия.

Довольно! Ясно мне,

Что ты колеблешься, раскаялся вполне,

Тирана милости рассудок твой смутили,

И обещаний ты сдержать уже не в силе.

Твой ум доверчивый посмел вообразить,

Что Август и меня тебе бы мог вручить.

Ты хочешь, чтобы он владел моей судьбою?

Не думай взять меня подобною ценою!

Пусть землю под собой он может колебать,

Низвергнуть трон, свое правленье навязать,

Ссылать своих врагов, багрянить кровью воды,

Лик изменять земли, порабощать народы, —

Но над Эмилией нет власти у него.

Цинна.

Могу ль отречься я от долга своего?

Нет, верен я себе, чисты мои решенья,

Пойти я не хочу на клятвопреступленье.

Теперь покорен я во всем душе твоей.

Желания твои мне собственных важней.

Я мог бы не идти теперь на преступленье,

И ты лишилась бы желанного отмщенья.

Ведь Цезарь, становясь на отреченья путь,

Отвел бы сам клинок, разить готовый грудь.

Тогда б пришел конец решеньям благородным,

И мщение твое осталось бы бесплодным.

Я убедил его власть дальше сохранять,

Я увенчал его, чтобы тебе предать.

Эмилия.

Ужели хочешь ты, изменник, чтоб сама я

Твой отвела удар, тирану жизнь спасая,

Добычею была, наградою тому,

Кто власть врагу хотел оставить моему!

Цинна.

Зачем клянешь за то, что предан был тебе я?

Я власть тебе вручил над участью злодея.

Что мне все почести? Любовь — вот мой закон!

Хочу, чтоб он погиб иль был тобой спасен.

Но с первым признаком такого подчиненья,

Признательности мне простишь ты изъявленья —

Я недостойный гнев стремился победить,

Тобой плененному любовь тебе внушить.

Душа высокая коварной не бывает,

Неблагодарности, измены избегает,

Неправый путь клянет и счастья покупать

Не хочет, коль на нем есть низости печать.

Эмилия.

Но правы иногда намеренья такие.

Коварство — это путь к сверженью тирании.

Коль в пресеченье зла идем мы до конца,

То нам нужней всего коварные сердца.

Цинна.

Ты доблести полна и в увлеченье ме-

стью.

Эмилия.

По долгу римлянки считаю это честью.

Цинна.

Но истый римлянин…

Эмилия.

Осмелится убить

Тирана, что посмел его поработить.

Смирению раба он смерть предпочитает.

Цинна.

Быть Цезаря рабом он доблестью считает.

Цари у наших ног склонялись без венцов

И ждали помощи лишь от таких рабов.

Он поступается для нас своей короной,

Свое могущество нам дарит благосклонно,

Дань с высших он берет, чтоб нас обогатить,

И наше же ярмо на них переложить.

Эмилия.

Напрасно лесть царей тобою столь ценима,

Что ты уже готов забыть свободу Рима!

Найдется ли гордец в любой земной стране,

Кто с римлянином стать посмел бы наравне?

На голову свою навлек наш гнев Антоний

Тем, что с царицею позор делил на троне.{99}

Аттал,{100} *пергамский царь, что в пурпур облачен,*

{99} Комментарии: 2.99

К стр. 418

На голову свою навлек наш гнев Антоний тем, что с царицею позор делил на троне. — Речь идет о любовной связи Марка Антония с египетской царицей Клеопатрой. Позже он вступил с ней в брак, что по представлениям древних римлян было позором, так как звание римского гражданина считалось настолько почетным, что исключало даже браки с царями и царицами других народов.

{100} Комментарии: 2.100

Аттал… — В данном случае Корнель допускает ошибку: речь должна идти не об Аттале III, царе Пергама, а о Прусии II, царе Вифинии, гордившемся тем, что он подданный Рима.

Мнил, что от Рима он навек освобожден;

Но, к Азии придя владыкою единым,

Не троном горд, а тем, что стал он Рима сыном.

Гордись же именем, достоинством своим,

Которое тебе принес великий Рим,

И знай, что небу так, наверное, угодно,

Чтоб свергли мы царей и жить могли свободно.

Цинна.

Но небо никогда убийства не простит,

Неблагодарным же оно жестоко мстит.

Какие бы питать ни смели мы стремленья,

Оно, воздвигнув трон, мстит за его паденье;

Оно хранит того, кому послало власть,

И на его убийц удар не медлит пасть;

И если наказать преступников решит-

ся,

То тотчас гром над их главою разразится.

Эмилия.

Скажи, что и себя к ним причисляешь ты,

Боишься молнии, грозящей с высоты!

Но что мне говорить? Ступай же к тирании,

Служи ей, исполняй ее причуды злые

И, чтоб спокойствие душе своей вернуть,

Свой род и то, что я тебе сулю, забудь.

Я не воспользуюсь теперь рукой твоею,

За Рим и за отца сама отмстить сумею.

Давно тирана я пролить могла бы кровь,

Когда бы не была помехой мне любовь.

Тебе покорной быть она мне приказала,

И потому я жизнь свою оберегала.

Когда б на Цезаря я руку подняла,

То стражею его убита б я была.

Но смертью не могу порвать я чувства сети:

Лишь для тебя любовь велит мне жить на свете;

И тщетно я хочу, жизнь для тебя храня,

Внушить тебе, чтоб стал достойным ты меня.

Простите, боги, мне! Мечту свою лелея,

Я мнила, что любим был мною внук Помпея,

Но ложный образ мне явила в нем судьба, —

Я сердцем выбрала не мужа, а раба.

Я все ж тебя люблю, и в этом униженье.

И если путь ко мне лежит чрез преступленье,

Кто побоялся бы измен и клеветы,

Чтоб получить меня такой ценой, как ты?

Но знай, не обладать другим рукой моею:

Отдашь тирану жизнь — я все ж умру твоею,

Падет он — с ним моя порвется жизни нить,

Затем что не посмел меня ты заслужить.

Тирана кровь с моей смешается, я знаю,

Достоинство хранить и в смерти я желаю,

Чтобы сказать тебе, свой не кляня удел:

«Не упрекай судьбу: ты сам того хотел.

В могилу я схожу, что вырыта тобою,

Взяв славу, что тебе была дана судьбою.

Тирана власть сломив, я смерть себе нашла.

Но если б ты хотел, я б для тебя жила».

Цинна.

Ну что ж! Раз хочешь ты — тирану нет

спасенья.

Свободы жаждет Рим и твой отец —
отмщенья.

Да, должен Цезарь пасть, по праву осуж-
ден,

Но ты сама тиран — не менее, чем он.

Он может взять у нас жизнь и добро
— не боле,

Но души до сих пор он не держал в нево-
ле,

А красота твоя могуществом страш-
на:

Над волей, над умом владычица она.

Ты хочешь, чтобы я ценил позор ужас-
ный

И ненавидел то, что я любил так
страстно,

Чтоб кровь пролил того, кому отдать
сейчас

Кровь должен бы свою — и много сотен
раз.

Тебе покорен я. Сдержать я должен
слово,

И, выхватив клинок, рука моя готова

Немилого тебе безжалостно сразить
И тем возмездие вослед за злом явить,
Чтоб этим действием, с другим соединенным,
Утратив славу, быть любимым и прощенным.
Прощай же!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эмилия, Фульвия.

Фульвия.

В горе весь он погружен душой.

Эмилия.

Забудет пусть меня иль долг исполнит свой!

Фульвия.

Готов он слушаться, и жизни не жалея.
Ты плачешь, вижу я?

Эмилия.

Беги за ним скорее!
Коль хочешь мне, как друг, услугу ока-

зать,

Скажи ему, что он не должен умирать,

Что...

Фульвия.

Ради Цинны ты шлешь Августу спасенье?

Эмилия.

Ах, ненависть моя иного ждет решенья!

Фульвия.

Еще что?

Эмилия.

Пусть свершит то, что желаю я,

А после выберет: смерть иль любовь моя...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Август, Эвфорб, Поликлет, стража.

Август.

Все то, что ты сказал, Эвфорб, невероятно...

Эвфорб.

Столь ужаса полно, столь дико, непонятно...

Подобной ярости нам верится с трудом,

Приводит в ужас нас одна лишь мысль о том.

Август.

Как! Цинна! И Максим! Мои друзья, те двое,

Кому оказывал вниманье я большое,

Пред кем открыл я грудь, кого я сам избрал,

Чтобы могуществен и знатен каждый

стал,

Меж тем как всю страну я дал им в управленье,

Они на жизнь мою готовят покушенье!

Максим сознал вину, — я извещен о том, —

И он не лжет душой в раскаянье своем,

Но Цинна!..

Эвфорб.

Он один упорен в гневе яром,

На вашу доброту ответствуя ударом,

Он заговорщикам стремится помешать —

Как сделал то Максим — свою вину признать.

Пытаясь одолеть их робость и сомненье,

В их души прежнее вдохнуть он хочет рвенье.

Август.

Он одобряет их, в соблазны вводит их!

О, самый дерзкий враг из всех существ

земных,

О, ярость фурии и гнев неудержимый!

Предательский удар руки, мной столь любимой!

Тобою предан я, о Цинна… Поликлет!

(Говорит что-то на ухо Поликлету.)

Поликлет.

Все будет сделано — вот, Цезарь, мой ответ.

Август.

Максима пусть найдет Эраст без промедленья.

Пусть он придет принять вины своей прощенье.

Поликлет уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Август, Эвфорб.

Эвфорб.

Он там себя винит в своем проступке злом.

Едва лишь из дворца он в свой вернулся

дом,

Как, с ужасом в глазах, исполненный страданья,

Не в силах удержать ни вздоха, ни рыданья,

Он проклял жизнь свою и заговор. И сам,

Чтоб все я рассказал, меня отправил к вам.

Несчастье упредить он дал мне порученье:

«Скажи, что гнусное свершил я преступленье —

Не знал еще вины столь тяжкой человек!»

И к Тибру бурному он устремил свой бег.

Он бросился в поток. Но в сумраке неясном

Не мог увидеть я, что сталось с ним, несчастным.

Август.

Так преступлением он сам раздавлен

был

И милости моей навек себя лишил.

Сознавшему вину дарую я прощенье,

Но, так как сам вины нашел он искупленье.

Смотрите за другим. Пусть строго стерегут

Свидетеля, что нам о том поведал тут.

Эвфорб уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Август один.

Август.

О небо! Где же тот, кому теперь открою

Все помыслы души, все, что живет со мною?

Возьми же от меня такую власть скорей,

Коль, подданных мне дав, ты отняло друзей,

Когда лишь в том судьба властителей

на троне,

Что их добро других лишь к ненависти клонит,

И если тех любить они осуждены,

Которые порой их погубить должны.

Все шатко на земле. Для власти все опасно.

Октавий, твердым будь! Колеблешься напрасно.

Пощады хочешь ты? Кого ж ты сам щадил?

Подумай, сколько сам ты в тщенье крови лил?

По Македонии она ручьем струилась,

И не хотел врагам оказывать ты милость.

А сколько пролил Секст![{101}] *Припомни, сколько в ней*

{101} Комментарии: 2.101

К стр. 423

Секст — Речь идет о Сексте Помпее (75–35 гг. до н. э.), сыне Помпея Великого (см. коммент. к с. 381). Он вел неудачную борьбу с триумвирами в Сицилии; на территории Македонии протекала борьба с войсками триумвиров Брута и Кассия.

Топил Перузии он смелых сыновей,{102}

Припомни всю свою жестокость при отмщенье,

Казненных, изгнанных ужасные виденья,

Когда для близких ты стал злобным палачом,

Грудь воспитателя пронзив своим мечом,

Не смей же обвинять теперь судьбы удары,

Коль все сподвижники тебе готовят кары,

Коль взять они хотят, твой повторив удел,

Права, что соблюдать совсем ты не умел.

Их дело правое, к ним небо благосклонно —

Оставь же, как и взял, свой сан, судьбой врученный,

{102} Комментарии: 2.102

Перузия — город в центральной Италии, где было поднято восстание (сторонниками Марка Антония) против Октавиана. Это восстание в 40 г. окончилось неудачей.

Позволь неверности неверностью дышать —

Неблагодарность сам ты должен признавать.

Но в этот час меня рассудок покидает,

Мой ум меня винит, тебя же он прощает,

Тебя, чей заговор велит мне сохранить

Ту власть, что́ вызвала в тебе желанье мстить.

Мне ль мнить себя твоей изменой заклейменным,

Оставить навсегда трон этот незаконный

И, оправдание придав делам твоим,

Пасть от твоей руки, чтоб был счастливым Рим?

Как мог бы я принять подобное решенье?

И ты, ты будешь жить, внушив мне страх, смятенье?

Нет! Самого себя то значило б предать.

Прощающий дает возможность оскорб-

лять.

Смерть — главарю, другим — темница!
Без боязни

Тогда смогу я жить. Да, но все время
— казни?

От крови я устал — а перестать нет
сил.

Хотел я страх внушать, но гнев лишь
пробудил.

Рим гидрой на меня восстал многого-
ловой:

Отрубишь голову — родятся сотни
снова,

И сколько б крови я ни захотел про-
лить,

Лишь ненависть внушу. В покое мне не
жить.

Октавий, новый Брут твои окончит
беды!

Умри, но над собой не дай ему победы.

Умри! Стремленье жить и тщетно и
смешно,

Коль гибели твоей ждут лучшие давно,

Коль счастья больше нет для молоде-

жи знатной,

Как только мысль, что ты погибнешь безвозвратно

И Римом управлять уже не сможешь впредь.

Умри, коль надо все отдать иль умереть.

Не так уж жизнь важна. Добытое тобою

Не стоило бы брать столь тяжкою ценою.

Умри, но жизнь покинь, исполнен торжеством,

Свой факел погаси в крови, борясь со злом.

Ты можешь отплатить ему и умирая,

Достигнуть цели дай, но порази, карая.

Пусть видом он твоих казнится похорон;

На твой взирая труп, терзается пусть он.

Я наслажусь уж тем, что он не минет казни.

Меня не любит Рим, но полон он бо-

язни.

О римляне, о месть, о данная мне власть!

В борьбе с самим собой душе не дайте пасть

Или отвергнуть все, к чему она влечется;

Совет несчастному пускай у вас найдется.

Какой из двух путей мне следует избрать —

Покорно встретить смерть иль властвовать опять?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Август, Ливия.

Август.

Ты знаешь, предан я. Тот, кто злоумышляет,

К несчастью, всю мою уверенность смущает.

Предатель — Цинна.

Ливия.

Да. Эвфорб мне все раскрыл.

Я, слушая его, почти лишилась сил.

Совету женщины внимать ты в состоянье?

Август.

Ах, могут ли помочь твои мне указанья?

Ливия.

Без пользы для себя ты часто был жесток

И этим создавал злословия предлог.

Казнь не урок другим, не страх, а лишь обида.

Сальвидий вдохновил на мятежи Лепида,

Мурена встал ему вослед и Цепион,

И то, что каждый был в мучениях казнен,

Эгнатию в его не помешало мести —

И Цинна, не страшась, на их быть хочет месте.

Они желали все у черни быть в чести

И замыслом своим величье обрести...

И вышло так, что их ты покарал напрасно.

Над Цинной испытай, насколько милость властна!

Пускай смущение теперь его гнетет,

И заговор тебе лишь пользу принесет;

Казнь вызвать в городе способна лишь волненье,

Но славу большую тебе дало б прощенье,

И те, кого та казнь должна б ожесточить,

Великодушие оценят, может быть.

Август.

Так завоюем всех — уйдя от этой власти,

Несущей ненависть, питающей лишь страсти!

Я принял твой совет и долго размышлял.

Ни слова более: я взвешивать устал.

Так не томись, о Рим, о вольности

тоскуя:

Я в цепи вверг тебя — и сам их разобью я.

Свободу, от тебя отторгнутую злом,

Я возвращу тебе, но добрым лишь путем.

Коль ненавидишь ты, не нужно притворяться,

Коль хочешь полюбить, не бойся в том признаться.

Честь и могущество, что Суллой взращены,

Готов я дать тебе для блага всей страны.

Ливия.

Не слишком ли его пример тебя прельщает?

Иное ведь тебя, быть может, ожидает.

То счастье, что его хранило все года,

И счастьем звать нельзя, коль есть оно всегда.

Август.

Что ж! Коль влечет меня к нему лишь заблужденье,

Я дам всю кровь свою пролить без сожаленья.

Корабль, кончая путь, приходит в порт родной.

Зову одно из двух: иль смерть, или покой.

Ливия.

Как! Хочешь ты презреть то, что судьба послала?

Август.

Как! Сохранить все то, что ненавистным стало?

Ливия.

Кто подчинить себя способен так страстям,

Пример отчаянья — не силы явит нам.

Август.

Царить и миловать предателя — конечно,

Признак не доблести, а слабости бес-

печной.

Ливия.

Но быть властителем и над душой своей —

Вот доблесть, истинно достойная царей.

Август.

Ты обещала мне помочь своим советом

И слово держишь ты — я убедился в этом.

Поправ своих врагов властительной пятой,

Я правлю двадцать лет{103} *и долг в том вижу свой.*

Я новый создал строй — разумное правленье —

Вот долг властителя в подобном положенье,

А тайный заговор осудит весь народ,

{103} Комментарии: 2.103

К стр. 427

Я правлю двадцать лет... — Следовательно, действие трагедии может быть отнесено к 7 г. до н. э.

Одна лишь мысль о нем — и то нам вред несет.

В нем вся страна себе признала оскорбленье.

Мне нужно или мстить, или сложить правленье.

Ливия.

Обманчивым страстям не должен ты служить.

Август.

Честолюбива ты, а нужно сильной быть!

Ливия.

Зачем пренебрегать спасительным советом?

Август.

Подскажет небо мне решенье в деле этом.

Прощай, я ухожу!

Ливия.

Тебя не брошу я,

Должна бы убедить тебя любовь моя.

Август.

То честолюбие. Ты в явном заблужденье.

Ливия.

Тебя, а не твое люблю я положенье!

Август уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ливия одна.

Ливия.

Ушел. Спешу за ним. Хочу, чтоб понял он,
Что милосердием он укрепит свой трон,
Что милости к врагу есть признак несомненный
Величия царей перед лицом вселенной.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Эмилия, Фульвия.

Эмилия.

Сейчас я счастлива... Откуда же пришло,
Что мой покой смутить не в силах это зло?
За Цинной Цезарь шлет — а я не жду угрозы!
Тревоги нет в душе, я осушила слезы,
Как будто тайный я услышала намек,
Что огорчения не принесет мне рок.
Я не ошиблась, нет? Ты это мне сказала?

Фульвия.

Да, жизнь он предпочтет, мне это ясно стало.
Добилась я того, что Цинна, присмирев,
Хотел прийти сюда, чтоб вновь смягчить твой гнев.
Спокойна я была... Как вдруг я Поли-

клета

Увидела в дверях, дворцового клеврета;

Тот, к Цинне подойдя, шепнул ему, что он

Немедля к Августу явиться приглашен.

А Цезарь, говорят, сейчас в большом смущенье,

И разные о том высказывают мненья:

Решили, что ему стал чем-то горек свет,

Что Цинну пригласил к себе он на совет.

Одно неясно мне, — о том сейчас сказали, —

Что двое воинов Эвандра задержали,

Что схвачен и Эвфорб без видимых причин,

Что в чем-то обвинен его был господин,

Что страшное над ним нависло подозренье,

О Тибре говорят и о каком-то мщенье.

Эмилия.

О, сколько поводов для страха, для тоски!

Но от меня сейчас волненья далеки,

И мне спокойствие в тот миг внушают боги,

Когда терзаться я должна была б в тревоге,

И, хоть недавно страх пришлось мне испытать,

Бесстрастна я, когда должна бы трепетать.

О боги! Вижу я, вы волею благою

Хотите, чтобы я была чиста душою.

Лишили вы меня рыданий, вздохов, слез,

Чтоб стала смелой я перед лицом угроз,

Вам нужно, чтоб я смерть с тем мужеством встречала,

Которое меня на подвиг вдохновляло.

Так пусть погибну я, услышав ваш приказ,

Такой, какой меня вы видите сейчас!

О мой свободный Рим, о дух отца, мне

милый!

Я совершила все, что только в силах было,

На вашего врага я подняла друзей

С отвагой, чуждою досель душе моей.

Успеха не стяжав, я все ж стяжала славу,

Не в силах отомстить, я к вам иду по праву.

Великий, грозный гнев во мне неукротим.

Я гибелью своей тебя достойна, Рим,

И ты во мне признать захочешь, без сомненья,

Героев кровь, во мне текущую с рожденья.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Максим.

Эмилия.

Как, это ты, Максим? Ты жив и невредим?

Максим.

Эвфорб не так донес. Обманут Август им.

Задержанный Эвфорб, боясь разоблаченья,

Так Цезарю сказал, чтоб мне купить спасенье.

Эмилия.

А Цинна?

Максим.

Говорят, безмерно потрясен,

Узнав, что Цезарь был о тайне извещен.

Но тщетно спорил он, виновность отрицая, —

Эвандр все рассказал, хозяина спасая.

Сам Цезарь приказал тебя схватить сейчас.

Эмилия.

Что ж медлит тот, кому был отдан сей приказ?

Идти готова я, мне тяжко ожиданье.

Максим.

Он в доме ждет моем.

Эмилия.

Как?

Максим.

Все скажу заране,

Чтоб не дивилась ты. Тебя судьба хранит.

Он заговорщик наш, и с нами он бежит.

Воспользуемся тем, что нам судьба послала,

Спешим же на корабль, он ждет нас у причала.

Эмилия.

Как смеешь мне, Максим, ты бегство предлагать?

Максим.

Для Цинны я готов всего себя отдать.

Хотел бы я спасти от высшего несчастья

И ту, в ком для него заключено все счастье.

Бежим! Настанет день — и скоро, может быть, —

Когда, спасенные, мы сможем отомстить.

Эмилия.

Но Цинна и в беде достоин восхищенья,

Нам пережить его нельзя и для отмщенья.

Кто остается жить, когда погублен он,

Тот низостью души навеки заклеймен.

Максим.

Впадать в отчаянье с такою слепотою!

О боги! Слабой быть тебе, с твоей душою!

А ты, не чувствуя желания борьбы,

Готова тотчас пасть под натиском судьбы!

Нет, доблесть высшая в душе моей хранима,

Раскрой глаза, вглядись внимательно в Максима:

Ведь Цинну нового должна ты и нем открыть,

Любимого тебе он может заменить,

А так как дружба нас в одно соединила,

То, полюбив меня, его б ты полюбила.

Ведь тем же пламенем способен я пылать!

Я...

Эмилия.

Смеешь ты любить, не смея жизнь отдать!

Ты хочешь многого. Но, высказав признанье,

По крайней мере будь достойным и желанья,

Иль славной гибели не думай убегать,

Иль сердце низкое не смей мне предлагать.

Исполнив твердо долг, достойный восхищенья,

Ты, если не любовь, внушишь мне уваженье.

Будь истый римлянин с отвагою в крови —

И мил мне станешь ты, хотя и без

любви.

Нет! Если с Цинной ты воистину был дружен,

Не думай, что его возлюбленной ты нужен.

Пора о долге здесь договориться нам;

Дай в этом мне пример или внимай мне сам.

Максим.

Ты горю предалась безмерно, слишком страстно!

Эмилия.

Ты хитрость скрыть свою стараешься напрасно

И возвращенье мне счастливое сулишь,

И в горестях таких о страсти говоришь!

Максим.

Едва начав любить, томлюсь я, пламенея:

Ведь друга своего люблю сейчас в тебе я,

И если б так же ты, как некогда пред ним...

Эмилия.

Не думай, что совсем уж я проста, Максим!

Полна утратой я, но разум сохранила,

Мое отчаянье меня не ослепило.

Высокой доблести полна душа моя,

И знаю то, что знать так не хотела б я.

Максим.

Меня в предательстве подозревать ты стала?

Эмилия.

Да, если хочешь ты, чтоб правду я сказала,

Настолько хорошо продуман бегства план,

Что вправе я считать, это все — обман.

И много б милости нам оказали боги,

Когда бы без тебя рассеяли тревоги.

Беги один! Любовь мне тягостна твоя.

Максим.

Ах! Ты безжалостна!

Эмилия.

Сказала б больше я.
Не бойся, что тебя теперь хулить я стану,
Но и не жди, чтоб я поверила обману.
Коль думаешь — с тобой несправедлива я,
Иди со мной на смерть, чтоб оправдать себя.

Максим.

О нет! Ты жить должна, и знай, что я повсюду…

Эмилия.

Лишь пред Октавием тебе внимать я буду.
Идем же, Фульвия!

Эмилия и Фульвия уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Максим один.

Максим.

О горечь свыше сил!
По справедливости отказ я получил.
На что ж решиться мне? Я казни столь ужасной
Сам этой хитростью обрек себя напрасной.
Надежды нет, Максим, теперь душе твоей.
Она расскажет все пред гибелью своей,
И тот же эшафот всем явит в смерти близкой
Ее величие и твой поступок низкий.
Навек останется в потомстве с этих пор
Твое предательство, заслуженный позор.
В один и тот же день ты погубил, несчастный,
Владыку, друга, ту, кого ты любишь

страстно,

И оттого, что сам ты в низости своей

Тирану в руки мог отдать своих друзей,

В награду получил ты стыд, и раздраженье,

Да гнев, который жжет тебя без сожаленья.

Эвфорб! Причиною всему был твой совет,{104}

Но доблести в рабах еще не видел свет.

Вольноотпущенник всегда рабом бывает:

Жизнь изменяя, он души не изменяет.

Хотя свободою и был отмечен ты,

Но благородства в ней не мог явить черты.

Неправой власти ты принес мне обольщенье,

Заставил запятнать честь моего рож-

{104} Комментарии: 2.104

К стр. 433

Эвфорб! Причиною всему был твой совет... — К этому месту трагедии Вольтер сделал следующее негодующее примечание: «Заговорщику, сенатору не пристало укорять раба за то, что он толкнул его на дурной поступок. Подобный упрек был бы уместен в устах слабой женщины, или неопытного юноши».

денья.

Боролся я с тобой, но ты меня сломил,

И сердце ты мое обманом очернил.

И жизнь теряю я, и доблестное имя —

Так слепо обольщен советами твоими.

Но, видя зло твое, позволят боги мне

За любящих, Эвфорб, тебе отмстить вдвойне.

Пусть тягостно мое пред ними преступленье —

Я кровь готов свою пролить для искупленья,

И в состоянии отмстить рука моя

За то, что некогда тебя мог слушать я!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Август, Цинна.

Август.

Сюда, о Цинна, сядь и трезвою душою
Взвесь то, что выскажу сейчас я пред тобою;
Не возражая мне, словам моим внимай
И речь мою ничем пока не прерывай.
Будь нем; но коль тебя внимание такое
Лишит хотя б на миг душевного покоя,
Когда окончу я, ты можешь возразить.
Хочу лишь этого я у тебя просить.

Цинна.

Я повинуюсь.

Август.

Но условия такого
Держись — тогда и сам свое сдержу я слово.

Воспитан, Цинна, был ты средь врагов моих,

И мой отец и я зло видели от них.

Средь чуждых мне людей ты получил рожденье,

Ты, перейдя ко мне позднее в подчиненье,

Их ненависть посмел в душе своей сберечь

И на меня теперь свой обращаешь меч.

Еще с рождения врагом ты мне считался,

Потом, узнав меня, ты все же им остался.

И злоба у тебя в крови; в душе своей

Ты держишь сторону враждебных мне людей

И с ними ненависть ко мне питаешь злую.

Но я, любя тебя, мщу, жизнь тебе даруя.

Я сделал пленником тебя, дружа с тобой,

И в милостях моих стал двор тебе

тюрьмой.

Сперва я возвратил тебе твои именья,

Потом Антония дал земли во владенье.

Ты помнишь, я всегда с тобою ласков был,

Благоволение и почести дарил.

Блага, которые тебе так милы были,

Ты тотчас получал, не ведая усилий.

Ты стал знатнее тех, кто при дворе моем

Заслугами бы мог гордиться и родством,

Кто мне могущество купил своею кровью,

Кто охранял меня столь преданной любовью.

Я так был добр к тебе, что победитель мог

Завидовать тому, кто побежденным лег.

Когда же небом был лишен я Мецената

И горе пережил, томившее когда-то,

Его высокий сан тебе я передал,

Чтоб ты советником моим первейшим стал.

Еще не так давно, душой изнемогая,

От власти Цезаря уйти навек желая,

С Максимом и с тобой советовался я,

И только за тобой пошла душа моя.

На брак с Эмилией я дал тебе согласье,

Чтоб все здесь твоему завидовали счастью.

Я так тебя взыскал, что, отличен во всем,

Ты б меньше счастлив был, когда бы стал царем.

Ты знаешь это сам; такую честь и славу

Столь скоро позабыть ты не имел бы права.

Так как же можешь ты, все в памяти храня.

Стать заговорщиком, чтобы убить меня?

Цинна.

Как, государь! Чтоб я бесчестное желанье

Таил в душе...

Август.

Но ты не держишь обещанья.

Молчи! Ведь я не все успел тебе сказать.

Я кончу — и тогда пытайся отрицать.

Теперь же мне внимай, не прерывая боле:

Ты смерть готовил мне у входа в Капитолий,

При приношенье жертв хотел своей рукой

Над чашей нанести удар мне роковой,

И часть твоих друзей мне б выход заслонила,

Другая бы тебе помочь успела силой.

Как видишь, обо всем я извещен сполна.

Ты хочешь, чтоб убийц назвал я имена?

То Прокул, Глабирьон, Виргиниан, Рутилий,

Помпоний, Плавт, Ленас, Альбин, Мар-

целл, Ицилий,{105}

Максим, которого я другом мог считать,

А прочих, право же, не стоит называть.

Вот кучка тех людей, погрязших в преступленье,

Которым тяжело законов проявленье,

Которые, тая бесчестность дел своих,

Законов не любя, стремились свергнуть их.

Вот ты теперь молчишь, но вызвано молчанье

Смущеньем у тебя, в нем нету послушанья.

Чего же ты хотел, о чем же ты мечтал,

Когда б, поверженный, у ног твоих я пал?

Свободу дать стране от слишком тяжкой власти?

{105} Комментарии: 2.105

К стр. 436

То Прокул <...> Ицилий... — Корнель называет имена, как правило, действительно встречающиеся в истории Рима.

Коль мысли я твои понять мог хоть отчасти,

Спасение ее зависит от того,

Кто крепко держит жезл правленья своего.

А если замышлял ты родины спасенье,

Зачем мешал ты мне дать ей освобожденье!

Из рук моих ты б мог свободу эту взять —

И было б незачем к убийству прибегать.

Так в чем же цель твоя? Сменить меня? Народу

Опасную тогда приносишь ты свободу.

И странно, что, в душе стремленье к ней храня,

Одно препятствие находишь ты — меня!

Коль тяжкой родину я награждал судьбою,

То легче ль будет ей, забыв меня, с тобою?

Когда я буду мертв, ужель, чтоб Рим

спасти,

Власть к одному тебе достойна перейти?

Подумай: вправе ль ты довериться расчетам?

Ты в Риме так любим, ты окружен почетом,

Тебя боятся все, готовы угождать,

И у тебя есть все, что мог бы ты желать,

Но и врагам своим внушал бы ты лишь жалость,

Когда бы власть тебе, ничтожному, досталась.

Осмелься возразить, скажи, чем славен ты,

Какой в достоинствах достиг ты высоты,

Чем похвалиться бы ты мог передо мною

И чем возвыситься по праву над толпою?

Тебе могущество, тебе дал славу я,

Тебе опорою была лишь власть моя.

Всеобщее не сам стяжал ты поклоненье,

В тебе моих щедрот все видят отраженье,

И если б я хотел, чтобы ты пал скорей,

Поддержки стоило б лишить тебя моей.

Но уступить хочу я твоему желанью.

Бери отныне власть, предав меня закланью.

Ужель Сервилия, Метелла славный род,{106}

Потомки Фабия, которых чтит народ,

Потомки тех мужей, какими Рим гордится,

В чьих жилах пламенных героев кровь струится,

Забудут хоть на миг о прадедах своих

И примирятся с тем, что ты стал выше их?

Ну, говори теперь!

{106} Комментарии: 2.106

К стр. 437

Ужель Сервилия, Метелла славный род... — Это были действительно древние римские роды, как и названный ниже род Фабия.

Цинна.

Я чувствую смущенье.

Не гнев твой страшен мне, не смерти приближенье.

Я в думы погружен. Я кем-то предан был

И не могу понять, кто делу изменил.

Но мысль о том хочу я отогнать скорее.

Я все же римлянин, потомок я Помпея.

Что деда моего осмелились убить —

И гибель Цезаря не может искупить.

Я предан цели был высокой, благородной.

Коль низостью тебе считать ее угодно,

Не жди, что я себя готовлюсь упрекать,

Бесплодно сожалеть и слезы проливать!

Тебя судьба спасла, меня же погубила.

Мы оба сделали, что сделать нужно было.

Ты славу приобрел для будущих времен
И гибелью моей в опасностях спасен.

Август.

Опять упорствуешь ты в дерзости признаний,
Не каешься в вине, не ищешь оправданий.
Посмотрим, до конца ль отважен ты душой,
Ты свой исполнил долг, и я исполню свой.
Суди же сам себя, возмездье избирая.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Ливия, Эмилия и Фульвия.

Ливия.

О заговорщиках все рассказать пришла я.
Эмилия средь них — сейчас узнала я.

Цинна.

О боги! То она!

Август.

Ты тоже, дочь моя?

Эмилия.

В том, что он совершил, себя винить мне надо!

Ведь я всех дел его причина и награда.

Август.

Как! Лишь сегодня ты успела полюбить —

И жизни для него порвать готова нить?

С какой поспешностью ты жертвуешь собою

Тому, кто только что тебе вручен был мною!

Эмилия.

Любовь, с которой я пришла сюда сейчас, —

Не долг покорности, не отклик на приказ,

И ты не властен в том, чтобы сердца пылали.

Четыре года мы любовь от всех скры-

вали.

Любила Цинну я, и мне был предан он,

Но ненавистью был союз наш вдохновлен.

Надежду светлую ему я подавала,

За моего отца пусть отомстит сначала,

И он поклялся мне, собрал своих друзей…

Все ж сбыться не было дано мечте моей.

Нет, не с покорностью стою я пред тобою,

Я Цинну не спасу своею головою.

Он за вину свою достойно осужден,

И справедлива казнь презревшего закон.

Но смерть с ним разделить, с отцом соединиться —

Вот то, чего хочу я от тебя добиться.

Август.

Так вот какую мысль тая в душе своей,

Ты мне желала зла под крышею моей!

Я Юлию изгнал,{107} *хоть мне и тяжко было,*

Эмилия ее мне в сердце заменила.

Но недостойная не ценит свой почет!

Та честь мою взяла, а эта смерть несет.

В обеих страсть горит и горе мне готовит:

Одной был мил разврат, другая жаждет крови.

Так платишь ты за то, что я тебя любил?

Эмилия.

За доброту отца так сам ты заплатил.

Август.

Усердно я твоим был занят воспитаньем...

Эмилия.

{107} Комментарии: 2.107

К стр. 439

Я Юлию изгнал... — В действительности изгнание Юлии, развратной дочери Августа, произошло лишь во 2 г. до н. э. (см. коммент. к с. 405), то есть много времени спустя после событий, изображенных в трагедии.

С таким же он тебя воспитывал стараньем,

Но воспитателя убил ты своего

И путь тем указал для мщенья моего.

Виновны оба мы, в одном лишь расхожденье:

Тобой был мой отец казнен без преступленья, —

Мой справедливый гнев не уставал пылать,

Чтоб за невинного тебе сполна воздать.

Ливия.

Постой, Эмилия! Исполненный вниманья,

Тебе он оплатил отца благодеянья.

Смерть, за которую ты хочешь мстить сполна,

Вина Октавия — не Цезаря вина.

Пойми: в борьбе за власть губительные страсти

Прощаются тому, кто достигает власти.

Тот, кто высокою удачей вознесен,

Перед грядущим прав, перед былым прощен,

Достигший своего не отягчен виною:

Он сделал только то, что суждено судьбою.

Имеет все права над нашей жизнью он;

Предписывать ему нельзя нам свой закон.

Эмилия.

В том, что вы слышали, — души моей признанье.

Не о защите речь — о грозном воздаянье.

Карай же, Цезарь, тех, чей полный злобой пыл

За милости твои коварством отплатил,

И жизнь мою прерви, чтобы не быть в тревоге!

Мной Цинна соблазнен, вновь соблазню я многих.

Тебе опасной быть должна я до конца:

Мстя за любовь свою, я мщу и за отца!

Цинна.

Я соблазнен тобой и горько я страдаю,
Тебя, принесшую бесчестье, обожаю.
Но, Цезарь, истину открыть я должен здесь:
Я, не любив еще, задумал эту месть.
Эмилия моим моленьям не внимала,
И я решил иным занять ее сначала, —
Твердил, что за отца ей надо отомстить,
Хоть этим я хотел ее к себе склонить.
Для сердца женщины всегда приятно мщенье!
Мне сердце отдала она в вознагражденье.
Коль по достоинствам своим я не был мил,
Как мститель я ее вниманье заслужил,
И в заговор она вошла тогда за мною,
Но лишь сообщницей — там, где я был главою.

Эмилия.

Как смеешь, Цинна, ты! Иль в том любовь твоя,
Что опозоренной должна погибнуть я?

Цинна.

Умри, но тем вредить моей не думай славе!

Эмилия.

Пред Цезарем меня позорить ты не вправе!

Цинна.

И мне — позор, когда лишаешь ты себя
Величья подвига, наш замысел губя.

Эмилия.

Будь славен им, но я имею тоже право
На подвиг, и с твоей моя померкнет слава.
Ведь слава, радости мученья, гнет вины
Для любящих всегда быть общими должны.

Мы, Цезарь, римляне, и мы отныне вместе

Должны соединить любовь и чувство мести.

Ведь каждый потерял любимого отца,

И вместе доведем мы мщенье до конца;

Друг с другом рядом шли мы к цели благородной,

Мы оба приняли ее душой свободной,

Дана нам вместе честь свой встретить смертный час.

Ты нас соединил, не разлучай же нас!

Август.

Я вас соединю — хоть мне горька обида,

Хоть вы враждебней мне Антония, Лепида, —

Я вас соединю, свое согласье дам.

Есть уважение во мне к таким страстям.

Пускай узнает мир души моей волненье,

Пусть удивят его и казнь и преступленье.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Максим.

Август.

Любим богами я. Мне рок удачу шлет.
Спасенный из пучин, Максим еще живет.
Приблизься, друг, скорей! Ты мне остался верным.

Максим.

Не нужно доверять друзьям столь лицемерным.

Август.

Не будем говорить мы о вине сейчас —
Раскаявшийся, ты меня от смерти спас.
Тебе обязан я своею жизнью, властью.

Максим.

Я из твоих врагов — опаснейший, к несчастью,

И коль тебе судьба продлила радость дней,

Обязан этому ты зависти моей.

Нет, не раскаянье душой моей владело:

Губя соперника, раскрыл я злое дело.

Солгал Эвфорб, сказав, что был я взят волной.

Боялся он, что ты скорей пошлешь за мной.

Найти к Эмилии хотел я путь обманный:

Внушить ей тайный страх, увлечь в чужие страны;

О бегстве говоря, не уставал твердить,

Что, возвратясь, она сумеет отомстить.

Но, отклонив душой все эти обольщенья,

Удвоила она своей отваги рвенье.

Она все поняла. И все ты знаешь сам,

Зачем бы прибегать я к лишним стал словам?

Так хитрость низкая успеха не доби-

лась.

Но если ты и мне явить хотел бы милость,

Пусть кончит жизнь Эвфорб среди мучений злых,

И пусть умру я сам, но на глазах у них.

Честь, друга, родину, тебя пред целым светом

Я предал. Мне Эвфорб помог своим советом,

И был бы счастьем я безмерным награжден,

Когда б пред смертью знал, что он уже казнен.

Август.

О небо, неужель мне суждено судьбою

Еще изменников увидеть пред собою?

Пусть злобный рок зовет сам ад в громах, в огне,

Собой владею я, и мир покорен мне.

Я крепко власть держу. В грядущем сохранится

Моей победы день. Я вправе им гордить-

ся.

Свой справедливый гнев я превозмог сейчас,

Пусть весть о том дойдет, потомки, и до вас.

Дай руку, Цинна, мне! Останемся друзьями!

Врагу я жизнь дарю. Нет злобы между нами.

Пусть низким замыслом чернишь ты мысль свою,

Убийце своему я снова жизнь даю.

Начнем мы спор иной. Пусть каждый в нем узнает,

Кто лучше: кто дает иль тот, кто получает.

Ты милости презрел — я их удвою сам,

Ты много их имел — тебе их больше дам.

С прекрасной девушкой, тебе врученной мною,

Прими власть консула над целою страною.

Отдай же, дочь моя, ты Цинне всю лю-

бовь,

Пусть пурпур консула тебе заменит кровь.

Как я, смири свой гнев. Даря тебе супруга,

Дарю я большее, чем жизнь отца иль друга.

Эмилия.

О Цезарь, предаюсь твоей я доброте —

Она как свет в моей душевной темноте!

Быть больше не хочу в преступном ослепленье.

Что казнь мне? Совести ужасны мне мученья.

Одно раскаянье живет в душе моей,

В своей неправоте признаться надо ей.

Богами одарен ты высшей добротою.

Как я хотела бы склониться пред тобою!

И смею думать я — ты будешь добр ко мне,

Ты жизнь мне возвратил, дал счастье

всей стране.

Пусть ненависть свою бессмертной я считала —

Она уже мертва, тебе я верной стала.

О мести мысль теперь душе моей страшна,

Желанием тебе служить душа полна.

Цинна.

Что я могу сказать, когда всем преступленьям

Ответить захотел ты благостным прощеньем?

О величайший дух! О милость без границ!

О, как ты вознесен! Как я повержен ниц!

Август.

Не стоит повторять то, что забыть решили.

Хочу я, чтоб со мной Максима вы простили,

Он предал нас троих, но дерзостью своей

Невинность вам вернул, мне сохранил друзей.

(Максиму.)

Со мною рядом встань и будь на прежнем месте,

Вновь славой облечен, достоин прежней чести.

Эвфорба же пора простить вам всем троим.

Мы браком любящих теперь соединим.

(Максиму.)

Их счастью суждено стать казнию твоею.

Максим.

Ты слишком справедлив, и я роптать не смею.

Смущен тем более я милостью такой,

Что честолюбию теперь я чужд душой.

Цинна.

Дай добродетели, отныне возрожденной,

Служить тебе, забудь, что я попрал законы.

Пусть небо рушится — она теперь тверда

И колебаться уж не станет никогда.

Пусть тот, чьей волею все на земле вершится,

Отнимет жизнь у нас, чтоб дням твоим продлиться,

Пусть я, которому завидуют сейчас,

Стократ тебе верну все, чем ты даришь нас!

Ливия.

О Цезарь! Твоего величия светило

Пророческим лучом мне душу озарило,

И боги говорят сейчас через меня,

Что счастьем с этого ты насладишься дня.

Теперь уж нечего тебе врагов бояться —

Народ готов тебе без спора покориться,

И тот, кто больше всех был властью

отягчен,

От всей души теперь признает твой закон.

Бесчестный замысел иль заговор ужасный

Уже не омрачат твой жребий, столь прекрасный.

Нет более убийц и злобы без конца —

Постиг искусство ты, как привлекать сердца.

Рим, что не чувствует себя отныне сирым,

Тебе готов отдать владычество над миром,

И доброта твоя свидетельство ему,

Что должен быть тебе он верен одному.

От долгих смут ему дано освобожденье —

К единовластию имеет он влеченье,

Он ставит алтари тебе, готовит храм,

К бессмертным хочет он причесть тебя богам,

А твой благой пример в потомстве отдаленном

Пребудет как завет властителям и тронам.

Август.

Пророческим словам поверить я готов.

Внимайте же всегда велению богов.

Пускай умножатся им жертвоприношенья

В дни, полные для нас особого значенья,

И заговорщикам желал бы я внушить,

Что Август все узнал и хочет все забыть.

РАЗБОР «ЦИННЫ»[19]

Об этой трагедии лестно отозвалось столько незаурядных людей, отдающих ей первое место среди моих произведений, что, браня ее, я нажил бы слишком много врагов, а я не настолько враг самому себе, чтобы выискивать недостатки там, где их не усмотрела публика, и оспаривать мнение зрителей о пьесе, силясь омрачить славу, которой они меня увенчали. Явное и всеобщее одобрение, снисканное «Цинной», несомненно объясняется тем, что даже там, где я отошел от правды, мне посчастливилось сохранить правдоподобие и ни разу не прибегнуть к разного рода уловкам. Пьеса ни в чем не противоречит истории, хотя многое в ней добавлено автором; она свободна от натяжек, которых так часто требуют от нас трудности сценического воплощения, равно как единство времени и единство места.

Правда, действие развертывается у меня как бы в двух местах. Половина пьесы идет у Эмилии, половина — в покоях Августа. Я выставил бы себя на посмешище, если бы допустил, что император,

---

[19] Примечания: 1.19
Перевод Ю. Корнеева.

рассуждая с Максимом и Цинной, отказаться ему от власти или нет, делает это там, куда Цинна приходит поведать Эмилии о заговоре, составленном им против государя. Та же причина побудила меня нарушить последовательность сцен в четвертом акте: я не посмел заставить Максима принести Эмилии тревожную весть о раскрытии заговора туда, где Августа, по его же, Максима, распоряжению, только что уведомили об этом заговоре и откуда Максим недавно вышел в таком волнении и нерешительности. Выдать тайну заговора, одним из вождей которого является он сам, Максим, уведомить императора о своей мнимой смерти и вслед за тем прийти к нему в покои было бы верхом бесстыдства и неправдоподобия. Это не помогло бы Максиму обмануть Эмилию, запугав ее угрозой ареста, напротив, привело бы лишь к тому, что схватили бы его самого, тем самым бесповоротно сведя на нет его замысел. Поэтому, за исключением пятого акта, Эмилия не появляется там, где находится Август, но это отнюдь не нарушает единства места применительно к трагедии в целом: действие вполне может происходить не в Риме вообще, даже не в одном из кварталов Рима, а лишь во дворце Августа — нам ведь никто не

возбраняет отвести Эмилии в этом дворце апартаменты, удаленные от покоев императора.

Рассказ Цинны о заговоре подтверждает слова, сказанные мною в другом месте:{108} *чтобы дослушать до конца расцвеченное подробностями повествование, и рассказчик и слушатель должны пребывать в достаточно спокойном расположении духа и симпатизировать друг другу — без этого им не хватит терпения. Эмилия радуется, слыша от возлюбленного, с каким рвением претворяет тот в жизнь ее замыслы; Цинна столь же счастлив, что может внушить ей такие радужные надежды на их осуществление; вот почему долгое повествование без единого перерыва все-таки не успевает наскучить. Риторические фигуры, которыми я пытался украсить его, не навлекают на себя обвинения в чрезмерной искусственности и разнообразием своим оправдывают то время, что я на них затратил; но если бы я промедлил с рассказом до тех пор, пока известие, принесенное Эвандром, не встревожит влюбленных, Цинне пришлось бы воздержаться от монолога или свести его к нескольким*

{108} Комментарии: 2.108

К стр. 447

...слова, сказанные мною в другом месте... — Корнель имеет в виду «Разбор» своей трагедии «Медея».

строкам, потому что Эмилия больше просто не выдержала бы.

Можно утверждать, что если стих моего «Горация» выражает мысль в известной мере четче и менее высокопарно, нежели в «Сиде», то в этой трагедии он в известной мере более отделан, нежели в «Горации», и что, в конце концов, легкость восприятия сюжета, не слишком перегруженного ни событиями, ни рассказами о вещах, происходивших до начала представления, безусловно служит одной из причин большого успеха спектакля. Зритель любит всецело отдаваться тому, что видит в данную минуту, и не чувствовать себя вынужденным для понимания происходящего размышлять об уже виденном, воскрешая в памяти начальные акты, в то время как у него перед глазами акты заключительные. В этом недостаток пьес, перегруженных событиями и на языке людей искусства именуемых «запутанными», каковы, например, «Родогуна» или «Ираклий». Пьесы с простым сюжетом свободны от этого недостатка, но если первые, само собой разумеется, требуют больше фантазии для развития темы и мастерства для написания, то вторые, которых не выручает занимательный сюжет, нуждаются в большей силе стиха,

мысли и чувства.

ПОЛИЕВКТ

ХРИСТИАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

{109}

Перевод Т. Гнедич

{109} Комментарии: 2.109

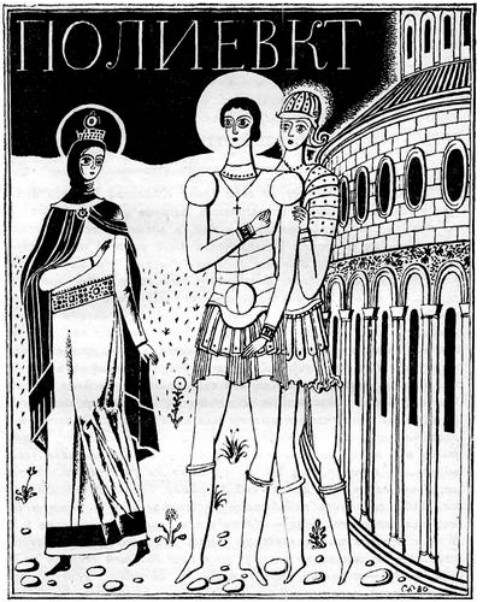
«ПОЛИЕВКТ»

(«POLYEUCTE»)

Трагедия, первоначально называвшаяся «Полиевкт-мученик», была завершена автором к зимнему сезону 1641/42 г. Первоначально пьеса была прочтена у новых друзей Корнеля — в салоне Рамбуйе, где собирались интересующиеся литературой аристократы и прециозные поэты, сторонники изысканного и утонченного поэтического языка, полного аллегорий, иносказаний и непременной «красивости». Здесь полного одобрения трагедия не получила, и Корнель даже подумывал отказаться от постановки ее на сцене. Однако премьера пьесы (видимо, в начале 1642 г., а в каком из двух парижских театров — «Бургундском отеле» или «Маре» — неизвестно) прошла с большим успехом. Пьеса затем прочно держалась в репертуаре французского театра; в ролях трагедии удачно выступали Тальма, Муне-Сюлли, Адриенна Лекуврер, Рашель и другие. Следует отметить постановку пьесы в 1947 г. на сцене театра «Вьё-Коломбье».

Впервые издана под названием «Полиевкт-мученик, трагедия» (прилагательное «христианская» в обозначении жанра пьесы появилось позднее) в октябре 1643 г. Антуаном Соммевилем и Огюстеном Курбе.

Первый русский перевод был сделан Н. Хрущевым, и в этом переводе пьеса шла в Петербурге в январе 1759 г. (в только что открытом театре у Полицейского моста). Перевод этот не был напечатан. В том же 1759 г. в журнале «Трудолюбивая пчела» (сентябрьский номер) был напечатан монолог Полиевкта из четвертого действия пьесы в переводе А. П. Сумарокова. Видимо, это было первое появление Корнеля в русской печати. Перевод Т. Гнедич впервые напечатан в 1970 г.


ПОЛИЕВКТ

КОРОЛЕВЕ-РЕГЕНТШЕ[20]

Государыня!{110}

Отдавая себе отчет во всех своих слабостях и свято памятуя о том глубочайшем благоговении, которое внушает Ваша особа каждому, кто приближается к ней, я сознаюсь тем не менее, что припадаю к стопам Вашим без всякой робости и смущения, ибо уверен: я угожу Вам — я ведь пишу о том, что особенно дорого Вашему величеству. Я подношу Вам всего лишь пьесу для театра, но речь в ней идет о боге — предмете столь возвышенном, что его не унизит даже беспомощность автора, а беседы об этом предмете столь волнуют душу Вашего величества, что Вас не оскорбят изъяны сочинения, трактующего о том, что составляет отраду Вашего сердца.

---

[20] Примечания: 1.20

Перевод Ю. Корнеева.

{110} Комментарии: 2.110

К стр. 450

Государыня! — При издании трагедия была посвящена Корнелем королеве-регентше Анне Австрийской. Но первоначально писатель намеревался посвятить ее самому королю Людовику XIII, как об этом сообщает известный мемуарист Тальман де Рео (1619–1692). Но король внезапно скончался 14 мая 1643 г., и через четыре дня Анна Австрийская была провозглашена регентшей при малолетнем короле Людовике XIV.

Этим я и надеюсь заслужить прощение Вашего величества за то, что слишком долго медлил почтить Вас подобным подношением. Всякий раз, выводя на нашу сцену образцы нравственной высоты или политического дарования, я находил изображаемые мною картины недостойными Вас, государыня, ибо понимал: с каким бы тщанием я ни отыскивал такие образцы в истории, как бы ни украшал их средствами искусства, Ваше величество являет собой пример, далеко превосходящий их. Дабы сохранить подобающее расстояние между ними и Вами, мне оставалось одно — обратиться к более высокой теме и, не дерзая посвятить произведение вышеописанного рода христианнейшей — не только по титулу, но в еще большей степени по делам своим — королеве, предложить ей описание христианских добродетелей, главные из коих суть любовь к господу и ревность о славе его, предложить в надежде, что удовольствие, доставленное Вашему величеству чтением, станет для Вас не только отдыхом, но и поводом к благочестивым раздумьям. А ведь именно Вашему редкостному и трогательному благочестию Франция обязана тем, что небо ниспослало успех первым воен-

ным предприятиям ее короля:{111} *их счастливое окончание есть нагляднейшее доказательство благосклонности провидения, взыскивающего все королевство наградами и милостями, заслуженными Вашим величеством. После кончины нашего великого монарха гибель страны казалась неизбежной: мы уже внушали презрительную жалость всей Европе, которая, видя наше отчаянное положение, мнила, что мы вот-вот погрузимся в бездну смут; однако благоразумие и рачение Вашего величества, мудрость советов, коим Вы вняли, и доблесть тех, коим поручили претворить их в жизнь, в такой мере удовлетворили все нужды государства, что первый же год Вашего регентства не только сравнился с самыми славными годами предшествующего царствования, но и стер после взятия Тионвиля*{112} *воспоминание о поражении, прервавшем под стенами этого города долгую чреду наших побед. Дозвольте же*

{111} Комментарии: 2.111

К стр. 451

…успех первым военным предприятиям ее короля… — Корнель имеет в виду успешные действия французских войск против австрийцев и испанцев в летние месяцы 1643 г.

{112} Комментарии: 2.112

…после взятия Тионвиля… — Речь идет о взятии 18 августа 1643 г. французскими войсками, возглавляемыми принцем Конде, захваченного ранее испанцами города Тионвиль на севере Франции.

мне излить восторг, вселяемый в меня этой мыслью, и восхищенно возгласить:

Так, государыня, деянья Ваши славны,
Что потрясен Мадрид, Брюссель ошеломлен.
Когда б их встарь предрек нам даже Аполлон,
В его пророчествах я усомнился б явно.

Нет меж монархами таких, что с Вами равны,
А Ваши воины не ведают препон,
И груды у врага отобранных знамен
Вы попираете своей стопой державной.

Сначала Тионвиль и Рокруа{113} потом —
Везде в сраженьях верх за нашим королем,
Которого мой стих на Сене славит звонко.

Как, Франция, твое грядущее светло,

{113} Комментарии: 2.113

Рокруа. — Этот пограничный город стал местом сокрушительного разгрома летом 1643 г. испанской армии французскими войсками под командованием принца Конде.

Коль у тебя в руках оружие ребенка{114}
По воле матери перуны превзошло!

Нет никакого сомнения, что за столь чудесным началом последуют еще более разительные успехи. Бог не останавливается на полпути — он довершит благодеяния свои, государыня, и превратит не одно лишь регентство, но и всю жизнь Вашу в бесконечную цепь удач. Об этом молит его вся Франция, в том числе — и особенно усердно — смиреннейший, покорнейший, преданнейший слуга и подданный Вашего величества

Корнель.

{114} Комментарии: 2.114

...в руках оружие ребенка... — В то время Людовику XIV едва исполнилось пять лет.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ФЕЛИКС
римский сенатор, правитель Армении
ПОЛИЕВКТ
армянский вельможа, зять Феликса
СЕВЕР
знатный римлянин, любимец императора Деция{115}
НЕАРК
армянский вельможа, друг Полиевкта
ПАУЛИНА
дочь Феликса, жена Полиевкта
СТРАТОНИКА
наперсница Паулины
АЛЬБИН
наперсник Феликса
ФАБИАН
слуга Севера
КЛЕОН
слуга Феликса

{115} Комментарии: 2.115
К стр. 453
Деций — римский император, правивший с 249 по 251 г. н. э. Это короткое правление отмечено принятием суровых законов против христиан и повсеместным гонением приверженцев новой религии.

ТРИ ВОИНА

Действие происходит в Мелитене,{116} столице Армении, во дворце Феликса.

{116} Комментарии: 2.116

Мелитена — столица древнего Армянского царства, была одним из крупных городов Малой Азии. Армянское царство подпало под владычество Рима в 114 г. н. э.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Полиевкт, Неарк.

Неарк.

Ужель тебя страшит жены недобрый сон?
Столь слабым поводом столь сильный дух смущен?
Как могут воина, привыкшего к победам,
Пугать опасности, навеянные бредом?

Полиевкт.

Я знаю, никогда мы верить не должны
Тому, что создают причудливые сны, —
Бессвязные мечты, ночных паров скопленья
Уничтожаются в минуту пробужденья.
Но ты не знаешь, друг, как женщина

сильна,

Какие ей права, какая власть дана!

При блеске факелов, зажженных Гименеем,

Мы, сильные мужи, перечить ей не смеем.

Пусть неразумная томит ее тоска, —

Супруга верит сну, что смерть моя близка.

Мешает мне она мольбами и слезами

И покидать дворец и видеться с друзьями.

Мне бред ее смешон, но не смешна печаль —

Я презираю страх, но мне любимой жаль!

Не дух робеет мой, а сердцем я слабею

И той, чью власть люблю, противиться не смею!

Скажи мне, друг Неарк: ужель столь грозен час,

Что чувством пренебречь он побуждает нас?

Нельзя ли подождать, с возлюбленной не споря,

И совершить свой долг, не причинив ей горя?

Неарк.

Но знаешь ли ты сам, на сколько лет и дней

Достанет жизни, сил и стойкости твоей?

Господь, в чьей власти все — и жизнь твоя и тело, —

Поможет ли тебе стоять за веру смело?

Он справедлив и добр — он может ниспослать,

Но может и отнять святую благодать!

Когда сомнения наш дух обуревают,

Рука всевышнего порой оскудевает,

Ожесточаются и разум и сердца

У тех, кто пренебрег заботами творца.

Возвышенный восторг, что вел путем

спасенья,

Все реже им дает совет и озаренье.

Крещенье ты уже готовился принять!

Увы! Ты оттолкнул господню благодать!

Уже в душе твоей, смущаемой мольбами,

Решимости святой ослабевает пламя!

Полиевкт.

Я вижу, ты совсем меня не знаешь, друг!

Возлюбленной мольбам я внемлю, как супруг,

Но, как и ты, одним желаньем пламенею,

Один могучий зов мне с каждым днем слышнее.

Я знаю, первый долг пред господом у всех —

Святой водою смыть и слепоту и грех.

Поверь мне, я давно готов принять крещенье,

Дающее уму и сердцу очищенье, —

Мне эта благодать всех благ земных ценней,

Все чаянья мои, все помыслы о ней!

Но как не внять любви, законом освященной,

И не отсрочить день, однажды предрешенный?

Неарк.

Враг человеческий уже тебя смутил —

Он хитростью берет, где не хватает сил!

Стремясь поколебать разумное решенье,

Толкает он тебя на мысль о промедленье!

Несметное число препятствий и препон

На всех твоих путях тебе поставит он.

Не он ли — диких грез в ночи творец тлетворный —

Жену твою смутил во сне тревогой черной!

Пускает в ход он все — угрозы и мольбы,

—

Чтоб повлиять верней на ход твоей судьбы.

Отсрочив свой обет, легко найдя причину,

Уже нарушил ты его наполовину!

Отринь удар врага! Не слушай слез жены!

Лишь верные сердца всевышнему нужны.

Он отвергает тех, кому мирские страсти,

Волненья и дела дороже божьей власти.

Иди на глас творца бестрепетно вперед,

Иначе глас другой из бездны позовет!

Полиевкт.

Как? Подчинясь тому, пред кем благоговеем,

Мы больше никого любить уже не смеем?

Неарк.

Он все велит любить и все прощает нам,

Но вдумайся, мой друг, внемли моим словам —

Он требует от нас любви и почитанья,

Коль скоро только в нем мы любим мирозданье,

Коль скоро он один — владыка всех владык,

Воистину силен, разумен и велик!

Всем надо пренебречь — женой, богатством, саном —

Во славу господа в сраженье непрестанном!

Увы! Ужель моя отчаянная речь

Не может жар святой в груди твоей возжечь?

О Полиевкт! Мой дух в слезах к тебе взывает —

Нас ненависть врагов везде подстерегает,

Нас травят, как зверей, чтоб угодить властям,

Мученья дикие придумывая нам!

Готов ли к искусу, к жестоким испытаньям

Ты, уступающий моленьям и рыданьям?

Полиевкт.

Ранимы жалостью высокие сердца,

Участье к слабому — не слабость храбреца.

Одна лишь красота нас покоряет силой,

Мы, смерти не страшась, боимся гнева милой!

Но верь мне, я готов за бога пострадать,

Которого своим не смел еще назвать.

Он сам подаст мне сил как любящему сыну

И, всеблагой, во мне узрит христианина!

Неарк.

Так что же медлишь ты?

Полиевкт.

Поверь мне, милый мой:

Крещение принять я жажду всей душой,

Но страшный, темный сон жену мою тревожит,

И отпустить меня к друзьям она не может!

Неарк.

Тем радостней, поверь, свиданья светлый час

Осушит капли слез с ее печальных глаз

И тем нежнее вновь прекрасная супруга

Обнимет горячо оплаканного друга!

Идем, идем скорей!

Полиевкт.

Умерь ее испуг!

Прошу тебя, молю! Избавь ее от мук!

Она идет!

Неарк.

Скорей!

Полиевкт.

Я не могу!

Неарк.

Так надо!

Спеши! Не обращай беспомощного взгляда

К врагу, способному великой силой чар

Желанным сделать свой губительный удар!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Полиевкт, Паулина.

Полиевкт.

Идем же! Поспешим! Простимся, Паулина!

Я скоро возвращусь! Не мучься без причины!

Паулина.

Куда ты так спешишь и чем взволнован ты?

Что — жизнь иль честь твоя у роковой черты?

Полиевкт.

Гораздо большее!

Паулина.

Признайся, умоляю!

Полиевкт.

Поверь, я все тебе открою, дорогая,
Но…

Паулина.

Любишь ты меня?

Полиевкт.

Люблю сильней стократ.
Чем самого себя. Верь — я не виноват,
Но…

Паулина.

Многих тайн твоих я даже знать не смею.
О, я тебя молю во имя Гименея!
Пойми тоску мою и пощади меня,
Мне подарив покой единственного дня!

Полиевкт.

Твой сон тебя страшит?

Паулина.

Сны ложными бывают,
Но я тебя люблю, и все меня пугает.

Полиевкт.

Разлуки краток час. Прощай, любовь моя!
Во власти слез твоих боюсь остаться я.
И дух и разум мой колеблются, смущаясь,
Лишь бегством от тебя, любимая, спасаюсь!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Паулина, Стратоника.

Паулина.

Оставь меня! Спеши туда, где боги мне
Пророчат смерть твою в тревожном темном сне!
Иди! Вон спутник твой — орудье рока

злого!

Спеши! Убийцы ждут! Я чую — все готово.

Увы! Таков наш век, Стратоника моя!

Советов милых жен не слушают мужья!

Что остается нам, покорным, в утешенье

Взамен любовных клятв и пыла увлеченья?

Влюбленные зовут владычицами нас,

Мы царствуем, но вот пробьет Гимена час —

И в свой черед мужья тогда царят над нами!

Стратоника.

Вас любит Полиевкт, вы сознаете сами!

И если он сейчас не все доверил вам,

Оставил вас, не вняв ни просьбам, ни слезам,

Поверить и понять в себе найдете силы,

Что осторожность им одна руководила.

Разумно, если муж из жалости подчас

Умеет что-то скрыть и утаить от нас,

Пускай свободен он и не спешит всечасно

Нам отдавать отчет в судьбе своей опасной,

Пусть сердце вам двоим единое дано —

Имеет разный ритм для каждого оно.

Не велено мужьям законом Гименея,

Когда жена дрожит, дрожать вослед за нею.

Для страха вашего не видит он причин,

Вы — римлянка, а он — отважный армянин.

И вы должны бы знать, что наши два народа

Различны мыслями в делах такого рода.

Тревоги смутных грез нам попросту смешны,

Ни страха, ни надежд нам не внушают сны,

А в Риме доверять привыкли сновиденьям,

Считая их судьбы точнейшим отраженьем.

Паулина.

Не веря в тайный смысл пророческого сна,

Я знаю, ты была б сама потрясена,

Когда бы рассказать достало мне уменья

Все ужасы меня смутившего виденья.

Стратоника.

Рассказ о боли — скорбь способен утолить!

Паулина.

Мой друг! Во все тебя хочу я посвятить!

Узнай же, чтоб постичь глубь моего несчастья,

Все слабости мои и все мои пристра-

стья!

Как честная жена, признаюсь без стыда,

Что разум с чувствами в раздоре иногда.

Сердца, не знавшие тревоги и боренья,

Бесчувствием своим внушают подозренье.

Узнай же — римлянин отважный, молодой

Был покорен моей злосчастной красотой…

Север… О, не вздохнуть я не имею силы

При имени его — оно мне слишком мило!

Стратоника.

Не он ли отдал жизнь за родину свою,

Спас императора от гибели в бою?

Победу повернув к себе неустрашимо,

У персов вырвал он успех и отдал Риму,

А после труп его средь сотен мертвых тел

Найти и опознать никто уж не сумел?

И Деций в честь его отваги непреклонной

Торжественно воздвиг гробницы и колонны?

Паулина.

Да, это он! Увы! Впервые гордый Рим

Был сыном награжден божественным таким!

Что мне еще сказать? Он был отважный воин,

Его любила я — он был того достоин!

В нем был геройский дух, но — такова судьба —

Решительность его была, увы, слаба.

Когда отец упрям, почтительный любовник

Всех неудач своих единственный виновник!

Стратоника.

Что ж охладило в нем настойчивость и страсть?

Паулина.

Бессмысленный отпор, бессмысленная власть!

Как дочери любовь и кротость ни похвальна,

Но жертва прихоти родительской печальна.

Хотя избраннику я сердце отдала —

По выбору отца супруга я ждала,

Не признаваясь в том, что я влюбленным зреньем

Грешу перед своим немым повиновеньем.

Но от любимого не скрыла ничего —

Ни мыслей, ни любви, ни горя своего.

С жестокостью судьбы безжалостной не споря,

Оплакивали мы покорно это горе,

Печальную любовь мы разделяли с ним,

Но долг перед отцом, увы, неотвратим,

И вот, покинув Рим и милого объятья,

Должна была отца сюда сопровождать я,

А мой герой нашел в прославленном бою

Бессмертие и смерть прекрасную свою!

Отец мой послан был наместником из Рима.

Я пребывала с ним, немой тоской томима,

А после Полиевкт узрел меня, и вот —

Меня ему отец в невесты отдал,

Прельщенный тем, что он — любимец местной знати,

И брак его со мной отцовской славе кстати.

Отец мой полагал, что достославный зять

Почтенней и сильней ему поможет стать.

Он сам назначил срок желанного союза,

И Гименей скрепил навеки наши узы.

И, долгу подчинясь, теперь любовь мою

Избраннику отца я кротко отдаю.

Ты видела сама, с какой тревогой

страстной

Я удержать его стремилась в час опасный!

Стратоника.

Да, можно посудить, что он вам люб и мил!

Но что за страшный сон вам душу возмутил?

Паулина.

Увы, явился мне во сне Север несчастный,

Но гневен и жесток был взор его прекрасный.

В лохмотья призраков он не был облачен,

В которых сонм теней скитаться обречен,

И не было на нем кровавых шрамов славы,

К бессмертию его вознесших величаво.

Как Цезарь молодой на восхищенный Рим,

Смотрел он, дивно горд величием сво-

им.

Он обратил ко мне разгневанное слово:

«Неблагодарная! Люби! Люби другого!

Но помни — час настал, несет возмездье он,

Оплачешь ты того, кто мне был предпочтен!»

Затрепетала я от этих слов ревнивых,

Вдруг шайка христиан — безумцев нечестивых —

Вбежала, Полиевкт был ими окружен,

Поверженный, упал к ногам Севера он.

Я стала звать отца в тревоге и смятенье!..

О ужас! Мой отец явился в исступленье,

С подъятою рукой к супругу подбежал

И в грудь ему вонзил губительный кинжал.

Тут помутила боль на миг мое сознанье —

Я слышала в бреду то крики, то стенанья,

Я знала — все вокруг повинны в том, что он

Неведомо за что злодейски умерщвлен.

Таков мой странный сон.

Стратоника.

Печальный сон, согласна.

Но рассудите, что в нем грозно и опасно?

Ужели страшен вам возлюбленный герой,

Который пал в бою? Иль ваш отец родной,

Отец, который сам избрал для вас супруга,

Опору видя в нем, помощника и друга?

Паулина.

Он то же говорит. Мой страх ему смешон,

Коварства христиан не замечает он,

А я страшусь — они убьют его в отмщенье

Отцу и мне за кровь, за казни и гоненья!

Стратоника.

Кощунственна, гнусна, безумна секта их,

Кровь пьют они с вином на действах колдовских,[{117}]

Но все они скромны и людям не опасны,

Как ярость их к богам и храмам ни ужасна.

Их гонят и казнят — им это благодать,

Их радость — умереть, их счастье — пострадать.

Теперь, когда закон врагами объявил их,

Убийства совершать они уже не в силах!

Паулина.

Молчи! Отец идет!

{117} Комментарии: 2.117

К стр. 463

…кровь пьют они с вином на действах колдовских… — Такие формы в глазах язычницы Стратоники принимало одно из основных христианских таинств — причащение.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Феликс и Альбин.

Феликс.

Твой сон, о дочь моя,
Тревожит и меня, признаюсь не тая, —
Теперь боюсь и я событий приближенья!

Паулина.

Какие ж вести вдруг внушили вам волненье?

Феликс.

Север не умер!

Паулина.

Что ж! Того достоин он!

Феликс.

Он императором обласкан, вознесен!

Паулина.

Им Деций был спасен от плена, и по праву
Достанутся ему и милости и слава!

Достойные сердца напрасно оскорбив,
Порой бывает рок и с ними справедлив!

Феликс.

Он будет здесь!

Паулина.

Он здесь?

Феликс.

Он прибыл на рассвете!

Паулина.

Нет! Это слишком! Где?! Откуда вести эти?

Феликс.

Альбин его на днях внезапно повстречал,
Блестящий круг вельмож героя окружал,
Как полагается его большому чину,
Но уступлю рассказ любезному Альбину!

Альбин.

Вы помните тот день, счастливейший

из всех,

Когда героя смерть вернула нам успех,

Когда правитель наш, его рукой спасенный,

Отвагу возродил в стране своей смятенной

И почестями тень Севера окружил,

Погибшего за Рим в расцвете юных сил?

Но сам персидский царь велел на поле боя

Найти средь мертвых тел отважного героя,

Он найден был, и вот владыка пожелал

Взглянуть в лицо тому, кто так достойно пал.

Героя мертвого израненное тело,

Казалось, завистью смутить врага хотело.

Когда ж открыл глаза и шевельнулся он,

Сам благородный царь был сильно потрясен

И, позабыв раздор, с восторженным почтеньем

Узнал того, кому обязан пораженьем.

Спасенного лечить он повелел врачам

И лично наблюдал за излеченьем сам.

Севера он мечтал привлечь к себе на службу,

Суля ему дары и собственную дружбу,

Но тщетно ожидал, что блеск его щедрот

На сторону врага героя привлечет.

Отказ его почтив высокой похвалою,

Отчизне возвратить задумал он героя,

И Децию велел отдать его в обмен

За знатных персиан, попавших в римский плен.

Наш император был обрадован отменно.

Он брата царского освободил из плена

И сотню знатных лиц, Север вернулся в Рим,

Богато награжден, прославлен и любим.

Вновь началась война, и новые сраженья

Могли нам принести внезапно пораженье,

Но доблестный Север величье Рима спас,

Победу одержав блестящую для нас.

Нам предложили мир, враг был обложен данью,

Всем будущим векам в пример и в назиданье,

И Деций, чтоб развлечь любимца своего,

В Армению прислал на празднества его.

Весть о победе он объявит населенью

И жертвы принесет богам в благодаренье.

Феликс.

Увы! Куда завел меня коварный рок!

Альбин.

Вот все, что я узнать успел в короткий срок,

И поспешил сюда доставить эти ве-

сти!

Феликс.

Увы! К тебе сюда спешит он, как к невесте!

Что празднества ему, восторги и почет!

Любовь, одна любовь сюда его влечет!

Паулина.

Возможно! Он пылал когда-то страстью нежной!

Феликс.

Что может совершить порыв его мятежный!

О боги! Что сулит ревнивой мести страсть,

Когда в союзе с ней и правый гнев и власть!

Он нас погубит всех!

Паулина.

Нет! Он душой прекрасен!

Феликс.

Не утешай меня! Я глубоко несчастен!

Он нас погубит всех! Как горек мой удел!

Я добродетелей его не разглядел!

А ты зачем отцу так робко подчинилась?

Ты смелостью своей для долга поступилась!

Где был твой бунт и гнев? Твой непокорный пыл

От участи моей меня бы оградил!

Надежда мне теперь последняя осталась,

Чтоб власть его любви к тебе не умалялась.

Воспользуйся же ей, и по твоей вине

Источник зол моих спасеньем станет мне!

Паулина.

Как! Мне увидеть вновь прекрасного героя,

Чей взор меня пронзит любовью и тоскою?

Отец мой, я слаба! Как женщина слаба!

В душе моей горит тревожная борьба!

Увы! Один мой вздох — простая дань страданью —

И верности моей и чести поруганье!

Нельзя встречаться нам!

Феликс.

Крепись! Не будь слаба!

Паулина.

Увы! Он — мой кумир, а я — его раба!

От власти глаз его, навеки сердцу милых,

Ни долг, ни честь моя спасти меня не в силах!

Нельзя встречаться нам!

Феликс.

Так надо, дочь моя!

Погибнет твой отец и вся твоя семья!

Паулина.

Я исполнять должна все ваши прика-

занья.

Но вдумались ли вы в опасность испытанья?

Феликс.

В тебе уверен я!

Паулина.

Не страх владеет мной,

Я все исполню, но, увы, какой ценой!

Я втайне трепещу грядущего сраженья,

Я чую буйство чувств, мой дух уже в смятенье!

Идя на смертный бой с возлюбленным врагом,

Должна я быть сильна и сердцем и умом!

Страх увидать его еще владеет мною!

Феликс.

Иду встречать его за городской стеною!

Все силы собери, все помыслы свои

И знай — в твоих руках судьба твоей семьи!

Паулина.

Да! Снова подавив тоску сердечной боли,

Покорно становлюсь я жертвой вашей воли!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Север, Фабиан.

Север.

Пока для торжества еще готовят храм,
Я поклоненья дань, пристойную богам,
Успею принести прекрасной Паулине,
В чьей власти и судьба и жизнь моя отныне.
Чего я здесь ищу, я от тебя не скрыл —
Лишь поводом к тому наш пышный праздник был,
Да, я спешил сюда для жертвоприношенья!
Я жду прекрасных глаз веленья и решенья!

Фабиан.

Вы свидитесь!

Север.

Ужель! О счастья дивный час!

Она согласна? Да? Она придет сейчас?

Имею ль я над ней еще немного власти?

Заметны ль в ней следы былой любви и страсти?

Как мой приезд, ее смутил и взволновал?

Найду ли снова то, чего так страстно ждал?

Я принуждать ее не стану и не смею

Во имя прошлых дней супругой стать моею.

Все письма как залог я нежно берегу,

Но лишь ее отцу их предъявить могу,

А если злой мой рок сменил ее решенье,

Я усмирю в себе и страсть и раздраженье!

Фабиан.

Вы свидитесь! Вот все, что смею я сказать…

Север.

Но что тебя могло так сильно взволновать?

Скажи! Ты что-то скрыл? Не бойся мне признаться!

Фабиан.

Поверьте мне! Нельзя! Не нужно вам встречаться!

Другим отдайте честь любовных ласк своих —

Не мало в Риме есть красавиц молодых,

В таком зените вы богатства, славы, власти,

Что лучшие сочтут такой союз за счастье!

Север.

Столь низкие слова претят душе моей!

Посмею ль славой я гордиться перед ней,

С которою ничто на свете не сравнится?

Я счастьем дорожу, чтоб с нею им делиться!

Ты рассердил меня, мой верный Фабиан!
Спешу к ее ногам сложить высокий сан,
Который заслужил, когда искал в сраженье
Венца, достойного любимой одобренья!
И сан мой и почет лишь ей принадлежат —
Ей я обязан всем, чем славен и богат!

Фабиан.

И все ж, поверьте мне, не нужно вам встречаться!

Север.

Ты что-то утаил! Не бойся мне признаться!
Ты видел, что она сурова? Холодна?

Фабиан.

Не смею отвечать…

Север.

Что?

Фабиан.

Замужем она…

Север.

О, поддержи меня! Какой удар нежданный!

Я сразу ослабел от этой страшной раны!

Фабиан.

Все ваш геройский дух способен победить!

Север.

Геройства здесь, увы, никак не применить!

Отважнейшим страшны подобные раненья,

Внушая смельчакам страданье и смятенье!

Когда такой огонь в груди у нас горит,

Измена, а не смерть любовника страшит!

От жутких слов твоих я вне себя. Ужели

Повенчана она? Давно ль?

Фабиан.

Уж две недели.

Почтенный Полиевкт, достойный армянин,

Отныне для нее супруг и господин.

Север.

Что ж, выбор не плохой, достойный одобренья,

Но в горести моей — плохое утешенье!

Пусть царской крови он, но он владеет ей,

Он тот, кто мужем стал возлюбленной моей.

О небо! Для чего ты жизнь мою продлило!

О рок! Зачем мечта любовь мою манила!

Все милости богов судьбе я отдаю

И одного прошу — верните смерть мою!

Но все же я хочу последнего свиданья,

Хочу сказать слова печального прощанья,

А после воздыхать в обители теней

И вечно вспоминать и тосковать о ней!

Фабиан.

Обдумайте ваш шаг!

Север.

Я все обдумал здраво —

В отчаянье своем ни смерти, ни отравы

Я больше не боюсь…

Фабиан.

Но все-таки…

Север.

Увы!..

Фабиан.

Еще сильнее боль почувствуете вы!

Север.

А разве я ищу спасенья от страданья?

Мне нужно лишь одно предсмертное свиданье!

Фабиан.

Но сможете ли вы, любимую узрев,

При разговоре с ней сдержать свой правый гнев?

Обманутый в любви не знает снисхожденья —

Он может оскорбить в порыве раздраженья!

Север.

Нет, ты не прав! Пускай печаль моя сильна,

Почтенья моего не тронула она —

И в чем я упрекнуть любимую посмею,

Несчастный наш удел оплакав вместе с нею?

Кто погубил союз двух любящих сердец?

Ее покорный нрав? Мой рок? Ее отец?

Она права, как дочь, отец был прав по праву!

Всему виной мой рок — он дал мне блеск и славу,

Которые могли б сломить отцовский нрав,

Когда я духом пал, все в жизни потеряв.

Теперь не утолит ничто мои страданья —

Мне нужно лишь одно предсмертное свиданье.

Фабиан.

Да, я скажу ей все: скажу, что как герой

Вы в этот грозный час владеете собой,

Пусть не страшат ее упреки раздраженья —

Отвергнутой любви и скорби выраженье.

Жестокие слова несут страданье нам

И ранят лишь того, кто в сердце ранен сам.

Север.

Она идет!

Фабиан.

Молю! Противьтесь чувству злому!

Север.

Увы! Другой любим! Она жена другому!

Фабиан уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Север, Паулина.

Паулина.

Да, я его люблю! Прощенья не прошу —
Открыто вам свое признанье приношу.
Теперь вам часто льстят, к вам дружбы не питая,
Но я не клевещу, не льщу, не осуждаю.
О вашей смерти весть могла меня убить,
Но не мою любовь и верность истребить!
Когда бы выбор мне судьба предоставляла,
Лишь одному я жизнь и сердце завещала.
Будь ваш удел суров, будь с вами рок жесток —
Преградою любви он сделаться б не мог!
Я так была горда избранником люби-

мым,

Что предпочла б его царям высокочтимым.

Но долг дочерний мой мне диктовал закон —

По выбору отца другой вам предпочтен!

Когда б вам небеса в знак гордости законной

Украсили чело блистающей короной,

Будь ненавистны мне и блеск, и власть, и честь,

Я не посмела б вам другого предпочесть.

Смирить и страсть и боль во мне достало б силы —

Я ненависть свою б рассудком истребила!

Север.

Что ж! Излечились вы, немного повздыхав,

От всех своих невзгод! Какой счастливый нрав!

Вы, властвуя легко над чувством и волненьем,

Спокойны вопреки сильнейшим потрясеньям!

От страсти разум вас способен уводить

К бесстрастию, а там — к презренью, может быть.

Вы стойкостью своей, достойной удивленья,

Любовь преобразить могли в пренебреженье.

Имей бы нрав такой и добродетель я,

Давно б утихла боль и злая скорбь моя.

Один красивый вздох, одна слеза печали

Потери злую боль сперва бы облегчали,

И смог бы разум страсть, угасшую почти,

От равнодушия к забвенью увести.

Достойный ваш пример решаюсь перенять я —

Спасут меня другой любовные объятья!

Я вас боготворил — напрасно, может быть,

А вы? Любили ль вы? И можно ль так любить?

Паулина.

Я чувства своего от вас не утаила,

И если бы любви во мне угасла сила,

О боги! скольких мук могла б избегнуть я!

Рассудок — чувств моих суровый судия,

Смиряет власть его порывы их живые,

Но эта власть, увы, не власть, а тирания!

Спокойна я на вид, бесстрастна, холодна,

Но в глубине души — тоска и скорбь одна.

Я этих чар боюсь, собою не владея, —

Рассудок мой силен, но образ ваш сильнее.

Он предо мною — тот, кто пламень мой зажег,

Ответа просит он — кумир и полубог!

И тем сильней его властительное право,

Что с ним его побед заслуженная слава,

Что он не обманул надежд моей мечты,

Что мой герой достиг достойной высоты!

Но долг, который нам внушил покорность в Риме,

Долг властвует опять над чувствами моими

И, затмевая блеск его заслуг больших,

Терзая душу мне, не лечит ран моих!

Не вы ли, бед моих участник и свидетель,

С проклятьями мою хвалили добродетель?

Сумейте ж пожалеть меня в последний раз,

Во имя долга лишь отринувшую вас!

Та, чей обет и честь вам не внушили б веры,

Не стоила б любви великого Севера!

Север.

Увы! Простите мне слепой тоски порыв —
Я вам нанес удар, себя же поразив!
Непостоянством я назвал и преступленьем
То, что всегда и все встречают с восхищеньем.
Чем лучше знаю вас, любя вас и ценя,
Тем тягостней моя потеря для меня!
Вы добродетелью сияете всечасно
И жар души моей терзаете напрасно.
Явите мне один какой-нибудь порок,
Чтоб охладить любовь хоть на короткий срок!

Паулина.

Увы! Хоть мой обет и честь непобедимы —
Душа моя слаба, ранима, уязвима!
Ни слез, ни вздохов скрыть от вас я не вольна
И разумом своим едва защищена.

Жестокие горят в груди воспоминанья,
Их снова разожгло желанное свиданье.
О, если честь мою хотите вы сберечь,
Гордитесь ей всегда и не ищите встреч!
Не причиняйте мне стыда и слез томленья,
Не причиняйте мне страданий сожаленья,
Не причиняйте мне мучительных минут —
Они и вам и мне напрасно сердце жгут!

Север.

Но я теряю все, чем дорожу на свете!

Паулина.

Но и меня и вас терзают встречи эти!

Север.

Так вот цена любви, надежд моих венец!

Паулина.

Вот средство излечить страданье двух сердец!

Север.

Меня убьет любовь огнем воспоминанья!

Паулина.

Меня спасет мой долг и правоты сознанье!

Север.

О, если вашу честь смогу я защитить,

Печаль моя должна, умолкнув, уступить!

Все в жертву приношу величью вашей славы,

Дающей мне любить и восторгаться право!

Прощайте! Возвращусь к тревогам прежних дней

Бессмертия просить у злой судьбы моей!

Да будет мне легка в роскошном шуме боя

Блистательная смерть, достойная героя!

Жестокий рок меня смертельно пора-

зил —

Довольно пожил я и отдых заслужил!

Паулина.

Несчастный облик мой вам причинил страданья!

Но я останусь жить, храня воспоминанье!

Я затворюсь от всех, чтоб возносить богам

Обеты в вашу честь и восхваленья вам!

Север.

Пускай же небеса за все мои невзгоды

Ваш брак благословят на будущие годы!

Паулина.

Пускай найдет Север от горя своего

Забвение — судьбу, достойную его!

Север.

Вы были той судьбой!

Паулина.

Отцу мы подчинились!

Север.

Все чаянья мои отчаяньем явились!
Прощайте! Вам навек я сердце завещал,
Красы и чистоты плачевный идеал!

Паулина.

Прощайте навсегда! Возлюбленный, прекрасный,
Плачевный мой герой, счастливый и злосчастный!

Север уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Паулина, Стратоника.

Стратоника.

Мне жаль обоих вас! Я вся еще в слезах!
Но победили вы тревоги смутный страх.
Вы видите, что лжет пустое сновиденье, —
Север вернулся к вам, не замышляя мщенья!

Паулина.

Зачем жалеть меня, напоминая мне

Все то, что разум мой смутило в страшном сне?

Дай мне передохнуть! Оставь меня в покое,

Не истязай меня удвоенной тоскою!

Стратоника.

Как? Все страшитесь вы?

Паулина.

Увы! Я вся дрожу!

Пусть смысла в этом сне и я не нахожу,

Но странный ужас мой в больном воображенье

Рисует мне беды жестокое виденье.

Стратоника.

Север вам все простил!

Паулина.

Да, он не станет лгать…

Но мертвый Полиевкт мне видится опять.

Стратоника.

Сопернику желал он радости и счастья!

Паулина.

Он выказать готов и дружбу и участье.
Я знаю, нет причин для страха моего,
Но помню: здесь Север, и я боюсь его!
Великодушен он, но он пылает страстью,
Обманут он судьбой, но обладает властью!

Стратоника уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Полиевкт, Паулина.

Полиевкт.

Довольно слез, мой друг! Не нужно больше слез!
Забудь печаль и страх — наследье сонных грез,
Напрасно злой конец твои вещали боги —

Я жив, я вновь с тобой! Забудь свои тревоги!

Паулина.

Увы! Не кончен день! И — что страшней всего —

Уже свершилась часть виденья моего —

Север не умер… я… его сейчас видала.

Полиевкт.

Я знаю. Эта весть меня тревожит мало.

Ведь в Мелитене здесь и твой отец и я.

Пускай Север велик, но здесь мои друзья.

Не думаю, что он доверья недостоин, —

Коварства слишком чужд такой отважный воин.

О вашей встрече с ним я был предупрежден,

И знаю — добрых чувств заслуживает он.

Паулина.

Печальный он ушел, покорно дав мне слово,

Что больше никогда не встретимся мы снова!

Полиевкт.

Не в ревности ль меня подозреваешь ты?

Паулина.

Я не хочу сойти с привычной высоты —

Спокойствие свое оберегать должна я,

Превратности судьбы заране упреждая.

Кто подвергать себя опасности спешит,

Того уже давно погибель не страшит.

Достоинств и заслуг имеет он немало,

И много есть причин, чтоб сердце запылало.

Я не хочу пред ним смущенно замолчать —

Я буду свой покой разумно защищать.

Пусть разум победит, но в горестном сраженье

Победы горький плод — плохое утешенье!

Полиевкт.

Какой высокий дух! Какой разумный нрав!

Как доблестный Север в своей печали прав!

Как счастлив я тобой! Твой образ просветленный

Сияет красотой в моей душе влюбленной!

Чем больше сознаю, насколько плох я сам,

Тем более дивлюсь...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Клеон.

Клеон.

Вас пригласить во храм

Я прибыл. Там народ в молитвенном волненье,

И только вас и ждут для жертвоприношенья!

Полиевкт.

Сейчас мы будем там. Пойдешь ли ты, мой друг?

Паулина.

Северу причинять не надо новых мук —
Навек расстаться с ним дала я обещанье,
И я его сдержу. Иди же! До свиданья!
Но ты не забывай, что смел он и силен.

Полиевкт.

Я знаю хорошо, что мне не страшен он!
Великодушного не следует бояться —
Лишь вежливостью с ним пристойно состязаться!

Клеон и Паулина уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Полиевкт, Неарк.

Неарк.

Куда ты, Полиевкт?

Полиевкт.

Меня зовут во храм!

Неарк.

Как? Снова ты спешишь к язычникам-слепцам?

Ты позабыл о том, что стал христианином?

Полиевкт.

Знай, богу твоему я буду верным сыном.

Неарк.

Мне идолы гнусны!

Полиевкт.

Мне гадок их закон!

Неарк.

Мне мерзок этот культ!

Полиевкт.

А мне ужасен он!

Неарк.

Так не ходи туда!

Полиевкт.

Их сокрушить хочу я

И в храме умереть, победу торжествуя!

Идем, покажем всем, что духом мы сильны,

Что нам кумиры их противны и смешны!

Я слышу божий глас — приказ его суровый

Исполнить должен я, служить ему готовый.

Ты научил меня чтить бога своего,

Я жертву принесу на алтаре его.

По благости своей он испытать желает

Ту веру, что во мне восторженно пылает!

Неарк.

Но усмири свой пыл — он чересчур силен!

Полиевкт.

За бога пострадать — наш долг и наш закон!

Неарк.

Ты смерть свою найдешь!

Полиевкт.

Ее давно желаю!

Неарк.

А если дрогнешь ты?

Полиевкт.

На бога уповаю!

Неарк.

Стремиться умереть господь нам не велит!

Полиевкт.

Но доблестная смерть его не оскорбит!

Неарк.

Наш долг — страданий ждать, смиряясь пред судьбою!

Полиевкт.

Но горестно страдать, не жертвуя собою!

Неарк.

Но ты во храме смерть найдешь наверняка!

Полиевкт.

Готовит мне венец всевышнего рука!

Неарк.

И праведная жизнь венец дарует тоже!

Полиевкт.

При жизни согрешив — его теряем все же!

А смерть дарует нам венец и благодать,

Которых никому за гробом не отнять!

Да, я — христианин, и сила веры новой

Меня зовет свершить отважно долг суровый.

Кто, веруя, не смел, в том вера не жива!

Неарк.

Имеет лишь господь на жизнь твою права!

Живу для христиан заступником надежным!

Полиевкт.

Им будет смерть моя примером непреложным!

Неарк.

Ты жаждешь умереть?

Полиевкт.

А ты так жаждешь жить?

Неарк.

Геройство не по мне — я не хочу таить!

Не так я смел, как ты, меня страшат мученья!

Полиевкт.

Кто верит в цель свою — не мыслит о паденье!

Я верою силен и господом своим!

Сомнений у боясь, мы поддаемся им!

Кто верит лишь в себя, тот в вере усомнился!

Неарк.

Кто презирает страх, тот слишком возгордился!

Полиевкт.

От слабости своей не жду я ничего,

Я верю одному — величию его!

Но что тебя страшит?

Неарк.

Сам бог боялся казни!

Полиевкт.

Но предал он себя на муки без боязни!

Пойдем же сокрушать кумиры в гордый храм!

Ты говорил, что бог повелевает нам

Забыть семью, друзей и сан ему во славу,

И кровь свою пролить любой имеет право!

Скажи мне, что с тобой? Ты так был чист и смел!

Так пылко призывал к свершенью славных дел!

Ревнивое тебе внушает огорченье
Тобою же самим воспитанное рвенье!

Неарк.

Ты принял благодать! Ты только что крещен,
И ни одним грехом твой дух не отягчен.
Он пламенем объят и смел неосторожно,
Все для него легко, все для него возможно!
Во мне, увы, давно святую благодать
Вседневные грехи успели запятнать,
И в самый грозный час, не осененный ею,
Пред трудностями я в бессилье цепенею.
Наказан я за то, что недостойно слаб,
Проступков небольших уже трусливый раб,
Но вижу я, господь — источник снисхожденья —
Мне гордый твой пример послал для

подкрепленья!

Идем! Покажем всем, что духом мы сильны,

Что нам кумиры их противны и смешны,

Я стойкости своей явлю тебе примеры,

Тебе, кто всем сумел пожертвовать для веры!

Полиевкт.

Господь тебе вернул восторженность твою!

Я радуюсь, Неарк! Я слезы счастья лью!

Идем! Нас в храме ждут для жертвоприношенья

Величия творца узрим мы подтвержденье!

Идем втоптать во прах богов ничтожных их,

Доверчивой толпы кумиров площадных!

Идем сорвать с очей незрячих покрывало!

Идем разбить богов из камня и метал-

ла!

Да возликует дух! Да пострадает плоть!

Пожертвуем собой, как повелел господь!

Неарк.

Да воссияет всем его святое слово!

Идем! Он так велел! И мы на все готовы!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Паулина одна.

Паулина.

Какой тревожный рой причудливых теней
Мелькает предо мной предвестьем черных дней!
Не смею верить я, что добрый луч покоя
Осветит жизнь мою, смущенную тоскою.
Волненье и печаль в груди моей кипят,
Мой дух изнеможден, зловещей тьмой объят.
То брезжит предо мной надежда на спасенье,
То ужасы меня теснят, как привиденья,
И бедный разум мой, мятущийся в бреду,

Мне в будущем сулит то счастье, то беду.

В нем чувства острота от боли ослабела —

Страшится смутно он, надеется несмело.

Мне бредится Север, то нежен, то строптив,

Он честен — верю я! — но знаю, он ревнив!

И трепетная мысль меня всегда тревожит,

Что Полиевкт любить соперника не может.

Их ненависть, увы, естественна вполне,

Их будущий раздор терзает сердце мне.

Любой, в чужих руках свое блаженство видя,

Способен все забыть, покорствуя обиде!

И как ни велика разумность их и честь,

В одном — обиды боль, в другом — тоска и месть!

Им трудно подавить недобрых дум

броженье,

Обоих не страшит возможность униженья,

И каждый, пред судьбой смириться не сумев,

Таит в своей груди отчаянье и гнев.

Любовник и супруг от этой вечной боли

К раздору и вражде придут помимо воли.

Но вдруг, иной мечтой на миг озарена,

Я просыпаюсь вновь, как от дурного сна,

И Полиевкта честь и доброта Севера

Внушают мне опять восторженную веру:

Соперников таких не ослепит вражда —

От низменных страстей свободные всегда,

Их души и сердца самим себе подвластны,

Ни злоба, ни вражда их чести не опасны,

И встретятся они во храме как друзья!

Да… встретятся они… и снова в страхе я!

На родине своей супруг мой честно правит,

Но римского орла Север на нас натравит.

Я вижу, мой отец встревожен и смущен —

О выборе своем уже жалеет он!

Я вижу все! И луч надежды обретенной,

Забрезжив, гаснет вновь, смятеньем угнетенный.

Предчувствия томят, и снова тьма в очах!

О боги! Пусть хоть раз меня обманет страх!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Паулина, Стратоника.

Паулина.

Стратоника моя! Я слушаю в смятенье —

Скажи, что было там при жертвоприношенье?

Как встретились они, когда пришли во храм?

Стратоника.

О боги!

Паулина.

Что и как происходило там?

Ты смущена? Мой страх имеет основанья?

Поссорились они? Ответь же!

Стратоника.

Христиане…

Неарк и Полиевкт…

Паулина.

Что с ним?

Стратоника.

Не в силах я…

Паулина.

Отчаяньем опять горит душа моя!

Стратоника.

И утешать теперь я больше вас не смею!

Паулина.

Его убили там?

Стратоника.

Увы! Еще страшнее!

Ваш сон был вещим сном! Да, Полиевкта нет!

Паулина.

Он умер?

Стратоника.

Нет, он жив, но мыслей ясный свет

Померк в его очах. Противник высшей воли,

Ни вас, ни права жить он недостоин боле...

Уж он давно не тот, кто был любим и чтим, —

Он государству враг и враг богам своим,

Он лицемер, злодей, предатель, развратитель,

Мятежник, негодяй, изменник, трус, губитель,

Презренный лицемер, убийца, блудный сын,

Он святотатец, враг, он… он — христианин!

Паулина.

Последним словом все сказала ты. Довольно!

Стратоника.

Брань — лесть для христиан, им от нее не больно!

Паулина.

Он заслужил и брань, коль принял веру их,

Но чувств не оскорбляй супружеских моих!

Стратоника.

Подумайте о том, кого он чтит, как бога!

Паулина.

По долгу полюбив, верна я долгу строго!

Стратоника.

Но вы его теперь вольны и позабыть —
Он и богам и вам способен изменить!

Паулина.

Пусть он изменит мне — его любить должна я!
И если удивит тебя любовь такая —
Пойми: обет и долг я для себя храню.
Пусть их нарушит он, но я не изменю!
Ведь если б он к другой пылал греховной страстью,
Не увлекли б меня разврат и сладострастье!
Пусть он христианин — меня не отвратил
Любимый тем, что он ошибку совершил.
Но что сказал отец? Об этом знать должна я.

Стратоника.

Он яростью кипит, с трудом ее скрывая,

Но зятя погубить еще не хочет он,

И будет лишь Неарк заслуженно казнен.

Паулина.

Как, значит, и Неарк?

Стратоника.

Неарк — его губитель!

Он — лицемерный друг, презренный совратитель!

Из ваших рук тогда супруга вырвал он,

Спеша, чтоб в тот же день несчастный был крещен.

Вот темный сговор их, вот тайна злого дела,

Которой власть любви дознаться не сумела!

Паулина.

Не нравилась тебе настойчивость моя,

Несчастья не могла тогда предвидеть

я!

Но, прежде чем навек решусь предаться горю,

Я силой женских слез с обоими поспорю!

Как дочь и как жена, смогу я, может быть,

Супруга победить, отца уговорить.

Пускай они сейчас собою не владеют —

Отчаянье мое их покорить сумеет!

Но расскажи мне все, что совершилось там!

Стратоника.

Кощунство из кощунств! Они пришли во храм!

Не в силах вспомнить я всего без содроганья —

Мне кажется грехом само воспоминанье!

Кощунственна и зла слепая дерзость их!

К народу вышел жрец, огромный храм затих,

С минуту жрец молчал в спокойствии великом,

Вдруг эту тишину они прервали криком

И стали нарушать торжественный обряд,

Вопя, как лишь одни безумные вопят.

Над таинством святым они смеялись шумно

И оскорбить богов старались скудоумно.

Народ уже роптал; разгневан и суров,

Отец ваш созерцал крикливых наглецов.

Но Полиевкт к нему рванулся: «Поглядите!

Вы каменных богов и деревянных чтите!»

И стал произносить в присутствии его

Ужасные хулы на Зевса самого!

Всего, что он вопил, я повторить не смею:

Развратник и злодей — всех остальных скромнее!

«Внемлите! — он кричал. — Внемлите, люди, нам!

Наш бог — глава всему, земле и небесам!

Он — сам себе закон, он нам дает законы.

Начало всех начал, никем не сотворенный,

Он — христианский бог, владыка высших сил —

И Децию в бою победу подарил!

Решает он один любой исход сраженья,

Он может вознести и ввергнуть в искушенье,

Безмерна мудрость в нем, и доброта, и власть

Казнить, вознаградить, возвысить и проклясть!

Зачем же чтите вы бессильных истуканов?»

Тут опрокинул он, как вепрь из чащи прянув,

Сосуды с жертвенным елеем и вином,

Без страха, что сразит его небесный

гром,

Пред обезумевшей и ропщущей толпою —

О небо! видано ль и слыхано ль такое! —

Они в святилище, в присутствии жрецов,

Повергли статую владыки всех богов!

Народ, чудовищным глумленьем потрясенный,

Из храма побежал. Мольбы его и стоны

Неслись, о милости взывая к небесам...

Но вот и ваш отец — он все расскажет вам!

Паулина.

Увы! В его лице жестокость и страданье!

Оно таит и грусть и пыл негодованья.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Феликс.

Феликс.

Такое сотворить, не постыдясь людей!

Он должен умереть, и он умрет, злодей!

Паулина.

*Позвольте мне, отец, молить о сострадань*е*!*

Феликс.

Неарку одному не будет оправданья!

Как ни безумен был мой недостойный зять,

Его не в силах я сурово наказать.

Как я ни возмущен сейчас его виною,

Я не забыл, за что он был отмечен мною.

Паулина.

Иного от отца я ждать и не могла!

Феликс.

Он смерти заслужил за дерзкие дела!

Неистовства его кощунственная сила

Ужаснейших бесчинств немало породила,

Но виноват Неарк, и пострадает он.

Паулина.

А муж мой смерть его увидеть обречен?

Феликс.

Он совратителя увидит наказанье,

И собственной вины проснется в нем сознанье.

Кровавым зрелищем смущен и потрясен,

Страх смерти ощутить острее сможет он,

И жажда жизни в нем столь ярко возгорится,

Что он, увидев казнь, не станет к ней стремиться.

Живой пример порой сильней любых угроз —

Страх действует на пыл надежней, чем мороз.

Быть может, наконец, смирив души волненье,

За дикий свой порыв попросит он прощенья.

Паулина.

Ужель геройский дух в нем будет побежден?

Феликс.

Он должен стать умней, смириться должен он!

Паулина.

Он должен, но, увы, что станется со мною?

Как буду я тому печальною женою,

Кто, чести изменив, мне б счастье возвратил,

Когда родной отец меня не пощадил!

Феликс.

Я дал тебе понять, что только покаянье

Поможет мне спасти его от наказанья.

За равную вину и кара всем равна,

Виновных различать Фемида не должна,

Я, долг судьи для чувств отцовских на-

рушая,

Преступника щадя, проступок совершаю!

И, горький свой удел напрасно не кляня,

Должна бы ты, как дочь, благодарить меня!

Паулина.

А что вы дали мне? Пустые уверенья!

Я знаю христиан упорство, пыл и рвенье!

Желая от него раскаянья, увы,

Отважно умереть ему велите вы!

Феликс.

Он может быть спасен по своему желанью!

Паулина.

Спасите же его!

Феликс.

Нельзя без покаянья!

Паулина.

Расправе секты злой он будет обречен!

Феликс.

Иначе римский с ним расправится закон!

Паулина.

Он ослеплен!

Феликс.

Ему приятно ослепленье!

Он своего признать не хочет заблужденья!

Паулина.

Во имя всех богов!

Феликс.

Не призывай богов —

Их приговор ему не менее суров!

Паулина.

Но боги внемлют нам!

Феликс.

Пусть он к богам взывает!

Паулина.

Во имя Деция, чья власть вас возвыша-

ет!

Феликс.

Да, я имею власть, и я всегда готов
Ее употребить, чтоб истребить врагов!

Паулина.

Но враг ли Полиевкт?

Феликс.

Враги все христиане!

Паулина.

Не слушайте пустых и злобных нареканий!
Он муж мой и навек по крови вам родной!

Феликс.

Одна его вина всечасно предо мной!
Преступник, отягчив измену святотатством,
Не вправе быть храним ни дружбою, ни братством!

Паулина.

О, как велик ваш гнев!

Феликс.

Не больше, чем вина!

Паулина.

О ужас моего пророческого сна!
Его губя, и дочь теряете вы тоже!

Феликс.

Мне боги, Рим и честь семьи моей дороже!

Паулина.

И гибель нас двоих не остановит вас?

Феликс.

Я слышу глас богов и Деция приказ!
Но почему нам ждать печального исхода?
Ужель не ценит он ни жизни, ни свободы?
Он жаждет пострадать, как пылкий неофит,
Но будет час — и смерть безумца устрашит!

Паулина.

Но, зная нрав его, не думайте напрасно,
Что вере изменять он может ежечасно,
Ведь он христианин, он только что крещен, —
Ужели мните вы, что легкомыслен он?
Ведь он не с молоком усвоил эту веру,
Которую иной приемлет по примеру
Отцов и матерей. Он веру выбрал сам
И, как христианин, как враг, пришел во храм!
Он, как и все они, не ведает боязни,
Им пытки не страшны и не постыдны казни,
Ниспровергать богов — обет и подвиг их,
Небесных чают благ, не зная благ земных,
И, веря, будто смерть их в небо призывает,
Не ощущая мук, кончину воспевают.
Приятны пытки им, как наслажденья

— нам,

Им кажется, что бог их посылает сам!

Страданьем во Христе зовут они страданье.

Феликс.

Ну что же, Полиевкт получит по желанью!

Все решено!

Паулина.

Отец!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Альбин.

Феликс *(Альбину).*

Ну что? Злодей казнен?

Альбин.

Да, за свою вину страданье принял он!

Феликс.

И видел Полиевкт его в минуту смерти?

Альбин.

Да, видел — и ему завидовал, поверьте!
Страданье претерпеть он жаждет вслед за ним,
В нем укрепился дух, и он неукротим!

Паулина.

Еще один удар! Я это говорила!
По вашей воле я супруга полюбила;
Его хвалили вы — вам покорилась я!

Феликс.

Безумца и слепца ты любишь, дочь моя!

Паулина.

Вы так велели мне — моя любовь законна!
Ваш выбор сделан был разумно, непреклонно,
И погасила я любовь свою к тому,
Кто дорог был душе и сердцу моему.
Припомните ж и вы слепое послушанье,
С которым ваше я исполнила желанье!

Я покорилась вам, насилья не кляня,

Так сделайте и вы хоть что-то для меня!

Во имя чувств моих дочерних я решилась

Смирить свою любовь — я долгу покорилась,

Не отнимайте же того, кого, увы,

Принять из ваших рук мне повелели вы!

Феликс.

Ты докучаешь мне! Я добр, таить не буду,

Но даром доброту не расточаю всюду.

Напрасно тратишь ты и слезы и слова,

Доказывая мне мольбы своей права.

Не жалость правит мной — я ею управляю

И силой мне ее внушать не позволяю!

Попробуй повлиять на мужа, дочь моя,

Попробуй сделать то, что не сумею я.

Иди! Не искушай отцовского терпенья

И мужа убеди в разумности спасенья.

Иди, его сюда мне приведут сейчас —

Я с ним поговорить хочу в последний раз!

Паулина.

Отец, позвольте мне…

Феликс.

Оставь нас, повторяю!

Гневят меня мольбы, мне сердце раздирая!

Не раздражай меня! Разубеждай его —

И, может быть, спасешь супруга своего!

Паулина и Стратоника уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Феликс, Альбин.

Феликс.

Альбин! Как умер он?

Альбин.

Упрямо, нечестиво!

Он жизнью в страшный час пренебрегал

строптиво,

В неистовстве своем он так закоренел,

Что ни о чем земном ничуть не сожалел

И, как христианин, был гордо непокорен.

Феликс.

Ну, а второй?

Альбин.

И тот не менее упорен.

Он видел друга смерть, но с места казни он

Насильно только был в темницу уведен.

Я видел, как он смел и пылок безрассудно, —

Такого покорить вам будет очень трудно!

Феликс.

О, как несчастен я!

Альбин.

И все жалеют вас!

Феликс.

Кто знает, как болит душа моя сейчас!

За думой дума в ней, сомненье за сомненьем

Спешат, порождены тревогой и волненьем.

То горем разум мой, то радостью объят,

Надежда, страх, любовь и злоба в нем кипят,

Ужасная гроза слепит меня, бушуя,

То слаб и жалок я, то буйно негодую,

То благородству чувств я уступить боюсь,

То самых низких чувств робею и стыжусь,

То мне злосчастный зять опять внушает жалость,

То слепота его во мне рождает ярость,

То я хочу его спасти и сохранить,

То за своих богов я жажду отомстить.

Мне кара их страшна и Дециева кара,

Мой сан и жизнь моя всечасно ждут удара!

То я готов на казнь, за жизнь его скорбя,

То рад его сгубить, чтоб не губить себя.

Альбин.

Но Полиевкт из тех, чью знатность уважают,

Притом ему вы тесть, и Деций это знает...

Феликс.

Но против христиан суров его закон!

Преступник тем вредней, чем благородней он.

А если стало всем известно преступленье,

Ни в дружбе, ни в родстве не может быть спасенья.

Законность соблюдать способен только тот,

Кто и в своем дому виновного найдет!

Альбин.

Но если пощадить вы зятя не решитесь,

К защите Деция бесстрашно обратитесь!

Феликс.

За это мне Север жестоко отомстит —

И ненависть его и власть меня страшит,

Великодушен он и честен — это верно,

Но зятя моего провинность непомерна,

Да и моей вины Север не позабыл,

Его не понял я, отринул, оскорбил,

Он мне попомнит брак несчастной Паулины,

Он Децием любим, он — воин, он — мужчина!

За оскорбленье мстить предписывает честь,

Тем паче, ежели отличный повод есть.

Недоброе во мне возникло подозренье:

Мечту лелеет он — любимой возвращенье!

От вести, что теперь соперник может пасть,

В нем изгнанной любви опять воскресла власть.

Ты можешь посудить, насколько будет кстати

Намеренье мое спасти от казни зятя!

И как простит Север мне приступ доброты,

Который истребит опять его мечты!

Презреннейшую мысль в душе я удушаю —

Она и льстит и злит, упорно искушая;

Мне честолюбие стремится навязать

Мысль, о которой я стыжусь тебе сказать:

Мне Полиевкта жаль как зятя и как сына,

Но может и другой стать мужем Паулины,

И брак такой меня стократно вознесет,

Мне обеспечив вновь и славу и почет!

Позорную в душе я радость ощущаю,

Но с нею я борюсь, я сам себе внушаю,

Что честен сердцем я, что верен я богам,

Что совратить себя предательству не дам!

Альбин.

Вы чересчур добры! Высок ваш дух прекрасный!

Но как же наказать проступок столь опасный?

Феликс.

В темницу я спешу — удастся, может быть,

Мне гордый дух его угрозой победить!

А после дочь моя его увидит тоже...

Альбин.

А если будет он упрям и стоек все же?

Феликс.

Ты досаждаешь мне! В тревоге я опять —

Не знаю, что решить, не знаю, что ска-

зать...

Альбин.

Как верный ваш слуга, я вас предупреждаю:

Волнуется народ, судьбы его не зная,

Он в городе любим, и царской крови он —

Нельзя, чтоб римский с ним расправился закон!

Боюсь, его спасти пытаться будут даже,

Я окружил тюрьму удвоенною стражей.

Феликс.

Немедленно его перевести сюда,

Охрана у меня надежная всегда!

Альбин.

Попробуйте его заставить выйти сами!

Сдержите гнев толпы, бушующий, как пламя!

Феликс.

Идем! И если он еще неукротим,

Без ведома толпы расправимся мы с ним!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Полиевкт, Клеон, три воина.

Полиевкт.

Что нужно от меня?

Клеон.

Вас просит Паулина!

Полиевкт.

Вот страха моего сильнейшая причина!

В тюрьме я был силен и был непобедим,

Мне Феликс угрожал — смеялся я над ним.

Оружье выбрал он для новых истязаний,

Не палачей боюсь — боюсь ее рыданий!

О боже! Видишь ты, как трудно мне сейчас,

Защиты у тебя молю я в первый раз!

И ты, мой добрый друг, в сиянье божьей славы

Взирающий на путь тернистый и кровавый,

Ты видишь, мой Неарк: сильны мои враги!

Ты руку мне подай, утешь и помоги!

Солдаты! Кто дерзнет — открыто вас прошу я —

Мне оказать сейчас услугу небольшую?

Я не хочу бежать — я смерти буду рад,

И охранять меня довольно трех солдат.

Четвертый пусть пойдет и пусть любой ценою

Севера умолит увидеться со мною.

Мы с ним поговорим спокойно, как друзья,

Чтоб жил он счастливо и мирно умер я!

Клеон.

Исполнить ваш приказ я рад без промедленья!

Полиевкт.

Север тебя, мой друг, вознаградит за рвенье!

Иди же, торопись! Тебя с волненьем ждут!

Клеон.

Иду и возвращусь чрез несколько минут!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Полиевкт, воины.
Воины отходят в глубину сцены.

Полиевкт.

О страсти нежные! Зачем вы душу жжете!

Источник сладостный блаженства бытия!

Постыдная любовь к земной красе и плоти!

Зачем вы вновь со мной — ведь вас отринул я!

Что почести людей? Пристрастья?

Развлеченья?

Их радостный наряд —

Как яблоневый сад.

Навек исчезнуть им легко в одно мгновенье,

Им свойственно стекла блистанье и горенье,

Но хрупкостью стекла они блестят!

Так не надейтесь же, что я о вас вздыхаю,

Напрасна ваших чар бессильных красота,

Пусть, в роскоши своей тщеславной утопая,

В стране живут враги спасителя Христа!

Но и на них господь свой мудрый меч подъемлет,

Страшат превратности владык!

Он — судия, чей грозный лик

Счастливцев ужасом объемлет!

Неотвратимый рок не дремлет,

И близится нежданный страшный

миг!

О кровожадный тигр! О Деций нечестивый!

Господь тебя терпел — твой жребий был сокрыт,

Но близится к концу твой гордый век счастливый —

Вам скиф за христиан и персов отомстит!{118}

Намечен час, и он наступит, неминучий.

Ничто владыку не спасет!

Гром на главу его падет!

Уже нависла кара тучей —

Не отвести удар могучий!

Готово все — возмездие идет!

Пусть гневный Феликс мне расправой

{118} Комментарии: 2.118

К стр. 496

...близится к концу твой гордый век счастливый — Вам скиф за христиан и персов отомстит! — Император Деций одержал внушительную победу над восставшими персами, но границы его государства постоянно нарушались набегами кочевых племен, населявших причерноморские степи. Эти племена имели тогда собирательное название — «скифы». Отражая один из таких набегов, Деций погиб. Эти строки можно рассматривать как пророчество относительно будущего Римской империи.

угрожает,

Велик соперник мой, а я отныне слаб!

Пускай, меня убив, ему он угождает,

Он любит власть свою, но властвует, как раб!

Погибнуть я готов — мне радостна кончина,

Я не жалею благ земных,

Давно отрекся я от них,

Я дал обет христианина,

И мне отныне Паулина —

Препятствие во всех намереньях моих!

О радости святых, небесных наслаждений!

Восторг живых сердец, способных их принять!

О дивный трепет душ! Блаженство просветлений!

Спасенье от страстей! Святая благодать!

Вы обещаете, что, позабыв невзгоды,

Мы благо вечное найдем,

Как счастья, мы кончины ждем,

Как рокового перехода
Туда, где не хотят свободы
И не жалеют ни о чем!

Гори во мне, огонь святой, неугасимый!
Теперь не страшно мне увидеться с любимой —
Я вижу милый лик, но в сердце новый свет,
И прежних чар любви в свиданье этом нет!
Мой просветленный взор в ее прекрасном взоре
Не видит повода для страсти и для горя!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Паулина.

Полиевкт.

Зачем явилась ты? Любя или кляня?
Меня разубеждать иль поддержать меня?
Великодушие любви твоей высокой
Мне будет помощью иль хитростью

жестокой?

Ты ненависть ко мне иль дружбу принесла?

Как враг иль как жена ты к пленнику пришла?

Паулина.

Нет у тебя врагов, но, всем народом чтимый,

Для самого себя ты враг неумолимый!

Ты можешь воплотить мой страшный, темный сон,

Но только пожелай — и будешь ты спасен!

Как ни было твое безумно преступленье,

Раскаянье тебе дарует отпущенье,

Народ к тебе хранит почтенье и любовь,

Он знает: кровь твоя — царей армянских кровь.

Сам Деций ценит нрав и разум твой прекрасный,

Твой тесть — провинции правитель

полновластный,

О том, что есть и я, — не стоит говорить,

Не ты, а я богов должна благодарить!

Блеск подвигов твоих, твое происхождение —

Все укрепляет в нас надежду на спасенье!

Зачем же отдаешь ты в руки палача

И жизнь свою, и честь, и славу сгоряча?

Полиевкт.

Об этом думал я — всему я цену знаю

И никаких надежд безумных не питаю,

И преходящих благ я не ценю земных —

Опасности всегда подстерегают их,

Нас похищает смерть, играет случай нами:

Сейчас на троне ты, а завтра — в грязной яме,

А цезарей успех так много зла плодит,

Что долго ни один на троне не сидит!

И я честолюбив, мне тоже слава снится,

Но слава смертных — миг, а божья — вечно длится,

Блаженству светлых душ земной не страшен срок —

Их зависть не страшит, их не пугает рок.

Ужель такой удел не стоит жизни бледной,

В которой только миг ласкает нас бесследный,

Которую легко внезапно потерять,

В которой ничему не нужно доверять?

Паулина.

Вот — бредни христиан восторженно-смешные,

Вот как морочат их мечтанья неземные,

Им кровь не жаль пролить за эту благодать!

Но кто вам право дал всю кровь свою отдать?

Ты получаешь кровь от предков, по наследству,

Перед отчизной долг тебя связует с детства —

Народу и стране кровь отдавать свою!

Полиевкт.

И я готов за них отдать ее в бою!

Я знаю, что герой любим страной по праву,

Что предки Деция ему даруют славу,{119}

Шесть сотен лет уже гордится ими Рим,

И, как потомок их, народом Деций чтим!

Народу жизнь моя принадлежит, я знаю!

Правителя я чту, но бога — почитаю,

Я за свою страну геройской смерти рад,

Но смерть за господа — превыше всех

{119} Комментарии: 2.119

К стр. 499

...предки Деция ему даруют славу. — Император Деций принадлежал к старинному и весьма почитаемому римскому роду Ульпиев. К этому же роду принадлежал и император Траян (II в. н. э.), при котором была присоединена к Римской империи Армения.

наград.

Паулина.

А кто твой бог?

Полиевкт.

Молчи! Он всех нас слышит, строгий,
Не то что ваши те, бессмысленные боги:
Из мрамора они и злата, но мертвы —
Порочные, как вы, бессильные, как вы!
Мой бог — единый бог! Он всем повелевает —
И небо и земля иных богов не знает!

Паулина.

Так чти его в душе, зачем открыто чтить?

Полиевкт.

Язычником нельзя христианину быть!

Паулина.

Север вернется в Рим — тогда без промедленья
По милости отца получишь ты спа-

сенье!

Полиевкт.

Мне милости отца небесного нужней —

Он указует мне вернейший из путей,

От благости его я получаю право

Восторженно идти к венцу небесной славы!

Его дыханья вихрь несет меня вперед,

Я только что крещен, а смерть уже зовет!

О, если б знала ты, как жизнь мелка и бренна

И как дары, что смерть несет, — благословенны!

Но стоит ли твердить о тайнах высших сил

Сердцам, которых бог еще не просветил?

Паулина.

Как буря, скорбь моя поднимется, жестокий,

Обрушив на тебя печальные упреки!

Где клятвы? Где любовь? Где твой восторг и пыл?

Какие чувства ты к супруге сохранил?

Ты вспомнил ли, что, смерть приняв по доброй воле,

Мне, беззащитной, ты готовишь злую долю?

Я думала — любовь твоя еще сильна

И жалость пробудить в душе твоей должна,

Но где твоя любовь, упорная когда-то,

Которую хранить я обещала свято?

Как можешь ты уйти, не плача, не стеня,

Смертельно поразив несчастную меня?

Неблагодарный! Ты навек меня бросаешь

И радости своей не прячешь, не скрываешь!

Навеки разлучен со мной, мечтаешь ты

Быть счастлив без моей злосчастной красоты!

Я — жалкая раба по воле Гименея

И власти над тобой уж больше не имею!

Полиевкт.

Увы!

Паулина.

Свое «увы» ты вымолвил с трудом —

Раскаянье твое не отразилось в нем!

Но что же вижу я? О миг неповторимый!

Он тронут! Он смущен! Он плачет, мой любимый!

Полиевкт.

Да, плачу я! Господь, владыка высших сил,

По милости своей мне сердце растворил —

Печальный твой удел, судьбою предрешенный,

Достоин этих слез любви моей законной!

И если в небесах не стихнет боль моя,

Отчаянье твое и там оплачу я!

Но если, всеблагой во славе и сиянье,

Всевышний снизойдет к мольбе моих страданий,

Он слепоте твоей дарует новый свет,

Супружеской любви благословив обет.

О господи! К твоей я доброте взываю —

Взгляни, как хороша душа ее живая!

Не христианкою нельзя остаться ей,

Не зная дел твоих и благости твоей!

Не до´лжно, чтоб в аду рабынею покорной

Ей было суждено погибнуть в скорби черной!

Паулина.

Что говоришь! Чего посмел ты пожелать?

Полиевкт.

Всю кровь свою готов за это я отдать!

Паулина.

Пусть лучше…

Полиевкт.

Не ищи от господа спасенья,
Нежданно он сердцам дарует просветленье!
Прекрасный этот миг настанет, верю я,
И сбудется мечта священная моя!

Паулина.

Люби меня! Оставь химеры!

Полиевкт.

Дорогая!
Лишь господа тебя превыше почитаю!

Паулина.

Ты любишь? Так молю — меня не покидай!

Полиевкт.

Ты любишь? Так за мной на верный путь вступай!

Паулина.

Меня бросаешь ты и соблазняешь тоже!

Полиевкт.

Тебя веду с собой, и нам господь поможет!

Паулина.

Безумные мечты!

Полиевкт.

Небесной правды свет!

Паулина.

Ты странно ослеплен!

Полиевкт.

Иной дороги нет!

Паулина.

Кончину предпочел ты брачному обету!

Полиевкт.

А ты греховный мир — божественному свету!

Паулина.

Иди же! Умирай! Меня ты не любил!

Полиевкт.

Будь счастлива! Забудь, что я когда-то жил!

Паулина.

Да, я уйду, уйду! И о тебе забуду!

Я ухожу!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Север и Фабиан.

Паулина.

Зачем пришли вы и откуда?

Север! Как мог ваш дух столь беспощадным быть,

Чтоб узника прийти в несчастье оскорбить?

Полиевкт.

Напрасно говоришь ты злые эти речи.

Поверь, я сам его просил об этой встрече.

Я, доблестный Север, возможности лишен

Достойно вас принять, поскольку заточен.

Сокровище свое — владелец недостойный —

Я перед смертью вам вручу с душой спокойной!

Я оставляю ту, в ком соединены

Все добродетели редчайшие жены,

Тому, чья прямота и честь неоспоримы,

Ценнейшему из всех сынов земли и Рима!

Ее достойны вы, достойна вас она,

И ваша честь мой дар отвергнуть не должна!

Я вас разъединил — по смерти все исправлю

И пламя ваших чувств опять гореть заставлю.

Сердца соединив, желаю вам, друзья,

И счастливо прожить и умереть, как я!

Теперь я все сказал, исполнил все желанья,

Теперь могу на смерть идти без колебанья!

Пусть уведут меня!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Север, Паулина.

Север.

О боги! Я смущен!
Мне жаль, что гибнет он, безумьем ослеплен!
Так странно мне его чудесное решенье,
Что я своим ушам не верю от волненья!
Он нежно любит вас! (А разве может быть,
Чтоб видеть вас и знать — и не боготворить?)
Он любит! Он любим! Он вами обладает,
И он бросает вас — вернее, уступает,
Вас, как фатальный дар, он отдает тому,
Кто волей неба был соперником ему!
Огромна христиан неистовая вера

В то, что блаженству их нет ни границ, ни меры,

И отдают они безропотно почти

То, что ценою царств нельзя приобрести!

Но я, будь жребий мой счастливей и полнее,

И мне достались вы во храме Гименея —

Сиянье ваших глаз я был бы чтить готов,

Как волю всех владык и волю всех богов!

И будь я втоптан в прах — ни ужас, ни страданье,

Ничто...

Паулина.

Довольно слов! Былых страстей пыланье

В сердцах еще горит, и я страшусь, что вновь

Разбудит в нас теперь преступную любовь.

Вы знаете меня, и мне сейчас поверьте

—

Несчастный Полиевкт уж на пороге смерти,

Вот-вот он навсегда расстанется со мной —

И были вы всему невольною виной.

Не знаю, может быть, покорны зову страсти,

Несчастья ждете вы с надеждою на счастье?

Но помните: мой дух ничем не устрашим —

Я на любую казнь последую за ним.

Уж лучше мне в аду переносить страданья,

Чем другу изменить в минуту испытанья

И после казни злой супругой стать тому,

Кто как-то повредил иль мог вредить ему!

Пришлось бы мне, свершив проступок столь позорный,

Любовь сменить стыдом и ненавистью

черной!

Великодушны вы! Я верю вам без слов!

Я знаю — мой отец для вас на все готов,

Он ваш покорный раб и, обуян боязнью,

Вам мыслит угодить ужасной этой казнью.

Остановите ж казнь! Короткий ваш приказ

Супруга мне вернет и возвеличит вас!

Просить об этом вас я не имею права!

Чем подвиг ваш трудней, тем выше будет слава!

Сопернику и жизнь и счастье возвратить —

Все это только вы способны совершить!

Но если вам такой высокой славы мало,

Вас тронет мысль о том, что вас благословляла

Любимая за то, что вы вернули ей

Ценнейший дар богов по милости сво-

ей!

А если вы не тот, каким я вас любила,
—

Позвольте мне, чтоб я об этом позабыла!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Север, Фабиан.

Север.

Вновь громовой удар, мой верный Фабиан!

Рассеян, как мираж, надежд моих туман.

Чем ближе мнился он, тем дальше оказался.

Все потерял я вновь, чем в грезах наслаждался,

Упрямая судьба стремится мне вредить,

Опять ей удалось надежду задушить!

Отказы слышу я, не высказав признанья,

Печален и смущен упорством осмеянья.

Как горестно, увы, как стыдно мне признать,

Что жалкую мечту не в силах я прогнать!

А та, кого люблю, мне в этот час жестокий

Великодушия преподает уроки!

Прекрасен ум ее, судьба ее грустна,

Но холодна в своем величии она...

Любимая! Печаль жестокой вашей боли

Меня, несчастного, терзает поневоле.

Не только потерять — я должен вас отдать,

Соперника прося вас полюбить опять!

Безжалостный к себе, покорно, не ревнуя,

У смерти отниму и вам его верну я!

Фабиан.

Пора бы вам забыть злосчастную семью —

Пускай их судит рок, щадите жизнь свою!

Кого спасете вы? Зачем вам их спасенье?

Какая будет вам награда в утешенье?

Север.

Я жажду доказать возлюбленной моей,

Что благородством чувств я все же равен ей,

Что друг для друга нас предназначали боги

И, нас разъединив, к нам были слишком строги!

Фабиан.

Не надо докучать упреками богам,

Поступков ваших пыл сейчас опасен вам.

Вы, собственной судьбой рискуя без причины,

Хотите от суда спасти христианина,

Забыв, что Деций наш об этой секте злой

Всем говорит всегда с презреньем и ху-

лой!

Проступок дерзкий ваш его разгневать может

И милости его мгновенно уничтожит!

Север.

Для заурядных душ подходит твой совет!

Я Децию слуга, но быть рабом — о нет!

Судьбой и жизнью он моей повелевает,

Но честь моя ему подвластна не бывает.

Я слышу чести зов — ему покорен я,

И пусть потом судьба изменится моя,

У каждого из нас судьба непостоянна,

Но доблестная смерть для каждого желанна!

Притом скажу тебе, мой верный Фабиан:

Клевещут часто зря на секту христиан.

Причин тому отнюдь не зная и не видя.

Наш Деций сам не прав, их слепо ненавидя.

Из любопытства я приглядывался к ним —

В деяньях колдовских мы часто их виним,

И часто их казнит народа воля злая,

Обрядов тайных их пока не понимая.

Но

Элевсинские обряды все же чтим,{120}

Хотя не знают их ни Греция, ни Рим,

Притом в чести у нас не только наши боги,{121}

Лишь к богу христиан мы почему-то строги!

Египетским смешным, чудовищным богам

Построил гордый Рим великолепный храм,

{120} Комментарии: 2.120

К стр. 506

Элевсинские обряды. — Речь идет о так называемых Элевсинских мистериях, тайном культе, связанном с почитанием богини земледелия Деметры. Возник этот культ в греческом городе Элевсине и много позже распространился по всей Греции и был перенесен в Рим.

{121} Комментарии: 2.121

...в чести у нас не только наши боги... — В Древнем Риме помимо богов собственно римского пантеона чтили также божеств многих соседей римлян, прежде всего египтян, сирийцев, персов; так, в Риме был воздвигнут храм Изиды, египетской богини.

Уже давно людей мы делаем богами,{122}

Наполнив небеса царями и вождями,

Но как ни пышен их имен апофеоз —

Сомнителен эффект таких метаморфоз!

Бог секты христиан — единый, неизменный,

Все волею его творится во вселенной,

А наши, как-никак, по чести говоря,

И ссорятся, как мы, и часто спорят зря!

Пусть за мои слова я понесу расплату —

У нас богов, сказать по правде, многовато.

Поверь мне: хороши и нравы христиан —

Все чтут они закон, который богом дан,

{122} Комментарии: 2.122

…людей мы делаем богами… — В Риме в период империи постепенно сложился культ, обожествление императоров. Сначала был обожествлен Юлий Цезарь, затем — Октавиан Август; впоследствии все императоры обожествлялись уже при жизни.

Их гонят, их клеймят, поносят, истязают,

Но молятся они за тех, кто их терзает.

Солдат надежней их не знает гордый Рим —

Христианин везде, всегда неустрашим!

Отчаянны в бою, пред казнью не строптивы —

Они смелы, как львы, как агнцы, незлобивы!

Я так жалею их, что должен защищать!

Мы с Феликса начнем: его злосчастный зять

Не должен быть казнен! Его спасти хочу я,

И чести и любви победу торжествуя!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Феликс, Альбин, Клеон.

Феликс.

Ты видел, мой Альбин, как был Север жесток?

Как пышет ярость в нем, как мой плачевен рок?

Альбин.

Лишь благородство в нем я видел, восхищаясь

И вашей строгости отцовской изумляясь!

Феликс.

Ты чувств его понять не в силах до конца —

Он презирает дочь несчастного отца.

Да, он ее любил, но, став женой другого,

Она рождает в нем порывы чувства

злого.

Соперника спасти от казни он велит,

Он просит за него, он местью мне грозит.

Великодушие — отличная личина,

Но доброты его понятна мне причина —

Я при дворе давно и зла людских интриг

Немало повидал, до тонкости постиг.

Притворно грозен он, притворно строг со мною,

Но императору он говорит иное.

Я, подчинясь ему, переступлю закон;

Казнив его врага, им буду обвинен.

Поставлены силки искусно и умело,

Но тут не с новичком Север имеет дело.

Я опытен и стар, не верю я словам

И обмануть себя, играть собой не дам!

Коварства я встречал такие проявленья,

Что каждому давать способен наставленья!

Альбин.

Не веря никому — как жить и как дышать?

Феликс.

Науку я постиг врагов разоблачать.
Кто ненавидеть нас имеет основанья,
Тот может нас предать без тени колебанья.
Севера доброта — не боле чем обман,
И если Полиевкт не бросит христиан,
Что б мне ни приказал его защитник ярый,
Я выполню закон, ему грозящий карой!

Альбин.

Но пощадите дочь несчастную свою!

Феликс.

Лишь императора я волю признаю!
Ненужной добротой безумца не спасу я.
Но вместе с ним себя я погубить рискую!

Альбин.

Но обещал Север!

Феликс.

Не верю я ему!

Я Децию сейчас покорен одному!

Я больше, чем Север, привык его страшиться —

Ужасно гнев его способен разразиться.

Как ни любим Север, но он рискует пасть,

Преступника щадя и послабляя власть.

Но есть последний шаг.

(Клеону.)

Введите Полиевкта!

Я с ним поговорю, и если мерзкой секты

По просьбе всех друзей не сможет бросить он —

Он будет в тот же день немедленно казнен!

Альбин.

Ваш приговор суров!

Феликс.

Он должен быть суровым,

Чтоб смутам помешать и беспорядкам новым.

Я знаю, что толпа в пылу своих страстей

Способна забывать о строгости властей;

Я знаю — он любим! И в случае волненья

Не просто удержать в руках бразды правленья!

Быть может, нынче иль с приходом только дня

Мы все увидим то, что так страшит меня,

И добрый наш Север тогда, пылая местью,

Направит прямо в Рим жестокое известье!

Но я опережу завистников моих!

Альбин.

Вас вечно мучит страх каких-то козней злых!

Вам чудятся враги, коварства, ухищренья, —

Но эта смерть народ повергнет в исступленье!

Отчаянье толпы вредит ее вождям!

Феликс.

Когда свершится казнь — не страшен ропот нам!

Пускай народ шумит, пускай восстать решится —

Неистовство его не больше дня продлится!

Я выполню свой долг и буду невредим,

Но Полиевкт идет — поговорю я с ним!

Солдатам выйти прочь и ждать распоряженья!

Клеон уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Феликс, Альбин, Полиевкт.

Феликс.

Ужели жизнь тебе внушает лишь презренье,

Несчастный Полиевкт? Ужели ваш закон

Повелевает вам бросать отцов и жен?

Полиевкт.

Я ненависти чужд, я цену жизни знаю,

Но власти личных чувств, как рабства, избегаю!

Всечасно рад я жизнь за господа отдать,

И в этом христиан закон и благодать.

Я только дал пример, как верой жить одною,

И те, кто сердцем чист, последуют за мною.

Феликс.

Чтоб в бездну сгоряча бросаться, как и ты?

Полиевкт.

Нет! Чтобы неземной достигнуть высоты!

Феликс.

Так дай же мне постичь суть вашего

ученья,

Решенье принял я — веди меня к спасенью!

Ты должен обратить меня и просветить —

Ведь может бог тебя и за меня спросить!

Полиевкт.

Здесь неуместен смех! Господь нас всех рассудит,

И от него нигде спасенья вам не будет,

Цари и пастухи — все перед ним равны,

За пролитую кровь ответить все должны.

Феликс.

Я больше проливать невинных кровь не стану,

Я веру христиан порочить перестану,

Я буду другом им!

Полиевкт.

Нет, будьте уж врагом!

Терзанья к богу нас ведут прямым пу-

тем,

Блаженство христиан — тягчайшие страданья,

За них получим мы от бога воздаянья,

Премудрый, он ведет учет мирским делам,

Гонения и смерть дает в награду нам,

Но этих дивных тайн ваш ум не понимает —

Лишь избранным своим господь их открывает!

Феликс.

Поверь мне: я бы рад христианином стать!

Полиевкт.

Что ж может столь благим намереньям мешать?

Феликс.

Присутствие лица...

Полиевкт.

Кого? Ужель Севера?

Феликс.

Да, притворялся я суровым свыше меры,

Но притворись и ты, пока он здесь у нас!

Полиевкт.

Так вот зачем со мной хитрили вы сейчас!

Нет! Ядовитый мед своей приманки льстивой

Языческим богам несите, нечестивый!

Христианин не лжет! Он верой укреплен!

Нигде, ни перед кем не знает страха он!

Феликс.

Но смерти жаждешь ты — греховно это рвенье.

Ужель ты моего не хочешь обращенья?

Полиевкт.

Вас к богу обращать не стоило б хлопот:

Ведь вера — божий дар, а не рассудка плод,

И этот дар для вас скорее испрошу я,

Представ перед лицом того, кому служу я!

Феликс.

Но потерять тебя мне будет тяжело!

Полиевкт.

О, вам весьма легко исправить это зло:

Вы, зятя потеряв, другого обретете;

Коль скоро новый зять у Деция в почете,

Потеря первого вам выгодна вдвойне!

Феликс.

Зачем так плохо ты относишься ко мне?

Твои заслуги я ценю и уважаю,

Но, доброту мою всечасно раздражая,

Ты дерзостью своих неосторожных слов

И мой пробудишь гнев и даже гнев богов!

Полиевкт.

Как вам легко сменить язык и настроенье —
Уже к былым богам я вижу уваженье!
Уже угас порыв христианином стать,
И без личины вы передо мной опять!

Феликс.

Неужто думал ты, что доверять я стану
Твоих учителей безумному обману?
Я только льстил тебе, надеясь чем-нибудь
От пропасти тебя постыдной оттолкнуть,
Законный приговор я отложить старался,
Любимца Деция разумно опасался,
Но мягкостью своей я прогневил богов —
Признай же их опять иль к смерти будь готов!

Полиевкт.

Я сделал выбор свой! Но, боже, Паулина!

О небо!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Паулина.

Паулина.

Кто из вас готовит мне кончину?

Вы оба мне враги иль каждый в свой черед?

Кто — муж или отец — мне гибель принесет?

Кто скажет мне одно врачующее слово?

Феликс.

Вот муж — спроси его!

Полиевкт.

Вернись к Северу снова!

Паулина.

Злодей! Убей меня, но оскорблять не смей!

Полиевкт.

Любовь моя скорбит об участи твоей!

Когда терзает нас такой тоски мученье,

Лишь новая любовь приносит излеченье.

За доблести свои он был тобой любим,

Не можешь ты сейчас не восторгаться им.

Его любила ты, он любит, он у власти…

Паулина.

Зачем же упрекать меня в минувшей страсти,

Которую, тебя безропотно любя,

Сумела я смирить, чтоб не гневить тебя?

Взгляни, как был силен противник твой опасный,

Победой только мне обязан ты, злосчастный.

Решив тебя любить, я не щадила сил,

Чтоб победитель мой тебя не победил.

Ужель настолько ты неблагодарен

ныне,

Что не вернешь себя печальной Паулине?

Сумей смирить себя покорно, как она.

Ты слеп — тебе рука ведущая нужна!

Верни ей жизнь свою, поверь — беспрекословно

Всю жизнь свою тебе отдаст она любовно!

Но если все мольбы ты оттолкнуть готов,

Поверь ее слезам, не веря силе слов,

Не доставляй душе влюбленной огорченья!

Полиевкт.

Есть только два пути и только два решенья —

К Северу возвратись или умри со мной,

Язычницею будь иль верною женой.

Как ни люблю тебя и как ни уважаю —

Не христианкою тебя не принимаю.

Довольно! Что же, тесть! Пора! Зови солдат,

Пускай за всех богов мне палачи отмстят!

Паулина.

Отец! Он виноват! Мне горестно и жутко!

Отец! Разумны вы, а он лишен рассудка!

Но по природе чист и благороден он,

В нем образ доброты навек запечатлен.

Вы мой родной отец, и я поверить смею,

Что сжалится отец над дочерью своею!

Виновен мой супруг, но мною он любим,

И, если он умрет, умру я вместе с ним!

Все боги, убедясь в невинности мученья,

Сочтут, что эта казнь преступней преступленья.

Осудят смерть мою и столь жестокий суд

И праведный закон неправым назовут.

Вы наши две судьбы навек связали

властно,

Мы счастливы вдвоем или вдвоем несчастны!

Ужель отцовский гнев так зло несправедлив,

Что вновь разъединит, навек соединив?

Срастаются сердца по воле Гименея,

Их можно только рвать, разрознить не умея,

Но к горестям моим вы сердцем не мертвы,

И, как отец, мой стон должны услышать вы!

Феликс.

Да, дочь моя! Отец всегда родитель нежный,

Силен в сердцах закон природы неизбежный.

Твои тоска и боль пронзили сердце мне,

С тем, что безумен он, согласен я вполне!

Несчастный Полиевкт! В жестоком исступленье

Ты жаждешь доказать весь ужас преступленья —

Ужель не узнаешь ты тестя и жены?

Ужель тебе ни страсть, ни дружба не нужны?

Такие слезы зреть ты можешь без вниманья,

Такой любви тоску встречать без содроганья!

Ужели мы должны тебе, супруг и зять,

Моля вернуться к нам, колени лобызать?

Полиевкт.

Как мне противны вы и ваши ухищренья!

Всё пробовали вы — угрозы и моленья,

Заставили меня Неарка смерть узреть,

Хотели страсть в груди остывшей разогреть,

Притворно предо мной вы жаждали крещенья,

Всевышнего ввести пытались в заблуж-

денье!

О мерзостный союз! О козни адских сил!

Как торжествую я, что все же победил!

Уж слишком часто вы меняли поведение,

Я с вами не хитрю — я тверд в своем решенье!

Мой бог — единый бог, творец, пред кем дрожат

И небо, и земля, и даже черный ад!

А он, любя людей, за наши прегрешенья

Принять решился смерть и лютые мученья,

По милости своей он мир от смерти спас

И ныне отдает себя за грешных нас!

Я сознаю: слепцам вещаю я напрасно,

И заблужденье их нелепо и ужасно.

Смотрите, как богов черните вы своих —

Преступникам пример явит любой из

них.

Прелюбодейство, блуд, разврат, кровосмешение,

Убийство, воровство — любое преступленье

Вы небожителям прощаете своим.

Да, осквернил я храм, где вы молились им!

Я это повторю во славу нашей веры

В присутствии отца, в присутствии Севера!

Не страшен мне сенат, не страшен Деций сам!

Феликс.

Нет! Больше над собой глумиться я не дам!

Ты должен чтить богов, иль ты умрешь, строптивый!

Полиевкт.

Нет, я христианин!

Феликс.

Безумец нечестивый!

Ты должен чтить богов, иль будешь ты казнен!

Полиевкт.

Нет! Я христианин!

Феликс.

Достоин смерти он!

Солдаты! Взять его!

Паулина.

Куда?

Феликс.

На казнь!

Полиевкт.

К спасенью!

Прощай, мой друг, не плачь, я не боюсь мученья!

Паулина.

Нет! Я пойду с тобой! Умрешь — умру и я!

Полиевкт.

Сумей прозреть, как я, любимая моя!

Феликс.

Убрать его! Убрать! Приказ мой стража знает!

Погибнуть жаждет он — так пусть он погибает!

Полиевкта уводят. Паулина следует за ним.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Феликс, Альбин.

Феликс.

Мне над собою власть пришлось употребить,

Иначе доброта могла б меня сгубить.

Конец! Теперь пускай народа гнев пылает,

Пускай Север горит, сверкает, громыхает!

Усилие сумел я сделать над собой!

Ты удивлен, мой друг, суровостью такой?

В сердца таких, как он, проникнуть невозможно,

И кроется в них все, что низко и без-

божно!

Спокоен я душой — я не был зол и строг!

Я, чтоб его смягчить, ничем не пренебрег,

Притворством я хотел смирить его безумства,

И если б не его последние кощунства,

Которые во мне зажгли и страх и гнев, —

Как жалок был бы я, стать грозным не успев!

Альбин.

Вы проклянете день победы этой черной,

Вам, римскому вождю, постыдный и позорный!

Как вы могли свершить поступок злой такой,

Чтоб собственную кровь пролить своей рукой?

Феликс.

И Брут и Манлий так однажды посту-

пили,{123}

Но славы дел своих отнюдь не умалили.

Свою дурную кровь геройски невзлюбя,

Они могли порой разить самих себя!

Альбин.

Усердие, увы, ваш разум искушает,

И жаль, что сердце вам оно порой смущает,

Но, дочери своей отчаянье узрев,

Забудете вы все — усердие и гнев!

Феликс.

Да, ты напомнил мне — с изменником злосчастным

Она сейчас ушла в отчаянье опасном

И может моему приказу помешать!

Иди туда! Спеши! Беги и все уладь!

Не нужно, чтоб она супруга смерть

{123} Комментарии: 2.123

К стр. 517

...И Брут и Манлий так однажды поступили... — Речь идет о Юнии Бруте, первом консуле Рима (VI в. до н. э.), который осудил на смерть собственных сыновей, принявших участие в заговоре против республики. Известный римский полководец Манлий Торкват, бывший одно время консулом (IV в. до н. э.), предал казни сына за недостойное поведение во время боевых действий.

видала!

Веди ее сюда во что бы то ни стало!

Утешь ее, чтоб нам с ней не было хлопот!

Ну, что же медлишь ты?

Альбин.

Она сюда идет!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Паулина.

Паулина.

Отец-злодей, свершай, свершай свое деянье!

Свою вторую казнь — несчастных поруганье!

Что медлишь ты? Узнай — и зять и дочь твоя

Виновны! Я тебе признаюсь, не тая.

Соедини же нас — супруг мой, умирая,

Мне душу просветил, открыв дорогу к раю!

От палачей твоих он пролил кровь свою,

Но я прозрела! Я блаженство познаю!

Да, да, я крещена, я верую, я знаю!

Он просветил меня, и кровь его — святая!

Да, христианка я, бери меня, казни

И свой высокий сан усердьем сохрани!

Ты, Деция страшась, Севера опасаясь,

Обязан дочь свою казнить, не сомневаясь!

На радостную смерть супруг меня зовет,

Я вижу, что Неарк мне руку подает!

Теперь к твоим богам я чувствую презренье,

Теперь и я, как он, хочу их истребленья

И громко крикну я, что идолы мертвы,

Я не боюсь их стрел — их выдумали вы!

Впервые, вопреки дочернему почтенью,

Не проявляю я к отцу повиновенья.

Не горе мне велит так смело поступать,

Не злой тоски порыв, а божья благодать!

Что мне еще сказать? Я христианка, знайте!

Радея о себе, меня на смерть отдайте!

Обоим эта смерть сулит не боль, не страх.

Вам — счастье на земле, мне — счастье в небесах!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Север и Фабиан.

Север.

Безнравственный отец! Злодей! Хитрец злосчастный!

Честолюбивый раб трусливости ужасной!

Убит ваш славный зять! И полагали вы

Себя спасти ценой ценнейшей головы!

А я, безумный, я, несчастного жалея,

Вступившись за него, сгубил его вернее!

Я угрожал, молил, но я не тронул вас —

Себя унизил я, но тем его не спас!

Но помните: мой гнев вас скоро уни-

чтожит.

Не хвалится Север тем, что свершить не может,

И, погибая, вы поймете, может быть,

Что тот, кто погубил, тот мог и защитить!

Служите же богам, забыв о милосердье,

Явите им свое старанье и усердье!

Прощайте! Но когда над вами грянет гром,

Запомните, что я, ваш враг, радел о том!

Феликс.

Послушайте меня, постойте, умоляю!

Возможность отомстить я вам предоставляю!

Увы! Напрасно я жестокостью хотел

Надежно укрепить счастливый мой удел!

Фальшивый этот блеск у ваших ног сложу я,

На жалкое свое безумье негодуя!

Неведомой теперь я силой укреплен —

Диктует волю мне таинственный закон,

Ведет меня души чудесное волненье

От ярости былой к блаженному прозренью.

Пред господом представ, мой убиенный зять

Мне, палачу, молил прощенье ниспослать.

Его святой любви высокое горенье

Меня и дочь мою влечет на путь спасенья!

Я стал ему отцом — он спас меня, как сын,

Он — мученик теперь, а я — христианин!

Вот мщенье христиан — любви святая сила,

Она и гнев, и боль, и злобу победила!

Идем же, дочь моя! Теперь хочу я сам

Быть в жертву принесен языческим богам!

Да! Христиане мы! Пускай враги нас судят!

Паулина.

Я обрела отца! Отец со мною будет!
О чудо из чудес! О счастья дивный свет!

Феликс.

Величию творца границ и меры нет!

Север.

Кто может созерцать такие превращенья,
Не веря в чудеса, не чувствуя смущенья!
Напрасно христиан мы мучим и казним —
Они наделены величьем неземным.
Так целомудренны их добрые законы,
Что небеса дают им силы неуклонно!
Чем доля их трудней, тем выше доблесть их,
В них добродетелей сиянье не простых.
Я их всегда любил, хоть их молва чернила,
Когда казнили их, всегда мне грустно

было,

Хотелось мне всегда поближе их узнать.

Мне кажется, нельзя за веру презирать.

Любого бога чтить я позволял бы людям —

Отныне христиан мы угнетать не будем!

Я их люблю, как друг, и вовсе не хочу

Уподобляться их врагу и палачу.

Вам, Феликс, вашу власть я ныне оставляю,

Служите господу, монарху угождая!

А я его любви и милостей лишусь,

Но прекращенья зла творимого добьюсь.

Он сам себе вредит своею злобой гневной.

Феликс.

Да будет вам господь опорой повседневной

И да откроет вам хотя б на склоне

дней,

Великий свет любви и милости своей!

А мы, воздав хвалу великому Северу,

Пойдем предать земле принявших смерть за веру

И удостоенных пресветлого венца

И будем всюду чтить и величать творца!

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МУЧЕНИЧЕСТВА СВЯТОГО ПОЛИЕВКТА, ОПИСАННОГО СИМЕОНОМ МЕТАФРАСТОМ{124} И ДОШЕДШЕГО ДО НАС В ПЕРЕДАЧЕ СУРИЯ[21] {125}

Хитроумное сплетение вымысла и правды, этот прекраснейший секрет истинной поэзии, оказывает на зрителей — в зависимости от их душевного склада — двоякое действие. Одни так склонны верить в подлинность изображаемого на сцене, что, обнаружив в пьесе несколько известных им исторических фактов, тут же решают, что доподлинны не только эти факты, но также причины и обстоятельства, которыми автор объясняет или сопровождает события.

{124} Комментарии: 2.124

К стр. 521

Симеон Метафраст — византийский историк и агиограф X — начала XI в., большой мастер стиля. Особой известностью пользовалось его «Житие и мученичество святых Киприана и Юстины», но Симеон был автором и ряда других житийных памятников.

[21] Примечания: 1.21

Перевод Ю. Корнеева.

{125} Комментарии: 2.125

Сурий (1522–1578) — монах из Любека, обработавший ряд житийных сочинений, в том числе и жизнеописание Полиевкта.

Другие, более искушенные в тайнах нашего ремесла, считают выдумкой любую незнакомую им подробность и настолько убеждены в этом, что, когда мы избираем сюжет, относящийся к отдаленному прошлому и совершенно им не памятный, они полагают, будто он — целиком плод нашей фантазии, и видят в нем лишь одно из тех приключений, какими изобилуют романы.

Что касается данной пьесы, то как один, так и другой взгляд на вещи здесь просто опасны: речь у нас идет о славе господа нашего, выражением коей является слава угодников его, чья кончина, столь достохвальная в глазах божьих, не должна казаться надуманной и глазам людским. Мы не превознесем, а умалим святость их страданий, если, воспроизводя эти страдания на сцене, допустим, чтобы зритель, как слишком легковерный, так и чересчур подозрительный, но одинаково введенный в заблуждение вышепомянутым смешением вымысла с правдой, отнесся к христианским мученикам не так, как надлежит: в первом случае благоговея перед теми, кто этого не заслуживает; во втором — не благоговея перед теми, кто этого достоин.

Святой Полиевкт — один из тех угодников, которые — если можно так выразиться — обяза-

ны своей известностью скорее драматическому искусству, нежели церкви. В «Римском мартирологе»,{126} где днем его поминовения объявляется 13-е февраля, о нем, как обычно, сказано всего несколько слов; в «Анналах» Бароний{127} ему отведена лишь одна строка, и только у Сурия, вернее, у Мозандера,{128} дополнившего последние издания Сурия, мы находим довольно подробное описание его кончины, относимой автором на 9-е января. Содержание этого места у Сурия я и счел долгом своим привести здесь. Коль скоро пьесу необходимо было сделать возможно более занимательной, дабы доставляемое ею наслаждение ненавязчиво усиливало ее нравоучительность и облегчало ей доступ к сердцу народа, я полагал уместным вооружить публику сведениями, которые помогли бы ей отличить правду от вымысла и разобраться, где речь идет о чем-то действи-

---

{126} Комментарии: 2.126

К стр. 522

«Римский мартиролог» — сборник житий христианских мучеников, официально признанных католической церковью.

{127} Комментарии: 2.127

Бароний, Чезаре (1538–1607) — итальянский теолог, автор одного из житийных сводов (издан в Риме на латинском языке в 1594 г.).

{128} Комментарии: 2.128

Мозандер — немецкий теолог XVI в., выпустивший свой свод житий христианских мучеников в 1570 г.

тельно святом, а где — лишь об увлекательном вымысле. Итак, вот что сообщает Сурий.

Полиевкт и Неарк, два римских всадника, связанных между собой тесной дружбой и живших при императоре Деции, то есть примерно около 250 года, в столице Армении Мелитене, исповедовали разную веру. Неарк был христианин, Полиевкт еще придерживался язычества, но обладал всеми достоинствами, подобающими христианину, и явно склонялся к тому, чтобы стать им. Когда император обнародовал чрезвычайно суровый эдикт против христиан, Неарк встревожился: его не страшили угрожавшие ему мучения, но он боялся, как бы эдикт, сулящий кары его единоверцам и почести тем, кто перейдет в язычество, не повлек за собой охлаждения, а то и вовсе разрыва дружбы его с Полиевктом. Он был так глубоко удручен, что друг его заметил это, вынудил Неарка назвать причину своей подавленности и, воспользовавшись случаем, сам открылся ему. Он сказал: «Не бойся, императорский эдикт не разлучит нас, Сегодня ночью я видел во сне Христа, которому ты поклоняешься. Он совлек с меня грязные одежды, дал мне новые, светоносные, посадил меня на крылатого коня и велел следовать за ним. Видение это подвиг-

ло меня окончательно решиться на то, что я уже давно задумал: мне ведь осталось только во всеуслышание объявить себя христианином — ты сам замечал, с каким благоговением я внимал тебе всякий раз, когда ты заговаривал о своем великом мессии, а когда ты читал мне про его жизнь и учение, я неизменно восхищался святостью его речей и деяний. О Неарк! Я мню себя недостойным вознестись к нему, я не причастен к его таинствам и не вкусил святых его даров, и все же я жажду умереть со славу его и за вечно истинное его учение!» Когда же Неарк доказал собеседнику неосновательность его сомнений на примере разбойника, который хоть и не был крещен, но, покаявшись, в единый миг обрел царствие небесное, Полиевкт, преисполнясь благочестивого рвения, схватил императорский эдикт, плюнул на него, изорвал на клочки и рассеял их по ветру, после чего, увидев, как народ несет на плечах идолов к месту поклонения, отнял их у носильщиков, разбил об землю и попрал ногами, поразив такой неожиданной ревностью всех окружающих и даже своего друга.

Тесть Полиевкта Феликс, которому император поручил восстановить гонение на христиан, воочию узрев, что учинил его зять, пришел в отча-

яние при мысли, что оплот и надежда его семьи обрекает себя на гибель; он попытался поколебать Полиевкта — сперва увещаниями, потом угрозами, наконец побоями, приказав палачам разбить жертве все лицо; когда же его старания ни к чему не привели, он прибег к последнему средству — послал к узнику дочь свою Паулину в надежде, что слезы жены скорее поколеблют зятя, нежели ухищрения и строгость тестя. Эта попытка также не увенчалась успехом, и, видя, что стойкость Полиевкта приводит лишь к новым случаям обращения язычников, он приговорил его к отсечению головы. Приговор был тут же приведен в исполнение, и святой мученик, крещенный лишь собственной кровью, вознесся в пределы славы, обещанной господом тем, кто жертвует жизнью ради любви к нему.

Вот — в нескольких словах — то, что сказано у Сурия; сон же Паулины, любовь Севера, крещение Полиевкта, жертвоприношение в честь победы императора, сан Феликса, которого я сделал правителем Армении, смерть Неарка, обращение Феликса и Паулины суть плоды вымысла и театральные прикрасы. Только победа Деция над персами отчасти подкреплена историческими данными: достаточно указать, что о ней упо-

минает Коэфто{129} в своей «Римской истории»; однако и там не сообщается, что Деций обложил побежденных данью и приказал совершить благодарственное жертвоприношение в Армении.

Согласуются добавленные мною происшествия и обстоятельства с правилами искусства или нет — об этом пусть судят ученые; я же упоминаю о них не затем, чтобы оправдать их, а лишь для того, чтобы читатель, знал, в какой мере он должен верить в их подлинность.

{129} Комментарии: 2.129

К стр. 524

Коэфто, Никола (1574–1623) — французский историк, автор работы «Римская история от Августа до Константина» (1621).

РАЗБОР «ПОЛИЕВКТА»[22]

День поминовения этого мученика приурочен у Сурия к 9-му января. Полиевкт жил при императоре Деции, то есть около 250 г. Армянин по рождению, он был другом Неарка и зятем Феликса, которому император поручил провести в жизнь его эдикт против христиан. Когда друг Полиевкта убедил его обратиться в христианство, он изорвал императорский эдикт, отнял идолов у людей, которые несли их к алтарям для воздания почестей, разбил изваяния об землю, пренебрег слезами жены своей Паулины, посланной Феликсом вернуть мужа к язычеству, и был казнен по приговору тестя, так и не будучи крещен, кроме как собственной кровью. Вот что я почерпнул в истории, все же остальное — мой вымысел.

Чтобы придать действию больше размаха, я представил Феликса правителем Армении, а также ввел сцену всенародного жертвоприношения — она делает событие более значительным и оправдывает приезд Севера в эту провинцию, не вынуждая его открывать свою любовь до

---

[22] Примечания: 1.22
Перевод Ю. Корнеева.

признаний Паулины. Те, кто, следуя совету иных толкователей Аристотеля, полагают, будто наделять героя добродетелью надлежит лишь в весьма ограниченных пределах, вероятно, останутся недовольны пьесой: добродетель Полиевкта возвышается до святости, а сам он свободен от каких-либо слабостей. Я уже говорил об этом в другом месте{130} и, чтобы подтвердить свои слова ссылкой на авторитеты, добавлю здесь, что Минтурни{131} в трактате «О поэтике», рассуждая, не разумнее ли отказаться от изображения на сцене страстей господних и мученичества святых, раз они выходят за рамки обычной добродетели, делает тот же вывод, что и я. Прославленный Гейнзий,{132} который не только перевел Поэтику греческого философа, но, развивая его мысли, сочинил Трактат о построении трагедии, сам написал пьесу о муче-

---

{130} Комментарии: 2.130

К стр. 525.

Я уже говорил об этом в другом месте… — Корнель имеет в виду свое «Рассуждение о трагедии».

{131} Комментарии: 2.131

Минтурни, Антонио-Себастьяни (ум. 1574) — итальянский теоретик литературы, автор «Трактата о поэтике», изданном в Венеции в 1559 г.

{132} Комментарии: 2.132

Гейнзий, Даниэль (1580–1655) — голландский ученый, издатель и комментатор Аристотеля, а также автор ряда трагедий на латинском языке, одну из которых упоминает ниже Корнель.

ничестве Вифлеемских младенцев. Знаменитый Гроций{133} вывел на подмостки историю Иосифа и даже страсти господни; высокоученый Бьюкенен{134} проделал то же самое с Иевфаем и смертью Иоанна Крестителя. Опираясь на эти примеры, я и дерзнул сочинить свою трагедию, где, разрешив себе больше вольностей, нежели мои предшественники, кое в чем отошел от истории и ввел вымышленные эпизоды. Правда, сюжет, избранный мною, сам по себе давал мне больше свободы: там, где речь идет о святых, мы обязаны лишь благочестиво верить в подлинность их существования, изображая их на сцене, мы имеем право делать то же, что делаем с любым почерпнутым в истории сюжетом; но мы должны свято и нерушимо верить каждому слову Писания, где ничто не может быть изменено. Тем не менее я нахожу, что и в сюжеты из Писания не возбраняется кое-что привносить, если только это не противоречит истинам, про-

---

{133} Комментарии: 2.133

Гроций, Гуго (1583–1645) — известный голландский правовед, автор знаменитого трактата «О праве войны и мира»; он был также автором нескольких трагедий, написанных на латинском языке, в том числе «Изгнание Адама», «Страсти Иисуса Христа» и «Спаситель».

{134} Комментарии: 2.134

Бьюкенен, Джордж (1506–1582) — шотландский поэт и эрудит, автор двух трагедий, написанных на латинском языке, — «Иевфай» и «Иоанн Креститель».

диктованным духом святым. Ни Бьюкенен, ни Гроций не позволяли себе добавлений такого рода, но зато их трагедии, в построении которых они подражают наипростейшим приемам древних, оказались недостаточно сценичными для нашего театра. Гейнзий проявил в этом смысле больше смелости: ангелы, качающие колыбель младенца Иисуса, равно как тень Мариамны и фурии, терзающие душу Ирода, — прикрасы, которых нет в Евангелии. Я утверждаю даже, что мы вправе опускать известные подробности, коль скоро опасаемся, что они не понравятся публике и коль скоро ничем их не заменяем, ибо это означало бы искажать Священную историю, чего не позволяет нам уважение к Писанию. Доведись мне написать для сцены историю Давида и Вирсавии, я воздержался бы рассказывать, как царь полюбил ее, когда она купалась в источнике, — воздержался бы из боязни, как бы восхищение наготой Вирсавии не произвело чересчур игривого впечатления на публику, и ограничился бы тем, что вывел Давида уже влюбленным в жену Урии, умолчав, каким образом страсть овладела его сердцем.

Но вернусь к «Полиевкту», поставленному с очень большим успехом. Слог его не столь могуч

и возвышен, как в «Цинне» или «Помпее»,{135} но в нем есть нечто более трогательное, и нежность земной любви так пленительно сочетается здесь с неколебимостью любви к богу, что представлением остались довольны как люди набожные, так и люди светские. Я лично нахожу, что ни в одной своей пьесе не достиг такой стройности композиции, такой взаимосвязанности отдельных сцен. Единство действия, времени и места соблюдены со всей строгостью, а сомнения, которые могут возникнуть насчет двух последних, легко рассеются, если зритель окажет мне любезность прочесть при случае настоящий разбор, к чему его обязывает признательность за труд, затраченный нами на то, чтобы его развлечь.

Конечно, если приложить к этой пьесе мерку наших обычаев, то окажется, что жертвоприношение слишком быстро следует за приездом Севера и что такая поспешность, вытекающая из необходимости соблюдать правила, выходит за рамки правдоподобия. Когда король посылает своим городам приказ устроить благодарственное молебствие в честь его побед или иных ниспослан-

---

{135} Комментарии: 2.135

К стр. 526

...как в «Цинне» или «Помпее»... — Трагедия «Полиевкт» была издана уже после премьеры следующей пьесы Корнеля — его трагедии «Помпей».

ных небом милостей, приказ его исполняется не сразу по получении: нужно собрать духовенство, магистратов, городские корпорации, а это требует времени. У актеров такой нужды нет — на сцене вполне достаточно Феликса, Неарка и верховного жреца, приносящего жертву; поэтому автору и ни к чему было откладывать церемонию до следующего дня. К тому же, коль скоро Феликс побаивается императорского любимца, думая, что тот гневается на него за брак Паулины, есть все основания заставить его поторопиться и попробовать завоевать благосклонность своего недолгого гостя быстрым и безотлагательным выполнением его желания, равно как воли императора.

Другое сомнение возникает в связи с единством места, выдержанным в целом довольно строго: все события совершаются в зале или общей приемной, откуда входят в покои Феликса или его дочери. Однако, чтобы не нарушить это единство, во втором действии мы вынуждены были слегка погрешить против благопристойности, заставив Паулину выйти к Северу в приемную, тогда как ей подобало бы ожидать его у себя. На подобное возражение я отвечу, что у нее две причины самой искать встречи с Севером: во-пер-

вых, она стремится оказать возможно больший почет человеку, гнева которого опасается ее отец, приказавший ей постараться расположить гостя в его пользу; во-вторых, так ей будет легче прервать беседу с ним и удалиться к себе, если он не захочет расстаться с ней, когда она попросит, а это избавит ее от опасного объяснения, удалиться же к себе она не сможет, если примет Севера в своих покоях.

Признания Паулины Стратонике касательно любви, которую она испытывала когда-то к Северу, побуждают меня сказать несколько слов о моменте, избранном мною для этих признаний. В наших театрах слишком часто бывает так, что герои нарочно выжидают дня, к которому приурочено действие, чтобы признаться в любви, питаемой ими уже несколько лет, хотя было бы естественней, если бы они много раньше поведали о ней лицу, пользующемуся их доверием. О такой любви зритель должен узнавать заранее из рассказа одного актера другому, но непременно тому, кто, как и зритель, имеет основания не ведать о ней, пока сюжет не даст рассказчику повод нарушить столь долго хранимое им молчание. Инфанта в «Сиде» признается Леонор в тайной любви к Родриго, но вполне могла бы

сделать это полугодом, а то и годом раньше. Клеопатра в «Помпее» не многим разумнее ведет себя с Хармионой, рассказывая ей о любви Цезаря и прибавляя, что

> *он, даже на войне,*
>
> *Посланья пылкие шлет с вестниками мне.*

Коль скоро она вряд ли может пускаться в откровенности с кем-нибудь, кроме Хармионы, последняя, по всей вероятности, сама и вводила вестников Цезаря к царице, а поэтому поневоле осведомлена об отношениях Цезаря с ее госпожой. На худой конец нам следовало бы указать какую-нибудь причину, позволившую Хармионе так долго пребывать в неведении, и назвать лицо, помогавшее царице общаться с посланцами Цезаря. В «Полиевкте» дело обстоит иначе. Паулина открывается Стратонике только потому, что хочет поведать ей о своем тревожном сне и причинах, оправдывающих ее тревогу; а так как сон этот она видела лишь накануне и, не будь его, никогда не открыла бы Стратонике свою тайну, можно заключить, что ей незачем было делать признания раньше, чем она их сделала.

Я не ввел в пьесу рассказ о смерти Полиевкта,

потому что и рассказать о ней и выслушать рассказ могут лишь те же язычники, которые уже рассказывали и слушали про смерть Неарка; подобное повторение явилось бы приметой творческого бессилия и к тому же умалило бы величавость главной сюжетной линии, завершающейся кончиной Полиевкта. Поэтому я предпочел сообщить о ней не с помощью рассказа, лишенного должной возвышенности уже потому, что он вложен в уста, недостойные его произносить, а через посредство приходящей в священное неистовство Паулины, которую смерть мужа обращает в христианство. Ее отец Феликс обращается вслед за нею, и оба эти обращения при всей своей внезапности столь обычны для христианских мучеников, что их нельзя рассматривать как нечто исключительное, редкое и не могущее служить примером для подражания. К тому же они проливают мир в сердца Феликса, Севера и Паулины, а без этого мне трудно было увести последних со сцены в таком душевном состоянии, которое бы сообщило пьесе законченность и вполне удовлетворило любопытство публики.

КОММЕНТАРИЙ

Закончив работу над пьесой, Корнель прежде всего отправлял ее рукопись в театр. Издавалась она отдельной книжкой, как правило, уже после премьеры. Иногда на подготовку издания уходили один-два года. Очень часто основной тираж книги печатался в родном городе Корнеля, Руане, известные же парижские печатники и книготорговцы давали книге свою издательскую марку и брали на себя ее продажу. Издания отдельных пьес Корнель нередко сопровождал посвящением тому или иному высокопоставленному лицу. При переизданиях эти посвящения иногда снимались.

В 1644–1647 гг. драматург выпустил первое собрание своих произведений, включавшее все, что он к тому времени написал для театра, — от «Мелиты» до «Родогуны». В 1652 г. вышло трехтомное издание его пьес (оно не было полный и не считается авторитетным). Зато в 1660 г. вышло новое трехтомное издание, над подготовкой которого писатель напряженно работал. В это издание были включены все написанные пьесы,

от «Мелиты» до «Эдипа», а также три теоретических «Рассуждения» и специальные «разборы» всех двадцати трех пьес. В 1664–1666 и в 1668 гг. выходили четырехтомные издания драматургии Корнеля; по сравнению с изданием 1660 г. они были дополнены новыми пьесами. Наконец, в 1682 г. писатель выпустил еще одно издание, включающее все тридцать две его пьесы.

Наиболее важны издания 1660 и 1682 гг. Для них Корнель проредактировал текст своих произведений, поэтому эти издания являются основными при подготовке научных публикаций, так как отражают ясно выраженную авторскую волю. Современные научные издания произведений Корнеля обычно основываются на тексте 1682 г., более ранние редакции относятся в отдел вариантов. Переводы, публикуемые в данном издании, сделаны по тексту 1682 г.

В России в 1775 г. была сделана попытка издать собрание «Корнелиевых трагедий»: были отпечатаны (в переводе Я. Б. Княжнина) три пьесы — «Смерть Помпеева», «Цинна, или Августово милосердие» и «Сид». Они должны были составить первый том и имели сплошную пагинацию. Однако весь тираж, отпечатанный к октябрю 1775 г., был выкуплен Н. И. Новиковым и пущен

в продажу лишь в 1779 г. Новое собрание пьес Корнеля в русском переводе появилось лишь в 1956 г., когда вышел том его «Трагедий» («Сид», «Гораций», «Цинна», «Родогуна», «Никомед»). В 1970 г. в томе «Театр французского классицизма» («Библиотека всемирной литературы») были напечатаны пять пьес Корнеля («Иллюзия», «Сид», «Гораций», «Полиевкт», «Лжец»). Выходили и отдельные пьесы Корнеля в русском переводе; особенно часто издавался «Сид».

В комментарии к каждой пьесе мы указываем лишь первое ее издание на языке оригинала. Переиздания, даже самые научные, нами не учитываются. Что касается русских переводов, то их мы стремились учесть по возможности все.

История сценического воплощения произведений Корнеля — это особая большая тема, освещение которой не входит в нашу задачу. Поэтому мы приводим на этот счет лишь выборочные и далеко не полные данные. Это относится и к судьбе Корнеля на русской сцене. Сведения, которыми мы располагаем, явно неполны. И тут мы упоминаем лишь некоторые, как правило, ранние постановки. Почти нет сведений о постановках Корнеля в русской провинции, хотя есть данные, впрочем, весьма отрывочные, что

провинциальные труппы не обошли своим вниманием и произведения первого трагического поэта Франции.